

1612

ОСВОБОЖДЕНИЕ

ВЛАДИМИР
ВОЛКОВ
АПОЛЛОН
КУЗЬМИН

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

**ВЛАДИМИР
ВОЛКОВ
АПОЛЛОН
КУЗЬМИН**

**СМУТНОЕ
ВРЕМЯ**

**Москва
алгоритм**

УДК 94(47)
ББК 63.3
В 67

Волков В. А.
В 67   Смутное время / Владимир Волков, Аполлон Кузьмин. — М. :
Алгоритм, 2012. — 352 с.

ISBN 978-5-4438-0245-9

Два известных современных российских историка — доктор исторических наук, профессор В.А. Волков и доктор исторических наук, профессор А.Г. Кузьмин (1928—2004) — посвятили свои труды, включенные в данную книгу, одной из самых трагических страниц русской истории — Смуте начала XVII века, освобождению Московского государства от польско-литовской оккупации и возведению на престол первого царя из династии Романовых. Большое внимание уделяется как политическим предпосылкам и ходу Смуты, так и военным действиям русских войск против захватчиков.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0245-9

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2012

Кузьмин А.Г.

НАЧАЛО СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ПРАВЛЕНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА

18 марта 1584 года скончался царь Иван Грозный. Высшую оценку он дал себе сам: «Всеми ненавидим, один есть». Пожалуй, в истории России не было князя и царя, который мог бы столько навредить стране и народу, потому и последовавшая вскоре «Смута» была неотвратима. Джером Горсей в 1589 году заметит, что Россия стоит на пороге гражданской войны. Тем не менее некоторые новые течения проявляются, и связаны они были с ослаблением деспотической власти самодержца.

Преемника Ивана Грозного, его сына Федора Ивановича (1557—1598, правил с 1584 г.) обычно представляют как «безвольного и слабоумного». В целом эта оценка близка к истине. Но после миллионов смертей и разрушения огромного государства в годы правления «сильного» самодержца Ивана Грозного, «слабый» правитель был большим благом и достижением. Федор искренне тяжело переживал расправы и пытки, в которых ему пришлось участвовать в годы опричнины. Он явно был надломлен той безудержной бесчеловечностью, которая отличала опричников и самого царя. Но в этом проявлялась не только слабость, но и чисто человеческий протест, протест человека, оказавшегося волей судеб в столь злом обществе.

В чем обычно усматривается «слабость» и «слабоумие» преемника величайшего деспота и разрушителя России? Обычно признаком слабости признается тот факт, что Фе-

дор Иванович не был полным самодержцем, а правил вместе с боярами. Видимо, предполагается, что боярская аристократия (т.е. скрытые сторонники политики «Избранной рады») и была главным врагом «централизованного» государства. При этом «благодатью» считается именно «сильная» власть царя, олицетворяющего для многих исследователей идею «централизации».

Действительно, Федор Иванович сохранил Регентский совет, созданный еще при Иване Грозном, в который входили представители разных сил. Но ведь только борьба соперников (разумеется, честная), борьба мнений помогает обычно найти оптимальный путь развития. Например, потомок литовских князей Б.Я. Бельский был сторонником продолжения опричной политики. Напротив, дядя царя Н.Р. Юрьев склонялся к компромиссу с боярской аристократией. В последний совет входили И.П. Шуйский и И.Ф. Мстиславский, которые были, конечно, соперниками. В советниках появился и Борис Годунов, который, несомненно, был крупным политическим деятелем. А заслуга Федора Ивановича заключалась как раз в том, что он не позволял своему «совету» расправляться с соперниками физически. Вообще подобная властная неопределенность имеет преимущество в относительно спокойное время, ибо дает возможность поразмыслить, в каком направлении далее следует идти, а наличие разных группировок и партий помогает найти и сделать объективный выбор. После смерти Ивана Грозного сложилась именно такая обстановка, и не случайно, что в это время отмечается некоторое оживление экономического производства и своеобразное успокоение социальной жизни. Такие повороты, как правило, возможны лишь при власти, допускающей спор о путях выхода из кризиса. И это было очень важно для России, только что испытавшей ужас опричнины. Не случайно в XVII веке, особенно в годы «Смуты», время правления Федора Ивановича будет вспоминаться с искренними добрыми чувствами, а сам царь будет считаться одним из самых «добрых» и «благоверных» в русской истории.

Царь Федор Иванович

Фактическим главой правительства при Федоре Ивановиче стал Борис Федорович Годунов (ок. 1552—1605), брат жены нового царя — Ирины. Он отстранял от управления тех бояр, которые рассчитывали привести после Федора на царский трон больного младшего сына Ивана Грозного — Дмитрия Ивановича. В 1587 году он устранил Шуйских, пытавшихся в 1587 году использовать выступление московских посадских людей, причем несколько Шуйских были казнены, что в целом было не характерно для этого времени. После этого власть по существу целиком сосредотачивается в руках Бориса Годунова, и все последующие важнейшие мероприятия чаще всего проходили по его инициативе и в его «редакции».

Борис Годунов

Укрепление дисциплины дворянского войска позволило Борису Годунову достичь почти невозможного. В результате победы в русско-шведской войне в 1587 году ему сначала удалось добиться пятнадцатилетнего перемирия со Швецией, а затем, в 1595 году, в состав России были возвращены исконно русские города Ям, Ивангород, Копорье, Корела.

Крупной победой международного масштаба было утверждение в 1589 году Московского патриаршества. Таким

Патриарх Иов

образом, на международном уровне признавалось, что Москва стала одним из ведущих церковных центров христианского мира. Борис Годунов провел весьма хитрую операцию, добившись утверждения верного себе патриарха. Использовалась поездка константинопольского патриарха Иеремии, просившего (как и его предшественники из числа высоких византийских гостей) денег на «личные и церковные нужды». Согласие на утверждение в Москве патриаршест-

ва представлялось своеобразной платой за оказанные Борисом услуги. Годунов обещал, что именно Иеремия и станет Московским патриархом. Но после того как вопрос был решен, он предложил константинопольскому патриарху ехать во Владимир. Иеремия возмутился таким пренебрежением к его высокому сану и, «хлопнув дверью», поехал назад в занятый турками Константинополь. В Москву же Борис вызвал своего надежного сторонника Иова (1530-е гг. — 1607), который и стал первым русским патриархом.

В деятельности Бориса Годунова заметны постоянные колебания, и в этом, опять-таки, проявлялись традиции середины XVI столетия. И как реального правителя его трудно обвинить не только в ошибках, но даже в обычных злоупотреблениях. Он активно сотрудничал с рядом стран, с целью обмена специалистами и просто в целях активных культурных связей. Он повторял то, что делал А.Ф. Адашев в Поволжье и Прибалтике. И это было традиционной политикой русских властей ряда столетий по отношению к «иногородцам».

Укреплялись и южные города. В 70—80-е годы XVI века большие массы населения, как отмечалось выше, бежали от притеснений, как чужих завоевателей, так и своих «защитников», на южные границы России. Годунов пытался урегулировать южнорусскую политику государства. Но именно в XVI веке в этом регионе сложится бунтарский эшелон, который сыграет заметную роль уже в Смутное время, хотя активность этого эшелона будет проявляться веками, принимая разную социальную направленность.

В 1598 году умер Федор Иванович, и с его кончиной прекратился род Ивана Калиты, ибо Федор так и не оставил наследника. Дмитрий, сын Марии Нагой, последней — седьмой — жены Ивана Грозного, страдал падучей болезнью и в девятилетнем возрасте, в 1591 году, играя с другими детьми «в ножички», упал на собственный нож. Конечно, его смерть могли и даже должны были позднее эксплуатировать противники Бориса Годунова, что и было сделано — сначала Нагими, родственниками матери Дмитрия, а в начале XVII века Василием Шуйским, занявшим царский престол. Но материалы следствия по делу о смерти царевича подтверждают факт случайного самоубийства.

По смерти же Федора Ивановича предстояло решать и вопрос, каким путем обрести нового царя. Сам Федор отказался давать какое-либо завещание по этому поводу, оставляя решение на усмотрение бояр и собора. Поэтому собор 1598 года имел принципиальное значение. Именно он должен был подтвердить связь идей эпохи «Избранной рады» с делами окружения Федора Ивановича. Собор как бы оживлял Землю, создавал хотя бы иллюзию участия в государственной жизни посадской городской и сельской общины. В том факте, что главный претендент на царский трон Борис Годунов месяц провел в добровольном самозаточении, можно усмотреть не только «игру в скромность» и даже не только проверку настроений граждан, а своеобразную форму разжигания политических симпатий и антипатий, которые, конечно же, невозможны в условиях абсолютной деспотии. И недаром отзыв этого собора будет сохраняться и в начале XVII века, когда идея «всенародного» избрания царя будет реально жить в разных общественных кругах.

Собор 1598 года окончательно расставил акценты в отношениях главных соперников: Бориса Федоровича Годунова и Федора Никитича Романова. Месячное, вроде бы «нейтральное», выжидание Бориса — это постоянный учет и расчет: как складываются политические силы. Сторону Бориса решительно взял патриарх Иов, а также набравший авторитет казанский митрополит Гермоген. Значимость этой митрополии, где происходило обращение еще некрещеных в христианство, конечно, осознавалась.

Свою роль сыграло и настроение городского населения. Не случайно избранный на царство Борис Годунов вскоре обратился к «посадскому строению». В 1600—1602 гг. принимались меры к возвращению разбежавшегося из городов незадолго до того посадского населения. Их разыскивали во владениях феодалов, возвращали, давая определенные преимущества. Собирали также разбежавшихся по России (с определенными послаблениями обязательств) ремесленников и торговых людей. И эта политика стала приносить позитивные плоды.

Романов Федор Никитич

Но на Россию вновь обрушились «глад и мор», вызванные стихийными бедствиями. 1601—1603 годы в России, может быть, самые страшные — если природа тоже наказывает, а не обрушивается случайно. В 1601—1603 годах из-за природных катаклизмов вымерла значительная часть населения, и часто негде было погребать умерших от голода. Только в Москве было захоронено 127 тысяч умерших, пришедших или перевезенных со стороны. Именно тогда социально-политическая линия правительства Годунова рухнула.

И именно в 1601 году состоялось открытое выступление Федора Романова, окончившееся его насильственным пострижением в монахи и высылкой в Антониев Сийский монастырь под именем Филарета, с которым он будет более известен и в политической жизни, и в истории.

Царь Борис Годунов пытался решить проблемы, навалившиеся на Россию в самом начале XVII столетия, разного рода компромиссами. Временно (правда, не на всей территории, а только по окраинам) разрешались переходы крестьян от владельцев к другому владельцу, изгнанным холопам давали «справки» об их освобождении от прежних владельцев. Нищих, заполонивших Москву, старались занять какими-либо работами, например строительством, а средства извлекались в основном из государственных и собственно царских хранилищ. В какой-то степени эти мероприятия смягчали противостояния в обществе, но явно были не способны их разрешить. По существу в неудаче проводимых мероприятий вины Годунова не было, и все последующее в какой-то степени было следствием событий, сопоставимых со страшным мором 1557 года, ибо 1601—1603 годы оказались столь же страшными для населения несвоевременными морозами и прочими аномалиями, разрушающими привычные условия жизни.

Подъем народных движений в начале XVII века был абсолютно неизбежен в условиях тотального голода. Знаменитое восстание Хлопка в 1603 году было спровоцировано самими владельцами холопов. В условиях голода владельцы изгоняли холопов, ибо им невыгодно было держать холопов у себя. Сам факт гибели воеводы И.Ф. Басманова в кровопролитном сражении конца 1603 года с холопами говорит о весьма значительной воинской организованности восставших (многие холопы, очевидно, тоже относились к разряду «служилых»). Резко снизился авторитет царской власти и лично Бориса Годунова. Служилые люди, особенно южных городов, ждали смены власти и устранения монарха нецарского рода, о чем все чаще начинали напоминать. Начиналась истинная «Смута», в которую немедленно включились и те, кто совсем недавно вынужден был покинуть Центральную Россию и искать счастья в ее пограничных, главным образом южных пределах, а также за пределами России.

В исторической литературе вряд ли найдется такое количество разноречий в оценке деятельности какого-либо правителя, как Бориса Годунова. Ему приписывают и закрепощение крестьян в конце XVI века, и непоследовательность в этой политике в начале XVII века, и стремление к абсолютной власти, и внесение раздора среди бояр и знати. Как своеобразный укор подчас проходит и само напоминание о незнатной генеалогии. К несчастью, природные катаклизмы начала XVII века просто не позволили дать более или менее однозначную оценку реальной деятельности и заслуг этого правителя.

Когда же произошло окончательно закрепощение крестьян? В литературе обычно называется 1597 год. Как убедительно доказал В.И. Корецкий, еще в 1592 году появился Указ о запрещении крестьянских переходов, причем этот Указ противоречил недавно вышедшему Судебнику 1589 года. В 1597 году было провозглашено еще два документа: «Приговор о служилых холопах» от 1 февраля и «Указ о пятилетнем сыске беглых крестьян» от 24 ноября. Видимо, тогда появились напоминания о каком-то документе 1592 года, закреплявшем право помещиков требовать возврата крестьян в течение пяти лет. И именно о пяти годах сыска беглых упоминает установление 1597 года, окончательно утверждающее крепостнические порядки, а в 1607 году этот срок будет продлен до 15 лет. В результате подобная ситуация спровоцирует социальные противоречия и восстания в начале XVII века, названные в источниках «Смутой» и вошедшие в историю под именем «Смутного времени».

НАЧАЛО ВНЕШНЕЙ ИНТЕРВЕНЦИИ. ПЕРВЫЙ САМОЗВАНЕЦ

Войны России с Польшей, Швецией и прибалтийскими княжествами продолжались весь XVI век и шли с переменным успехом. Явное ослабление России в начале XVII столетия просто не могло не заинтересовать традиционных противников.

Лжедмитрий I

Первым самозванцем явился, якобы чудом спасшийся, погибший в 1591 году «Дмитрий». В литературе высказывались разные мнения о том, кем он был на самом деле. Большая подборка об этом имелась у польского историка К. Валишевского и у отечественного историка Н. Костомарова. Именно Н. Костомаров высказал мнение, что Лжедмитрий — типичный шляхтич. Обращали, в частности, внимание на его отличную воинскую выправку и пристрастие, будучи во главе разных подчиненных ему отрядов, гарцевать на коне. Но отмеченные Костомаровым черты, видимо, результат специальных тренировок. Р.Г. Скрынников приводит в этой связи убедительное свидетельство из «Повести

1626 года». Самозванец, оказавшись в кругу польской аристократии, постоянно терялся, казался слишком неповоротливым, при любом его движении «обнаруживалась тотчас вся его неловкость». В нашей литературе (а на Руси о похождениях этого авантюриста узнали с некоторым опозданием) в нем опознавали чаще всего Гришку Отрепьева — беглого монаха, выходца из ярославского боярского рода Отрепьевых. Эта версия представляется наиболее вероятной, поскольку в Польше ее отстаивал дядя самозванца — Смирнов-Отрепьев. И, видимо, именно ему принадлежат слова, которые русские посланники повторяли в Польше: «Юшка Отрепьев, як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слушал, впал в ересь, и воровал, крал, («воровством могли квалифицироваться и неискренность, и несогласие с чем-то. — А.К.), играл в зернь и бражничал и бегал от отца многожды и, заворовався, постригся у черницы».

В Вену императору направил послание сам царь Борис Годунов (с оригиналом послания удалось познакомиться в Венском архиве Р.Г. Скрынникову): Юшка Отрепьев «был в холопах у дворянина нашего, у Михаила Романова, и, будучи у него, учал воровати, и Михайло за его воровство велел его збити з двора, и тот стражник учал пуще прежнего воровать, и за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертные казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернцах Григорием». В данном случае самым важным приходится считать то обстоятельство, что вся Западная Европа узнала о новом претенденте на русский престол гораздо раньше, чем Россия. Здесь больше беспокоились о том, кому самозванец будет служить — православным, католикам или иным христианским общинам и течениям, смысл которых на Руси толком не осознавался. Кто-то называл его даже сыном Стефана Батория — с соответствующими призываниями.

В отечественной историографии проявились разногласия в оценке двух вроде бы параллельных процессов, характерных для Смуты. С одной стороны, Смута — это крестьянская война, которая в работах последних десятилетий рассматривалась как явление однозначно прогрессивное и

справедливое. Расхождения касались лишь хронологических рамок — некоторые авторы раздвигают их от восстания Хлопка в 1603 году до 1613 года. С другой стороны, со Смутой связана иностранная интервенция. К внешним врагам России, естественно, все исследователи относились отрицательно, но в этом случае приглушалась или замалчивалась связь самозванцев не только с иностранными интервентами, но и с народными движениями в России (например, народный вождь И.И. Болотников выступал в качестве «воеводы царя Димитрия»). Между тем, эта связь была закономерной: угнетенный народ всегда мечтал о «добром царе». И Лжедмитрий демагогически использовал эту мечту. Он обещал вернуть «свободу» и закрепощенным крестьянам, и феодальной аристократии, с трудом уживавшейся с царем Борисом.

Появление самозванца в Киеве фиксируется 1601 годом. Он ходил по монастырям, затем остановился у воеводы князя Константина Острожского, располагавшего огромными средствами и считавшегося защитником православия, хотя на самом деле ко вполне православным его причислить было невозможно. Радужный прием у него находили все, кто ненавидел «латинскую ересь», в том числе кальвинисты, тринитарии, ариане. Воевода от проходимца отмежевался, но слух о самом факте появления монаха, скрывающего какую-то тайну, получил распространение. Какую-то роль при этом сыграл краковский кастелян, сын воеводы Януш, видимо, почувствовавший возможность связать авантюриста с прокатолическими кругами и использовать в не слишком праведных делах.

В 1602 году беглый монах оказался во владениях Адама Вишневецкого и в почти предсмертном бреде «признался», что он на самом деле царевич Димитрий, чудом спасшийся от приспешников Бориса Годунова. Скитаясь с 1601 года по Киевской земле, Лжедмитрий неоднократно менял религиозную ориентацию. Он побывал и православным, и арианином (еще не сбрасывая монашеского одеяния) и затем, после того как сбросил с себя монашеские одежды, тайно принял католичество.

Юрий Мнишек

В 1604 году самозванец объявляется в Кракове. С этим «переездом» связаны и ходатайства Адама Вишневецкого, и сведения о поддержке самозванца со стороны Сandomирского воеводы Юрия Мнишека — теперь его готовят к походу на Москву, обручив заодно с Мариной Мнишек, как с будущей московской царицей. Юрий Мнишек проявил большую активность, набирая вооруженные отряды для Лжедмитрия. Самозванец же в марте 1604 года заключил с польским королем Сигизмундом III соглашение, по которому Северская

земля и Смоленск должны были перейти к Речи Посполитой. Марине Мнишек Ажедмитрий обещал передать в качестве «удела» Новгород и Псков.

В Польше отнюдь не было единодушия в отношении действий Мнишека и его подопечного Ажедмитрия. Решительным противником авантюры выступал Ян Замойский, а Януш Острожский написал резкое послание самому Ажедмитрию. Польские аристократы боялись выступлений казачества, которые могли охватить всю Украину. Но казачество, как одна из действующих сил авантюры, предполагалось изначально Мнишеком. В начале похода в войске Мнишека было около тысячи польских гусар, около пятисот человек наемной пехоты и 2 тысячи украинских казаков, численность которых возрастала по мере продвижения к российской границе и достигла трех тысяч. К Ажедмитрию пристали и некоторые беглецы из московского престонородья.

Ажедмитрий довольно долго стоял с войском на правом берегу Днепра, не имея средств для переправы на левый берег. 13 октября 1604 года, наконец, войско переправилось через Днепр и в конце октября пересекло русскую границу. На Северской земле казаки, крестьяне и холопы встречали Ажедмитрия как царя-освободителя. Курск, Кромы, а затем и ряд других городов признали его истинным царем, и продвижение поляков в сторону российского центра практически ничем не преграждалось. Ни укрепленных полос, ни значительных воинских соединений здесь не было. Чернигов оказался ареной сражения «своих со своими». В замке находился воевода И.А. Татев со стрельцами, а посад был захвачен восставшим народом, на помощь которому пришли казаки. В итоге весь город и в первую очередь посад были разграблены казаками и солдатами Ажедмитрия и самими обитателями посада, ожидавшими «доброго царя». Воевод восставшие связали и передали людям Ажедмитрия. Прибывший на другой день «добрый царь» выразил гнев по поводу разграбления города, но никаких действий предпринимать не стал. Отправленный из Москвы в Северские земли дьяк Богдан Сутупов с казной для русского войска бежал с этой казной к самозванцу. И там она была очень кстати:

польские наемники постоянно бунтовали, требуя денег и доли в награбленном.

На выручку осажденным в Чернигове шел отряд под предводительством П.Ф. Басманова. Но он не успел: Чернигов был захвачен, когда отряд Басманова находился всего в 15 верстах от города. Басманов отступил к Новгороду Северскому и постарался укрепить его оборону. В ноябре 1604 года войско самозванца и Юрия Мнишека, а также казаки подошли к городу, но, потеряв при попытке штурма 50 человек, отступили. Еще большие потери они понесли при повторном штурме через неделю. Сам самозванец был близок к обмороку, проклинал наемников и готов был отказаться от дальнейших попыток утвердиться «на царстве» — в его войске шли раздоры и назревал мятеж. Но неожиданно положение изменилось: на сторону самозванца перешел Путивль — единственная каменная крепость в Северской земле. Здесь, как и в Чернигове, «чернь» подняла восстание в поддержку «доброго царя», и это восстание было поддержано служилыми людьми.

Для борьбы с самозванцем и в помощь осажденному Новгороду Северскому выехал Ф.И. Мстиславский, который был назначен главнокомандующим. Он прибыл в Брянск, где сосредоточилось значительное войско, численно превосходившее отряды самозванца. Новгород Северский самозванцу взять не удалось, но в сражении на подступах к нему войско Лжедмитрия и Мнишека в декабре 1604 года одержало частичную победу над превосходящими силами Мстиславского, а сам Мстиславский был ранен. 1 января 1605 года в лагере Лжедмитрия произошел бунт наемников и польских солдат. В течение двух дней и ночей наемники грабили обозы и вообще все, что попадало под руку. Юрий Мнишек пытался остановить мятеж, но наемники не реагировали на увещания. Именно здесь оскорблениям подвергся и сам самозванец. Он на коленях упрасивал наемников не покидать его, но те вырвали у него знамя, сорвали соболью флягу, осыпали бранью. Во время этого мятежа кто-то бросил фразу, часто встречающуюся в литературе о Смутном времени: «Ей, ей, быть тебе на колу».

Большая часть наемников 2 января 1605 года покинула самозванца и направилась к границе. Тогда же и Лжедмитрий распорядился покинуть лагерь и отступить к Путивлю. А 4 января его покинул и Мнишек со своими людьми. В итоге ситуация кардинально менялась. Если раньше Лжедмитрий был слепым орудием в руках польской шляхты, то теперь у него остаются казаки и восставшие крестьяне. Между тем, наемники и шляхта потому и покинули Лжедмитрия, что наиболее многочисленной частью его войска были социальные низы Российского государства, с которыми у шляхты всегда были более чем напряженные отношения. В свою очередь и русские приверженцы «доброго царя» смотрели на поляков как на традиционных врагов.

Юрий Мнишек и его окружение рассчитывали, что на сторону Лжедмитрия (т.е. вроде бы Рюриковича) перейдет московское боярство. К самозванцу добровольно переходили некоторые воеводы, а другие, попавшие в плен, соглашались служить ему, но далеко не всегда искренне. В этой ситуации важным оказался один фактор — многие из бояр отрицательно относились к Борису Годунову, причем именно потому, что Борис не был Рюриковичем. И этот фактор сыграл серьезную роль в общем раскладе сил.

20 января 1605 года поправившийся Мстиславский вернулся к войску и разбил свой лагерь в селе Добрыничи Комарицкой волости поблизости от ставки Лжедмитрия. В русское войско прибыло значительное подкрепление из числа служилых людей при царском дворе во главе с назначенным «вторым воеводой» Василием Ивановичем Шуйским (то есть представителем боярской группы, противостоявшей Борису). 21 января 1605 года состоялось сражение на подступах к Добрыничам, куда войско самозванца тайными тропами провели комарицкие мужики. Московские войска полностью разгромили полки самозванца, захватили всю его артиллерию: 30 пушек. Сам Лжедмитрий, бросив войско, втайне от всех, бежал в Рыльск. По некоторым сведениям, казаки бросились ему вослед, чтобы наказать и за поражение, и за бегство. Но у Рыльска их встретили, согласно «запискам» Г. Паэрле, «ружейной пальбой и поносными словами как предателей государя Дмитрия Ивановича».

Битва при Добрыничах

Казалось, что с Ажедмитрием покончено. Но Мстиславский и Шуйский явно не проявили воинских дарований. Они отказались от преследования разгромленного войска самозванца. К тому же укрепленные города-крепости (те же Рязьск и Кромь) дворянское войско взять не смогло даже при огромном численном перевесе. А зимой дворяне начали разъезжаться по домам, и воеводы решили распустить остальных до летней кампании. Гнев Бориса Годунова, возмущенного «отпуском» ратных людей, лишь усилил негативное отношение к нему в дворянском войске.

К тому же московские воеводы сами помогли Ажедмитрию выйти из более чем затруднительного положения. Они развязали кровавый террор в Северских землях — были казнены несколько тысяч крестьян, а также их жены и дети. Особенной жестокостью отличились отряды «касимовских» татар, которым была отдана «на поток и разграбление» Комарицкая волость. Эти акции увеличили ненависть населения к московским властям, и колеблющиеся, в том числе настроенные резко антипольски, стали возвращаться к «истинному царю Дмитрию».

В это время Ажедмитрий вел довольно успешную пропагандистскую борьбу с московскими разоблачителями. Он принял некоего монаха Леонида как «истинного Гришку Отрепьева», и в Москве сразу проявилась растерянность, тем более

что никакого представления о том, кого подобрал самозванец, у них не было. Когда же возникла опасность разоблачения, Ажедмитрий отправил Ажеотрепьева в путивльскую тюрьму.

Между тем, расправы в Комарицкой волости стимулировали восстания в южных городах. В феврале-марте 1605 года эти города один за другим переходили на сторону Ажедмитрия, и скоро весь юг страны стал опорой самозванца. Попытки подавить восстания кончились полной неудачей и внесли неуверенность в ряды тех, кто еще признавал царем Бориса Годунова.

Сам царь быстро деградировал и физически, и психически. Во многом он теперь напоминал Грозного с его опричниной, упоая на Сыскное ведомство и Пыточный двор. Все авторы, и отечественные, и иностранные, с недоумением и жестким осуждением писали о мучительстве, пытках и казнях неповинных людей, которыми Борис омрачил последние месяцы своей жизни. 13 апреля 1605 года он скончался от апоплексического удара, успев, однако, совершить монашеское пострижение. В народе получила распространение версия, что он умер, отравив себя ядом. Но в этом, видимо, сказалось просто негативное отношение к терявшему разум правителю.

Борис Годунов успел оформить завешание, предполагавшее, что наследовать ему будет шестнадцатилетний сын Федор Борисович Годунов (1589—1605). Через три дня после кончины Бориса Федор, видимо по инициативе Иова, был провозглашен царем на срочно созванном своеобразном Земском соборе. Но реальная власть очень скоро ушла от Годуновых: у юноши не было ни опыта, ни сколько-нибудь достаточных военных сил, а его мать Мария, дочь Малюты Скуратова, имела множество врагов среди знати, страдавшей в свое время от опричного усердия Малюты.

Кончина Бориса побуждала бояр захватить для себя больше власти и связанных с ней благ, а также закрыть земские каналы избрания царя. Московское боярство начало переходить на сторону Ажедмитрия. Этим обстоятельством воспользовался Ажедмитрий. Он сформировал Боярскую думу из перешедших на его сторону представителей московской знати и начал искать пути к соглашению с московским боярством, еще недавно служившим царю Борису.

Федор II Борисович Годунов

В конце апреля 1605 года в московском войске, возглавляемом Ф.И. Мстиславским и В.И. Шуйским и стоявшем под Кромами, вспыхнул мятеж. Его возглавили братья Голицыны, Петр Басманов и Прокопий Ляпунов «з братьею и со советники своими», тайно целовавшие крест самозванцу. На стороне московских войск оставалось большинство воевод и служилых людей. Но многие из входивших в их состав казаков, стрельцов и «даточных людей» из сел и городов легко присоединялись к призывам «За царя Дмитрия!». Переворот в целом оказался бескровным — сторонники Лжедмитрия переправились через реку Крому и соединились с казачьими отрядами атаманов Корелы и Беззубцева. Внезапное нападение казаков усилило панику среди войска, верного Федору Борисовичу настолько, что воеводы не смогли организовать сопротивление. Воеводы бежали в Москву, а вслед за ними

толпами потянулись дворяне из замосковных уездов и городов. Московское войско потерпело поражение без боя.

Самозванец, потерпевший не одно поражение в открытом бою, теперь осторожничал и покинул Путивль лишь 16 мая, через несколько недель после мятежа в войске, осаждавшем Кромы. 19 мая он прибыл в Кромы, где к этому времени не осталось никаких войск. Под Орлом Ажедмитрий устроил суд над воеводами, которые были доставлены ему восставшими казаками и крестьянами или попавшими в плен, но отказавшимися присягать ему. Все они были заточены по темницам.

Далее Ажедмитрий двинулся в сторону Тулы и из поселения Крапивна в 20-е числа мая отправил со служившим у него Г.Г. Пушкиным грамоту с обращением к московской думе и другим высшим чинам. В грамоте он, преувеличивая свои успехи, писал, что весь юг и вообще вся провинция уже «добили челом». Покорности он требовал и от москвичей. 31 мая в нескольких верстах от Москвы остановился лагерь атаман Корела. Московское боярство больше пугало не то, что он был наиболее боевой силой Ажедмитрия, а его принадлежность к казачеству. Наслышаны бояре были и о том, как Корела умел поднимать «чернь», направляя ее против московских воевод. И именно возможность восстания обездоленных более всего пугала боярство.

А мятеж в Москве произошел уже на другой день — 1 июня. Исаак Масса сообщает, что утром 1 июня в город въехали два гонца Ажедмитрия, что «поистине было дерзким предприятием». Корела, видимо, в ночь с 31 мая на 1 июня совершил маневр, перерезав дорогу, ведущую из Москвы к северным и северо-западным районам страны. По этой дороге, то есть из лагеря Корелы, Пушкин и Плещеев вошли беспрепятственно в Москву, и сопровождали их жители Красного села, где остановился Корела и где он уже провел «разъяснительную» работу. Одним из аргументов в этом «разъяснении» была грамота Ажедмитрия, в которой он грозил казнить всех, кто не явится с повинной, вплоть до детей во чреве матери. Пушкин и Плещеев с «красносельскими мужиками» легко преодолели три ряда охраняемых укреплений. На столичных улицах к ним «пристал народ

многой». Видимо, их сопровождали в качестве своеобразной охраны и казаки Корелы. Вероятно также участие московских чинов, которые еще под Кромами готовы были пригнать Ажедмитрию.

Эмиссары были проведены на Красную площадь, и на пути к ней разгоняли московских стражей порядка. В 9 часов утра Пушкин и Плещеев взошли на Лобное место посреди Красной площади. Сторонники Ажедмитрия, а также сами казаки и красносельцы, постарались заполнить площадь народом. В основном это были социальные низы, но к «черни» пристали и служилые люди. Гавриил Пушкин обратился с речью к собравшимся, а затем зачитал послание «истинного царя». Боярам самозванец обещал «честь и повышение», дворянам и приказным людям — царскую милость, торговым людям — снижение пошлин и податей, а простонародью — «тишину», «покой» и «благоденственное житье». Примерно это же он всюду обещал простонародью по пути в Москву.

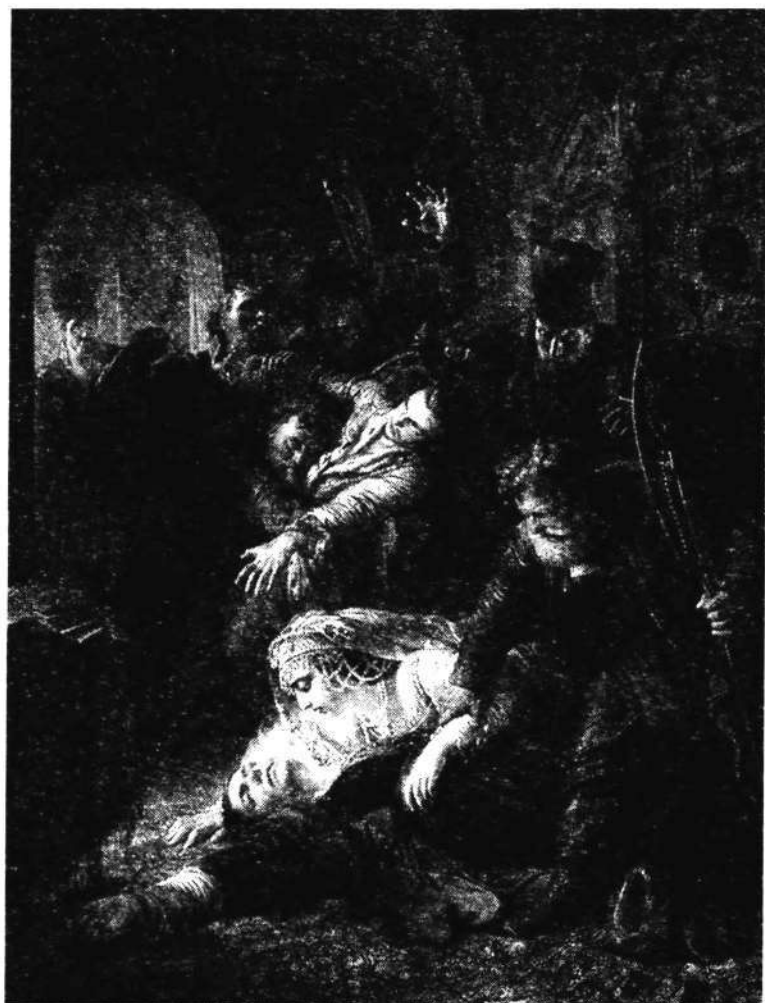
Одновременно, вместе с покойным Борисом Годуновым самозванец клеймил Марию Григорьевну и ее сына Федора Борисовича Годунова. Марию Григорьевну и ее сына Федора он обвинял в том, что «они о нашей земле не жалеют, да и жалети было им нечево, потому что чужим владели». На Федора была возложена вина за разорение Северской земли, хотя разоряли ее еще при жизни Бориса наемники самозванца и русские воеводы примерно с равным усердием. При этом бояр Ажедмитрий оправдывал, поскольку был крайне заинтересован в их поддержке — им объявлялось полное прощение. Толпа, как это часто случалось на Руси, слушала обличения, воспринимая их не столько разумом, сколько смутными надеждами на возможность какого-то улучшения при новой власти. Нового «государя» приветствовали криком: «Дай, Боже, чтобы истинное солнце снова взошло бы над Русью!».

В Кремле, где собрались высшие чины государства и Боярская дума, тоже царила растерянность. Кремль легко было приготовить к обороне и таким образом переломить ситуацию. Но то ли юный царь Федор промедлил, то ли ему не дали осуществить это бояре, среди которых было слишком много врагов Годуновых. Особенно активную антигодунов-

скую деятельность развил Богдан Бельский, незадолго до того возвращенный из изгнания.

Толпа, собравшаяся на площади, потребовала к ответу всех бояр, и в первую очередь, конечно, Годуновых. И теперь, уже не обращая внимания на возражения царя, бояре один за другим стали отправляться на площадь: одни из желания отомстить Годуновым, другие из страха, что их выведут на Лобное место силой. Бояре уговаривали толпу разойтись, обещая разобраться в просьбах простонародья. А тем временем, видимо, казаки Корелы разбили двери тюрем и выпустили на свободу и заключенных там врагов Годуновых, и просто уголовных преступников. Именно они, появившись на Красной площади, возбудили в толпе и желание расправиться с Годуновыми, и просто пограбить, раз представлялась такая возможность. Казаки Корелы и примкнувшие к ним освобожденные из тюрем, а также из собравшейся на площади толпы, «и от дворян с ними были», ворвались в Кремль, где «государевы хоромы и царицыны пограбили». Тем временем другая часть толпы устремила грабить дворы Годуновых. Заодно грабили дворы и других бояр, дворян и дьяков. Патриарх Иов пытался остановить толпу, но ничего не мог добиться, а вскоре его отправили в ссылку.

Где и когда схватили Федора Борисовича и его мать Марию Григорьевну — точных сведений нет. Но у В.Н. Татищева в «Истории Российской» приводится дата расправы с Годуновыми: 10 июня. Татищев пишет: «Князь Василий Голицын и князь Василий Масальской, взяв с собою Михаила Молчанова да Андрея Шелефединова, пришел в дом царя Федора Борисовича, разведчи царицу с детьми по особым избам, перво ее задавили и потом стали сына давить». Татищев передает текст, близкий к «Новому летописцу», в котором есть некоторые подробности убийства юного царя и его матери, а также тот факт, что тело царя Бориса Годунова из Архангельского собора Кремля перезахоронили в Варсонофьевском монастыре. (Надо иметь в виду, что «Новый летописец» был написан в 1630 году. По другим источникам, тело Бориса было перенесено 5 июня, до убийства царевича и его матери.) Сестру Бориса Ксению постригли в монастырь и сослали во Владимир в «Девичь монастырь».

К.Е.Маковский. Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова. 1862

Получив известие о перевороте в Москве, Лжедмитрий перебрался в Тулу, где ожидал дальнейшего развития событий. Из Тулы он направил в Москву обращение, в котором требовал, чтобы к нему явились Мстиславский и другие вид-

ные бояре. Но Боярская дума отправила «второй эшелон», в который входили И.М. Воротынский, не имевший отношения к думе, князь Н.Р. Трубецкой, князь А.А. Телятевский, Н.П. Шереметев и представители нижних чинов дворян и приказных людей, а также гостей.

П.Ф. Басманов, возглавлявший войско самозванца, расположился в Серпухове, куда и выехала 3 июня московская депутация. Туда же отправились все Сабуровы и Вельяминовы, дабы вымолить прощение у Лжедмитрия, который поначалу вроде бы не имел к ним претензий, а затем вдруг зачислил в круг своих неприятелей. Басманов не пропустил их в Тулу, поскольку рассматривал их как родственников Годуновых, хотя и Сабуровы, и Вельяминовы целовали крест самозванцу. Все Сабуровы и Вельяминовы в количестве 37 человек были ограблены и отправлены в тюрьму. В свое время Басманов выискивал врагов Бориса Годунова, теперь он с таким же усердием искал «изменников» «истинному» государю. Вызванный в Тулу, Басманов расправился еще с одним своим антагонистом — А.А. Телятевским. А сам Лжедмитрий исходил яростью из-за того, что первые лица государства не подчинились его приказу и прислали второстепенных чиновников и служилых людей.

В это же время к самозванцу приехал с Дона казачий атаман Смага Чертенский. И чтобы подчеркнуть свое отношение к Боярской думе и ее посланникам, Лжедмитрий допустил к руке донцов раньше, нежели бояр. Казаки уловили настроение «государя» и, проходя мимо бояр, как могли позорили их. Затем «царь» подчеркнуто милостиво побеседовал с атаманом, а допущенных к беседе московских посланников, как замечено в «Новом летописце», «наказываше и лаяше, яко же прямой царский сын». Боярина Телятевского бросили на расправу казакам. Казаки били его смертным боем, а затем едва живого отправили в тюрьму. Самозванец пока вел себя, как на Северной земле, опираясь на ненависть восставших против центральной власти социальных низов, казаков и служилых людей юга России. Но в Москве «царю» с такой ориентацией удержаться было невозможно: слишком явно просматривался антигосударственный и просто разбойный элемент.

Будучи в Туле, Ажедмитрий стремился «обработать» провинции. Он извещал страну о своем восшествии на престол, сообщал в далекие от Москвы города, будто его «узнали» как прирожденного государя патриарх Иов, весь Освященный собор и все высшие чины. На грамоте, написанной в Туле 11 июня, была поставлена пометка: «Писана в Москве». Учитывая резко враждебное отношение к Борису Годунову вдовы Ивана Грозного и матери погибшего Дмитрия Марии Нагой (в иночестве Марфы), самозванец решился на опасную аферу: он вызывал мнимую мать в Москву в надежде, что ее ненависть к Годуновым побудит ее признать самозванца своим сыном. В этой же связи он разыскивал кого-либо из родственников Нагих, дабы как-то облагодетельствовать их и этим предупредить возможные разоблачения. Самое удивительное заключается в том, что афера удалась: старица Марфа «признала» в самозванце своего сына (к тому времени Ажедмитрий уже утвердился в Москве), и Ажедмитрий весьма широко этим «признанием» пользовался.

Унизив и запугав прибывших в Тулу послов, самозванец решил подойти поближе к Москве. Он перебрался в Серпухов, давно занятый Басмановым и войском Ажедмитрия. По сообщению Конрада Буссова, здесь он объявил, что не приедет в Москву до тех пор, пока «не будут уничтожены те, кто его предал, все до единого, и раз уж большинство из них уничтожено, то пусть уберут с дороги Федора Борисовича с матерью, только тогда он приедет и будет им милостивым государем». Если в этой информации не перепутаны дни, то значит, что до него еще не донесли известия о расправе с Годуновыми 10 июня, поскольку в Серпухов он выехал после 11 июня. Получив же сообщение о расправе с Годуновыми, Ажедмитрий двинулся к Москве, следуя за идущими впереди полками. А в Москве в это время находился атаман Корела, но контролировать город он был не в состоянии из-за малочисленности своего отряда.

С патриархом Иовом расправлялись те же бояре, что были убийцами царя Федора Борисовича и его матери. Патриарха боярин Басманов силой доставил в Успенский собор, и там его проклинали перед всем народом, называли Иудой,

клеямили за то, что он поддерживал Бориса Годунова, боровшегося с прирожденным государем Дмитрием. Стражники сорвали с патриарха святительское платье и набросили на него «черное платье» (то есть одеяние чернеца). Иона был заточен в Успенском монастыре в Старице, где он некогда был игуменом.

Теперь путь на Москву самозванцу был открыт. Уже в Серпухове его ожидали отнятые у Годуновых царские экипажи и 200 лошадей с царского Конюшенного двора. Ажедмитрий двинулся дальше в сторону Москвы. На пути к Коломенскому ему привезли сшитое для него царское одеяние со всем «царским чином». Самозванец остановился в Коломенском и несколько дней провел там, опасаясь въезжать в Москву. Многие вопросы в отношениях с Боярской думой не были решены. Главный тезис соглашения, который должен был примирить Ажедмитрия с думой, заключался в «пожаловании» им всех имевшихся у них вотчин. Реорганизация же самой думы ограничилась изгнанием Годуновых и включением в ее состав нескольких представителей знати, изначально служивших самозванцу.

ПРАВЛЕНИЕ ДМИТРИЯ САМОЗВАНЦА (1605—1606 гг.)

20 июня в сопровождении шляхтичей и казаков Ажедмитрий вступил в Москву, где соединился с находившимися здесь казаками Корелы и наиболее ретивыми приверженцами из разных слоев населения столицы. По сообщению В.Н. Татищева, «на Москве реке встретили его все бояря и власти. Оттуда послал он знатных людей, велел имянуемую мать свою царицу иноку Марфу Федоровну с надлежащею честью привести к Москве. (Видимо, предварительная договоренность уже была. — А.К.). Оттуда пришед, стал в селе Коломенском и стояв день, убрався, пошел в Москву чином (у Татищева поставлена дата 10 июля, в Пискаревском летописце — 18 июля, в некоторых других источниках, в том числе летописных, — 20 июня, и она представляется более дос-

товерной. — А.К.). И за городом встречали его всем народом, на Лобном же месте встретили его все знатные люди и власти со кресты в церковном одеянии, где он, сошед с коня слушал молебен, и польское войско стояло в строю на Красной площади. По отпении молебна иде он в царский дом, и тогда его многие узнали, и о согрешении своем плакали».

На Красной площади произошел конфуз, который в перспективе значительно осложнял положение самозванца. Православные священники, как было положено по традиции, запели псалмы, а поляки сразу отреагировали на это по своим традициям: они заиграли на трубах и ударили в литавры. Москвичи были в явном замешательстве, но поляки на это реагировали с еще большей энергией, производя много отнюдь не торжественного шума. А затем новый царь «введе во церковь многих ляхов», которые «во церкви Божии стаха с ним». Когда же самозванец торжественно уселся на царский престол в тронном зале, польские отряды стояли строем под окнами дворца с развернутыми знаменами. Польский вопрос станет одним из самых острых во время одиннадцатимесячного правления Лжедмитрия.

Самозванца пугали слухи, что Борис Годунов вовсе не умер, а где-то скрывается и ждет своего часа. Сторонники Годуновых энергично поддерживали эти слухи, даже зная о действительной судьбе Бориса Годунова. Но более всего Лжедмитрия пугало то, что довольно многие, прежде всего монахи Чудова монастыря, с недоумением узнали в новом «царе» давнего знакомого Гришку Отрепьева. Естественно, знал и расстрига своих бывших «собратьев». Исаак Масса сообщает, что Лжедмитрий уже «на другой день велел их тайно умертвить и бросить в реку». Об этих казнях слух быстро распространился не только в Москве, но и в европейских странах. Автор «Повести 1626 года» говорит о высылке «мнихов многих... в расточение... понеже знаем ими бываше».

Лжедмитрий шел в целом оптимальным путем для улучшения своего положения. Он немедленно вызвал рязанского епископа Игнатия, грека с Кипра, поддерживавшего Лжедмитрия вместе с рязанскими дворянами еще на Северщине, и заставил Освященный собор утвердить его патриархом.

Другая акция — это упомянутое приглашение «матери» Марии Нагой в Москву. Естественно, что Ажедмитрий колебался и засылал к монахине агентов, а окончательную обработку проводил П. Басманов. Кнут и пряник сломили монахиню. У Ажедмитрия появился веский аргумент в свою защиту.

Утвердив на патриаршем столе своего ставленника, Ажедмитрий принялся за неугодных ему бояр. В центре «царских» подозрений оказался Василий Иванович Шуйский, поскольку именно он возглавлял комиссию по расследованию обстоятельств гибели царевича Дмитрия в 1591 году. Естественно, что к нему многие обращались за разъяснением: что же произошло в 1591 году? Шуйский давал самые разные показания в разное время — признавал и самоубийство царевича, и убийство по заказу Годунова. В кругу доверенных Шуйский рассказывал обо всем, что было (т.е. подтвердил факт самоубийства), но однажды проговорился об этом купцам, среди которых оказался и приверженец самозванца. Тот и донес о разговорах, которые ведет Шуйский. Донос этот дошел до Басманова, который, в свою очередь, немедленно донес о «заговоре» Шуйских против Ажедмитрия.

Шуйских обвинили в государственной измене. Сами обвинения у разных обвинителей заметно различались. Одни говорили о слухах, порочащих Ажедмитрия как самозванца, другие об организованном заговоре, насчитывающем тысячи людей, третьи обвиняли в резких высказываниях по поводу пропольской политики сомнительного «царя» и о его «неправославии». Но все эти обвинения в сумме создавали возможность организовать большой процесс, дабы устроить и верхи, и низы москвичей. Поэтому первоначально предполагалось привлечь к ответу многих бояр, так или иначе связанных с Шуйскими. Но на такой шаг самозванец не решился: он мог вообще потерять какую-либо опору в столице.

В конечном счете, к суду решили привлечь братьев Шуйских и некоторых в политическом отношении мало значимых лиц. Для устрашения населения подвергли публичной казни дворянина Тургенева. Но уже через несколько лет его стали прославлять (в частности, это проявляется у Авраама Палицына) как нового мученика, обличавшего «вора». Купец

Федор Калачник, согласно преданию, шел на казнь, громко проклиная «царя» как антихриста и посланца сатаны, и что поклоняющиеся ему от него же и погибли. Многих из простонародья, как сообщает Исаак Масса, тайно по ночам пытали, убивали и губили.

Казнь Шуйских была назначена на 30 июня. Ажедмитрий спешил, не слишком заботясь об обоснованности обвинений. Дело в том, что даже в Польше знали, что в случае прекращения династии рода Владимирских князей первенство должно было перейти именно к Шуйским, как тоже Рюриковичам. К тому же Василий Шуйский единственный из бояр не поехал на встречу самозванца в Серпухове.

Самозванец, однако, не мог просто расправиться с Шуйскими, поскольку по договоренности с боярами в осуждении боярина должна участвовать и Боярская дума. Был устроен соборный суд с участием бояр, духовенства и представителей других сословий. Привлечение представителей низших сословий должно было нейтрализовать попытки бояр защищать своего, уважаемого думой, коллегу.

Примечательно, что с обвинительной речью на суде выступил сам Ажедмитрий. Очевидно, в столь ответственном деле П. Басманов и его единомышленники могли встретить жесткое неприятие со стороны собора, в особенности как раз Боярской думы. В длинной речи самозванец совершил экскурс в историю и доказывал, что Шуйские всегда изменяли московским царям. По его подсчетам, Иван Грозный семь раз намеревался казнить Шуйских, а Федор Иванович казнил дядю Василия Шуйского. На других бояр самозванец бросать тень предусмотрительно не стал. Никакого суда на соборе по существу не было: просто приняли на веру заявление Ажедмитрия, что Шуйские (и только они) готовили заговор против «царя». Убийства и казни, предвалявшие суд, парализовали Боярскую думу, и никто из бояр не выступил в защиту Шуйских. А «на них кричаху» патриарх Игнатий, Б.Я. Бельский, П.Ф. Басманов, М.Г. Салтыков и члены путивальской «думы».

Василий Шуйский избрал в этой ситуации не путь защиты, а путь покаяния. Он признает обвинения: «Виноват

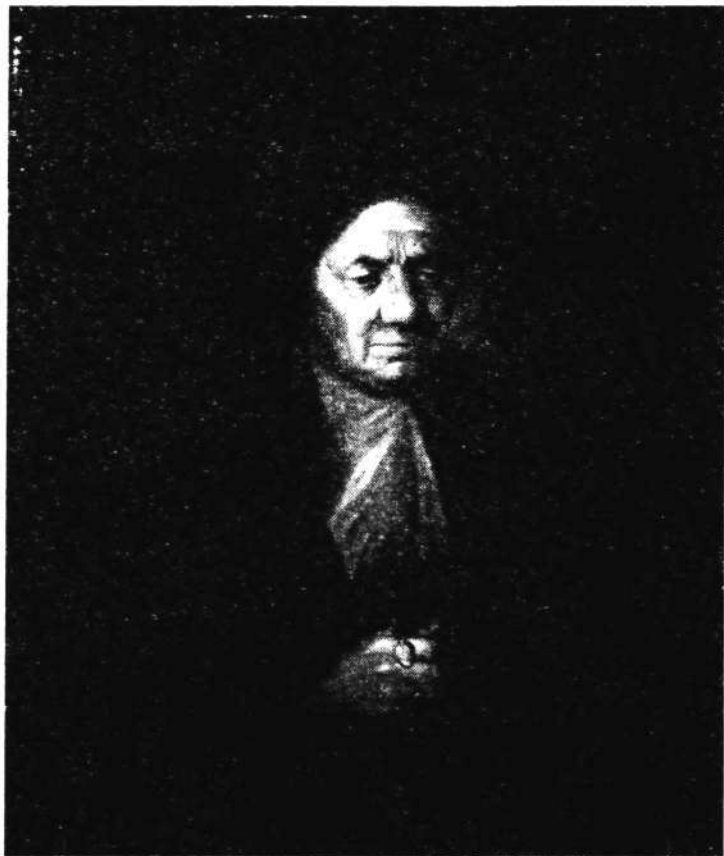
я тебе... царь государь: все это я говорил, но смилуйся надо мной, прости глупость мою!» Так же смиренно он просил бояр и патриарха сжалиться и просить о милости царя.

Собор приговорил Василия Шуйского к смертной казни, а его братьев к заключению в тюрьму. Все было приготовлено для казни, и новый глава Стрелецкого приказа П.Ф. Басманов опоясал стрельцами всю площадь, казаки и поляки заняли Кремль и другие важные объекты. Басманов выехал на середину площади и прочел приговор думы и собора, а палач подвел осужденного к плахе, в которую был воткнут топор, и сорвал с приговоренного одежду. И здесь Шуйский с плачем молил о пощаде. Басманов жаждал крови, но самозванец, почувствовав недовольство в народе, прислал гонца, а затем дьяка, который объявил о помиловании. Один из сподвижников Ажедмитрия С. Борша позднее объяснял решение «царя» просьбами Боярской думы, высказанными после собора, а без поддержки Боярской думы такие решения не принимал никто из предшественников Ажедмитрия.

Все имущество Шуйских и их владения были конфискованы. Василий и его братья были отправлены в тюрьмы в пригородах Галича Мерьского. Но сторонникам самых жестких мер Ажедмитрий навстречу все-таки не пошел, справедливо полагая, что таким путем он лишь увеличит количество своих врагов. Особенно нетерпеливого Богдана Бельского самозванец произвел в бояре, но отправил на воеводство в Новгород, дабы не выслушивать постоянно советов бывшего усердного опричника.

Главной задачей на первых порах Ажедмитрий считал изменение состава Боярской думы. Самозванец возвращал из ссылок и тех, у кого ему ранее доводилось служить, и тех, которые были наказаны Борисом Годуновым. Самозванец вызвал в Москву Нагих, которых еще при Годунове вернули на службу, но разослали воеводами в разные захолустные города, и сделал их членами Боярской думы. Нагие, конечно, знали, что их племянник в 1591 году погиб, но ничем не проявили недоумения, увидев совсем другого человека: карьерный и экономический интерес, как и у большинства других, следовавших за расстригой, стоял на первом плане. Из ссы-

ки были возвращены братья Головины, получившие чины окольничих. Чин окольничего получил также опальный дьяк В.Я. Щелкалов. Ажедмитрий вернул в Москву уцелевших в ссылках и не попавших на плаху Романовых и Черкасских, в свите которых он некогда служил. Постриженный в монахи Филарет Романов был привезен из Антониева Сийского монастыря. Его жена, Ксения Шестова (в иночестве — Марфа), с сыном, будущим самодержцем России Михаилом Федоровичем, приехали в Москву из своей вотчины.

Портрет Марфы, жены Ф. Н. Романова.

Филарет и в монастыре оставался «мирским» человеком, всегда рассчитывал на возвращение в мир и жаждал активной политической деятельности. Теперь такая возможность предоставлялась, и он уже в монастыре готов был оказать самозванцу возможную поддержку. В свою очередь, Ажедмитрий, по некоторым сведениям, предлагал Филарету сложить с себя монашескую одежду, поскольку она была одета на него силой, войти в состав Боярской думы и воссоединиться с женой и сыном. Филарет отказался от этих предложений, рассчитывая заниматься политическими проблемами и одновременно делая духовную карьеру. Позднее он был рукоположен в ростовские митрополиты и рассчитывал при благоприятном стечении обстоятельств занять первое место среди русского священства — стать патриархом.

Вернувшиеся из ссылки тоже, конечно, видели, что перед ними их давний знакомый Гришка Отрепьев, но ненависть к Годуновым и повышение по службе мutilовало сознание и закрывало рот даже для шепота кому-нибудь на ухо. В итоге значительно измененный состав Боярской думы дал согласие на его коронацию. Самозванец сам отложил коронацию до приезда Марфы Нагой. Как уже было сказано, мнимая мать подвергалась предварительной обработке. Для непосредственного приглашения Марфы в Москву был направлен «постельничий» Ажедмитрия Семен Шапкин. В позднейших записях об этом событии встречалось утверждение, что Шапкин в случае отказа Марфы признать Отрепьева своим сыном угрожал монахине смертью. Сама Марфа после убийства самозванца также оправдывалась тем, что ей якобы угрожали смертью. Но «Новый летописец» не без оснований сомневался: «Тово же убо не ведаше никто же, яко страха ради смертново, или для своего хотения назва себе Гришку прямым сыном своим, царевичем Дмитрием».

После ряда предварительных проверок настроения Марфы самозванец 17 июля 1605 года выехал в село Тайнинское, куда была доставлена монахиня под охраной польских наемников и в сопровождении бояр. В поле у села, куда собрали значительную толпу народа, Марфа и Гришка Отрепьев обняли друг друга и прослезились. На собравшийся «на-

род» сцена явно произвела впечатление: криками и слезами провожали они встречу матери и сына после четырнадцатилетней разлуки. 18 июля Марфа в карете въехала в столицу. И всю дорогу обретенный «сын» сопровождал карету верхом на коне. Красная площадь была заполнена народом, во всех церквях звонили колокола. После службы в Успенском соборе счастливый сын раздавал простонародью щедрую милостыню. А через три дня, 21 июля, состоялась и коронация Лжедмитрия. Путь от дворца до Успенского и Архангельского соборов устлали златотканым бархатом. Лжедмитрий, нехотая, вновь говорил о своем чудесном спасении. Но внимание присутствующих было отвлечено действиями патриарха Игнатия, который надел на голову самозванца корону Ивана Грозного, после чего бояре вручили скипетр и державу.

Для Отрепьева важно было создать впечатление, что его венчание на царство было продолжением законной, временно прерванной, династии, и потому он венчался дважды: в Успенском соборе и в соборе Архангельском — в усыпальнице «предков». Как и ранее, самозванец особенно задерживался у могил Ивана Грозного и Федора Ивановича, а архиепископ грек Арсений, настоятель Архангельского собора, надел на голову Лжедмитрия «шапку Мономаха». По выходе коронованного «царя» бояре осыпали дождем золотых монет.

Бояр беспокоила опора новой власти: польские и наемные иноземные авантюристы и казаки-воры, которым самозванец доверял охрану своей персоны и которые заполнили Кремль. Но Лжедмитрия беспокоили не столько косые взгляды бояр, сколько истощенность казны. А наемники стоили дорого. К тому же они привыкли считать себя господами положения, и сами пытались диктовать условия русским боярам, да и своему «господину», обретшему царскую корону и «шапку Мономаха». Польская шляхта и иностранные наемники раздражали и казаков, и простонародье своей наглостью и приверженностью ненавистным на Руси католичеству и протестантизму. Самозванец старался угодить наемников, некоторым даже жаловал звание русского дворянина. Но от земельных пожалований новым «дворянам» и «ротмистрам» он все-таки воздерживался, понимая, что

такими пожалованиями восстановит против себя не только Боярскую думу, а и все русское дворянство.

Ажедмитрий устраивал грандиозные пиры, во время которых решались некоторые спорные или неоговоренные вопросы с боярами и которые были одним из проявлений разгула победителей, захвативших Московское царство. Набранные в Польше и других странах наемники не отставали от «царя» в организации разгула, часто сопровождавшегося скандалами и даже прямыми угрозами самому «царю» расправиться с ним. По сообщению сподвижника Ажедмитрия, арианина Яна Бучинского, наемники, получая приличное вознаграждение, обзаводились челядью, обряжали ее в камчатое платье, пропивали и проигрывали в азартных играх полученные деньги.

Вскоре после коронации Ажедмитрия произошло резкое столкновение москвичей с иностранными наемниками. Поводом послужил арест московскими властями шляхтича Липского, которого подвергли торговой казни: били батогами на улице. Наемники, считая преступление Липского несущественным, бросились на помощь и применили оружие против приставов. Москвичи, в большинстве безоружные, устремились на помощь приставам. В результате было много убитых и раненых среди москвичей, а поскольку негодующая толпа продолжала расти, наемники укрылись в казармах на Посольском дворе. Несколько десятков тысяч москвичей грозили «рыцарям» расправой. Ажедмитрий тоже был обеспокоен взрывом негодования среди москвичей, сознавая, что эта безмерная ненависть при определенных обстоятельствах может быть повернута против него. В итоге поступил он, по своему обыкновению, двулично: москвичам объявил, что убийцы понесут наказание и посольские казармы будут разгромлены пушками, а убийцам сообщил, что виновных не будут наказывать, но для успокоения русских наказания нужно имитировать. «Рыцари» выдали трех шляхтичей, отличившихся в расправе с москвичами. Их держали сутки в тюрьме, а затем втайне от москвичей выпустили на свободу.

Тем не менее события в Москве дали повод боярам, и они добились решения о роспуске наемных отрядов. И уже с конца июля наемники жили на Москве без службы, но не покидая ее и получая от Казенного приказа плату, каковой не имели русские служилые люди. Гусары получали по 40 золотых, или 192 рубля на коня. А поскольку обычно они имели по 2—4 коня, то и оплата достигала 800 рублей и равнялась боярской. Тем не менее, наемники жаловались, что Ажедмитрий в первый же день овладения Москвой обещал им выдать по несколько тысяч золотых, а дал лишь по несколько сот. Но наемников обеспечивали еще пушниной и обильным кормом. И тот же упомянутый выше Бучинский сообщает, что, продавая москвичам корм, наемники за год только на этом получали дополнительно по тысяче золотых.

Много проблем возникло с «долговыми расписками» самозванца, сделанными в основном еще в Польше, где он обязывался заплатить огромные суммы в 100 тысяч и более наличными. Эти «расписки» наемники и польские опекуны Ажедмитрия предъявляли и в Москве, и в Польше королю Сигизмунду III. Казенный приказ оплачивал «долговые расписки», но не все. И не только потому, что в казне не было таких средств. Многие «расписки», особенно данные в Польше, представлялись совершенно бредовыми. Даже Адам Вишневецкий, явившийся в Москву собственной персоной за «долгом», не получил ничего от московских властей, и сам виновник — московский самодержец — уклонялся от разбора многих подобных дел.

Бояре и высшие чины с такой же неприязнью, как к иноземным наемникам, относились и к казакам, в которых видели своеобразный авангард ширившегося народного движения, направленного если не против феодального строя в целом, то против отмены Юрьева дня. Казаки, кроме того, добивались признания за ними ранга служилых людей. Уступая требованиям московских дворян и бояр, Ажедмитрий вынужден был согласиться на удаление казаков из столицы, распорядившись произвести казне с ними расчет. При себе он оставил лишь оказавшего ему незаменимые услуги ата-

мана Корелу с небольшим отрядом. Но, как и все наемники, и все казаки, да и сам Ажедмитрий, Корела вел разгульный образ жизни, предпочитая общение в кабаках с «черню» встречам с царедворцами. Как и многие из «черни», представителей которой он обычно угощал в кабаках, Корела спился, чем и закончилась его карьера. Последний казачий отряд также был расформирован.

В литературе было много споров о социальной политике Ажедмитрия. Его называли и крестьянским, и казачьим, и дворянским, крепостническим царем. Но явно ни в какую из всех называемых категорий он не укладывался, поскольку преследовал единственную цель: удержаться у власти ради удовлетворения своих прихотей и разгоревшегося честолюбия. Поэтому он по существу нигде не выражает своих истинных воззрений (если они вообще были), в очень расплывчатых выражениях обещая благоденствие и угнетателям, и угнетенным. На пути в Москву он нередко провозглашал необходимость «освобождения от гнета», не проясняя, однако, кого и от кого он собирался «освобождать». Более всех получили от самозванца казаки и дворяне южных районов России. И дело не только в том, что эти районы оказались главной его опорой в продвижении к Москве, да на первых порах и в самой Москве. Самозванец сознавал, что с югом он все равно ничего сделать не сможет, а потому резонно считал, что целесообразней в данном случае исполнять роль «доброго царя». Юг России получил освобождение от податей на 10 лет, кроме того, была отменена «государева десятинная пашня», которую ранее вспахивали и засевали для Москвы.

Будучи на московском троне, Ажедмитрий старался ублажить и дворян, владевших крепостными, и не потерять поддержку социальных низов, все еще ожидавших свободы от «доброго царя». 7 января и 1 февраля 1606 года издаются «указы»: первый — о кабальных холопах, второй — о беглых. Указ 7 января в целом предполагал отклик на требования дворян вернуть им беглых холопов. Вместе с тем, во время голода 1602—1603 годов многих холопов феода-

лы сами выгоняли, и они получали, по указу Бориса Годунова, отпускные. Ажедмитрий сохранил право на свободу (по сути, свободу выбора) примерно четверти кабальных холопов, что, конечно, было холопами оценено. Двойственное отношение проявляется и в указе от 1 февраля о беглых крестьянах. В начале текста указа сразу обозначается разделение беглых на две категории. Бежавших до голодных лет, счет которым идет по сентябрьскому летосчислению с сентября 1601 года, «приговорили, сыскивая, отдавати старым помещикам». Иначе говоря, предполагается установленный в 1597 году пятилетний срок сыска беглых. Бежавшие же в голодные 1601—1603 годы возврату не подлежали. В марте 1606 года составлялся «Сводный судебник». Он не был завершен и в действие вступить не успел. Но в основу его был положен Судебник 1550 года, с включением статьи 88 о крестьянском выходе в Юрьев день. Таким образом, Юрьев день возвращался. Но до Юрьева дня 1606 года (26 ноября), однако, не дожил и сам Ажедмитрий, и реально этот Судебник так и остался лишь на бумаге.

Весьма непопулярной в кругах московского боярства и служилых людей являлась внешняя политика самозванца. В Польше расстрига наобещал и Сигизмунду III, и Юрию Мнишеку отдать практически весь запад и северо-запад России. И Сигизмунд всерьез рассчитывал получить Смоленск, поэтому постоянно требовал от самозванца выполнения обещаний. Ажедмитрий часто подчеркивал, что Сигизмунд ему «вместо отца», но передать Смоленск он ему не мог: самозванец немедленно потерял бы корону в Москве, поскольку ненависть к полякам охватывала все слои населения. Он предложил оплатить обещанные земли деньгами и отправляя в Польшу крупные суммы, чем, конечно, тоже раздражал и бояр, и простой народ. А польские кредиторы настоятельно требовали большего.

Сигизмунд не стеснялся унижать Ажедмитрия, титулуя его «великим князем», а не «цесарем», «царем». Ажедмитрий тщетно пытался убедить польского короля, что «цесарями» в Москве были и его мнимый «отец» Иван Грозный, и

«брат» Федор, да и Борис Годунов тоже. Но упоенные победой еще в Ливонской войне, польские власти не хотели даже и слышать о притязаниях московских правителей на «цесарский» титул. Несколько облегчало внешнеполитическое положение России в данном случае обострение польско-шведских отношений в Прибалтике: некоторые польские вельможи считали возможным использовать Россию против Швеции.

Большие претензии к Ажедмитрию были у церкви. Самозванец без стеснения вымогал у монастырей и других церковных заведений деньги, якобы в долг, но «долгов» этих он никогда не возвращал. Господство же при дворе самозванца иезуитов вызывало возмущение не только церкви, но и православного «простонародья».

В Польше положение самозванца вызывало тревогу. По некоторым сведениям, сама Мария (Марфа) Нагая тайно доносила Сигизмунду III, что мнимый Дмитрий не ее сын. Видимо, сознавая шаткость положения Ажедмитрия, Юрий Мнишек не спешил породниться с ним и выдать, согласно договоренности, за него свою дочь Марину. Лишь 1 ноября 1605 года царский посол Афанасий Власьев с многочисленным благородным и чиновным сопровождением выехал в Краков за невестой и затем был представлен королю. Посол не отличался дипломатическим тактом. Когда кардинал и польские сановники пели вполне нейтральную молитву, все преклонили колена, а посол отчужденно стоял. На вопрос же епископа: «Не обручен ли Дмитрий с другою невестой?» — Власьев развеселил польскую шляхту ответом: «А мне как знать? Того у меня нет в наказе».

Затем был великолепный стол. Марина сидела рядом с королем и принимала от российских посланников дары своего жениха: огромное количество изделий из золота и драгоценных камней, три пуда жемчуга, 640 редких соболей и многое другое. Марина упала к ногам Сигизмунда, чем весьма смутила посла, который увидел в том унижение будущей русской царицы. Но ему разъяснили, что пока невеста в Кракове — она подданная польского короля. Король под-

нял Марину и напомнил, чтобы, «чудесно возвышенная Богом», она не забывала, чем обязана «стране своего рождения и воспитания».

Отъезд в Москву, однако, затягивался — Юрий Мнишек продолжал требовать денег, не удовлетворившись сотней тысяч золотых, полученных за помощь в 1604 году. В январе 1606 года Ян Бучинский привез из Москвы от Лжедмитрия Мнишеку еще 200 тысяч золотых. И лишь 25 апреля Юрий Мнишек с сыном и князем Вишневецким прибыли в Москву к Лжедмитрию, оставив на время Марину в Вязьме. Будущий зять встречал Мнишека на троне, окруженный с правой стороны патриархом и епископами, а с левой — боярами и иными вельможами.

Юрию Мнишеку надо было решить целый ряд вопросов, в том числе и деликатный религиозный. Мнишек настаивал на сохранении Мариной католической веры, а Лжедмитрий, не возражая против этого в принципе, резонно предупреждал, что «наружно» царице надо будет чтить греческую веру и ее обряды, и, в частности, постится не по субботам, как принято у католиков, а по средам. Патриарх Игнатий удовлетворялся таким решением. Но некоторые иерархи, в частности, сосланные самозванцем митрополит Казанский Гермоген и епископ Коломенский Иосиф заявляли, что если невеста не будет крещена в православную веру, то и брак не будет законным.

Марина Мнишек прибыла в Москву только 2 мая. Ее торжественно встречали многие тысячи представителей русской знати и иноземных наемников — преимущественно поляков. Гремела музыка, били в колокола, стреляли из пушек. Народ же безмолвствовал: внутреннее положение в Москве становилось все более напряженным. А Лжедмитрий продолжал осыпать дарами Марину и ее сопровождение. Юрий Мнишек получил еще 100 тысяч золотых, а Марина шкатулку стоимостью в 50 тысяч. Из казны на подарки было истрачено 800 тысяч рублей. До народа доходили сведения об этом, и негодование рядовых москвичей быстро нарастало.

Въезд Марины Мнишек со свитой в Москву.
Неизвестный художник. XVII в.

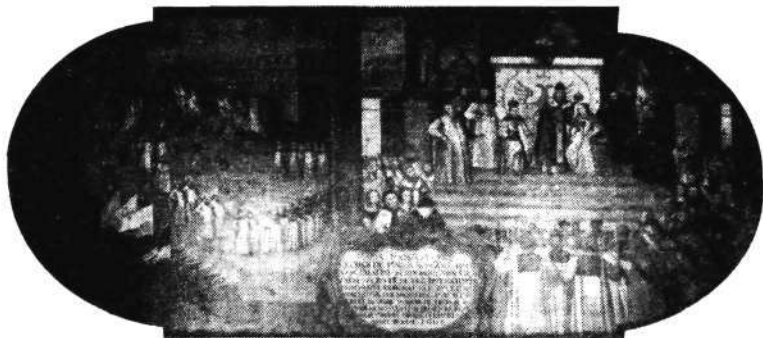
8 мая 1606 года, наконец, состоялось обручение. Начались пиры, на которых сразу же перессорились польские посланники с русской знатью и особенно духовенством, в ссоры приходилось включаться и самозванцу, и он тоже оказывался между двух огней, в пирах и разгуле не замечая, что творится не только в Москве, но и во дворце. А пьяные поляки вели себя как в завоеванном городе, порубая саблями выражающих возмущение их поведением, вытаскивая из карет девиц и женщин русских дворян и насилая их чуть ли «не сходя с места». Стрельбой из пушек за несколько дней истратили порошу больше, чем за всю войну 1604—1605 годов.

Самозванца предупреждали и немцы, и свои приближенные, что в городе весьма неспокойно и что следует принять меры предосторожности. О том же говорил ему и Юрий Мнишек. Но Лжедмитрий, желая «не ударить в грязь лицом», стремился выглядеть твердым и неустрашимым. «Как вы, ляхи, малодушны!» — отозвался он на предупреждения Мнишека. А послам Сигизмунда, которые также видели, что происходит, и получали информацию с разных сторон о надвигающейся грозе, возражал небрежно: «Я держу в руке Москву и государство; ничто не смеет двинуться без

моей воли». И перед надвигавшимся переворотом самозванец даже не увеличил охрану дворца.

Весной 1606 года беспокойные вести стали поступать и с юга. Выпровоженные из Москвы казаки считали себя обделенными и обиженными. Большинство из них не могли найти себе применения и способны были только отправиться в какой-нибудь поход «за зипунами». Весной 1606 года появился казачий самозванец — казаки, готовившие поход на Москву, избрали своим «царевичем» Илейку Муромца. Новый самозванец родился на посаде, послужил на Волге в работных людях и побывал холопом у сына боярского Григория Елагина на Тереке. Новому самозванцу дали имя Петра, якобы сына царя Федора Ивановича, у которого, как говорилось, сыновей-то как раз и не было. Движение во главе с Лжепетром (Илейкой Муромцем) было организовано казачьей голытьбой, и хотя большинство зажиточных казаков к нему примкнуло, социальные мотивы в нем проявлялись в значительно большей мере, чем в других движениях казаков.

В этой ситуации Лжедмитрий решил протянуть руку конкуренту: он призывал Лжепетра «идти к Москве наспех». Скоропалительное решение Лжедмитрия озадачило и современников, и историков. Но, видимо, правы те из современников, которые видели задачу Лжедмитрия в нейтрализации соперника, чтобы «люди не собирались около него». Но

Венчание Марины Мнишек с Лжедмитрием
в Успенском соборе

казацкий царевич успел пройти только Свияжск и получил уведомление, что Ажедмитрий убит. Казаки повернули назад вниз по Волге.

В Москве же переворот готовился медленно, но неуклонно. Все правление Ажедмитрия — это сплошные пиры и гуляния, свадьбы бояр — свободные, без традиционных строгих регламентаций. В «веселые дни» самозванец иногда стремился проявить милость к кому-либо. Именно в таком состоянии он, после полугодовой ссылки Шуйских, простил их и вернул им имения и чины. У Василия Ивановича Шуйского было много доброжелателей среди бояр и высших чинов. А народ проникся к нему особым уважением, потому что он открыто обличал самозванца и перенес пытки и плаху — в глазах народа он стал героем-мучеником. Его смелость ценили, но не замечали честолюбия и лукавства. Василий Шуйский, почти случайно избежавший казни в начале царствования Ажедмитрия, сумел объединить очень разные силы и использовать недовольство разных слоев общества, направив его против самозванца.

На 18 мая 1606 года в Москве был назначен грандиозный фестиваль: воинская потеха. Но утром 17 мая по всей Москве загремели колокольные набаты, созывавшие жителей на Красную площадь. Удивительно, что не только самозванец, но и поляки, ожидавшие празднества 18 мая, не заметили, как стремительно организовалась вся Москва и против самозванца, и против них. Большинство бояр, приведших некогда Ажедмитрия в Москву, — князья Голицыны, Михаил Салтыков, Нагие, практически все, кроме Басманова, — оказались в рядах восставших. И царица-монахиня Марфа, и ее родичи Нагие теперь дружно каялись в толпе в том, что под страхом казни агаги, подыгрывая самозванцу. Василий Шуйский перекрыл все двенадцать ворот входа и выхода из города, и в город были введены 18 тысяч воинов, которые должны были отправляться под Елец и которые теперь перешли под контроль заговорщиков.

Ажедмитрий бегал из комнаты в комнату и, наконец, прыгнул из окна на Житный двор, разбил себе грудь, голову и вывихнул ногу. Лежащего в крови, его обнаружили здесь

стрельцы. Они не входили в заговор и попытались помочь лжецарю, посадили на фундамент, обливали водой. Самозванец умолял не оставлять его, обещая стрельцам богатство и чины. Их окружило множество народа, но стрельцы требовали, чтобы царица-монахиня объявила: сын это ее или не сын. Если сын, то они умрут за него, а если нет, «то волен в нем Бог». Марфа, вызванная боярами из кельи, объявила народу, что истинный царевич Дмитрий скончался у нее на руках в Угличе, что она из страха, под влиянием угроз и лести была вовлечена в грех бессовестной лжи, назвав сыном неизвестного ей человека. Из страха она молчала, но многим открывала истину. Показала Марфа и изображение лица мальчика, у которого не было ничего общего с расстригой. После этого стрельцы выдали обманщика толпе.

Смерть Лжедмитрия

Бояре велели нести самозванца во дворец для допроса. Отрепьев сослался было на инокиню Марфу, но Иван Голицын прервал его: инокиня уже покаялась. Самозванец обратился к окружающим: «Несите меня на Лобное место: там объявлю истину всем людям». Какую истину он хотел объявить, осталось нераскрытым: две пули двух дворян оборвали

жизнь Ажедмитрия. Толпа бросилась терзать уже мертвое тело. Также терзали и убитого Басманова. Расправа ожидала и Марину Мнишек: слуга-охранник был убит и в комнату Марины ворвались обезумевшие от крови восставшие. Но приспели бояре и взяли Марину под защиту, выделив ей охрану. Многие же поляки стали жертвами восставшего народа, копившего свою ненависть в течение года. Музыканты, раздражавшие православных во время молебнов, были все умерщвлены в Кремле.

Жилища послов Сигизмунда не были тронуты, но к домам Юрия Мнишека и князя Вишневецкого устремились восставшие. А поскольку Мнишек все-таки принял некоторые предупредительные меры, завязалась перестрелка. Восставшие стали подвозить к этим домам пушки, чтобы разбить сами дома, в которых укрылись поляки. Но защитить осажденных явились бояре и приказали прекратить убийства. Шуйские старались остановить разбушевавшихся москвичей и выслали в защиту поляков стрельцов. Вишневецкого спас сам Василий Шуйский, надежная защита была приставлена и к дому Юрия Мнишека. Объединенные ненавистью к самозванцу высшая знать и «чернь» уже проявляли взаимное отчуждение, которое будет нарастать в правление Василия Шуйского.

ВОЦАРЕНИЕ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО И ЕГО ПРАВЛЕНИЕ

Переворот 17 мая 1606 года подготовил и осуществил Василий Шуйский, и, конечно, его авторитет, а также страх новых расправ убеждали многих, что Шуйскому и предстоит занять царский трон. Вопрос о преемнике поставил в Боярской думе сам Шуйский. Формально он значился «вторым» после князя Федора Мстиславского. Но тот к власти не стремился и даже говорил близким ему людям, что если его изберут «в цари», то он уйдет в монахи. В некоторых иностранных источниках в качестве соискателя на трон называется князь

Иван Голицын. Но Голицына, успевшего предать и юного Федора Борисовича, и Ажедмитрия, дума не могла принять: слишком явными были его измены, и слишком уж явно он замыкался на своих личных интересах. У Шуйского же были видимые заслуги: устранение самозванца-еретика, ставшего ненавистным разным слоям москвичей, и светским, и духовным. Но Шуйский лукавил, когда предлагал немедленно решить вопрос о новом избраннике в Боярской думе, противодействуя предложениям собрать Земский собор. Созвать собор действительно было трудно: весь юг России (и не только юг) не признавали власти Москвы, и, как показало будущее, за Шуйского они бы не проголосовали.

Дума, в конечном счете, согласилась с предложением Шуйского, и впервые в истории России царь был избран небольшой группой аристократов-олигархов. В эмоциональной речи перед думцами Шуйский признавал какие-то свои прегрешения и каялся в них, но одновременно он напомнил о слабости Федора Ивановича и властолюбии Бориса Годунова, приведших в итоге к появлению самозванца, за которым слепо последовали и бояре. «Но мы, — переходил он к главному, — загладили сию слабость, когда настал час умереть или спасти Россию, жалею, что я, предупредив других в смелости, обязан жизнью Самозванцу: он не имел права, но мог умертвить меня, и помиловал, как разбойник милует иногда странника. Признаюсь, что я колебался, боясь упрека в неблагодарности; но глас совести, Веры, Отечества, вооружил мою руку, когда я увидел в вас ревность к великому подвигу. Дело наше есть правое, необходимое, святое; оно Ему угодно... Теперь, избыв злодея, еретика, чернокнижника, должны мы думать об избрании достойного Властителя. Уже нет племени Царского, но есть Россия: в ней можем снова найти угасшее на престоле. Мы должны искать мужа знаменитого родом, усердного к Вере и к нашим древним обычаям, добродетельного, опытного, следственно уже не юного — человека, который, прияв венец и скипетр, любил бы не роскошь и пышность, но умеренность и правду, ограждал бы себя не копьями и крепостями, но любовью подданных;

не умножал бы золота в казне своей, но избыток и довольствие народа считал бы собственным богатством. Вы скажете, что такого человека найти трудно: знаю, но добрый гражданин обязан желать совершенства, по крайней мере, возможного, в Государе!».

Естественно, всем было понятно, чей портрет рисовал Шуйский. И предложение думцев собрать Великую Земскую Думу и чины Государственные из всех областей Российских было не столько возражением против кандидатуры Шуйского, сколько стремлением возложить на соискателя больше обязанностей и ответственности. Но сторонники Шуйского требовали немедленного решения вопроса, поскольку страна (да и сама Москва тоже) пребывала в смятении, а потому оттягивать решение было опасно. Разумеется, что предлагавшие созвать Земский собор со всей земли внутренние не согласились с таким решением вопроса, и это несогласие впоследствии будет подпитывать отчужденность части бояр и знати по отношению к намерениям и действиям Шуйского. Часть их уклонилась и от процедуры избрания, но выступить открыто никто не решился, и 19 мая 1606 года под звук литавр, труб и колоколов бояре и чиновное дворянство представили на Красной площади нового монарха служилым людям, гостям и купцам.

Играя в скромность, Шуйский предложил, чтобы духовные чины сначала выбрали нового патриарха вместо скомпрометировавшего себя Игнатия. Но толпа в экстазе кричала, что для отечества государь важнее патриарха. Шуйского проводили в Успенский собор, где уже ожидали митрополиты и епископы, чтобы благословить его на царство. Кандидатами на сан патриарха выступали ростовский митрополит Филарет (Федор Романов) и казанский архиепископ Гермоген. Шуйский, видимо, склонялся в пользу Филарета. Но тот от такой чести уклонился. В итоге избрали Гермогена (ок. 1530 — 1612), который также не слишком благоволил к Василию Шуйскому. Достаточно сказать, что Гермоген пытался привлечь на публичные выступления и низвергнутого Иова в качестве второго патриарха.

Василий IV Шуйский

В России появился новый царь — Василий IV Иванович Шуйский (1552—1612, царь — с 1606). В свое время Борис Годунов выдерживал целый месяц, вроде бы отказываясь занять царский трон. Шуйский же взошел на царство настолько скоропалительно, что не только вся Россия, но и москвичи, даже многие знатные, не участвовали в этом избрании. А подобный факт предполагал в будущем весьма непростые отношения с «Землей». Правда, боярство потребовало от избранника определенных гарантий. В «Ином сказании», составленном в 20-е годы XVII века, приводится «запись целовальная, по которой сам царь целовал крест». Шуйский напомнил о своем

происхождении от Рюрика, который, в свою очередь, производился от «Римского кесаря». «И ныне мы, — обращается он непосредственно к боярам и верхушке московского купечества, поддержавшего «избрание» царя московской элитой, — великий государь, будучи на престоле Российского государства, хотим того, чтобы православное христианство было нашим царским доброопастным правительством и в тишине, и в покое, и в благоденствии. И поволил есмь я, царь и великий князь Василий Иванович всея Руси, целовати крест на том, что мне, великому государю, всякого человека, не судя истинным судом з бояры своими, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животов у братии их, и у жен, и у детей не отымати, будут которые с ними в мысли не были; также и у гостей, и у торговых, и у черных людей, хотя который по суду и по сыску доидет смертные вины, и после их у жен их и у детей дворов, и лавок, и животов не отымати, будут с ними они в той вине неповинны; да и доводов (то есть доносов. — А.К.) ложных мне, великому государю, не слушати, а сыскивати всякими сыски накрепко и ставити с очей на очи, чтобы в том православное христианство без вины не гибли; а хто на кого ажет, и, сыскав, того казнити, смотря по вине его: что было возвел неподельно, тем сам и осудится. На том на всем, что в сей записи написано, и яз, царь и великий князь Василей Иванович всея Руси, целую крест всем православным христианом, что мне, жалуя, судити истинным праведным судом, и без вины ни на кого опалы своя не класти, и недрутом никому никого в неправде не подавати, и от всякого насиства отбегати». Иными словами, царь обещает вершить суд и расправу «з бояры своими», и именно интересы этих бояр стоят на первом плане у нового правительства.

Между тем, Москва была усеяна трупами, которые несколько дней вывозили за город и там хоронили. Тело самозванца три дня лежало на площади, привлекая любопытных и желающих обругать хотя бы труп. Затем его захоронили за Серпуховскими воротами. Но и на этом преследования убитого не закончились. Неделю, с 18 по 25 мая, стояли сильные морозы (не так редкие в мае-июне и в наше время), наносившие большой ущерб садам и полям. За самозванцем и

раньше следовал шепот о его чародействе. В условиях чрезвычайной неустойчивости бытия суеверия разливались рекой: что-то страшное видели над могилой Ажедмитрия, и с ним связывали возникшие природные катаклизмы. Могилу раскопали, тело сожгли, а пепел, смешав с порохом, выстрелили из пушки, направив ее в ту сторону, откуда пришел расстрига. Этот пушечный выстрел, однако, создал Шуйскому и его окружению неожиданные проблемы. В Речи Посполитой и Германии распространялись слухи, что казнен вовсе не «Дмитрий», а какой-то его слуга, «Дмитрий» же спасся и бежал в Путивль или куда-то в польско-литовские земли.

С воцарением Василия Шуйского осложнились отношения с поляками. Хотя многих из них новая власть взяла под охрану, от поляков требовали возвращения «подарков» самозванца и награбленного у москвичей. Лишь посольству Сигизмунда III обеспечивалась и надежная защита, и правовое признание, принятое в отношении послов. Но защита поляков обостряла отношения новой власти с социальными низами, которые видели источник своих бед в разгуле поляков. Теперь же новый царь пытался восстановить порядки, сложившиеся при Иване Грозном и Федоре Ивановиче. Только если Отрепьев брал у Грозного некоторые статьи из Судебника 1550 года, то Шуйский возрождал крепостнические указы. Появление в Судебнике от 9 марта 1607 года статьи о пятнадцатилетнем сроке сыска беглых (исключавшей льготы и тем, кто уходил в голодные годы) определяло политику Шуйского в отношении крестьянства. Соответственной была и реакция крестьян, да и всего юга страны, где противниками этого указа оказались не только беглые, но и служилые люди и дворянство, к которым беглые обычно стекались на более мягких условиях, нежели в центре России (как правило, за ними сохранялось право «выхода»).

Слухи о том, что «Дмитрий» спасся, а вместо него был убит кто-то другой, быстро распространялись и в России. Сам выстрел из пушки теперь представлялся попыткой скрыть, что сожженный вовсе не тот, кого называли Гришкой Отрепьевым и Расстригой. Слухам о спасении «Дмитрия» правящий круг Шуйского мог противопоставить только показания людей, до того много раз солгавших.

В многочисленных версиях о спасении «Дмитрия» обычно фигурировали два приверженца Лжедмитрия: князь Григорий Шаховской и один из ближайших сподвижников самозванца Михалко Молчанов. Оба бежали из Москвы, при этом Шаховской прихватил государственную печать, а Молчанов — скипетр и корону. И того и другого в разных местах признавали за «истинного» царя «Дмитрия». Вполне вероятно и романтическая версия, будто они бежали вместе, прихватив четырех польских лошадей. И уже по пути к Путивлю, покидая очередной пункт остановки, под глубоким секретом один из них признавался, что другой — истинный царь «Дмитрий». Похоже, «царем» хотели быть оба «соискателя». Но Шаховской был назначен воеводой в Путивль — из Разрядных книг не ясно, Отрепьевым или Шуйским. Впрочем, последнее невероятно потому, что Шаховской был одним из наиболее преданных Лжедмитрию представителей знати.

Марина Мнишек и ее отец Юрий Мнишек
в Ярославле под стражей

Михалко Молчанов из Путивля отправился во владения Юрия Мнишека, в Сandomирское воеводство. (Сам Юрий Мнишек и его дочь Марина были сосланы Шуйским в Ярославль.) Польские представители, встречавшие русского посла князя Г. Волконского, заявили ему, что «государь ваш Дмитрий, которого вы сказываете убитого, жив и теперь в Сендомире у воеводины жены» (то есть у жены Юрия Мнишека). Г. Волконский возражал, что называющий себя «Дмитрием» — это самозванец, вероятнее всего Михалко Молчанов. Но слух о том, что «Дмитрий» ушел вместе с Молчановым и находится в Сендомире, получил широкое распространение. И, видимо, не случайно уже в июне И.И. Болотников был на приеме у Молчанова, исполнявшего роль царя «Дмитрия». А вскоре города России: Чернигов, Стародуб, Новгород Северский, хотя и не видели в глаза нового «Дмитрия», перестают подчиняться Шуйскому.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ И.И. БОЛОТНИКОВА

Если о Василии Шуйском практически нет солидных работ, поскольку основные события шли как бы без него и часто против него, то о крестьянской войне и Иване Исаевиче Болотникове (ум. в 1608) написано много книг и сказано много глубоко расходящихся мнений. Общие биографические сведения о нем таковы. Болотников был холопом А.А. Телятевского (видимо, боевым холопом), бежал от него к казакам, попал в плен к крымским татарам, которые продали его в рабство в Турцию. Там он несколько лет был гребцом на галерах, пока не сумел бежать. Сначала Болотников оказывается в Венеции, затем перебирается в Польшу и, наконец, возвращается в Россию.

В дореволюционной историографии восстание под предводительством И.И. Болотникова рассматривалось обычно как эпизод «Смуты», захватившей Россию в начале XVII века. Наиболее основательным было исследование С.Ф. Платонова, переизданное в советское время в 1937 году. В этой

работе восстание Болотникова рассматривается именно в контексте всей «Смуты», расколовшей общество не по социальным интересам, а по корыстно-эгоистическим притязаниям «верхов» и «низов».

С 20-х годов XX века одним из главных принципов советской историографии стал «классовый подход». В «Смуте» искали следы противостояния классов, и восстание Болотникова рассматривалось как крестьянская война против феодальной эксплуатации. Но изначально проявились и определенные разночтения. В наиболее фундаментальной работе И.И. Смирнова «Восстание Болотникова» (М., 1951) действия «болотниковцев» были в известной мере вырваны из общего контекста событий, а «классовый» подход, который должен был поднять личную роль Болотникова, приводил к известным натяжкам и игнорированию некоторых важных аспектов самого движения. Так, после выхода книги развернулась дискуссия о хронологических рамках крестьянской войны. А.А. Зимин предложил расширить ее рамки и начинать отсчет крестьянской войны с восстания Хлопка, а закончить последними выступлениями И. Заруцкого (т.е. 1604—1613 гг.). Главным аргументом в данном случае выдвигалось то обстоятельство, что все это десятилетие во внутренней борьбе были задействованы примерно одни и те же силы.

С экстравагантной концепцией выступил в 1967 году смоленский автор Д.П. Маковский, который определил крестьянскую войну как «буржуазную революцию», а Болотникова представил «предателем». Концепция Маковского вызвала специальное обсуждение книги в МГУ и встретила резкое осуждение. (Материалы этого обсуждения были опубликованы — «Вопросы истории», 1969, №9.)

В.И. Корецкий впервые указал на некоторые принципиальные ошибки в подходах почти всех историков, писавших о крестьянской войне, и прежде всего именно о движении, возглавленном И.И. Болотниковым. Он обратил внимание на то, что «программа» восставших чаще всего подается на основе абстрактных рассуждений, исходящих из представлений самих историков о том, какие требования могли бы выдвинуть холопы и крестьяне. Но народное движение в Смутное время

включало не только эти социальные категории. В нем активно участвовали служилые люди и дворяне южных областей России, которые также не признавали ни власти, ни установлений правительства Шуйского. Уже поэтому четкой социальной программы у восставших и не могло быть: в чем-то чаяния разных слоев населения сходились, но в чем-то и заметно различались. Другое важное наблюдение В.И. Корецкого — отношения дворянского лидера Истомы Пашкова и Болотникова. Их чаще всего объединяют в рамках единого движения, при этом нередко обвиняют Пашкова и рязанца Прокопия Ляпунова в «предательстве» и «измене». Но, как верно замечает В.И. Корецкий, ни предательства, ни измены дворянских предводителей не было, поскольку дворяне Пашкова и Ляпунова и войско Болотникова шли к Москве разными путями, никак не координируя свои действия. И те и другие выступали за «царя Дмитрия», но у тех и у других с этим именем связывались разные интересы.

Самое же любопытное заключается в том, что имя «царя Дмитрия» связывалось и с разными идеями, и с разными личностями. В литературе этому вопросу уделено слишком мало внимания. Редко упоминается даже о том, что Болотников был назначен главным воеводой «царем Дмитрием», с которым Болотников встретился во владениях Юрия Мнишека. В Сандомире наставления Болотникову, в качестве «царя Дмитрия», давал Михаил Молчанов. Истома Пашков доехал только до Путивля и получил своего рода благословение от Григория Шаховского, который тоже именем «царя Дмитрия» утвердил Пашкова в качестве главного воеводы ополчения Тулы и других южных городов, но оговорился, что сам «Дмитрий» не может его принять, поскольку находится в Литве и опасается покушений на свою жизнь. Имел ли в виду Шаховской Молчанова или у него был свой кандидат — остается неясным.

Знамя «царя Дмитрия» уже само по себе исключало возможность выработки какой-то определенной программы. За «царя Дмитрия» была протестующая против боярского правления часть населения, однако боролись каждый за свое. Так, в ряде городов Северской земли посадские люди

убили городских воевод, но это были воеводы — сторонники Шуйского. Воевод, признававших «царя Дмитрия», оставшие нигде не трогали. По существу, дворян юга России с крестьянами и холопами областей, непосредственно прилегающих к центру, объединяло только одно — требование восстановления права выхода в духе Судебника 1550 года, некоторых установлений Бориса Годунова в голодные годы и не успевшего получить практического применения Судебника Ажедмитрия марта 1606 года. Но при этом крестьяне и холопы боролись за свободу, а дворяне южных городов — за право не возвращать помещикам Центральной России бежавших на юг бывших крепостных и холопов.

Иван Болотников

В литературе или не замечают, или недооценивают тот факт, что Болотников, став первым воеводой мнимого «Дмитрия», сам, видимо, искренне верил в то, что служит «истинному» и «доброму» царю. Верили в это (или принимали на веру) и южане, и жители городов Северской земли. Только это обстоятельство может объяснить тот факт, почему в подчинении у Болотникова оказался бывший его господин и приверженец Ажедмитрия князь А.А. Телятевский. Северские города и прилегающая к ним округа сразу не приняли переворот в Москве и легко верили, что Ажедмитрий сумел уйти от «изменников». Истома Пашков, получив благословение Григория Шаховского, двинулся к Ельцу летом 1606 года, разгромил здесь войска Шуйского и через Рязский и Пронский уезды Рязанщины начал продвигаться к Москве. Никаких контактов с Болотниковым ни у него, ни у Прокопия Ляпунова не было.

***

Летом 1606 года Болотников начал собирать войско из казачьих отрядов, рассеянных после майских событий в Москве по разным районам юга России, а также из крестьян, холопов и посадских людей, либо поддерживавших Ажедмитрия, либо надеявшихся на улучшение своего положения при воцарении «спасшегося» «Дмитрия». Комарицкая волость становится своеобразным лагерем, где Болотников стремится соединить разнородные элементы в более или менее управляемую военную силу. С этим войском он выступил в поход и под Кромами одержал убедительную победу над московскими воеводами, которые потеряли 8 тысяч воинов. Следуя за отступающими воеводами Шуйского через Орел, Болхов и Калугу, войско Болотникова двинулось к Москве. В Карамзинском хронографе отразилось преобладающее настроение во всех этих районах: «И в тех украинских, в польских (в смысле — в степных. — А.К.), и в северских городах тамошние люди, по вражью наваждению, бояр и воевод и всяких людей побивали разными смертями, бросали с башен, а иных за ноги вешали и к городovým стенам

распинали и многими разнообразными смертями казнили и прожиточных людей грабили, а кого побивали и грабили, и тех называли изменники, а они будто стоят за царя Дмитрия». В ряде случаев инициатором казней был сам Болотников. Обычно это относилось к тем сторонникам Шуйского, которые пытались разоблачать и первого Лжедмитрия, и нового, якобы спасшегося. Аналогичные казни совершал и Шуйский и его люди по отношению к тем, кто распространял версию о спасшемся «Дмитрии».

Признание или непризнание «законности» «царя Дмитрия» было своеобразной разделительной линией. Социальный аспект оставался на втором плане, поскольку в войске Болотникова были и холопы, и мелкие помещики из прилегающих к зоне, контролируемой Болотниковым, территорий. И сам Болотников часто, отбирая имения у помещиков, передавал их другим, верящим в «добротного царя» «Дмитрия». Иными словами, действия Болотникова не были «антифеодальными» — феодальные отношения сохранялись, но подразумевалась обязательная отмена крепостного права. Причем за отмену крепостного права, как было сказано, ратовали и дворяне южных районов страны.

Истома Пашков со своими отрядами двигался через Коломну и Коломенское и остановился в конце октября 1606 года у Котлов (территория в настоящее время входит в границы Москвы в районе станций метро «Нагорная» и «Нагатинская» у речки Котловка). Болотников двигался сюда же через Серпухов и прибыл со своим войском в начале ноября. Между воеводами обозначилось противостояние. Дворяне стремились объявить главным воеводой Пашкова. Но, согласно К. Буссову, Болотников ссылался на назначение его главным воеводой самим «царем Дмитрием», тогда как Пашков был утвержден Григорием Шаховским именем где-то скрывающегося «царя Дмитрия». По всей вероятности, военный перевес был на стороне Болотникова, поэтому Пашков вынужден был ему уступить. Эти разногласия, естественно, ослабили позиции осаждавших Москву отрядов.

Военные стычки под Москвой не давали решающего перевеса ни восставшим, ни войскам Шуйского. Но под Троиц-

ком, на пути из Рязани в Москву, рязанцы разбили московские войска, и угроза столице стала вполне реальной. В источниках в качестве воеводы рязанцев называется Истома Пашков. Прокопий Ляпунов в этом случае не упоминается, что представляется странным, поскольку именно Прокопий Ляпунов организовывал рязанские отряды, а Лжедмитрию он оказывал услуги и на пути самозванца в Москву, и после утверждения его в Москве.

Разногласия между Болотниковым и Пашковым практически исключали возможность их совместных действий. А многие рязанские и тульские дворяне стали сразу искать контакты с московскими воеводами (разумеется, втайне от Болотникова). В свою очередь, некоторые из москвичей, и не только посадские люди, искали контакты с Болотниковым. Они настаивали на том, чтобы Болотников показал им «Дмитрия», от имени которого он осаждал Москву. Болотников отвечал, что в его стане «Дмитрия» нет, что «царь Дмитрий» находится в Польше, а к Григорию Шаховскому направил гонца с письмом, дабы тот тоже бы отправил гонца с письмом в Польшу, чтобы «царь Дмитрий» приехал в стан Болотникова.

Напряженность в отношениях Болотникова и Истома Пашкова усиливалась и в связи со все более определявшейся различной социальной ориентацией двух воевод «царя Дмитрия». Пашков требовал лишь устранения самого Шуйского и его братьев, дабы освободить трон для «царя Дмитрия», Болотников же обращался к социальным низам, призывая их объединиться и выступить против знати вообще. В Калуге ему удалось победить брата Шуйского именно таким образом: посад восстал против приверженцев Шуйского, в результате чего И.И. Шуйский оставил Калугу, а посадские низы получили владения знати. Но в Москве посад не имел ни такой силы, ни такой самостоятельности. В результате Болотников не получил ожидаемой поддержки у низов московского населения, а Пашкова и Ляпунова он напугал своими контактами с московскими социальными низами. Ляпунов и прибывший отряд касимовских татар перешли на сторону Василия Шуйского еще в середине ноября, а Истома

Пашков с несколькими сотнями своих воинов — в день решающей битвы 2 декабря 1606 года.

Шуйскому существенно помогли пришедшие на помощь смоленские и набранные в районе Можайска и Волоколамска воеводой Крюком-Колычевым полки, а также пришедшие с Двины стрельцы. Поддержал нового царя и патриарх Гермоген, причем главным аргументом Гермогена было обвинение восставших в «ереси». На самом деле «еретиков» в войске Болотникова не было, но повод к обвинениям в «ереси» давали связи Ажедмитрия, которому вроде бы служил Болотников, с поляками-католиками.

27 ноября 1606 года, после трехнедельного затишья, войско Шуйского перешло в наступление и разбило отряды Болотникова, расположенные близ села Котлы. Основные силы Болотникова отступили в укрепленный лагерь в селе Коломенском. Здесь произошло продолжавшееся несколько дней сражение, в котором Болотников потерпел поражение отчасти из-за измены Пашкова, хотя с ним ушла лишь относительно небольшая часть собственно дворянского войска. По сообщению К. Буссова, Шуйский сумел выставить против Болотникова войско в 100 тысяч человек. Согласно русским источникам, потери Болотникова составили от 500 до 1 тысячи убитыми и 21 тысячу пленными. Такое соотношение может объясняться только переходом в ходе боя части войска Болотникова на сторону Шуйского. Тем не менее, основная часть войска восставших организованно отступила к Калуге и Туле.

Большая часть войска Болотникова укрепились в Калуге. По сообщению «Карамзинского хронографа», в Калуге было «всяких людей огненного бою болши десяти тысяч». В Туле также размещались «многие же люди с вогненным боем». В Москве, видимо, считали, что в принципе с Болотниковым было покончено и надо было просто его догнать и добить. «Вдогонку» был направлен отряд во главе с братом царя Д.И. Шуйским, который был дважды разбит Болотниковым: под Калугой и под Серпуховом. Тогда Василий Шуйский направил под Калугу более значительные силы — три полка с артиллерией во главе с другим братом — Иваном Шуйским. Но И. Шуйский тоже не смог ничего добиться и отступил, сняв осаду.

В январе 1607 года Василий Шуйский направляет под Калугу трех воевод: Ф.И. Мстиславского, Б.П. Татеева и быстро проявлявшего военное дарование молодого М.В. Скопина-Шуйского. Воеводы разработали более рациональный план взятия Калуги. В крепости не было каменного кремля: острог ее был деревянным. Предполагалось разрушить деревянное укрепление артиллерией и организацией поджога с помощью деревянного «подмета». В «Ином сказании» дается описание применения «подмета»: «Ведется подмет под градские стены, вал дровяной, сами идущие ко граду за туры, пред собою же ведоша множество дров, яко стену градную, на сожжение граду, создали убо емлющи дрова и наперед бросающе, и тако впредь ко граду идущие; самих же их со града за дровы ничем вредити не могут. И тако един конец дровяного вала уже и под стену придвигнуша, другаго же конца того дни не успеша придвинуть...; а того не повели ночи ради, отложиша до утра, придвинуть и зажегчи в утре дрова».

Операция московских воевод своей необычностью привлекла внимание и иноземных авторов. Исаак Масса писал о том, что крестьян окрестных селений заставляли рубить в лесах деревья, раскалывать их на дрова и свозить дрова в лагерь на санях, которых было собрано под это дело несколько сот. Целые горы дров были сложены вокруг Калуги, и воеводы ожидали «попутного ветра», с тем, чтобы подожженные дрова сразу перекинулись на деревянные укрепления и постройки города.

Замысел московских воевод достоин с военной точки зрения самой высокой оценки, тем более что подобных методов взятия крепостей до них как будто не применяли. Но и Болотников проявил себя выдающимся воеводой. Он понял, что хотят сделать московские воеводы, и сумел точно рассчитать, когда может быть совершен поджог. На пути надвигавшегося «подмета» за пределами городских укреплений был вырыт ров, который наполнили порохом, и в последнюю ночь перед намеченным поджогом «подмета» ров взорвали. Как записано в «Ином сказании», «от лютости зеленые подняся земля и з дровы, и с людьми, и с туры, и со щиты, и со всякими приступными хитростями. И бысть беда велика, и много войска погибоша, и смятесе все войско».

И замысел московских воевод, и блестяще осуществленные контрмеры Болотникова отражены в разных записках, посвященных «Смуте», что свидетельствует о впечатлении, произведенном неординарным столкновением военных дарований. А Болотников, воспользовавшись естественным замешательством в стане противника, «вышел со всеми людьми» из города и нанес значительный урон осаждавшим: «Многих людей побиша и пораниша». По справедливому замечанию И.И. Смирнова, приход к Калуге лучших в это время московских воевод «ознаменовался одной из самых блестящих побед Болотникова над царскими войсками».

Три подряд внушительных поражения московских войск под Калугой отчасти объясняются некоторой эйфорией в окружении Шуйского после победы над Болотниковым под Коломенским. Но были и объективные причины: Москва не в состоянии была направить под Калугу, как в свое время под Коломенское, сотысячное войско. В это время восстания охватывали уже почти всю страну. Правительству Шуйского не подчинялись все города южнее линии Рязань — Брянск, по-прежнему было беспокойно и на северо-западе России. К тому же возникли новые серьезные очаги выступлений в Среднем Поволжье, где восстание охватило «Арзамасские и Алатырские места», а восставшие подступали к Нижнему Новгороду. Правда, взять город им не удалось, и в январе 1607 года большинство восставших районов «добили челом» Василию Шуйскому. Но обстановка здесь оставалась беспокойной, и в 1608 году восстание будет развиваться под теми же лозунгами, что и на рубеже 1606—1607 годов.

Стремясь укрепить свои позиции и ослабить позиции Болотникова, Василий Шуйский в марте 1607 года издает два очень разных установления. В указе от 7 марта о «добровольных холопах» отменялись статьи закона 1597 года, говорящие о том, что «добровольные холопы», прослужившие у хозяина более полугода, превращались в «кабальных холопов». Новый указ 7 марта лишал владельцев холопов такого права. Для ослабления позиций Болотникова холопам, явившимся с повинной, давались «отпускные», дворянам же разрешалось набирать холопов «на поруки» из тюрем. Еще одно

установление — Уложение 9 марта 1607 года, которое устанавливало срок сыска беглых крестьян в 15 лет. Так, в течение двух-трех дней Шуйский попытался ублажить и волков, и ягнят.

После поражения Болотникова под Москвой и перехода его в Калугу Григорий Шаховской именем «царя Дмитрия» вызвал с юга «царевича Петра» (самозванца Илейку Муромца), дабы тот с казаками оказал поддержку Болотникову. «Царевич Петр» уже выходил на помощь «царю Дмитрию» и в мае 1606 года дошел с казаками Волгой до Свияжска, где и узнал о падении Ажедмитрия. После этого «царевич Петр» с казаками переправился на Дон, а затем на Донец. И теперь он охотно откликнулся на призыв Г. Шаховского — зимой 1607 года «царевич Петр» прибыл в Путивль и возглавил ту часть казачества, которая готова была бороться против «лихих бояр», не допускающих до них царские пожалования. В начале 1607 года, по рекомендации Г. Шаховского, отряды Ажепетра идут на помощь Болотникову — частью в Калугу, частью, вместе с самим «царевичем», в Тулу.

По сообщению «Нового летописца», зимой 1607 года Василием Шуйским были посланы воеводы с воинскими отрядами, помимо Калуги, также к Серпухову, Арзамасу, Михайлову, Веневу, Козельску. Подмосковные города являлись главными опорными базами Болотникова, и против них были двинуты главные силы боярского правительства. Но, несмотря на наличие значительных сил, войскам Шуйского не удалось добиться перевеса, а некоторые частные успехи перекрывались активными действиями восставших. В значительной степени удача восставших являлась заслугой «царевича Петра». В начале февраля князь А.А. Телятевский, выступавший воеводой «царевича Петра», разбил царского воеводу князя А.В. Хилкова и заставил его войско отступить к Кашире. После этой победы войско «царевича» разделилось на две части: одна под началом А.А. Телятевского отправилась к Туле, другая под водительством князя Василия Масальского направилась на помощь Болотникову к Калуге. У реки Вырка произошло сражение с правительскими пол-

ками, которое продолжалось «день да ночь». С обеих сторон выступали примерно равные силы, насчитывавшие более 20 тысяч каждая. Масальский был ранен и попал в плен, «достальные же воры, — по словам «Нового летописца», — многие на зеленых бочках сами сядуху и под собой бочки с зельем зажгоша и злою смертью помроша».

Другое поражение восставшие понесли в Серебряных прудах. Сюда из Каширы были направлены потрепанные отряды князя А.В. Хилкова, но они не добились успеха. На помощь Хилкову пришли отряды, освободившиеся после «замирения» Поволжья, во главе с воеводами Г. Пушкиным и С. Одогуровым. И хотя «ис Прудов воровские люди многих ратных людей переранили, а иных побили», осажденные, «видя свою погибель, что им не отсидетца», впустили войско Шуйского в острог и «крест целовали царю Василью». Пришедшая на другой день помощь «воровских людей с Украйны» опоздала, а воеводы их Иван Масальский и Иван Сторовский с частью отряда попали в плен.

Инициатива перешла к московским воеводам, и Шуйский направляет под Тулу князя И.М. Вортынского. В Туле в это время уже обосновался «царевич Петр», и одной из главных задач Вортынского было пленение самозванного «царевича». Но Вортынский был разбит князем Телятевским и «едва ушел в Олексин». В то же время под Дедиловым было разгромлено войско, возглавляемое воеводами Хилковым, Пушкиным и Одогуровым.

Положение вновь менялось в пользу Болотникова. В мае 1607 года боярское правительство попыталось переломить ситуацию и направило значительные силы под Калугу, куда на помощь Болотникову из Тулы шел отряд под командованием князя Телятевского. Сражение произошло «в селе на Пчельне», вблизи Калуги, и московские воеводы были наголову разбиты Телятевским, а в числе убитых были воеводы Татев и Черкасский. Остатки войска «с великим ужасом, — как писал Конрад Буссов, — прибежали в свой лагерь под Калугу». Определенную роль в этой победе сыграли «заборские казаки», которые в декабре 1606 года попали в плен и

были включены в войско Шуйского, а теперь вновь перешли на сторону восставших «за царя Димитрия». Болотников быстро среагировал на ситуацию и вывел все свои войска на оставшуюся часть войска, бежавшего в лагерь под Калугой. Разгром был полный, и воеводы Шуйского, как сообщает «Иное сказание», «устрашишася и бегству вдашася, и все воинство такожде вослед их побегоша, кто елико можаше».

После этой победы и избавления Калуги от осады Болотников решил перейти в Тулу, где был каменный кремль. Здесь он впервые соединился с «царевичем Петром». Решение Болотникова вызывало непонимание и у современников, и у историков. Исаак Масса заметил, что если бы восставшие сразу двинулись на Москву, «то овладели бы ею без сопротивления». Сам переход Болотникова в Тулу отдалял такую перспективу. И в Туле, хотя нет никаких сведений о разногласиях «воеводы царя Димитрия» и «царевича», какая-то напряженность явно существовала. Г. Шаховской приглашал «царевича», чтобы помочь «воеводе Димитрия», но формально «царевич» стоял выше Болотникова, поскольку Болотников хотя и «первый», но лишь воевода. Не исключены какие-то трения у Болотникова и со своим бывшим господином А.А. Телятевским, одержавшим за короткое время три важные победы. Такую ситуацию мог бы разрешить сам мнимый «Дмитрий», роль которого пока исполнял Михалко Молчанов. Но он не откликался на многочисленные призывы Болотникова раньше и, видимо, решил уклониться от дальнейшего участия в аванюре. В результате же бездействия восставших правительство Шуйского сумело оправиться от поражений и укрепить свои позиции, в частности, за счет некоторых уступок и подачек служилым людям — помещикам, которые не хотели Шуйского, но еще более опасались восставших холопов и сбежавших крепостных. Установления 7 и 9 марта 1607 года, почти противоположно направленные, решали одну и ту же проблему: мобилизации дворянства вокруг правительства Шуйского и ослабления лагеря восставших разного рода посулами как дворянам, так и холопам.

21 мая 1607 года начался тульский поход Василия Шуйского, причем в походе впервые принял участие и сам царь. В Серпухове формировалось войско, предназначенное для похода на Тулу. Одну группу полков возглавил М.В. Скопин-Шуйский, П. Урусов возглавил татарские формирования, а третья группа представляла «дворовые» полки, которые возглавили «дворовые» воеводы И.И. Шуйский и князь М.С. Туренин. Другим местом сосредоточения верных Василию Шуйскому войск была Кашира, где стоял полк князя А.В. Голицына и рязанские отряды во главе с Прокопием Ляпуновым, Г.Ф. Сумбуловым и Ф.И. Булгаковым. Шуйский, однако, медлил с выступлением к Туле, и Болотников (может быть, разрешив какие-то внутренние разногласия) вместе с Телятевским решили обойти войско Шуйского и устремиться прямо к Москве. Численность их войска источники определяли в 30—38 тысяч, отмечалось наличие у войска артиллерии и вооруженных «огненным боем» ратников. О местонахождении «царевича Петра» и его отношении к планам Болотникова и Телятевского в этой связи данных никаких нет, хотя и умолчание об этом может быть существенным фактом: он оставался в Туле либо для охраны города, либо потому, что плана нового похода на Москву не принимал.

Начав движение в сторону Серпухова, Болотников затем резко повернул в сторону Каширы, где находилась более слабая группировка войска Шуйского. Но Шуйский успел вовремя направить подкрепления в Каширу. На подступах к Кашире «на речке Восме, что впала в Беспуту» 5—7 июня разразилась битва. Первоначально перевес был на стороне Болотникова. Но, по сообщению Конрада Буссова, войско Шуйского проиграло сражение, «если бы один из тульских воевод, по фамилии Телятин, не изменил со своим четырехтысячным отрядом и не выручил врага, ударив по своим братьям. Это привело в такой ужас тульское войско, что оно обратилось в бегство и вернулось в Тулу». Значительную роль в победе войска Шуйского сыграли также рязанские отряды, зашедшие в тыл войска Болотникова (возможно, и согласованно с тульскими изменниками). В свою очередь казачий отряд в количестве 1700 человек, зашедший

в тыл полкам Шуйского, оказался отрезанным в «буераке», где он двое суток отражал натиск многократно превосходящих сил: «Билися на смерть, стреляли из ружья до тех мест, что у них зелья не стала». Обезоруженных и плененных казачков на другой день всех казнили.

В битве на Восме Болотников потерял порядка 20 тысяч воинов. Тем не менее, Василий Шуйский не решался двинуть все свое войско к Туле. Туда были отправлены Каширский и Рязанский полки и три полка, возглавляемые князем Скопиным-Шуйским. Перевес в силах у преследователей Болотникова и в таком составе был многократным. Тем не менее, 12 июня Болотников решил дать сражение на речке Вороньей в семи верстах от Тулы. Речка воспринималась как стратегический рубеж и позволяла удерживать позиции в течение двух дней. На третий день московским полкам помог дождь: берег речки стал топким и воины Болотникова «не возмोगша стати» на ранее выбранных ими местах. Пришлось отступать к Туле, и Тула попадала в осаду, продолжавшуюся почти четыре месяца. 30 июня к Туле подошел и сам Василий Шуйский со всем своим двором и войском. Осаждавшие расположились по обеим берегам реки Упы, и артиллерия обстреливала осажденный город также с двух сторон. По разным данным войско Шуйского насчитывало от ста до ста пятидесяти тысяч человек, тогда как Болотников имел, согласно оценкам современников, примерно 20 тысяч воинов.

На первых порах осажденные постоянно совершали вылазки. В июле 1607 года ситуация еще более обострилась — в Стародубе (а не в Путивле) объявился новый самозванец «Дмитрий», который вошел в историю под именем Лжедмитрия II. Осенью 1607 года войска Лжедмитрия II захватили Деделов, Крапивну и Епифань. Но к этому времени Тула уже не могла оказать существенную помощь новому самозванцу. В изолированной от Северских и Украинных городов Туле начался страшный голод. Ели, по словам голландского автора Геркмана, «вонючую пададь и лошадей, источенных червями». И совершенно невыносимыми стали условия в городе, когда осаждающие перекрыли плотиной реку Упу ниже города и город оказался затопленным.

Лжедмитрий II с прижизненного портрета

Собственно, надеяться можно было только на внешнюю помощь. По сообщению К. Буссова, Болотников трижды посылал гонцов к «царю Дмитрию», ожидая помощи. Но, как уже говорилось, установить связь с Михалко Молчановым ему, видимо, не удалось, потому что Молчанов отказался от роли «царя Дмитрия», а с новым Лжедмитрием ни у кого из тульских сидельцев связей не было. Неясно, была ли такая связь с Лжедмитрием у Григория Шаховского, к которому, по всей вероятности, Болотников направлял своих гонцов.

Голод, естественно, обострил внутренние противоречия в Туле. Опасаясь, что Лжедмитрий II все-таки направится к Туле, а также учитывая ослабление позиций Болотникова в самом осажденном городе, Шуйский предложил Болотникову переговоры об условиях капитуляции города. Основой переговоров являлось обещание Шуйского сохранить свободу руководителям и участникам восстания. Заключенное соглашение Шуйский скрепил торжественной клятвой, и 10 октября 1607 года Тула покорилась Василию Шуйскому.

Как и всегда в подобных случаях, сильнейшая сторона не собиралась выполнять условия соглашения. К тому же в Туле имелись предатели, которые доставили Шуйскому схваченных Болотникова и «царевича Петра». Опасаясь реакции на явное нарушение только что заключенного соглашения, Шуйский поспешил объявить войско распущенным, а по городам были разосланы грамоты, где капитуляция Тулы представлялась лишь прощением «тульских сидельцев» и самого Болотникова с признанием ими своей вины. Болотников и «царевич Петр» были доставлены в Москву в оковах, и сразу по возвращению Шуйского в Москву Ажепетр был повешен «под Даниловым монастырем, на Серпуховской дороге». С Болотниковым расправа была произведена через несколько месяцев, в 1608 году. Его отправили в Каргополь, где сначала ослепили, а затем утопили. Князь Телятевский был отпущен на свободу, а оказавшийся в Туле Григорий Шаховской был отправлен в ссылку.

АЖЕДМИТРИЙ II И ЕГО МЕСТО В ПРОДОЛЖАЮЩЕЙСЯ «СМУТЕ»

После захвата Тулы царь Василий Шуйский, опасаясь вооруженных «тульских сидельцев», «милостиво» отпустил их на все четыре стороны. Но казнь «царевича Петра» и Болотникова выявила обман со стороны Шуйского. Разошедшиеся по разным городам и весям воины Болотникова и «царевича Петра» вновь начали собираться в организованные отряды, примыкая главным образом к новому царю «Дмитрию» — Ажедмитрию II. Новый самозванец был прямым ставленником польских авантюристов, которым важно было добиться дальнейшего ослабления России даже ценой подъема самосознания крестьян и холопов, которое не могло пройти мимо и русских земель на правобережье Днепра, в составе Польско-Литовского государства. По какой причине сошел с арены Михалко Молчанов остается неясным, но ему довольно быстро нашли замену.

В мае 1607 года в Стародубе Северском объявились три пришельца, главный из которых именовал себя Андреем Нагим, родственником московского государя Дмитрия. Пришельцы объявили стародубцам, что они пришли от самого Дмитрия, которого следует ожидать со дня на день. Слух дошел и до Болотникова, и он направил из Тулы в Стародуб Ивана Заруцкого, возможно, надеясь, что это тот самый «Дмитрий», с которым он встречался в Сандомире. Но «Дмитрий» не объявлялся, и стародубцы решили пыткой вырвать признание у одного из спутников «Нагого», московского подьячего. Тот «признался», что назвавшийся «Нагим» и есть настоящий «царь Дмитрий».

О происхождении Лжедмитрия сведения довольно противоречивы: похоже, современники об этом мало что знали. Н.М. Карамзин останавливается в основном на двух вариантах: это или бродяга с Украины — поповский сын Матвей Веревкин, как считали некоторые наши летописцы, или же иудей, как считали «в бумагах государственных» и в ряде иностранных источников. По оценке Карамзина, «сей самозванец и видом и свойствами отличался от Расстриги: был груб, свиреп, корыстолюбив до низости; только подобно Отрепьеву, имел дерзость в сердце и некоторую хитрость в уме; владел искусно двумя языками, русским и польским; знал твердо Св. Писание и Круг церковный; разумел, если верить одному чужеземному историку (дается отсылка на Кoberжицкого. — А.К.), и язык еврейский, читал Талмуд, книги Раввинов, среди самых опасностей воинских; хвалился мудростью и предвидением будущего. Пан Меховецкий, друг первого обманщика, сделался руководителем и наставником второго; впечатлел ему в память все обстоятельства и случаи Лжедмитриевой истории». Карамзин же приводит слова царя Михаила Федоровича Романова из письма принцу Оранскому, опубликованного в 1630 году: «Сигизмунд послал жида, который назвался Дмитрием царевичем». Таково было официальное мнение не только Шуйского и его бояр, но и Романовых. О том же говорили и иезуиты, находившиеся в Москве при Лжедмитрии I, что может указывать на Польско-Литовское государство как его родину, где иудейские общины обосновались с XIV века.

В источниках, однако, нет сведений о родословной Ажедмитрия II. Интерес к нему возник, когда он объявил себя «дважды спасшимся» «царевичем» и «царем». Но близко знавших его людей оказалось совсем немного, и они, похоже, тоже знали его не более пяти-десяти лет, когда он служил в разных ролях в основном у лиц духовного звания. След его просматривается и в Москве, и в Белоруссии, и на Украине, и в Польше. По некоторым сведениям, он был в Москве у Ажедмитрия I и уехал из Москвы за пять дней до восстания 17 мая 1606 года, видимо, что-то зная о предстоящих событиях.

Судя по всему, в вопросах веры Ажедмитрий II был также беспринципен, как и во всем остальном. В зависимости от того, что выгоднее, он мог быть и правоверным иудеем, читающим Талмуд на иврите, и католиком, и православным. Примерно такое же настроение царило и в Польше. «Не спрашивали, — пересказывает Карамзин польского историка Немцевича, — истинный ли Димитрий или обманщик зовут воителей? Довольно было того, что Шуйский сидел на престоле, обгавленном кровию ляхов. Война Ливонская кончилась: юношество, скукая праздностию, кипело любовью к ратной деятельности; не ждало указа королевского и решения чинов государственных; хотело и могло действовать самовольно. Но конечно с тайного одобрения Сигизмунда и Панов Думных. Богатые давали деньги бедным на предприятие, коего целью было расхищение целой державы».

«Признавшись» в Стародубе, что под именем Андрея Нагого скрывался «истинный царь Дмитрий», самозванец с помощью польских советников начал формировать отряды для похода в сторону Москвы. «Горючего материала» на «украинах» России оставалось много, и более года недовольные режимом Шуйского ждали «спасшегося» «царя Дмитрия», который почему-то задерживался в Польше. Первоначально роль «спасшегося» исполнял М. Молчанов, но он по неизвестным причинам (может быть, не договорившись с поляками) «сошел с дистанции», уступив место более беспринципному авантюристу, послушному своим польским покровителям.

Города Северной земли, ранее признававшие Ажедмитрия I, немедленно признали и «второго». Помимо Стародуба, где объявился «спасшийся» «Дмитрий», его признали Путивль, Чернигов, Новгород Северский. Иван Заруцкий, ранее верно служивший Ажедмитрию I и направленный к новому самозванцу из Тулы Болотниковым, пал к ногам нового самозванца, уверяя, что будет служить ему, как и раньше, хотя, конечно, видел, что это совсем другой человек. Пан Лисовский быстро сумел собрать из разрозненных казачьих, крестьянских и холопских отрядов, а также польских «добровольцев» войско в 30 тысяч человек, с которым уже в начале осени 1607 года самозванец вышел к Брянску. Он откликнулся на призыв Заруцкого и шел выручать осажденную Тулу. Однако, узнав о падении Тулы, повернул назад и ушел к Трубчевску, ожидая более солидной помощи из Польши. С этой помощью он в декабре снова овладел Брянском, а затем и Орлом, где остановился зимовать.

В.Н. Татищев, используя материалы К. Буссова в передаче Петрея, сообщает о своеобразном продолжении политики, намеченной Ажедмитрием I весной 1606 года, новым самозванцем: «Он же, стоя в Орле, посылал от себя по всем городам грамоты с великими обещаниями милостей, между прочим всем крестьяном и холопом прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял, и тем, почитай, весь простой народ к себе привлек. И чрез то во всех городех паки казаков из холопей и крестьян размножилось, и в каждом городе поделали своих атаманов». Конрад Буссов, к которому восходит эта информация, добавляет (и уточняет, о чьих холопах идет речь): «Димитрий приказал объявить повсюду, где были владения князей и бояр, перешедших к Шуйскому, чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ. А если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами, и к тому же богатыми и могущественными, тогда как их господам в Москве пришлось голодать».

Возможно, что Буссов несколько сгустил краски. Но суть обращения самозванца передал все-таки правильно: хо-

лопов, как и самих самозванцев, прельщают возможностью стать господами. В найденном М.Н. Тихомировым продолжении «Казанского сказания» приводятся данные, указывающие на прецедент, которому в данном случае следовал самозванец. На «украинах», в которых Ажедмитрий II набирал свои первые отряды, ширилось восстание крестьян, в ходе которого, по словам автора сказания (разумеется, враждебного крестьянам и холопам), «раби же их (то есть помещиков. — А.К.) служа им и озлонравившася зверообразием, насилующе, господей своих побиваша, и пояша в жены себе господей своих жены и тщери». То же мировоззрение отразилось и в эпизоде, относящемся ко времени после казни Ажепетра. Под Брянск к самозванцу пришел с трехтысячным отрядом некто, назвавшийся «царевичем» Федором Федоровичем, якобы сыном царя Федора Ивановича. Поначалу, обрадованный неожиданной помощью, Ажедмитрий II оказывал «царевичу» подобающие почести, но, получив значительные подкрепления из Польши, казнил мнимого «племянника».

В Орле, где зимовал самозванец, собирались все новые и новые силы. В апреле 1608 года прибыли сюда с несколькими тысячами всадников князь Ружинский и Адам Вишневецкий. За Ружинским тянулась дурная слава, и Ажедмитрий II не хотел принимать его на службу. Но Ружинский созвал войсковое собрание, которое сместило постоянного опекуна самозванца Меховецкого и выкрикнуло в качестве нового гетмана самого Ружинского. Ажедмитрия II взбунтовавшиеся наемники оскорбляли в лицо, требуя предания его смерти. Меховецкий был собственноручно убит Ружинским, самозванец же, окруженный взбунтовавшимися наемниками, пьянствовал всю ночь, пытаясь заглушить страх. Но и многим полякам было понятно, что без самозванца Москву им не взять. Адам Вишневецкий постарался примирить Ажедмитрия II с Ружинским, причем извинения надменно-польскому авантюристу в окружении поляков приносил самозванец.

Своеобразный переворот в Орле существенно изменил социальную ориентацию самозванца. Он отдаляется от тех,

кто в свое время поддерживал Болотникова, то есть по существу предает их. Польские паны со своими разбойными отрядами становятся господами положения в лагере самозванца, а те, в свою очередь, стремятся установить контакты с боярами и княжатами, недовольными Шуйским. Но Василий Шуйский не сумел воспользоваться серьезным кризисом в лагере самозванца. Н.М. Карамзин не без осуждения пишет о женитьбе Шуйского на склоне лет и бездеятельность его объясняет этой женитьбой. Шуйский вновь назначает главным воеводой своего брата Дмитрия, который, по справедливому замечанию Карамзина, «отличался единственно величавостью и спесию; не был ни любим, ни уважаем войском; не имел ни духа ратного, ни прозорливости в советах и выборе людей; имел зависть к достоинствам блестящим и слабость к ласкателям коварным: для того, вероятно, не взял юного, счастливого витязя, Скопина-Шуйского, и для того взял князя Василия Голицына, знаменитого изменами».

Семидесятитысячное московское войско простояло всю зиму в бездействии, «а толпы Ажедмитриевы, — продолжает Карамзин, — не боясь ни морозов, ни снегов, везде рассыпались, брали города, жгли села и приближались к Москве. Начальники Рязани, князь Хованский и думный дворянин Ляпунов, хотели выгнать мятежников из Пронска, овладели его внешними укреплениями и вломились в город; но Ляпунова тяжело ранили: Хованский отступил — и через несколько дней, под стенами Зарайска, был наголову разбит паном Лисовским, который оставил там памятник своей победы, видимый и доньне: высокий курган, насыпанный над могилою убитых в сем деле россиян».

Наконец в апреле 1608 года московское войско выступило из Болхова в поход против самозванца, а тот неожиданно для московских воевод оказался уже в десяти верстах от Болхова. 23 и 24 апреля произошло сражение. Первым принял бой князь Василий Голицын, «и первый бежал», язвительно заметил Карамзин. Дрогнули ряды и основного войска, но положение спас воевода Куракин, командовавший запасным отрядом и смело бросивший его против

наступавших полков Ажедмитрия II и поляков. На следующий день также битва продолжалась с переменным успехом, но, в конечном счете, московское войско потерпело поражение. В.Н. Татищев, комментируя источник, основную причину видел в том, что «Шуйский шел неосторожно, оставя другие полки назади и по сторонам не блиско, не ведая, что перед ним делается, ...как слепой на неприятеля набрел».

Татищев винит Шуйского в гибели отряда немецких наемников. Но в отношении этих наемников Карамзин дает иную информацию. Глава их, Ламсдорф, «тайно обещал Ажедмитрию передаться к нему со всею дружиною, но пьяный забыл о сем уговоре, и не мешал ей отличиться мужеством в битве. В следующий день... Шуйский, излишне осторожный или робкий, велел преждевременно спастись тяжелые пушки и везти назад к Болхову... чем воспользовался Ажедмитрий, извещенный переметчиком... и сильным нападением смял ряды москвитян; все бежали... кроме немцев. Капитан Ламсдорф, уже непьяный, предложил им братски соединиться с ляхами; но многие, сказав: «наши жены и дети в Москве», усаkali вслед за россиянами. Осталось 200 человек... с Ламсдорфом, ждали чести от Ажедмитрия — и были изрублены козаками. Гетман Ружинский велел умертвить их как обманщиков, за кровь ляхов, убитых ими накануне. Сия измена немцев утаилась от Василия: он наградил их вдов и сирот, думая, что Ламсдорф с добрыми подвижниками лег за него в жаркой сече».

Московские воеводы и воины в большинстве бежали к Москве, часть разошлась по домам, 5 тысяч ратников во главе с князем Третьяком Сеитовым засели в Болхове, а затем присягнули Ажедмитрию и выступили с ним к Калуге, хотя шли обособленно от остальных. Бежавшие с поля боя, оправдывая себя, сильно преувеличивали силы поляков и казаков и в страхе даже находили, что самозванец — это то же лицо, что и Ажедмитрий I. Москва была в панике. «Чернь» уже готовилась выступить против бояр и выдать их, как изменников, самозванцу. Но в Москву стали стекаться и служилые люди, дворяне и дети боярские для защиты столицы государства и царя от поляков, казаков и той же «чер-

ни». Пришел в Москву и Третьяк Сеитов со своим отрядом, оправдываясь в измене и проклиная самозванца как подлого злодея.

Шуйский собрал новое войско и на сей раз поставил во главе его Скопина-Шуйского и Ивана Романова. Войско выступило навстречу Ажедмитрию и стало на берегах Незнани, между Москвой и Калугой. Но войско самозванца пошло к Москве другим путем, а московские воеводы князя Иван Катырев, Юрий Трубецкой и Иван Троекуров, посчитав, что гибель Шуйского неминуема, стали уговаривать дворян и детей боярских бить челом самозванцу. Шуйскому донесли о замысле трех воевод, он приказал схватить их и везти в Москву. Под пыткой виновные сознались и повинились. Шуйский не решился казнить князей, и их сослали: Катырева в Сибирь, Трубецкого в Тотьму, Троекурова в Нижний. Казнены же были двое, по выражению Карамзина, «менее знатных и менее виновных». Узнав, что самозванец приближается к Москве, а также беспокоясь о надежности наскоро набранной рати, Шуйский распорядился отозвать войско в Москву, чтобы организовать ее защиту. Ажедмитрий же с польскими и разнородными русскими отрядами остановился 1 июня в Тушино, которое в то время находилось в 12 верстах от Москвы.

Московское войско расположилось в основном напротив Тушино. Стычки авангардов обеих сторон были порой ожесточенными, но обе стороны оставались на своих позициях. Конрад Буссов писал о разногласиях, возникших в лагере самозванца между Ружинским и Ажедмитрием. Ружинский предлагал взять Москву немедленным приступом, что предполагало и активное применение артиллерии, и поджог деревянных укреплений и строений. Ажедмитрий возражал со своей стороны: «Если разорите мою столицу, то где же мне царствовать? Если сожжете мою казну, то чем же будет мне наградить вас?» По заключению Буссова: «Сия жалость к Москве погубила его».

Ажедмитрий направлял жителям Москвы грамоты, надеясь, что москвичи поднимутся против Шуйского, как это многократно происходило в южных городах. Но Москва на

эти послания не отвечала то ли потому, что они не попадали по адресу, то ли потому, что значительная польская составная войска самозванца напоминала о столкновениях с поляками в правление Ажедмитрия I, и в результате Ажедмитрий II ничего не выигрывал от уверения, что он и есть тот самый единственный «Дмитрий».

Став царем, Шуйский главной внешнеполитической задачей считал заключение мира с Речью Посполитой, дабы исключить участие крупных польских войсковых соединений во внутренних усобицах в России. Уже в мае 1606 года в Польшу было отправлено посольство для переговоров. Но Сигизмунд под тем или иным предлогом уклонялся от заключения мира и, как отмечалось выше, покровительствовал шляхетской вольнице, грабившей Россию. О действительной политике Сигизмунда Шуйскому говорил и представитель Швеции в России Петрей, склоняя русского царя к заключению союза Швеции и России против Речи Посполитой. Но Шуйский отказался от такого союза, надеясь «на Бога». Переговоры с Польшей шли трудно, поскольку Сигизмунд постоянно готовился к войне с Россией, но не чувствовал себя готовым к ней, в частности, из-за разногласий в правящем лагере, где опасались, что Шуйский может прозреть и заключить союз со Швецией.

Одним из проявлений сложившейся в Речи Посполитой полуанархической системы власти были постоянные «рокоши» — выступления той или иной группы власти против короля. Как раз во время фактически начавшейся польской интервенции в России в Польше вспыхнул «Рокош Зебжидовского». Под его влиянием в конце июля 1608 года было заключено перемирие с Россией. Сигизмунд обязывался вывести из пределов России польские войска и не допускать их вмешательства в русские дела впоследствии. Русское правительство со своей стороны освобождало польских феодалов, задержанных в Москве еще в мае 1606 года. Особо выделялся вопрос о семействе Мнишек, сосланном в Ярославль, причем, очевидно, ни Москва, ни Краков не представляли, что может за этим последовать.

Сигизмунд III, конечно, не собирался выполнять соглашение, когда польские отряды вместе с Ажедмитрием стояли под Москвой. К тому же в 1607 году у Речи Посполитой был практически союзный договор с Турцией против России, чем направлялись постоянные вторжения крымских татар в южные пределы России. Поддерживал польскую интервенцию и папа римский, и, соответственно, весь католический мир. В тушинский лагерь Ажедмитрия II продолжали прибывать все новые отряды из Польши. Среди них были наиболее значительными и по количеству воинов и по влиянию паны Зборовский и усвятский староста Ян-Петр Сапега, родственник литовского канцлера Льва Сапег.

Ян Сапега

Ажедмитрий II был в переписке с Юрием Мнишеком еще с января 1608 года, и это неудивительно, если учесть, что его «подобрали» люди, близкие Мнишеку. В августе 1608 года семейство Мнишека, вроде бы, согласно перемирию, направлявшееся в Польшу, было «перехвачено» и доставлено в Тушинский лагерь. По справедливому заключению Н.М. Карамзина, «Василий дал на себя оружие злодеям, дав свободу Марине».

Мнишек и Марина не колебались: они были подготовлены предшествующей перепиской с самозванцем. По замечанию Карамзина, «ни опасности, ни стыд не могли удерживать их от нового, вероломного и еще гнуснейшего союза со злодейством». С приближением «законной жены» и «тестя» Ажедмитрий II распорядился палить из всех пушек. Но Марина остановилась в версте от Тушина, где и произошло ее первое свидание с самозванцем, отнюдь нерадостное. Марина знала, что едет совсем к другому «Дмитрию», но реальность оказалась хуже всяких ожиданий. Перед ней явился отвратительный и наружностью, и душой человек, с которым ей предстояло разделить ложе. Марина колебалась, но, как заметил Карамзин, «Мнишек и честолюбие убедили Марину преодолеть слабость». По сообщению Конрада Буссова, стороны договорились на том, что иезуит, духовник Мнишек, тайно обвенчает «мужа и жену», затем Юрий Мнишек вернется в Польшу, а Марина будет жить с Ажедмитрием как сестра с братом в Тушинском лагере до взятия Москвы.

1 сентября 1608 года Марина въехала в Тушинский лагерь и начала весьма успешно исполнять роль любящей жены, вернувшейся после вынужденной двухлетней разлуки к супругу. Как заметил Карамзин (пересказывая К. Буссова и Петрея), «радостные слезы, объятия, слова, внушенные, казалось, истинным чувством — все было употреблено для обмана, и не бесполезно: многие верили ему, или, по крайней мере, говорили, что верят, и российские изменники писали к своим друзьям: «Дмитрий есть без сомнения истинный, когда Марина признала в нем мужа». В итоге Марина существенно усилила позиции самозванца. Из разных городов к нему ехали дворяне и представители высшего чиновничества.

ва. В их числе были стольники князя Дмитрий Трубецкой, Черкасский, Сицкий, Засекины, Бутурлин и другие, некогда служившие Ажедмитрию I, и теперь «узнавшие» его в новом самозванце. Из этой знати Ажедмитрий сформировал «Боярскую думу», и в целом копировал структуру власти, характерную для Московского государства второй половины XVI — начала XVII века. Из Ростова к самозванцу прибыл митрополит Филарет, а вместе с ним и родственники Романовых. Филарет в Тушине был провозглашен патриархом, и Романовы не возражали против таких подачек самозванца, хотя, разумеется, знали, с кем имеют дело. Но титул «патриарха» не давал Филарету первенства в решении церковных дел. Диктаторскими полномочиями обладали «децемвиры» — члены комиссии польской шляхты из десяти человек. Естественно, что многие разочаровывались и отъезжали от самозванца к Шуйскому. Именно к этому времени относится крылатое определение «тушинские перелеты», характеризующее поведение бояр, дворян, служилых людей, перебегавших из одного лагеря в другой. Но пока больше ехали к самозванцу, нежели от него.

Так или иначе, именно с приездом Марины Ажедмитрий II приобрел наибольшую мощь и заметное преимущество по сравнению с Шуйским. По сообщениям Буссова и Петрея, он присвоил себе титул, какового не знал ни один правитель Европы: «Мы, Димитрий Иванович, Царь Московский, Самодержец всех княжеств русских, единый Богом данный и избранный, Богом хранимый, Богом помазанный и возвеличенный над прочими царями, подобный второму Израилю, ведомый силой Всевышнего, единый Царь Христианский от Востока до Запада, и многих государств повелитель».

Шуйский, напротив, испытывал крайнюю неуверенность. Он, еще недавно отказывавшийся от предложенного союза со Швецией против Польши, теперь направляет лучшего полководца из своего окружения М.В. Скопина-Шуйского в Швецию для заключения союза. Посольства были направлены и в другие страны. По свидетельству Авраамия Палицына, «Царь же Василий Иванович вскоре посла тогда к западным и полунощным странам: в Дацкую землю, и в

Аглинскую, и в Свийскую, о обиде своей на польского краля и на своих изменников с ложным царем их, помощи прося». Но откликнулась только «Свейская земля», преследовавшая свой интерес и в отношении Польши, и в отношении России. Швеция соглашалась оказать помощь, но взамен потребовала уступку российских территорий.

Патриарх Филарет (Федор Романов)

В настроении, близком к отчаянию, Шуйский обратился к своим ратникам, которым не доверял после многократных «перелетов» в Тушино и отчасти из Тушина, что называется «распахнув рубаху». «Новый летописец» рассказывает об этом шаге отчаяния: «Царь же Василей, видя на себя гнев Божий и на все православное христианство, нача осаду крепити и говорити ратным людем: кто хочет сидеть в Московском государстве, и те целовали бы крест, и не похотят в осаде сидеть, ехали бы из Москвы не бегом. Все ж начаша крест целовати, хотяху вси помереть за Дом Пречистой Богородицы в Московском государстве, и поцеловали крест. На завтрее же и на третий день и в иные дни многие, не помня крестного целования и обещания своего к Богу, отъезжали к вору в Тушино: боярские дети, стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и жильцы, и дьяки и подьячие». Это обращение Шуйский сделал, находясь за пределами Москвы, в стане на Волоцкой дороге в конце ноября или начале декабря 1608 года. Получив же сведения о реальном поведении ратных людей, целовавших крест, царь «выйде и сам в Москву со всею ратью». А с Николина дня (6 декабря по старому стилю) повелел всем полкам войти в город, опасаясь, что оставшаяся в городе рать может просто сдать Москву самозванцу.

Примерно так же, как «Новый летописец», оценивал ситуацию Авраамий Палицын. «На единой бо трапезе сядяще в пиршестве в царствующем граде, по веселии же убо ови в царския полаты, ови в Тушинския табары прескакаху. И разделишася надвое вси человецы, вси же мысляще лукавне о себе: аще убо взята будет Москва, то тамо отцы наши и братия, и род, и друзи; тии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то такожде им заступницы будем. Польские же и литовские люди, и воры, и казаки тем перелетом ни в чем не вероваху, — тако бо тех тогда нарицаху, — и яко волцы над псами играюще и инех искушающе, инеми же вместо щитов от меча и от всякого оружия и от смертного поядения защищахуся... Царем же играху, яко детищем, и всяк вышши меры своея жалованья хотяше. Мнози же, тайницы нарицаеми, целоваше крест Господень, но врагом прилагахуся; и в Тушине бывше и тамо же крест Господень целоваше и, жалование у врага Божия взявше, въспять в царствующий град возвращахуся,

и паки у царя Василиа болши прежняго почесть, и имениа, и дары восприимаху и паки к вору отъежжаху. Мнози же тако мятуще всем Российским государством не дважды кто, но и пять крат и в десять в Тушино и к Москве переежжаху. Недостатки же в Тушине потреб телесных или пищу и одежды и оружий бранных, и лекарственных всяких зелий, и соль, та вся отай уклоняющесе кривопутством, изменницы от царствующего града Москвы наполняху изменичьи станица в Тушине. И радующесе окаании восприятию прикуп многа сребра, конца же вещи не разсуждающе... Инии же дерзости антихриста... сладкое горко наричуще, и горкое сладко, и свет — тму, а тму — свет».

Оценивая такое падение нравов, характерное не только для «Смутного времени», Н.М. Карамзин указал на главную причину — резкое падение авторитета власти и способности властителей управлять страной: «Все ослабело: благоговение к сану царскому, уважение к Синклиту и духовенству. Блеск Василиевой великодушной твердости затмевался в глазах страждущей России его несчастьем, которое ставили ему в вину и в обман: ибо сей властолюбец, принимая скипетр, обещал благоденствие Государству. Видели ревностную мольбу Василиеву в храмах; но Бог не внимал ей — и царь злосчастный казался народу царем неблагословенным, отверженным. Духовенство славilo высокую добродетель венценосца, и бояре еще изъявляли к нему усердие; но москвитяне помнили, что духовенство славilo и кляло Годунова, славilo и кляло Отрепьева; что бояре изъявляли усердие и к Разстриге накануне его убийства. В смятении мыслей и чувств, добрые скорбели, слабые недоумевали, злые действовали... и гнусные измены продолжались».

Тушинский лагерь тем временем все более становился местом сбора грабителей, к числу которых относилось большинство польских отрядов и разбойничья часть казачества. Грабительские цели обычно прикрывались военно-стратегическими. Так Сапега и Лисовский 23 сентября 1608 года начали осаду Троице-Сергиевого монастыря. Монастырь, конечно, имел определенное стратегическое значение, прикрывая Москву с северо-запада. Он был обнесен мощными каменными стенами, в нем находился отряд московских рат-

ников. Участвовали в обороне также сами монахи и определенная часть окрестного населения. Но польских воевод более всего привлекали богатства монастыря, и ради этих богатств они простояли под его стенами до января 1610 года, правда, так ничего и не добившись.

Больше преуспели польские отряды, устремившиеся в районы севернее Москвы. Поляки также преследовали стратегическую цель — отрезать Москву от питавших ее областей. Но и здесь главной была опять-таки цель разграбления городов, с развитым посадом, ремеслом и торговлей. Поначалу города сдавались практически без боя: в них не было никаких гарнизонов, а население не было вооружено, да и вроде бы не нуждалось в этом. В октябре-ноябре 1608 года Ажедмитрия II признали Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль. Польские отряды заняли Владимир, Суздаль, Шую, Гороховец, Муром, Арзамас. Продвинулись они также за Волгу в направлении к Устюгу и Вологде. Но некоторые города — Смоленск, Новгород, Великий Устюг, Рязань, Нижний Новгород, Казань, то есть города, имевшие либо московские гарнизоны, либо боеспособное ополчение, отражали нападения поляков и иных тушинцев.

В захваченных поляками и тушинцами городах и уездах большинство новых воевод было из русских, но фактически всем заправляли поляки. Население облагали непосильными податями или просто грабили. Отряды тушинцев расквартировывались там, где считали для себя более удобным и более доходным. И грабители хвастались перед своими соотечественниками: «Из этих волостей везли нам почти всего, чего только душа захочет, и было нам очень хорошо», — вспоминал участник разбойных походов Марховецкий. Дворянам и боярам, присягнувшим Ажедмитрию, а также польским «волонтерам» щедро раздавались земли.

Грабежи и насилия со стороны тушинцев непосредственно повлияли на то, что у населения городов и уездов Севера начинает пробуждаться национальное самосознание. В отличие от Москвы, морально разложившейся, как верно заметил Карамзин, действиями и бытовым поведением последних трех царей (Годунова, Ажедмитрия I и Шуйского) северные города и уезды продолжали жить своими вековы-

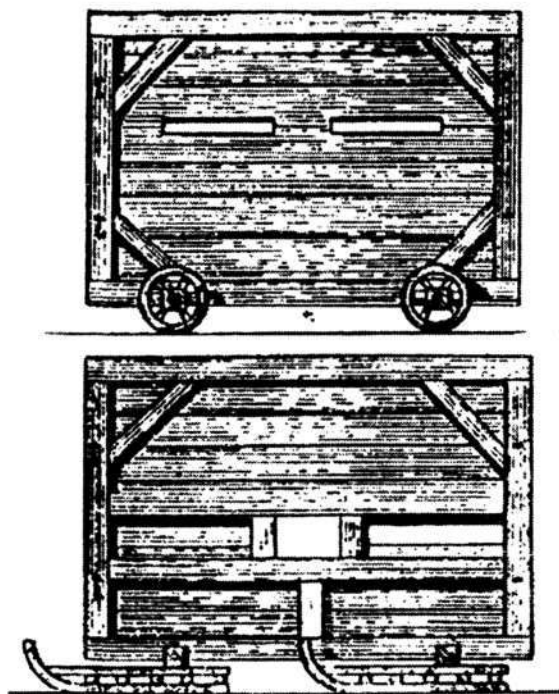
ми традициями, в рамках которых обычно присутствовало земское самоуправление — сельское и посадско-городское. Разбойный характер новой власти поднимал значение этих институтов, и борьба изначально принимала характер национально-освободительной. Именно отсюда идеи национального освобождения будут распространяться на юг и, в конечном счете, поднимут против интервентов и их приспешников всю Россию.

Уже в ноябре 1608 года начались открытые выступления против поляков и тушинцев, и лозунги национально-освободительной борьбы становились все более популярными. В результате восстания посадских людей было устранено тушинское правление в Вологде, и власть перешла к посадским людям и земским целовальникам. Тогда же против польских грабителей выступил Галич Мерьский, бывший еще в первой половине XV века центром антилитовских настроений и действий и, видимо, не утративший давних традиций. Здесь собралось значительное ополчение из двинских стрельцов и «даточных людей» (военнообязанные из числа тяглого сельского и посадского населения). В декабре 1608 года галицкое ополчение освободило Кострому. Восстание распространилось практически на все Поволжье. И хотя было оно стихийным, именно в его рамках рождалась освободительная идеология, которая вооружит будущие освободительные земские ополчения.

Польские паны, обеспокоенные и напуганные быстро меняющейся обстановкой на Севере России, отправляют посланников с прошением о помощи к Сигизмунду III и римскому папе. В то же время, распоряжением Сапег, на Волгу направляется большое соединение польских отрядов под командованием Лисовского. Ему удалось вновь захватить Кострому, Кинешму, расправиться с посадскими людьми сначала в главном центре польского господства — в Ярославле, а в январе 1609 года был взят Галич. Но дальнейшее продвижение на север было остановлено земскими ополчениями. И пока Лисовский безуспешно осаждал Вологду, занятые им поволжские города снова перешли в руки земских ополчений. Лисовский отступил к Суздалю на соединение с войском Сапег.

К середине февраля 1609 года поляки и другие тушинцы были отброшены к центральным районам и заблокированы со стороны севера и северо-запада. В ходе военных действий ополченцы набирались опыта. Самой серьезной силой поляков была конница, и поначалу именно она решала схватки в пользу интервентов. Земские ополчения противопоставили польской коннице «засеки» и «гуляй-города» — подвижные укрепления, перекрывавшие перед наступающим противником улицы. Высокоразвитое ремесло в поволжских и северных городах позволило обеспечить земские ополчения артиллерией и ручным огнестрельным оружием. К тому же, разрозненные земские ополчения стремились наладить контакты, и между городами устанавливаются постоянные связи.

Гуляй-город на колесах и на санях

Князь Михаил Скопин-Шуйский

В феврале 1609 года наконец было достигнуто соглашение России со Швецией. За эту помощь Россия расплачивалась своими землями — Швеции передавалась Корела с округой. Во главе объединенного русско-шведского отряда должен был стать М.В. Скопин-Шуйский.

Путь на Москву во многом был расчищен народным движением северо-западных и северных районов страны. Скопин-Шуйский устанавливает связи с земскими ополчениями северных городов и уездов и оказывает им военную помощь. В Вологду из Новгорода был направлен отряд под командованием Вышеславцева, а в Галич — воевода Жеребцов. Поляки, пытавшиеся захватить Устюжну Железнопольскую, были отбиты соединенными силами земских ополчений и вспомогательных отрядов Скопина-Шуйского. К этому же времени земские ополчения вновь освободили от

поляков Кострому и весь Галицкий уезд. В марте был освобожден город Романов, а в апреле — Ярославль. Поскольку Ярославль открывал путь и к Троице-Сергиевому монастырю, и к Тушину, здесь развернулись упорные бои, но все атаки Лисовского были отбиты ополчением, руководимым Вышеславцевым.

Основные силы Скопина-Шуйского выступили из Новгорода только в мае 1609 года, а первое соединение с ополчениями северных и поволжских городов произошло у Калязина, и лишь в июле войска Скопина-Шуйского подошли к Ярославлю. Такая медлительность объясняется тем, что его собственный отряд был малочисленным, а шведы во главе с Делагарди к Москве не торопились. Продвигаясь к Москве через охваченные восстаниями северные и поволжские области, Скопин-Шуйский рассчитывал увеличить численность своего отряда за счет земских ополчений. (Подобным образом и отряд Ф.И. Шереметева двигался по распоряжению Шуйского из Астрахани по Волге и прибыл в Нижний Новгород только весной 1609 года, когда угроза Нижнему миновала.)

Неудачи в Поволжье и у городов севернее Москвы кардинально изменили обстановку в Тушинском лагере. Если раньше «перелеты» летели из Москвы в Тушино, то теперь они торопятся вернуться обратно. Изгнание польских отрядов из городов Поволжья, где они были на «самообеспечении», создавало новые трудности для Лжедмитрия. Под Москвой было уже все разграблено, и польские наемники требуют теперь платы от самозванца, который и сам утратил былые источники финансирования. Надежда на помощь Сигизмунда III отпала после заключения договора России со Швецией.

После неудачной попытки взять Троице-Сергиев монастырь в мае 1609 года значительная часть польских войск ушла грабить Поволжье. Но потерпев ряд поражений от земских ополчений, рассеянные отряды, став под знамена Яна Сапеги и Лисовского, надеялись компенсировать потери взятием одной из русских святынь, и в сентябре 1609 года значительные польские отряды вновь оказались под Троице-Сергиевым монастырем. Авраамий Палицын обстоятельно описывает трехмесячную осаду монастыря, героическую

оборону его и иноками, и ратниками, и крестьянами из монастырских окрестностей.

23 сентября Сапега, Лисовский, Константин Вишневецкий и многие другие «паны» во главе тридцатитысячного войска поляков, казаков и российских тушинцев появились перед монастырем. Воеводы Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов совершили что-то вроде «разведки боем» и с небольшими потерями вернулись за стены монастыря, заодно показав крестьянам монастырских слобод этой вылазкой, что надо сжигать свои дома и уходить в монастырь, что крестьяне и сделали. Поляки на другой день занимали высоты и пути, ведущие к монастырю, и укрепляли свой лагерь. А в самом монастыре, где собралось много народа и сказывались осенние неудобства, воеводы и все ратные люди над гробом Сергия целовали крест, чтобы сидеть в осаде без измены. Им следовали иноки и монастырские слуги, провозглашая готовность испить чашу смертную за Отечество.

29 сентября Сапега и Лисовский обратились к воеводам обители с посланием, в котором призывали «покориться Дмитрию». Архимандрит и воеводы прочитали послания перед всем народом, но никто не согласился покориться. Монахи и воины в ответ возлагали надежду на Святую Троицу и святых Сергия и Никона Радонежских. Изменника сына боярского Безсона Руготина, привезшего грамоты Сапеги, отправили назад с бранной грамотой, не тронув, однако, посыльного.

30 сентября поляки возводили туры на высотах, копали ров, насыпали вал, а с 3 октября в течение шести недель палили из шестидесяти трех пушек, стремясь разрушить каменную стену. Но обстрел оказался малоэффективным, и осажденные воспринимали это как милость Божию. Иноки и ратники ежедневно обходили стены с иконами и церковным пением.

12 октября Сапега устроил для своего войска грандиозный пир в качестве подготовки к штурму. Целый день поляки и тушинцы пили, шумели, стреляли, скакали со знаменами на лошадях, а ночью с криками и музыкой двинулись к монастырю. Их встретили залпами из пушек и пищалей. Многие

были убиты и ранены, остальные, не дойдя до стен монастыря, бежали. А на другое утро осажденные собрали трофеи и сожгли их, славя Бога за помощь. После этой неудачи поляки неоднократно подъезжали к стенам, уговаривая защитников сдаться и предлагая выгодные условия. Но посулы лишь укрепляли в осажденных веру в конечный успех.

19 октября стрельцы и казаки заметили поляков в монастырских огородах и, не ставя в известность воевод, спустились на веревках по стенам и перерезали всех поляков. Воодушевленные таким нечаянным успехом, воеводы решили провести вылазку, в том числе конными дружинами, чтобы разрушить туры на Красной горе. Но вылазка не принесла успеха, и войско, понеся значительные потери, отступило за стены монастыря. 25 октября осаждавшие, обрадованные успешным отражением вылазки осажденных, темной ночью, под пушечную канонаду с криками устремились к монастырю и соломою с берестой зажгли острог. Но вспыхнувшее пламя оказалась не на пользу нападавшим: они стали мишенью для пушек и пищалей осажденных. Понеся большие потери, нападавшие скрылись в своем укрепленном стане.

После очередной неудачи Сапега и Лисовский решили подвести подкопы под стены. Осажденные воеводы поняли замысел поляков. Воеводы нашли монастырского слугу, искусного в горном деле, и велели ему делать в башнях «слухи» — ямы, через которые можно было услышать стуки и прочие шумы. Решили также углубить ров с северо-восточной стороны. Поляки заметили работающих и напали на них, но были отражены огнем монастырской артиллерии. Однако в другой схватке за рвом, 1 ноября, поляки одержали победу. Было убито 190 человек защитников, и несколько человек попали в плен. Положение осажденных заметно ухудшилось, поскольку они лишились возможности черпать воду в прудах за пределами крепости. Урон на сей раз нанес и пушечный обстрел монастыря, причем более всего иноков напугало попадание пушечного ядра в иконы, перед которыми народ обычно молился. В довершение, один монастырский слуга перебежал к полякам. Опасались, что он может что-то выдать полякам и возможности наличия среди монастырских слуг его единомышленников.

Стычки продолжались. Осажденные прокопали под стеною проход ко рву и в темные ночи нападали на окопы противника, захватывали языков и, наконец, узнали о месте подкопа: он шел от мельницы к круглой угловой башне нижнего монастыря. Воеводы укрепили место, где совершался подкоп, турами и частоколом. Воодушевляли и частные успехи: троицкие пушкари сумели разбить самую мощную литовскую пушку, более всего наносившую урон монастырю. Другой успех непосредственно от осажденных не зависел. 500 донских казаков, конечно, православных, бежали от Сапег — они устыдились того, что им пришлось разрушать одну из наиболее почитаемых православных святынь.

В ночь 9 ноября воеводы, взяв благословение архимандрита над гробом Сергия Радонежского, тихо вышли из монастыря с ратниками и монахами и с рассветом с трех сторон устремились к мельнице. Поляки и казаки бежали из ближайших укреплений, и совершившие вылазку ратники овладели мельницей, нашли и взорвали подкоп. При этом двое ратников принесли себя в жертву, совершая поджог горючего материала. Завязалась битва с подоспевшими отрядами осаждавших. Троицкие воеводы, видимо, не предполагали сражения с основными силами. Но ратники и иноки рвались в бой и взяли Красную гору со всеми турами, 8 пушек, самопалы, копья, знамена, трубы и литавры, а также пленных. Что не могли унести — сожгли.

Монастырь встречал победителей колокольным звоном всех церквей. Победители несли в монастырь 174 тела своих убитых и 66 тяжелораненых. Поляки и тушинцы потеряли полторы тысячи человек. О победе была извещена Москва, но помощи оттуда не было. Тем не менее, в начале зимы осажденные одержали еще одну победу. Сапега и Лисовский заманивали осажденных слабым арьергардом, а затем, бросив основные силы, прижимали вышедших из монастыря к его стенам. Но из монастыря бросились в битву все без остатка и благодаря энтузиазму одержали победу над превосходящими силами. При этом большой урон полякам и тушинцам наносила артиллерия. Сам же Лисовский был сбит с коня стрелой, угодившей ему в висок, был убит и знатный поляк князь Юрий Горский. Сапега вынужден был отступить.

Сражение троицких воинов с литовскими панами

Но зима оказалась тяжела для осажденных: не было дров — дровосеков подкарауливали, убивали и брали в плен поляки. Естественно, не стало «подножного корма», возникли проблемы с водой. Зимние трудности снижали стойкость и уверенность троицких ратников. Двое из числа детей боярских перебежали к полякам и дали совет Сапеге, как лишить осажденных воды. Вода поступала в монастырь из пруда по подземным трубам, и перебежчики из монастыря советовали спустить этот пруд. Но перебежчики были и среди поляков, и осажденные, узнав об этом плане, в ночной вылазке перебили всех землекопов. Позаботились также сделать запас воды, отворив все трубы.

Н.М. Карамзин с восторгом рассказывает о подвигах иноков, и они заслуживают самой высокой похвалы: иноки своим поведением воодушевляли воинов. Карамзин пишет о цинге, захватившей сначала беднейших, а затем и богатых: умирали в день до 50 человек. Всего за зимние месяцы 1609—1610 гг. умерло около 3 тысяч защитников монастыря. Но попытка Сапегы в конце мая 1610 года взять приступом

обитель провалилась. На стенах монастыря рядом с оставшимися воинами и чернецами появились и женщины, вооруженные камнями, смолой, серой и огнем.

А основные события решались в других местах. В конце сентября 1609 года Сигизмунд III, в нарушение всех договоренностей с Шуйским, осадил Смоленск. Оборону города организовал смоленский воевода М.Б. Шеин. Формально Сигизмунд оправдывал нарушение «перемирия» заключением договора России с Швецией. Но более существенным мотивом непосредственного вмешательства в военные действия против России было разочарование в действиях Ажедмитрия II — к лету 1609 года стало ясно, что «Тушинский вор» успеха не добьется. К тому же польского короля раздражали претензии Ажедмитрия II на императорский титул. Сигизмунд, сумевший собрать лишь немногим более 12 тысяч воинов, простоял под Смоленском до июня 1611 года.

Польские отряды в России неизбежно создавали впечатление разбойников и грабителей. Но вступление в войну официальной Польши ни в коей мере не поколебало этого впечатления. Скорее наоборот: теперь за разбои и насилия поляков реальную ответственность брал на себя сам король. В итоге непосредственная внешняя агрессия еще более ускорила рост национально-государственного самосознания. Оборона Троице-Сергиева монастыря и затем Смоленска показывали и значительный моральный перевес обороняющейся стороны.

В середине декабря 1609 года направленные Сигизмундом в Тушино послы попытались уговорить поляков вернуться в королевское войско, а самозванца выдать польскому королю. Но этот демарш еще более обострил положение в Тушине. Польская шляхта имела под Москвой большие доходы и не хотела их лишаться. Тем не менее, положение Ажедмитрия II резко пошатнулось, и в конце декабря он бежал в Калугу. Оставшиеся под Москвой поляки стали искать компромиссный вариант, и в феврале 1610 года тушинцы заключили договор о приглашении на Московский стол сына Сигизмунда Владислава. Большинство поляков ушло под Смоленск, ушел из-под Троицкого монастыря и Сапега,

напуганный приближением отряда М. Скопина-Шуйского и союзных ему шведов.

Но положение оставалось сложным. В марте 1610 года в Москву торжественно вступил Михаил Скопин-Шуйский, с которым Москва и Россия связывали много надежд. У ряда дворян во главе с Прокопием и Захарием Ляпуновыми появилась идея заменить непопулярного Василия Шуйского его молодым и подававшим большие надежды племянником. Но в конце апреля предполагаемый претендент на царский трон неожиданно скончался. Утверждали, что М.В. Скопина-Шуйского отравили, причем молва приписывала смерть полководца либо крайне неудачливому и трусливому брату царя Дмитрию Шуйскому, либо его супруге.

В мае-июне 1609 года московские воеводы предприняли активные действия против польских войск в западных районах Подмосковья. Но 24 июня Дмитрий Шуйский потерпел сокрушительное поражение от Жолкевского, и, как всегда, с небольшими остатками войска бежал в Москву. Одной из причин разгрома явилось предательство шведов во главе с Делгарди, которые помогли полякам. Но и этот факт не оправдывает Дмитрия Шуйского: Делгарди вполне уживался со Скопиным-Шуйским, но явно неприязненно относился к его предполагаемому убийце. Так или иначе, измена шведов лишь усугубляла положение Василия Шуйского. Даже «Тушинский вор» из Калуги перебрался в Коломенское, рассчитывая найти в Москве сторонников. 17 июля 1610 года восставшие во главе с Захарием Ляпуновым ворвались в царский дворец и заставили Василия Шуйского отречься от престола. Затем он был насильно пострижен в монахи, чем ему окончательно закрывался путь к трону.

Ляпунову не удалось возвести на трон своего кандидата — В.В. Голицына. Поскольку же пока не нашли достойного преемника, решили передать власть Боярской думе, фактическое управление сосредоточилось в руках семи бояр. Это были князья Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой, А.В. Голицын, Б.М. Лыков, а также родовитые бояре — брат патриарха Филарета И.Н. Романов и Ф.И. Шереметев. В пересудах скептиков этот период бояр-

ского правления получил название «Семибоярщины». Большинство бояр были в думе и при Василии Шуйском, а потому авторитетом «Семибоярщина» не пользовалась. Уже через неделю после переворота под Москвой оказались отряды Жолкевского, требовавшего признания царем польского королевича Владислава, вновь заявил о себе и Лжедмитрий II.

С Владиславом первый договор заключили еще тушинцы в феврале 1610 года, а в июне 1610 года с поляками подписали договор московские бояре. В первом договоре были статьи, как бы выражающие стремление сохранить русские национальные традиции и обычаи: король должен был венчаться православным патриархом, полякам в Москве оставляли единственный костел, вносился принцип выслуги для удельных, существенно ограничивалась возможность занятия высоких должностей иностранцами. Второй договор был чисто боярским: вводился пункт о сохранении «отечества и чести» княжеских и боярских родов.

Для укрепления своей власти в России и в Москве Сигизмунд посоветовал Жолкевскому по-своему «очистить» Москву от «ненадежных элементов». Сделано это было довольно оригинально: к польскому королю под Смоленск из Москвы собрали посольство в составе 1246 человек, в котором были и дворяне, и посадские люди (включили в состав «посольства» и свергнутого царя). После этой операции легче было провести и вторую: в ночь с 20 на 21 сентября войска Жолкевского вошли в Москву. Бояре боялись и москвичей, и России, над которой они все более утрачивали власть, и передали власть полякам, в надежде, что поляки защитят их от собственного народа. После отъезда Жолкевского в октябре 1610 года власть в Москве перешла к Александру Гонсевскому. В окружении Сигизмунда Гонсевский отличался особой ненавистью к Москве и России. С его приходом в Москве стали полностью распоряжаться поляки и русские изменники.

Осенью 1610 года одной из проблем для польских интервентов была борьба с остатками казачьих и частью польских же отрядов самозванца. Лжедмитрий II тоже не скупился на резкие фразы в адрес поляков. Но правы те авторы,

которые считают, что самозванец был выгоден полякам, поскольку под предлогом борьбы с ним можно было легко грабить страну. К тому же в это время основной опорой самозванца были те самые социальные слои, которые пугали боярство больше поляков. 10 декабря 1610 года Лжедмитрий II был убит по личным мотивам касимовским царевичем. Лагерь его распался, но задействованные в нем силы уже не знали другого образа жизни. И показательно, что после гибели самозванца Марина Мнишек «устроилась» при Иване Заруцком, а Заруцкий потом окажется в числе организаторов Первого земского ополчения и будет предлагать в качестве претендента на царский трон годовалого сына Марины от Лжедмитрия II.

Сигизмунд III и сам стремился стать русским царем, но не успел осуществить свой замысел: буквально за два дня до того, когда он собирался объявить об этом своем желании, Боярская дума объявила царем Владислава. Но Сигизмунд не отпускал сына в Москву. Переговоры короля с «Великим московским посольством» продолжались с 10 октября 1610 до 12 апреля 1611 года. «Послы» настаивали на переходе Владислава в православную веру, отступлении короля от Смоленска, но главное — на прибытии в Москву Владислава. Сигизмунд тянул время и не соглашался с настояниями русских «послов». И, в конце концов, непокорные послы были в апреле под конвоем отправлены в Польшу.

Оборона Смоленска, как и защита Троицкого монастыря, имела большое психологическое значение: именно такие акты самопожертвования пробуждают национальный дух и человеческое достоинство. Смоленск пал 3 (13) июня 1611 года. Никто из защитников не пожелал сдаться в плен или перейти на службу к Сигизмунду. Последние защитники закрылись в соборе, подожгли в подвале порох и погибли под его руинами. Воевода Шеин был ранен и потому попал в плен.

Был еще один город, который являлся укором власти, торгующей своими землями и своим народом. Соглашение со Швецией, которое практически ничего не дало (шведы, постарались расположиться вблизи от морских побере-

жий), оплачивалось, как было сказано, городом Корелой и его округой. Но и русские, и карелы, проживавшие в городе и окрестностях, отказались принять шведскую администрацию — и оборона Корелы продолжалась с лета 1610 года по март 1611 года. Остатки же защитников — и русские, и карелы — ушли в Россию. Хотя московское боярство по существу отдавало Россию иностранным интервентам, в самых разных слоях населения нарастало стремление к объединению во имя сохранения ее самостоятельности, и Земля все жестче заявляла о несогласии с такой властью.

ЛИТЕРАТУРА

Авраамий Палицин. Сказание. М.-Л., 1955.

Бахрушин С.В. Классовая борьба в русских городах в XVI — начале XVII в. // Научные труды. Т.1, М., 1952.

Белокуров С.А. Разрядные записи в Смутное время (7113 — 7121 гг.) М., 1907.

Буганов В.И. Крестьянские войны в России XVII — XVIII вв. М., 1970.

Буссов Конрад. Московская хроника. 1584 — 1613. / Ред. и предисл. И.И. Смирнова. М.; Л., 1961.

Валишевский К. Смутное время. (Репринтное воспроизведение издания 1911 года). М., 1989.

Гиришберг А. Марина Мнишек. М., 1908

Горсей Д. Путешествия сэра Джерома Горсея. // Иностранцы о древней Москве. Москва XV — XVII веков. М., 1991.

Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. Кн. 2. М., 1954.

Зимин А.А. Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII века. // Вопросы истории, 1958, №3.

Колычева Е.М. Холопство и крепостничество (Конец XV — XVI вв.). М., 1971.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. XII., СПб., 1843.

Копанев А.И. Крестьянство русского севера в XVI в. Л., 1978.

Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII в. // Исторические монографии и исследования. Кн. II., М., 1904.

Кушева Е.Н. К истории холопства в конце XVI — начале XVII века. // Исторические записки. Т. 15. 1945.

Лимонов Ю.А. Россия начала XVI века. Записки капитана Маржерета. М., 1982.

Маковский Д.П. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967.

Масса И. Краткие известия о Московии начала XVII в. М., 1937.

О крестьянской войне в Русском государстве в начале XVII в. Обзор дискуссии. // Вопросы истории, 1961, №5.

Панях В.М. Кабальное холопство на Руси в XVI в. Л., 1967.

Панях В.М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975.

Пирлинг П. Из Смутного времени. СПб., 1902.

Пискаревский летописец. // Материалы по истории СССР (XV — XVII вв.). Вып. 2. М., 1955.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI — XVII веков. М., 1937.

Поссевино А. Московия. Исторические сочинения о России. / Ред. и пер. Годовиковой Л.Н. М. 1983.

Руссель В. Рассказ о жизни и смерти Дмитрия. СПб., 1901.

Севастьянова А.А. Записки Джерома Горсея о России конца XVI — начала XVII веков. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сборник трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1974.

Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. III. СПб., 1832.

Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Л., 1975.

Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1978.

Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.

Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.
Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606 — 1607. Л., 1951.

Смирнов И.И. Краткий очерк истории восстания Болотникова. М., 1953.

Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII — XVIII вв. М.; Л., 1966.

Станиславский А.А. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.

Тимофеев Иван. Временник. М.; Л., 1951.

Тихомиров М.Н. Новый источник по истории восстания Болотникова. // Исторический архив. Т. VI. М.; Л., 1951.

Устрялов Н.Г. Сказание современников о Дмитрие самозванце. Ч.2. СПб, 1869.

Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906.

Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973.

Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI — XVII вв. М., 1978.

Шапиро А.А. Русское крестьянство перед закрепощением XIV — XVI веков. Л., 1987.

Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608 — 1610 гг. Пятигорск, 1957.

Волков В. А.

КОНЕЦ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕНИ (1604—1610 гг.)

В конце XVI в. на Русское государство обрушился ряд бедствий, ставших следствием жестокого правления Ивана Грозного и неудачной Ливонской войны. Русская земля была страшно разорена. Английского посла Д. Флетчера, проехавшего в 1588—1589 гг. по России, поразила увиденная им картина: «...По дороге к Москве, между Вологдою и Ярославлем (на расстоянии двух девяностых верст, по их исчислению, немного более ста английских миль) встречается, по крайней мере, до пятидесяти деревень, иные в полмили, другие в целую милю длины, совершенно оставленные, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали в здешней стране более, нежели дозволили мне...».

Уходя от непосильных поборов, бросая разоренные города и опустошенные села, станы и деревни, русские люди бежали на окраины страны, превращаясь в вольных людей — казаков. Именно в эти годы заселялись степные пространства на юге страны, начиналось освоение Урала и Сибири. Правительство, обеспокоенное массовым бегством тяглого населения, отчего неуклонно сокращались поступавшие в казну подати, начало ограничивать личную свободу сельского населения. В 90-е годы XVI в. власти запретили («заповедали») переход крестьян от одного владельца к другому в Юрьев день (указ 1592/93 г.) и установили пятилетний

срок («урок») розыска и возврата беглых тяглецов на прежнее место (указ 1597 г.). Введением «заповедных» и «урочных лет» был сделан первый и решительный шаг к будущему закрепощению русского крестьянства.

Вскоре старые беды усугубились новыми испытаниями. Начало XVII в. ознаменовалось начавшимся в 1601 г. трехлетним голодом и массовым мором, погубившим до трети населения страны. В одной только Москве, куда в надежде на царскую милость толпами стекались жители соседних уездов, на 3 братских кладбищах («скудельницах») было захоронено более 127 тыс. умерших от голода.

Повсеместно помещики, оказавшиеся не в состоянии кормить холопов и дворовых слуг, выгоняли их из своих усадеб. Обреченные на голодную смерть люди объединялись в разбойничьи отряды, грабившие и разорявшие целые округи. По самым приблизительным подсчетам, это стихийное разбойничье движение охватило 19 западных, центральных и южных районов страны. В 1603 г. правительству пришлось направить войска для борьбы с одним из таких отрядов, насчитывавшим, по некоторым сведениям, до 500 человек. Предводителем его был повстанческий атаман Хлопко, превративший свой отряд в небольшое, но хорошо организованное войско. Действовало оно под Москвой на Смоленской, Волоколамской и Тверской дорогах. Недооценив боевые возможности холопьего войска, правительство послано против него сотню московских стрельцов во главе с окольничим И.Ф. Басмановым. В середине сентября 1603 г. между правительственным отрядом и повстанческим войском произошло настоящее сражение. Ватаги Хлопка были разбиты, но в бою погиб воевода Басманов, его отряд понес тяжелые потери. С большим трудом правительственным силам удалось рассеять восставших холопов, а их раненого предводителя взяли в плен и повесили в Москве вместе с другими захваченными разбойниками. Эти казни, как отметил Р.Г. Скрынников, стали первыми массовыми экзекуциями со времени воцарения Бориса Годунова.

Все перечисленное самым отрицательным образом сказалось на авторитете Бориса Годунова, не имевшего в глазах

современников того сакраментального значения, которое было у прежних «прирожденных» государей. В подобных условиях появление царей-самозванцев оказалось неизбежным. В стране началось СМУТНОЕ ВРЕМЯ — грандиозный кризис, потрясший до основания Московское государство и общество в начале XVII в.

***

В 1601 г. в Польше объявился человек, выдававший себя за царевича Дмитрия Ивановича, спасшегося от подосланных Борисом Годуновым убийц. В русскую историю этот самозванец вошел под именем Лжедмитрия I. По версии московских властей, им был беглый монах Григорий (Юрий) Богданович Отрепьев, в 1602 г. бежавший в Литву, где объявил себя чудесно спасшимся царевичем Дмитрием, сыном царя Ивана IV. Это предположение официальных лиц давно уже вызвало обоснованные сомнения. Даже современникам бросалась в глаза искусственность «беглого монаха» в военном деле, в тонкостях европейской политики. Интерес к этой проблеме усилило утверждение К. Буссова о том, что первым из знаменитых московских самозванцев был незаконнорожденный сын польского короля Стефана Батория: «Многие знатные люди, — писал Буссов, — сообщали, что он (Лжедмитрий I. — В.В.) будто бы был незаконным сыном покойного короля Польши Стефана Батория». Спустя почти 300 лет, на рубеже XIX—XX вв., версию Буссова принял польский исследователь Ф.Ф. Вержбовский, отметивший портретное сходство Стефана Батория и «названного Димитрия». Следует обратить внимание и на другой весьма примечательный факт, до сего дня не использованный сторонниками этой версии: во время рокоша краковского воеводы М. Зебжидовского (1606—1609 гг.), участники этого шляхетского выступления, протестовавшие против планов установления в Речи Посполитой наследственной королевской власти, требовали свержения Сигизмунда III, предполагая возвести на польский престол Лжедмитрия I или князя Габора (Габриэля) Батория, в 1608—1613 гг. правившего

в Трансильвании. Вряд ли простой московский монах-расстрига мог рассчитывать на столь пристальное внимание рокошан. Интересно упоминание «названного Димитрия» в одном ряду с Г. Баторием, представителем прославленного в польской истории рода.

Красивую гипотезу опроверг историк-иезуит П. Пирлинг, нашедший в архивах Ватикана письмо Ажедмитрия I папе Клименту VIII, написанное сразу после отречения самозванца от православия и перехода в католическую веру. Исследование документа, проведенное И.А. Бодуэном де Куртене и С.А. Пташицким, позволило установить, что человек, переписавший набело написанное по-польски письмо, «не был ни малоруссом, ни литвином, ни трансильванцем, что он не только проходил русскую школу, но что и в самом деле был великорусского происхождения». Эти выводы не объясняют, а еще более запутывают дело, так как бытовавшее у поляков стойкое убеждение в королевском происхождении Ажедмитрия I вряд ли можно объяснить ложными слухами. В то же время Ж. Маржерет, командовавший ротой стрелков у Ажедмитрия, сообщал в своих записках о небольших, но заметных ошибках, которые самозванец делал в произношении некоторых русских слов. Впрочем, Маржерет, считавший нового царя настоящим сыном Ивана Грозного, связывал эти ошибки с тем, что спасенный царевич был вывезен в Польшу еще ребенком и воспитывался вдали от родной земли.

Неслучайно С.Ф. Платонов так написал об этой загадке русской истории: «Нельзя считать, что самозванец был Отрепьев, но нельзя также утверждать, что Отрепьев им не мог быть: истина от нас пока скрыта». Скрытой она остается и по сегодняшний день. Как бы то ни было, самозванец, воспользовавшись тайной помощью польского короля Сигизмунда III, набрал небольшое войско (около 4 тысяч человек) и 13 октября 1604 г. перешел границу Московского государства, вскоре овладев первой крепостью — Монастыревским острогом. Многие русские люди уверовали в чудесное спасение царевича Дмитрия, встав под знаменами «законного государя», чтобы сражаться за его права с войсками Годуно-

ва. Пользуясь поддержкой населения южнорусских городов, Ажедмитрий I смог добиться значительных успехов — овладеть Черниговом и Путивлем, в лагерь самозванца бежал с казной, посланной Борисом Годуновым в северские города, дьяк Б. Сутупов. Упорное сопротивление войскам Ажедмитрия оказал лишь Новгород-Северский, в котором укрепился воевода П.Ф. Басманов. В ночь с 17 на 18 ноября 1604 г. гарнизону осажденной крепости удалось отразить штурм, предпринятый наемными отрядами самозванца, понесшими ощутимые потери. Однако территория, подконтрольная Ажедмитрию I, продолжала стремительно расширяться: в конце ноября его власть признали города Рыльск и Курск, Комарицкая волость, в начале декабря — город Кромы и Околенская волость. Встревоженный успехами самозванца, Борис Годунов усилил гарнизон ближайшего к восставшим волостям города Орла. На помощь Басманову он направил большую армию под командованием кн. Ф.И. Мстиславского, сосредоточившуюся в Брянске. Несмотря на численное превосходство правительственных войск — у Мстиславского было 25 336 служилых людей (с боевыми холопами, по видимому, около 40 000), у Ажедмитрия I не более 15 000, инициатива принадлежала самозваному «царевичу». 21 декабря 1604 г. в сражении, произошедшем в урочище Узруй, недалеко от Новгорода-Северского, польские гусарские роты опрокинули правый фланг московской армии, а затем, обойдя центр русской позиции, атаковали ставку воеводы Мстиславского, который был ранен в голову, но спасен подоспевшими стрельцами. Участник битвы Ж. Маржерет высоко оценил действия Ажедмитрия, вставшего во главе кавалерии, ударившей на русские полки: «Вступив в схватку, он повел три польских отряда в атаку на один из батальонов столь яростно, что сказанный батальон опрокинулся на правое крыло и также на основную армию в таком беспорядке и смятении, что вся армия, кроме левого крыла, смешалась и обратила врагам тыл». Управление войсками было нарушено, и московские полки поспешно отступили к своему обозу, стоявшему у леса. От окончательного разгрома рать Мстиславского спасла несогласованность действий

польских командиров, не поддержавших атаку главных сил. В результате контрудара одного из стрелецких приказов поляки вынуждены были прекратить преследование отступающей московской армии. Благодаря этому русские воеводы смогли избежать больших потерь. В войске Мстиславского, даже по преувеличенным польским данным, погибло не более 4 тыс. человек.

В январе 1605 г., получив подкрепление, русская армия снова перешла к активным действиям. Московской ратью, помимо оправлявшегося от ран Ф.И. Мстиславского, командовал кн. В.И. Шуйский. Доведя численность войск до 50 тысяч человек (по сильно завышенным польским сведениям, московская армия насчитывала 130 тыс. человек), русские воеводы выдвинулись к г. Севску, неподалеку от которого, в Чемлыжском острожке, находилось войско самозванца. 20 января полки Мстиславского и Шуйского заняли с. Добрыничи (в 20 верстах от Севска), где расположились лагерем.

В ночь с 20 на 21 января 23-тысячное польско-казацкое войско Ажедмитрия I выступило из Севска, чтобы, воспользовавшись преимуществом внезапного нападения, атаковать русскую рать. Однако эта попытка была пресечена бдительностью сторожевого охранения. На рассвете 21 января московские воеводы расположили свое войско перед Добрыничами, учитывая опасность фланговых ударов конницы, решивших исход сражения на р. Узруй. Стоявшая в центре позиции стрелецкая пехота с фронта и флангов была прикрыта возами с сеном, между которыми установили 14 орудий. Конные полки разместились на флангах, чуть впереди основной позиции.

Атаку на русские полки возглавил сам Ажедмитрий. По свидетельству Г. Паерле, он, «с обнаженным палахом в руках, на карем аргамаке, поскакал прямо в толпы врагов, в надежде увлечь за собою дружину». Вслед за своим предводителем поскакали 400 поляков и 2000 «москвитян». Первому удару польской и казачьей конницы способствовал успех — ей удалось обратить в бегство наемные конные роты капитанов В. Розена и Ж. Маржерета, стоявшие на правом флан-

ге русской позиции, и потеснить Полк правой руки воеводы В.И. Шуйского.

Однако, когда поляки, развернувшись, попытались с фронта и правого фланга обрушиться на русскую пехоту, в полной мере проявилась предусмотрительность московских воевод, прикрывших стрелецкий строй возами с сеном и артиллерией. Польские роты были встречены сокрушительным ружейно-пушечным залповым огнем и обратились в бегство. Казацкая пехота Ажедмитрия I, лишившись конного прикрытия, была окружена и уничтожена. Остатки войска самозванца бежали к границе. От окончательного разгрома «названного Димитрия» спасла героическая оборона казачьего гарнизона крепости Кромы, под стенами которой надолго задержалось главное русское войско. Это позволило Ажедмитрию оправиться от поражения и пополнить свои войска, поредевшие в боях на Северщине. В конце января — начале февраля на сторону самозванца перешли «польские» города Белгород и Царев-Борисов, в марте — Елец и Ливны.

После неожиданной смерти Бориса Годунова (13 апреля 1605 г.) обстановка в стране резко изменилась. К осаждавшему Кромы войску послали новых воевод — кн. И.М. Катырева-Ростовского и П.Ф. Басманова. Обстановка неуверенности и в стране, и в военном лагере под Кромами способствовала возникновению разветвленного заговора в пользу «царевича Дмитрия», душой которого стал кн. В.В. Голицын. Поворотным моментом в судьбе страны явилось предательство второго воеводы, П.Ф. Басманова, примкнувшего к заговорщикам, главой которых был его сводный брат В.В. Голицын. 7 мая 1605 г. начался мятеж под Кромами. На сторону самозванца перешла часть стоявшего здесь войска: дворянские сотни из Рязани, Тулы, Каширы, Алексина, северских городов, немецкая рота капитана Вальтера Розена. Остальные вместе с сохранившими верность Годуновым воеводами М.П. Катыревым-Ростовским, А.А. Телятевским, В.П. Морозовым, В.Б. Сукиным и М.Ф. Кашиным поспешно отошли к Москве, встревоженные слухами о приближении 40-тысячной армии Ажедмитрия.

Войска самозванца двинулись к Москве, где 1 июля 1605 г. вспыхнуло восстание, поднятое его эмиссарами Г. Пушкиным и Н. Плещеевым, зачитавшими сначала в подмосковном Красном Селе, а затем на Красной площади пространную грамоту «царевича Димитрия». Объявив народу о чудесном спасении и правах на изменнически похищенный престол, он требовал, чтобы москвичи били ему челом, обещая всем «тишину, покой и благоденственное житье», а также значительное снижение податей. Щедрые посулы самозванца всколыхнули московский посад. Федор Борисович Годунов, унаследовавший царство после смерти отца, был сведен с престола и заключен под стражу на старом боярском дворе Годуновых. Участь свергнутого царя была предрешена. Из Серпухова, где стоял тогда с войском Лжедмитрий, прибыл дворянин М.А. Молчанов, который 10 июня с другими подручными самозванца задушил Федора Борисовича и его мать царицу Марию Григорьевну. Официально народу объявили, что Годуновы умерли, приняв «зелье».

Ксения Годунова у Самозванца. Гравюра по картине Неврева

20 июня 1605 г. Ажедмитрий I торжественно вступил в Москву и занял царский трон. Правление самозванца было недолгим. При походе на Москву «царевич» сулил всем подержавшим его небывалые милости. Став царем, он сдержал часть этих обещаний: даровал податные льготы южнорусским городам, одарил казаков, настоял на восстановлении в новой редакции Судебника права крестьянского выхода в Юрьев день (март 1606 г.). Но далеко не все прежние обязательства были выполнены, многие из них, отвечая интересам одних слоев русского общества, серьезно ущемляли права других. Кроме того, повседневная деятельность царя и его ближайшего окружения, оказанное ими явное пренебрежение старорусскими обычаями, вызывала резкое неприятие церкви, боярства и большинства посадских людей. Действительно, в глазах православного люда многие поступки государя выглядели не соответствующими традиционному царскому обиходу, даже нехристианскими. Вопреки русским обычаям Ажедмитрий I не спал после обеда, не соблюдал постов, ел запрещенную церковью пищу (жареную телятину), ходил в баню в воскресные дни, что осуждалось, как неподобающий поступок, вел разгульную и распутную жизнь. Особенно недовольны были москвичи, страдавшие от произвола казачьего и шляхетского окружения царя. Еще более накалила обстановку его женитьба на знатной полячке Марине Мнишек, дочери сandomирского воеводы Ежи (Юрия) Мнишка. С невестой-шляхтенкой и ее родственниками в Москву прибыла не свита, но целая армия (по русским сведениям, «6000 избранного воинства», по польским — около 1000 телохранителей), наводнившая русскую столицу. Пышная свадьба «царя Дмитрия Ивановича и Марины Юрьевны» состоялась 8 мая 1606 года. Вооруженную стражу новой царицы после бракосочетания не распустили, а разместили на дворах бояр, купцов и посадских людей, изгнав из них хозяев.

К этому времени в Москве уже был составлен заговор, во главе которого встал кн. В.И. Шуйский. После смерти Бориса Годунова он оказался единственным московским боярином, не поехавшим навстречу Ажедмитрию. В июне 1605 г. он предпринял попытку свержения самозванца, был разо-

благен, приговорен к казни, но затем помилован и отправлен в ссылку. Вернувшись в конце 1605 г. в Москву, Шуйский возглавил новый заговор. 17 мая 1606 гг. в Москве началось восстание. Заговорщикам удалось ворваться во дворец и разоружить стражу Лжедмитрия, а затем убить его.

В день восстания москвичи расправились не только с самозванцем, но и многими служившими ему поляками. Бояре с трудом смогли остановить расправу народа со своими обидчиками. Встревоженные действиями посадских людей власти поспешили с избранием нового государя, не дожидаясь созыва правильного Земского собора с участием выборных представителей всей земли. 19 мая 1606 г. собравшимся на Красной площади народом новым царем был «выкрикнут» главный герой произошедшего в столице переворота пятидесятичетырехлетний боярин Василий Иванович Шуйский.

Марина Мнишек

Четыре года его правления стали временем тяжелейших потрясений и испытаний для русского народа. Прекратить начавшуюся при Борисе Годунове и Лжедмитрии I «междоусобную брань» в Московском государстве новый властитель не смог. В своих действиях, направленных на стабилизацию обстановки в стране, он пытался опереться на дворянство и посадские общества северных и центральных районов страны, наиболее пострадавших от социальных катаклизмов прошлых лет и поэтому заинтересованных в ужесточении политического режима в стране. В угоду их требованиям В.И. Шуйский еще более ограничил личную свободу крестьян, увеличив срок сыска беглых до 15 лет. Подобная политика царя дала прямо противоположный его ожиданиям результат, еще больше накалила обстановку в стране и привела к обострению противоречий между консервативным севером и радикальным югом, где даже помещики выступали противниками ограничения крестьянского выхода и продолжали укрывать беглых, селившихся на их землях.

Печать Лжедмитрия I

Итогом противостояния стало возникновение на юге страны мощного антиправительственного движения. Еще во время майского восстания 1606 г. из Москвы в Путивль, а затем в Польшу бежал один из сподвижников Лжедмитрия I М.А. Молчанов, забравший с собой одну из государственных печатей. После воцарения Василия Шуйского по многим городам были разосланы грамоты, скрепленные этой печатью. В них утверждалось, что царь Дмитрий Иванович вновь спасся и вскоре вернется, чтобы покарать изменивших ему московских людей. Выглядели такие послания вполне достоверно, ведь в силу установившейся традиции царские грамоты не скреплялись личной подписью государя, но в обязательном порядке заверялись его печатью.

Одну из таких грамот получил возвращавшийся из турецкого плена донской казак И.И. Болотников, бывший боевой холоп кн. А.А. Телятевского. Проезжая через Польшу, в Самборе, в замке Мнишков, его представили некоему лицу, назвавшемуся «царем Дмитрием Ивановичем», возможно, М.А. Молчанову. «Самборский самозванец» пожаловал Болотникову чин «большого воеводы» и направил в Путивль к воеводе кн. Г.П. Шаховскому, начавшему поднимать Северскую землю против царя Василия Шуйского.

Болотников и еще один самозванец — Лжепетр (беглый холоп Илейка Коровин, назвавшийся «царевичем Петром Федоровичем», мифическим сыном царя Федора Ивановича) оказались во главе одного из самых мощных в российской истории народных восстаний. В нем приняли участие не только крестьяне и холопы, но и многие служилые люди, отряды которых возглавили авторитетные в их среде вожди: П.П. Ляпунов, Г.Ф. Сунбулов и И.И. Пашков. Одержав победы над правительственными войсками под Кромами, Ельцом, потерпев неудачу в столкновении в устье р. Угры, но затем взяв реванш в бою на реке Лопасне, восставшие вышли к р. Пахре. Здесь после жаркого боя отряда Пашкова с войском М.В. Скопина-Шуйского мятежники были остановлены. Отступив к Коломне, Пашков соединился с рязанским войском Г.Ф. Сунбулова и П.П. Ляпунова и овладел этой важной крепостью. Затем повстанческие отряды начали новое наступле-

ние на Москву. Встревоженный успехами мятежников Василий Шуйский направил против них армию под командованием Ф.И. Мстиславского и Д.И. Шуйского. 25 октября 1606 г. в 50 верстах от столицы, у с. Троицкого, произошло большое сражение, закончившееся поражением московских воевод. Взятых в плен 9 тыс. простых ратников Пашков распустил по домам, а знатных пленников отправил в Путивль. 28 октября 1606 г. войска Пашкова подошли к Москве, куда вскоре прибыл и Болотников, принявший на себя командование повстанческой армией. Основные позиции мятежников находились у с. Коломенского и у дер. Заборье (у Серпуховских ворот), а рать Пашкова отошла к Николо-Угрешскому монастырю. Осада столицы длилась более месяца — до 2 декабря. Это был период наивысшего подъема восстания, охватившего огромную территорию: под контролем мятежников находилось более 70 городов юга и центра России.

В критический момент борьбы московские власти проявили максимум решимости и организованности, тогда как действия их противников оказались неэффективными. Искушенный в политических интригах Василий Шуйский и поддерживавшие его церковные иерархи сумели убедить москвичей в неизбежности жестокой мести за свержение Лжедмитрия I. Решимости столичного посада стоять до конца против мятежной рати не смогли поколебать ни проникающие в город вражеские лазутчики, ни распространяемые восставшими прокламации — «воровские листы», как называл их патриарх Гермоген.

Посадские люди, участвовавшие в начавшихся в повстанческом лагере у с. Коломенского переговорах, также говорили с мятежниками твердо и убедительно. На все утверждения Болотникова о том, что он видел в Польше «царя Димитрия», москвичи отвечали: «Это несомненно другой, мы того Димитрия убили». Подобная уверенность не могла не произвести определенного впечатления на соратников Болотникова, особенно из числа рязанских и тульских служилых людей. Вскоре монолитное антиправительственное движение окончательно распалось.

Воспользовавшись установившейся на период переговоров мирной передышкой, московское правительство сумело собрать войска. В столицу прибыли дворянские ополчения из Смоленска, Дорогобужа, Белой и Вязьмы. Армия Шуйского росла, армия Болотникова слабела — 15 ноября 1606 г. на сторону московского царя перешли дворянские отряды П.П. Ляпунова и Г.Ф. Сумбулова.

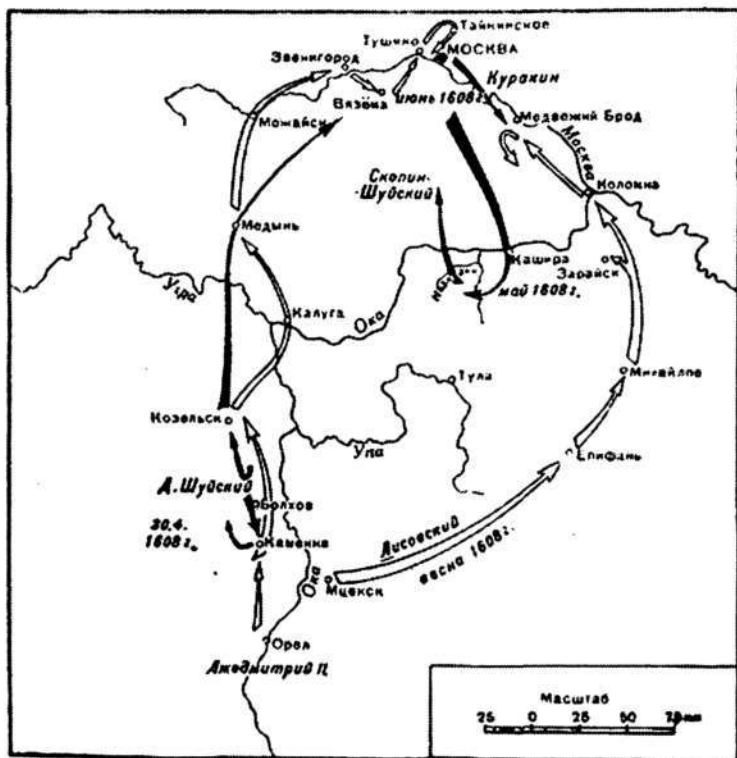
Решающее сражение под Москвой началось 30 ноября. Длившаяся с перерывами в течение трех дней упорная битва завершилась лишь 2 декабря разгромом главных сил повстанческой армии. Решающую роль в поражении мятежников сыграли два фактора: во-первых, недюжинное полководческое дарование, оказанное молодым московским воеводой М.В. Скопиным-Шуйским, во-вторых, переход на сторону правительственных войск отряда И.И. Пашкова.

После поражения остатки армии Болотникова отступили в Калугу, а затем в Тулу, под защиту крепких стен здешнего Кремля. Наступил последний этап восстания. 21 мая 1607 г. во главе большой армии на Тулу, «на свое государево и земское дело», выступил царь Василий Иванович. Четыре месяца отряды Болотникова и Ажепетра обороняли город. Лишь реализация замысла сына боярского И. Кровкова, предложившего запрудить р. Упу и затопить Тулу, помогла сломить сопротивление повстанцев. 10 октября 1607 г. они сдались, выдав царю своих вождей. Некоторые участники этого движения — И.М. Заруцкий, А.З. Просовецкий, многие рядовые повстанцы, уцелевшие после его разгрома, — продолжали борьбу с правительством В.И. Шуйского в рядах польско-казачьего войска Ажедмитрия II.

Новый самозванец появился весной 1607 г. в беспокойной Северной земле в г. Стародубе. В его войско стали стекаться не только казаки (и в их числе уцелевшие болотниковцы), но и поляки и литовцы, участвовавшие в подавленном властями Речи Посполитой рокоше против короля Сигизмунда III. В начале сентября 1607 г. собравшееся под знаменами Ажедмитрия II войско выступило в поход. Командовал его армией польский полковник М. Меховецкий, приведший

к самозванцу отряд из 700 кавалеристов. 15 сентября Ажедмитрий II занял Почеп, 20 сентября — Брянск. После этого войско самозванца направилось к Карачеву, где соединилось с запорожским отрядом. 8 октября произошло первое сражение с русскими правительственными войсками, осаждавшими г. Козельск. Командовавший ими воевода В.Ф. Литвин-Мосальский был застигнут врасплох и вынужден был отступить, бросив обоз. В бою под Козельском в плен попал находившийся на московской службе литовец М. Мизинов. Победа воодушевила сторонников самозванца, и на его сторону перешли города Дедилов, Крапивна, Епифань и Белев. Заняв эти крепости, отряды Ажедмитрия II стали выдвигаться в направлении Тулы, где защищались Ажепетр и И.И. Болотников. Армия самозванца росла и к концу первого похода составила, по подсчетам И.С. Шепелева, 8 тыс. человек (3 тыс. русских и 5 тыс. поляков). Такой численности войска было явно недостаточно для серьезных операций, поэтому, узнав о падении Тулы и не представляя, куда двинется стоявшая там большая армия Шуйского, Ажедмитрий II прекратил наступление. Его авангарды, находившиеся уже у Епифани отошли на соединение с главными силами. Затем самозванец очистил Белев и Козельск и ушел в Карачев. Тревога не покидала его, поэтому, оставив и этот город, он направился к северским крепостям. Но на пути в Трубчевск 22 октября в с. Лабушеве Комарицкой волости к нему пришли новые отряды польских и литовских рокошан под началом В. Валавского и С. Тышкевича. Получив подкрепление, Ажедмитрий II вернулся к Брянску, который оказался занятым и заново укрепленным правительственными войсками. 9 ноября началась осада города, на выручку которому пришли полки из Мещовска (кн. В.Ф. Литвин-Масальский) и Москвы (кн. И.С. Куракин). 15 ноября произошло ожесточенное сражение под Брянском. Форсировав Десну, русские воеводы атаковали противника и хотя разбить его не смогли, но доставили в город продовольствие и боевые припасы. Потерпев неудачу, самозванец ушел на зимовку в Орел, где его армия продолжала пополняться литовскими и польскими шляхетски-

ми дружинами. Зимой 1607/08 гг. к Лжедмитрию II пришли полки А. Вишневецкого, С. Хруслинского, С. Тышкевича, В. Валавского и др. польских и литовских военачальников. Насчитывало 4 тыс. человек. По праву сильного Рожинский сверг М. Меховецкого и стал новым военным вождем армии Лжедмитрия II. Его войска пополнили и казаки. Зимой 1607/08 гг. в Орел прибыло 5000 донских и 3000 запорожских казаков, приведенных атаманом И.М. Заруцким. К весне 1608 г. численность находившегося под командованием гетмана Рожинского войска достигла 27 тыс. человек.

Поход Лжедмитрия II на Москву

После Тульской победы царь Василий Иванович недооценил нависшей над страной угрозы. Лишь в апреле 1608 г. он двинул против самозванца 40-тысячную армию под командованием кн. Д.И. Шуйского. Решающее сражение произошло 30 апреля — 1 мая (10—11 мая) 1608 г. в 10 верстах от Болхова на р. Каменке. Началось оно ударом авангарда армии Ажедмитрия II, состоявшего из шляхетских гусарских рот панов Рудского, Велегловского и казачьих сотен. Атака разбилась о встречный натиск полков русской дворянской конницы и наемных немецких рот. От поражения сторонников самозванца спасло прибытие главных сил. Полки А. Рожинского (племянника главнокомандующего) и В. Валавского опрокинули русский Передовой полк кн. В.В. Голицына. Однако развить этот успех противнику не удалось. На выручку разбитому Передовому полку пришел воевода И.С. Куракин, один из лучших полководцев своего времени, в сражении под Болховым командовавший Сторожевым полком. Противник был остановлен, после чего измотанные маршем и трудным боем поляки прекратили свои атаки. Возобновилось сражение на рассвете следующего дня. Русские воеводы удачно разместили свое войско в укрепленном обозе, подступы к которому с фронта прикрывало большое болото. Лобовые атаки польско-казацкого войска закончились неудачей. Тогда, извещенный изменником Н. Лихаревым о силах русского войска и расположении его полков, гетман Рожинский двинул свои резервы во фланг армии Д.И. Шуйского. Чтобы устрасшить русских воевод, он приказал включить в этот отряд обозные телеги, укрепив на них боевые знамена. Встревоженный приближением нового неприятельского войска, Шуйский начал поспешно отводить «наряд» к Болхову. Почувствовав замешательство в действиях правительственных войск, противник перешел в решительное наступление и в нескольких местах прорвал фронт русских полков. Разгромленная армия Дмитрия Шуйского бежала. Поляки преследовали ее на протяжении 25 верст до расположенной за Болховым засеки. 2 мая началась осада Болхова, где оборонялся 5-тысячный русский гарнизон во главе с Ф. Гедрой-

цем, а 4 мая, после начала бомбардировки города, осажденные сдались, признав самозванца своим государем и присоединившись к его армии.

После победы под Болховым путь к Москве был открыт и Лжедмитрий II, а точнее польские и литовские предводители его войска не замедлили воспользоваться открывшейся перед ними возможностью. Козельск и Калуга добровольно приняли «царя Димитрия», Борисов был оставлен своими жителями. Только под Можайском самозване встретил первое сопротивление, но быстро овладел городом, по-видимому, с помощью захваченного в Болхове «наряда». Встреченный сложившейся ситуацией, Василий Шуйский отстранил своего брата от командования армией и, поставив во главе ее М.В. Скопина-Шуйского, направил его навстречу самозванцу — к р. Незнать. Однако битвы не произошло. В полках был открыт антиправительственный заговор. Его главных участников: кн. И.М. Катырева-Ростовского, кн. Ю.Н. Трубецкого и И.Ф. Троекурова под арестом отослали в Москву. Озабоченный этим обстоятельством, царь отвел стоявшую на Незнани армию в столицу.

Самозванец подошел к Москве 24 июня 1608 г. Почти сразу же под стенами ее начались бои. 25 июня Рожинский, внезапно атаковав царскую армию с фронта и обоих флангов на р. Ходынке, нанес ей ощутимое поражение. Хорошо укрепленный город упорно сопротивлялся, надеясь на помощь северорусских городов. Вместо царских палат в Кремле Лжедмитрию пришлось довольствоваться наскоро срубленными бревенчатыми хоромами в с. Тушино, расположенном в нескольких верстах к северо-западу от столицы, в месте впадения в Москву-реку небольшой р. Сходни. Здесь же заседала его «Боярская дума», работали «приказы», отсюда его отряды уходили воевать и грабить непокорившиеся русские города и земли.

Почти полтора года продолжалась осада Москвы «тушинцами». Между столицей и Тушинским станом установились странные отношения. Оба царя, Василий Шуйский и «названный Димитрий», не препятствовали боярам и приказным людям отъезжать к своему противнику, в свою оче-

редь, стараясь щедрыми посулами и наградами переманить бояр и дьяков из вражеского лагеря. В поисках чинов, поместий и вотчин многие видные в государстве люди по несколько раз переезжали из стольного града в «стольное» село и обратно, заслужив в народе меткое прозвище «тушинских перелетов».

Оказавшись в безвыходной ситуации, Василий Шуйский обратился за помощью к Швеции, находившейся тогда в состоянии перманентной войны с Речью Посполитой. 28 февраля 1609 г. по поручению кн. М.В. Скопина-Шуйского его послы стольник и воевода С.В. Головин и дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, подписали со шведскими представителями Выборгский договор. По этому соглашению Карл IX обязался направить в Россию наемное войско, получив обязательство Скопина передать шведам г. Корелу с уездом (Кексгольмскую область).

Князь Михаил Скопин-Шуйский встречает шведского воеводу Делагарди близ Новгорода в 1609 г.

Вскоре численность вспомогательного шведского корпуса была доведена до 15 тыс. человек. Начальником его был назначен командовавший шведскими войсками в Финляндии генерал-лейтенант Я. Делагарди. Расходы по содержанию выступавших в поход наемников легли на плечи московского правительства. Кавалеристам полагалось выплачивать 25 талеров (ефимков), пехотинцам — 12 талеров, «большим воеводам» — 5000 талеров, воеводам — 4000 талеров. Первые шведские отряды прибыли в Дудоровский погост в начале марта, а в Новгород — 14 апреля 1609 г. Весной 1609 г. союзная армия, под общим командованием Скопина, начала действия против тушинских отрядов, действовавших даже на Русском Севере. 2 мая перешел в наступление русско-шведский отряд Э. Горна и С.В. Головина, 9 или 10 мая занявший Старую Руссу. 11 мая небольшой отряд тушинцев (300 человек) попытался вернуть этот город, но был разбит. Тогда же рать под командованием Н.В. Вышеславцева при поддержке местного населения выбила тушинцев из Ярославля. 15 мая 1609 г. произошло сражение у с. Каменка под Торопцом. Союзное войско, в состав которого вошли шведский отряд Э. Горна и полки русских воевод Д. Чулкова и К. Чоглокова, разбило и обратило в бегство действовавшую в Новгородской земле армию польского шляхтича Кернозицкого. Противник оставил на поле боя все знамена, 5 медных и 4 железных орудия, множество других трофеев.

Используя в качестве предлога заключение русско-шведского союза против «тушинцев», польский король Сигизмунд III, претендовавший на корону Швеции, узурпированную его младшим братом Карлом IX, объявил войну России. Поход против Московского государства был задуман польским королем еще до заключения между русскими и шведскими представителями Выборгского договора о помощи против тушинских войск. Еще в январе 1609 г. сенаторы дали Сигизмунду III согласие на подготовку интервенции в пределы Московского государства. 9 сентября 22-тысяч-

ная армия короля Сигизмунда III перешла русскую границу. 13 сентября был взят Красный, а 16 сентября началась осада Смоленска.

Польской интервенции против России придавала исключительное значение римская курия. Не случайно папа Павел V, по обычаю первых крестоносцев, благословил присланные в Рим перед началом похода меч и шлем польского короля.

Сигизмунд III под Смоленском

Однако с хода овладеть Смоленском королевской армии не удалось. Оборону крепости от врага возглавил воевода М.Б. Шеин, сумевший задержать поляков под смоленскими стенами почти на два года. Тем временем армия Скопина и Делагарди вела успешное наступление, освобождая от тушинцев северные уезды. Командовавший польскими войсками на Верхней Волге полковник А. Зборовский потерпел ощутимые поражения под Торжком и Тверью и просил у Рожинского все новых подкреплений. Но Тушинский лагерь переживал трудные времена. Большая часть польских и казачьих отрядов ушла на север, чтобы остановить наступление войск Скопина и Делагарди, численность стоявшей под Москвой армии Рожинского заметно сократилась. Русское командование решило воспользоваться этим и атаковать противника. 5 июня 1609 г. произошла вторая битва на р. Ходынке, едва не закончившаяся поражением тушинских войск.

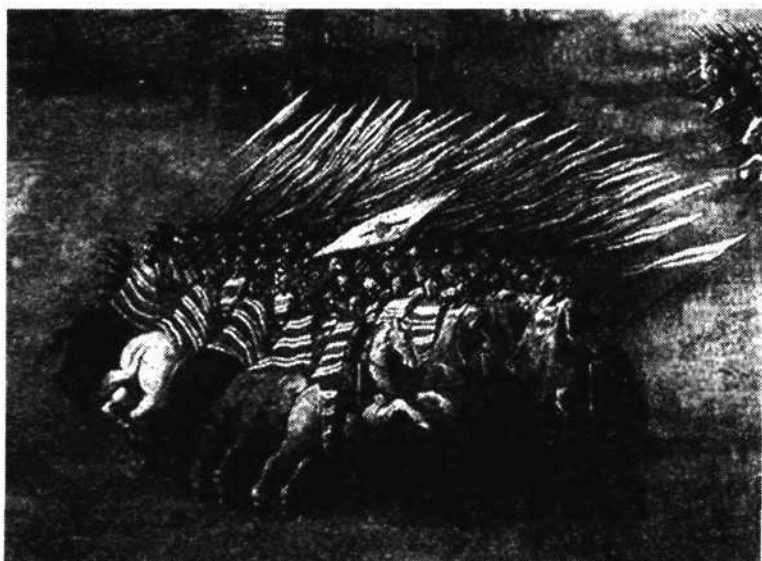
На этот раз московская армия вела наступление под прикрытием «гуляй-города». Поляки атаковали это подвижное укрепление и захватили его, но подверглись неожиданному удару дворянской конницы, в значительном числе сосредоточившейся на правом фланге. Понеся тяжелые потери, тушинцы бежали. От окончательного разгрома Рожинского спас Заруцкий, с несколькими сотнями казаков занявший удобную позицию на р. Химке и остановивший наступление русской конницы.

Тесня противника, войска Скопина-Шуйского все ближе и ближе подходили к осажденной врагом русской столице. С боями были освобождены Переяславль-Залесский, Александровская слобода. Под Дмитровом был разбит действовавший автономно от тушинской армии староста усвятский Я. Сапега. В начале марта 1610 г. польский воевода Вильчек сдал русским город Можайск.

С началом открытой польско-литовской интервенции часть служивших самозванцу шляхтичей ушла в королевский лагерь под Смоленск. Оставшиеся требовали от Алексея II обещанного им жалованья и держали его под строгим надзором. С трудом ускользнув от их караулов, тушинский «царь» 27 декабря 1609 г. бежал в Калугу. Лишив-

шись «вождя», подмосковный стан рассыпался. Воспользовавшись трудным положением врага, Скопин удвоил усилия и 12 марта 1610 г. вступил в Москву.

Ликвидировав тушинскую угрозу, Скопин-Шуйский стал готовить поход к осажденному поляками Смоленску. Однако 23 апреля 1610 г. молодой воевода неожиданно умер. Смерть его имела для страны катастрофические последствия. Рать, двинувшуюся на Смоленск, возглавил самый неудачливый из всех русских воевода — кн. Д.И. Шуйский. По польским данным, под его командованием находилось более 40 тыс. русских воинов и 8 тыс. наемников из вспомогательного шведского корпуса Я. Делагарди (по свидетельству Й. Будило, у русских под Клушино было 16 тыс., у шведского генерала — 7 тыс. человек; Н. Мархоцкий считает, что под общим командованием Д.И. Шуйского находилось 6—7 тыс. немцев и 20 тыс. «москвитян»). 24 июня 1610 г. у дер. Клушино, в 19 верстах от Гжатска, войска Шуйского были атакованы армией гетмана Станислава Жолкевского. В 5-часовом сражении сравнительно немногочисленная, почти не имеющая артиллерии, польская армия (11,5 тыс. кавалерии, 1 тыс. пехотинцев, 2 фальконета) разгромила численно превосходившее ее русско-шведское войско Д.И. Шуйского и Я. Делагарди. Одной из главных причин поражения стали фатальные ошибки русского командующего, расположившего пехотные части за полками дворянской конницы, но без прикрытия полевыми укреплениями. Свою роль сыграла и неожиданность польской атаки — Шуйский не успел подтянуть к месту начавшегося сражения имеющиеся у него 18 орудий. Однако, вопреки ожиданиям Жолкевского, первые удары польской гусарии не достигли своей цели. Только после 10 кавалерийских атак поляки прорвали линию русских войск. Опрокинутая противником московская кавалерия обратилась в бегство и потоптала свою пехоту. Сражение было окончательно проиграно после измены части наемников (французских и немецких полков) из состава шведского вспомогательного корпуса Я. Делагарди. В плен к полякам попали воевода В.И. Бутурлин и дьяк Я. Демидов. В числе павших был воевода Я. Барятинский.

Атака крылатых гусар под Клушином. В бою гусары облачались поверх доспехов в звериные шкуры.

Узнав о поражении главной армии, блокированная в Царевом Займище еще до Клушинской битвы, другая часть русского войска (отряды Ф.А. Елецкого и Г.Л. Валуева, насчитывающие 8 тыс. человек) сложила оружие, перейдя на сторону поляков.

После Клушинского поражения Делагарди с небольшим отрядом (400 человек) ушел к Погорелому Городищу, а затем дальше на север. Там, получив подкрепление, он начал захват русских территорий, постепенно приближаясь к Новгороду. Шведский генерал действовал в полном соответствии с инструкцией, данной ему 30 июня 1609 г. Карлом IX. В этом документе король сообщал Делагарди, что в случае, если поляки станут одерживать победы «в войне с русскими, то ему надо всего ревностнее стараться об удержании Новгорода в своей власти — приятно ли то русским, или нет». Овладев приграничной крепостью Ладогой (вскоре занявший город полковник П. Делавилль был выбит оттуда отря-

дом И.М. Салтыкова) и осадив Корелу (крепость была захвачена Л. Андерссоном 2 марта 1611 г.) и Орешек, войско Делагарди в начале июня 1611 г. подошло к Новгороду. Город был не готов к осаде. Произведенный воеводами осмотр городских укреплений показал их полную негодность. Во многих местах из-за отсутствия лестниц защитники не имели возможности взойти на крепостную стену. В этих условиях находившийся в городе многочисленный гарнизон (не менее 2 тыс. служилых людей) не смог бы оборонять крепость в случае неожиданной атаки противника. Немедленно были начаты ремонтные работы, благодаря которым положение частично удалось исправить, и первый шведский приступ, произошедший 8 июля, был отбит. Только 16 июля 1611 г., с помощью изменника — И. Шваля, солдаты Делагарди смогли ворваться в Новгород.

После тяжелых боев на улицах города и поспешного отступления за его пределы войск В.И. Бутурлина местные власти в лице митрополита Исидора и воеводы И.Н. Одоевского пошли на заключение сепаратного договора с Делагарди. Соглашение предусматривало сдачу крепости и признание права на русский престол одного из шведских принцев. В текст договора была включена следующая запись: «Этот договор и вышеупомянутые пункты будут нерушимо, с полной верностью и безо всякого злого умысла и обмана вечно соблюдаться могущественным моим королем, Карлом IX, королем Швеции и прочее, его наследниками и преемниками мужского пола, Короной Шведской и светлейшим сыном Его королевского величества, будущим государем и царем здешней области, и его наследниками мужского пола, по отношению к городу и княжеству Новгородскому, даже если владимирское и московское правительства, вопреки ожиданиям, не пожелают с ними согласиться». Это свидетельствовало о намерении шведской стороны, в случае отказа всероссийских властей призвать на московский престол шведского королевича, приступить к созданию особого «Новгородского государства», находящегося под шведским протекторатом. Так была создана реальная угроза отделения от Московского государства всей его северо-западной области.

МОСКВА В ПЛЕНУ. ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМСКИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ОПОЛЧЕНИЙ (1610—1611 гг.)

Политическая ситуация, сложившаяся в России в 1610 г., означала наступление нового этапа в истории Смутного времени. 17 июля после известия о гибели армии у села Клушино был сведен с престола и пострижен в монахи царь Василий Иванович Шуйский. К власти пришло правительство находившихся в то время в Москве семи бояр — кн. Ф.И. Мстиславского, кн. И.М. Воротынского, кн. А.В. Трубецкого, кн. А.В. Голицына, кн. Б.М. Лыкова, И.Н. Романова и Ф.И. Шереметева. Новое правительство получило название «Семибоярщины». Изначально действия московских бояр были направлены на создание легитимного органа, способного управлять государством после свержения царя В.И. Шуйского, осуществленного группой заговорщиков в июле 1610 г. Однако в обстановке чрезмерной политизации жизни в русской столице, к которой приближалась польская армия гетмана С. Жолкевского, боярское правительство вынуждено было занять если не пропольскую, то все же достаточно конформистскую позицию.

Военно-политическое поражение и угроза повторения социального взрыва, подобного восстанию Болотникова и Ажепетра, принудили правящие московские круги пойти на прямой сговор с польско-литовскими интервентами, войско которых в августе 1610 г. подошло к Москве. Командовавший польской армией гетман Жолкевский поспешил воспользоваться произошедшими изменениями в русской столице, предложив московским боярам вступить с ним в переговоры. Кажущаяся безвыходность ситуации толкнула Ф.И. Мстиславского и его товарищей на ряд опрометчивых поступков. Первым шагом на пути, приведшем новое русское правительство к полной капитуляции перед поляками и их сторонниками, стало знаменитое постановление «Семибоярщины» не избирать царем представителей русских родов, следствием чего стало признание государем сына

Станислав Жолкевский во время сражения

польского короля Сигизмунда III Владислава. Проводимая правительством «семи московских бояр» политика уступок и соглашений с поляками закономерно привела к сдаче Москвы: в ночь на 21 сентября 1610 г. в нее были введены войска гетмана Жолкевского. Как отмечал в своих мемуарах сам польский военачальник, «бояре опасались [мятежа] и желали, чтобы под защитою войска короля, они могли быть безопасны от ярости народа». По словам А. Палицына, для них предпочтительней было «государичю (польскому королевичу Владиславу. — В.В.) служить, нежели от холопей своих побитыми быти и в вечной работе у них мучиться». С этого момента и в столице, и в стране возникает оппозиция политике московских олигархов. Широкая, хотя и вынужденная, опора на военную силу Польско-Литовского государства, на авторитет его верховной власти, требования, посланные смоленским воеводам М.Б. Шеину и князю П.И. Горчакову, продолжающим героически сопротивляться полякам, не создали и не могли создать «Семибоярщине» прочной опоры в русском обществе. Разочарованными ока-

зались даже те, кто в августе 1610 г. поддержал компромиссное соглашение с поляками, надеясь на обещанное гетманом Жолкевским от имени короля сохранение государственного и национального суверенитета, гарантированного статьями трех русско-польских договоров: Смоленского, Царево-Займищенского и Московского. Полковник А. Гонсевский, сменивший гетмана Жолкевского на посту командующего польскими войсками в русской столице, не склонен был считаться с договорами, подписанными его предшественником, так как они ограничивали степень вмешательства польских властей в русские дела. Стремясь к полному подчинению Московского государства Речи Посполитой, он стал проводником политики, определяемой самим польским королем. Из

Полковник А. Гонсевский

дошедшей до нас переписки Сигизмунда III с папой римским Павлом V и генеральным провинциалом Ордена иезуитов К. Аквавивой видно, что король и его ближайшее окружение не собирались ограничивать свою власть в русских землях никакими условиями, что являлось нарушением прочно укоренившейся политической традиции.

Разложение центрального аппарата власти, подпавшего с конца сентября 1610 г. под полный контроль польских ставленников, способствовало активизации местного земского и губного управления, игравшего все более важную роль в организации военного отпора интервентам. Роль земского самоуправления начала изменяться в 1606 г., во время восстания И.И. Болотникова, вызвавшего заметное оживление деятельности различных сословных групп на территории, охваченной антиправительственным повстанческим движением. Болотниковцы широко использовали в своей борьбе авторитет сословного и земского представительства. Именно в это время на местах начинают складываться всесословные органы местного управления — городовые и уездные советы. Необходимо отметить, что подчинялись на первых порах они исключительно военным руководителям восстания и прежде всего «большому воеводе царя Димитрия» Ивану Болотникову. Лишь позднее, в ноябре 1606 г., с приходом в Путивль отряда «царевича Петра Федоровича», в повстанческом лагере складываются органы власти, аналогичные правительственным. Р.Г. Скрынников, первым обративший внимание на это обстоятельство, связал его с отсутствием в болотниковской рати носителя титула царя или царевича, олицетворявшего в силу вековых русских традиций верховную власть в стране. С появлением в Путивле Ажептра и его казачьего войска ситуация радикально изменилась, несмотря на явное самозванство этого «царевича». При нем создаются Боярская дума и Двор — необходимые политические институты того времени. Главой Боярской думы в Путивле, а затем и в Туле, становится боярин кн. А.А. Телятевский. О существовании при дворе «царевича Петра Федоровича» некоего подобия московской приказной администрации известно по документам более позднего време-

ни. В 1613 г. во главе вновь созданного на Москве Казачьего приказа (Казачьего разряда) наряду с дворянином И.А. Колтовским был поставлен дьяк М. Сомов, в назначении которого именно на эту должность сыграла его служба в 1607 г. у «царевича Петра». Несмотря на быстрое складывание в Путивле традиционной для Московского государства системы управления подконтрольной территорией, реальная власть в повстанческом войске оставалась в руках казачьей старшины и казачьего круга, а все важные решения принимались в повстанческом лагере на общем войсковом сходе. Таким именно образом решилась, в конце концов, и судьба самого восстания — осажденные в Туле болотниковцы сдались правительственным войскам после решения войскового круга прекратить сопротивление и сложить оружие.

С земской (выборной) организацией было тесно связано повстанческое движение и в других уездах страны. По сообщению Лобковского хронографа, осадившими Нижний Новгород в 1606 г. «ворами» начальствовали «за воеводы место Ивашко Борисов Доможиров нижегородец, да с ним выбраны два мордвина Варгадин да Москов».

В условиях развязанной Польшей и Литвой интервенции органы местного самоуправления еще больше упрочили свое положение. Общая задача освобождения страны укрепляла выявившуюся к 1611 г. тенденцию воссоединения земель, обособившихся во время Смуты. Земское освободительное движение зародилось и получило распространение на севере страны в 1608—1609 гг. Оно проявилось в отпоре наводнившим страну отрядам самого одиозного из самозванцев — Ажедмитрия II, ставшего марионеткой возглавлявших его войско литовских магнатов, и в массовой поддержке населением освободительной рати двигавшегося к Москве кн. М.В. Скопина-Шуйского.

Дальний родственник царя Василия Ивановича Шуйского, несмотря на молодость (в ноябре 1608 г. ему исполнилось всего 22 года), Михаил Скопин-Шуйский был хорошо известным всей стране воеводой. В конце 1608 г. его направили в Новгород — один из не занятых «тушинцами» больших русских городов. В его задачу входило заключение со-

юзного соглашения со Швецией о военной помощи, формирование и обучение в северных и поморских городах новых войсковых контингентов, способных вытеснить противника из северорусских уездов, а затем прийти на помощь Москве. К этому времени в центре страны в распоряжении правительства не оставалось достаточных сил, чтобы противостоять агрессии. Военные успехи самозванца привели к тому, что территория, контролируемая правительством Василия Шуйского, уменьшилась до критического минимума. К маю 1609 г. (дата выступления М.В. Скопина-Шуйского с русскими и союзными шведскими войсками из Новгорода к Москве) Ажедмитрию II присягнули города Псков, Владимир, Тверь, Ярославль, Углич, Кострома, Ростов, Галич, Шуя, Кинешма, Белозерск, не говоря о южных уездах страны, служивших в Смутное время базой для любого антиправительственного движения. Преданные Москве воеводы оставались лишь в Смоленске, Новгороде, Коломне, Переяславле-Рязанском, Нижнем Новгороде, Саратове, Казани и малонаселенных тогда сибирских городках и острогах. Мужественно сопротивлялись «тушинцам» немногочисленные защитники Троице-Сергиева монастыря. В этой сложнейшей обстановке и пришлось действовать воеводе Скопину-Шуйскому, в полной мере проявившему блестящие дарования не только военного, но и государственного деятеля.

Находясь в Новгороде, Скопин-Шуйский через восставшие против «тушинцев» Вологду и Каргополь поддерживал связь с северорусскими городами не только для организации ратных сил, но и для «устроения земли», управления отрезанными от Москвы войной поморскими и североволжскими уездами и волостями. Вынужденный действовать самостоятельно, воевода Скопин получил от правительства небывалый доселе объем полномочий, на что обратил внимание Г.В. Абрамович, отметивший, что, судя по распорядительной деятельности Скопина-Шуйского в вопросах земельных пожалований, права молодого воеводы были схожи с прерогативами царской власти. Новгород того времени стал северной русской столицей, заменив осажденную Москву как центр, организующий борьбу с отрядами Ажедмит-

рия II, а М.В. Скопин-Шуйский становится главным и весьма авторитетным представителем верховной власти в государстве. «Писания» Скопина приобрели силу царских указов, которым повиновались не только городовые миры, земские и губные старосты, но и государевы воеводы и наместники. Соглашаясь с Г.В. Абрамовичем по основному содержанию его выводов, необходимо подчеркнуть существенную ошибку историка: властные prerogatives Скопина ограничивались определенной территорией; он являлся представителем верховной власти на Русском Севере и в Поморье. В Среднем и Нижнем Поволжье аналогичными полномочиями был наделен воевода Ф.И. Шереметев, в иных же городах и уездах подобную государеву службу выполняли другие уполномоченные царем лица.

В.И. Корецкий обратил внимание на происходившее в то время известное развитие форм участия населения северорусских городов в местном военном управлении. Когда в декабре 1608 г. к Устюжне Железопольской приблизился польский отряд, в городе не оказалось ни воеводы, ни ратных людей, ни надежных укреплений. Тогда горожане создали выборное управление, избрав три головы и городской совет из 20 человек, в котором посадские и служилые люди получили равное представительство. Власть в городе перешла в руки этого совета. Деятельность его не прекратилась даже после прибытия в Устюжну воеводы А.П. Ртищева, отстоявшего город от осадивших его «тушинских» отрядов. Несмотря на эту победу, новый воевода смог приступить к исполнению своих обязанностей лишь после утверждения городовым советом его полномочий.

Тогда же в Сольвычегодске мирские органы создают «мужицкие отряды», вооружением и снабжением которых ведали знаменитые купцы и промышленники Строгановы.

Благодаря широкому подъему народной борьбы на Севере и в Верхневолжских городах М.В. Скопину-Шуйскому удалось одержать ряд важных побед над «тушинцами», к ноябрю 1609 г. вытеснив их отряды из Верхнего Поволжья. В ходе дальнейших действий его войска освободили от осады Троице-Сергиев монастырь, а затем и Москву.

Схожие процессы шли и в других регионах страны. Несколько ранее восстания на Севере поднимались земские люди в Среднем Поволжье: в Балахне, Юрьевце Волжском, на Решме, в Гороховце, где собравшиеся ополчения и рати «все вкупе соединились в Луху, и литву побиваху, а дворян воровских, поймав, и в Нижний отсылаху...» Как и в Устюжне Железопольской, возглавили эти формирования выборные земские «начальники».

В специфических условиях Смутного времени земское освободительное движение приобретало различные организационные формы на землях, занятых крупными соединениями польско-литовских войск и в тех городах и уездах, власти и население которых выступали против пропольской политики московского правительства. Безусловно, фактор присутствия на значительной части русской территории отрядов иноземцев оказывал определяющее значение на характер и масштабы борьбы в этих местах с интервенцией, заставляя местных жителей шире использовать методы партизанской войны (тактику засад и налетов), сплачиваясь в отряды так называемых «шишей», военная организация которых напоминала казацкую. О действиях «шишей» против поляков сохранились любопытные сообщения в дневнике С. Маскевича, служившего в гарнизоне Кремля и принимавшего участие в походах интервентов за провиантом в Рогачево и на Волгу. «Москвитяне («шиши». — В.В.) нас стерегли, — писал Маскевич, — узнав через лазутчиков, что товарищи разъехались в коло и что мы стоим без стражи, они нагрянули на нас среди белого дня, частью на конях, частью на лыжах...» Ниже он добавляет: «Едва отошли мы на милю или на две от гетманского лагеря, напали на нас шиши и без труда одержали победу: ибо находившиеся при возах наших москвитяне тотчас передались к своим; а другие загородили путь повозками...» В примечаниях к этому изданию «Дневника» Самуила Маскевича, написанных Н.Г. Устряловым, о «шишах» сказано следующее: «Вольница, не признающая ничьего начальства, кроме своих атаманов». Это мнение нам представляется ошибочным. «Шишами» становились в основном крестьяне разоренных поляками русских сел и деревень, испытывающие вполне понятную ненависть ко всяко-

му иноземцу. Организация же повстанческих сил, подобных казачьей, была отличительной особенностью всех народных движений XVII в.

Иначе складывалась обстановка в той части страны, где с самого начала власть правительства королевича Владислава носила чисто номинальный характер. В рязанских и замосковных городах началось формирование местных ратных сил, призванных освободить от поляков столицу Русского государства. Высшая форма проявления освободительного народного движения в Смутное время — земское ополчение. Осознание значительной частью населения страны необходимости ведения жестокой, бескомпромиссной борьбы с польской угрозой вылилось в мобилизацию имеющихся наличных средств и сил для отпора агрессии. Вместе с тем, отсутствие единого политического (правительственного) центра осложняло задачу. Обстановка требовала скорейшего слияния разрозненных очагов сопротивления натиску внешнего врага. К 1611 г. центр освободительной борьбы перемещается с севера страны в Рязанские земли. Значительное распространение получает практика прямых сношений между городами, не признавшими королевича Владислава. Выражением этого стала посылка и пересылка прочетных грамот, авторы которых, изображая бедственное состояние Московского государства, призывали восставшие против поляков города составить земское ополчение для скорейшего «очищения» от врага Москвы и всей Русской земли. На основе взаимных договоренностей там начали формироваться земские рати, в феврале следующего, 1611 года двинувшиеся к Москве. Об организации власти в них, из-за крайней скудости дошедших до нас сведений, можно судить лишь с известной долей предположения. Во главе местных ополчений стояли земские воеводы, при которых, видимо, существовали полковые канцелярии, ведавшие сбором денег и различных припасов для обеспечения ратных людей. Так известно, что 29 февраля 1611 г. войсковой подьячий одного из местных ополчений, по-видимому Суздальского, В. Луговинин получил с шуйского кабацкого целовальника деньги в «земскую казну». С другой стороны, вполне вероятным представляется наличие во многих, если не во всех земских

ратях органов, аналогичных «Совету всей земли», существовавшему в Рязанском ополчении задолго до его прихода к Москве (с 4 марта 1611 г.), о чем есть точное упоминание в одной из грамот П.П. Ляпунова.

В начале марта 1611 г. основные силы местных ополчений собрались в трех сборных пунктах: Рязани, Серпухове и Коломне. Наиболее организованным было Рязанское ополчение — настоящее войско, с многочисленной артиллерией («нарядом») и «гуляй-городом». Возглавлял его признанный вождь и воевода думный дворянин П.П. Ляпунов. Он заключил союз с «боярами» из распавшегося лагеря Лжедмитрия II — Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким, послал посольство стряпчего И.И. Биркина в Нижний Новгород поднимать на борьбу с поляками жителей Среднего Поволжья, пытался нейтрализовать или привлечь на свою сторону гетмана Я. Сапегу, предводителя польских наемников в войске Лжедмитрия II. Кроме Рязанского ополчения, в которое влились отряды с Северской Украины, под Москву шли земские войска из Владимира, Нижнего Новгорода, Муром, Ярославля, Переяславля-Залесского, Углича, Суздаля, Вологды, Галича, Костромы и Романова (Романова-Борисоглебска). К Владимирскому и Суздальскому ополчению присоединились отряды волжских казаков и черкасов (днепровских казаков), возвращавшихся из-под Пскова. Союзник П.П. Ляпунова — кн. Д.Т. Трубецкой — привел к столице остатки «тушинского» войска из Калуги, атаман И.М. Заруцкий — из Тулы.

Собирая все силы для освобождения занятой врагом русской столицы, Ляпунов стремился подготовить антипольское восстание в самой Москве, успех которого, в случае поддержки земскими полками, привел бы к очищению столицы от врага. В дневниковых записях поляка М. Стадницкого сохранилось упоминание о том, что, узнав о «мятеже» Ляпунова и его единомышленников, москвичи «стали искать поводов к ссоре с польским гарнизоном». О стихийном протесте московского люда, недовольного хозяйничаньем врага в родном городе, говорить не приходится. Об этом свидетельствует другое наблюдение того же мемуариста, прямо записавшего: «В столицу сходились из деревень и

местечек люди, под предлогом искания защиты, тайно принося с собой оружие; приходили и солдаты Ляпунова, тайно переодевшись в городское платье; их никто не узнавал, так как они смешивались с городской чернью». Ясно, что подобная подготовка вооруженного выступления в занятом неприятельским гарнизоном городе требовала серьезной организаторской работы.

Прокопий Петрович Ляпунов

Городовые ополчения пришли к Москве в конце марта — начале апреля 1611 г. Первые же земские отряды прибыли в столицу 19 марта, приняв активное участие в начавшемся восстании против интервентов, подавленном ими с невероятной жестокостью. 24—25 марта к Симонову монастырю с казаками и Суздальским ополчением подошел бывший «тушинский стольник» — атаман А.З. Просовецкий. Гонсевский бросил против него полки Зборовского и

Струся, но русские укрылись в «гуляй-городе» и отбили все польские атаки. Вслед за суздальским войском прибыли отряды И.Ф. Еропкина и серпуховского воеводы Ф.К. Плещеева, а 27 марта 1611 г. «с большим и многочисленным войском» пришел из Рязани сам Прокопий Ляпунов. К захваченной врагом русской столице один за другим подходили отряды из верхневолжских городов. Сбор ратных сил под Москвой закончился 1 апреля 1611 г. Началась длительная и трудная осада хорошо укрепленного города.

В сложившемся под Москвой весной 1611 г. новом военно-политическом образовании единство, необходимое для успешного ведения освободительной войны с поляками, на первых порах отсутствовало. У стен сожженной врагом столицы ополчения расположились в нескольких, враждебно настроенных по отношению друг к другу лагерях: у Яузских, Покровских, Сретенских, Тверских ворот Белого города и против Воронцовского поля. Следует признать, что разногласия в среде ополченцев были порождены социальной разнородностью самого освободительного движения. Важнейшим условием успешной борьбы с интервенцией являлось объединение земских сил, координация действий местных ополчений и отрядов, централизованное снабжение их необходимым довольствием и припасами, что требовало создания государственного аппарата политического и хозяйственного управления страной, способного взять на себя функции центрального правительства. Уже тогда это сознавали многие воеводы и атаманы, служилые люди и казаки. Мощным объединительным стимулом было общее стремление различных политических и социальных группировок земского освободительного движения к скорейшему освобождению «царственного града» Москвы от засевших в ней поляков и «русских воров-изменников». После занятия 7 апреля 1611 г. земскими отрядами Белого города в ополчении создается общий «Совет всей земли» — высший орган власти на освобожденной от интервентов территории, ставший единым руководящим центром всего освободительного движения в стране. Тогда же были избраны «начальники» зем-

ской рати — П.П. Ляпунов, кн. Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий. Прообраз «Совета», по некоторым сведениям, существовал в Рязанском ополчении еще до прихода его к Москве в начале марта 1611 г.

В конце июня 1611 г. произошла коренная реорганизация сложившейся в «таборах» (подмосковном лагере Первого ополчения) политической власти. Ратные люди и казаки, выступившие против участвовавших случаев произвола ополченских властей, подали Ляпунову, Заруцкому и Трубецкому челобитную, в которой требовали от своих «начальников» детальной регламентации и упорядочения деятельности земского правительства, ополченского «Совета всей земли» и сложившейся в «таборах» приказной администрации. Выработанный на основе этих требований и одобренный 30 июня 1611 г. всем ополчением Приговор подтвердил и оформил сословно-представительную организацию власти и порядок управления страной. В Приговоре перечисляется круг лиц, принявших участие в разработке этого документа. В нем упоминаются: «царевичи» (татарские — *В.В.*) и бояре, окольные и чашники, стольники и дворяне, стряпчие и жильцы, приказные люди и дети боярские, князья и мурзы, атаманы и казаки, а также служилые и дворовые люди. Были учтены пожелания представителей 25 городов, участвовавших в деятельности подмосковного «Совета всей земли», в том числе таких важнейших, как Ярославль, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов, Архангельск, Вологда и др. А.В. Черепнин высказал предположение о том, что данное представительство было выделено из состава участников Первого ополчения. Подобное объяснение нам представляется ошибочным — в число упоминаемых 25 городов, чьи выборные участвовали в деятельности подмосковного «Совета всей земли», не вошли представители Рязани, Углича и Суздаля — городов, пославших свои ополчения к Москве уже в марте-апреле 1611 г. Некоторые сомнения возможны лишь в отношении Суздальской рати — посланное из этого города ополчение состояло, по-видимому, в большинстве своем из большого казачьего отряда братьев Просовецких. Наобо-

рот, в отношении Рязани, высланной к Москве большое земское войско во главе с одним из главных ополченских воевод — П.П. Ляпуновым, сомневаться не приходится, так как представители Рязани не могли не войти в его состав в весьма представительном числе. Это объяснение, на наш взгляд, указывает на действительное наличие в «Совете всей земли» Первого ополчения выборных «делегатов», всех упоминаемых в земском Приговоре городов.

Текст Приговора 30 июня 1611 г. состоит из преамбулы и 24 статей, важнейшими из которых считаются те, которые определяли государственное устройство России и регулировали поземельные отношения — определявшие правовой статус служилых людей, владевших вотчинами и поместьями. Исследователи, изучавшие текст принятого «Советом всей земли» Приговора, справедливо отмечали, что документ был выработан, прежде всего, в интересах городского дворянства, чьи представители оказались в большинстве на соборных заседаниях, происходивших в подмосковном лагере ополчения в июне 1611 г., и несшего основное бремя в борьбе с вражеским нашествием.

Большинство статей Приговора касались вопроса о землевлaдении и размерах земельных пожалований служилым людям. Социальная неоднородность движения, существенные расхождения в целях и задачах освободительной борьбы, разъединявшие ополчение, диктовали необходимость выработки компромиссного решения этой проблемы, способного удовлетворить притязания всех собравшихся в земском лагере под Москвой ополченцев: бывших «тушинцев», непоколебимых сторонников Василия Шуйского и тех, кто, подобно И.М. Заруцкому, недавно еще служил польскому королю Сигизмунду III. Таким компромиссом в решении вопроса о земельных пожалованиях стало правовое закрепление принципа руководства нормами, сложившимися «при прежних прирожденных государех». Тем самым законными признавались любые земельные пожалования (даже польского правительства), если они не нарушали сложившуюся норму верстания служилых людей.

С 30 июня 1611 г. во главе ополчения встало реорганизованное на основе Приговора временное земское правительство — своеобразный триумвират П.П. Ляпунова, И.М. Заруцкого и Д.Т. Трубецкого, избранных «начальниками» еще в апреле 1611 г. Однако права и привилегии триумвиров были существенно ограничены статьями Приговора. «Бояре и воеводы», обязанные «будучи в правительстве, земскими и всякими ратными делами промышляти», в своих действиях контролировались избравшим их «Советом всей земли». При общем стремлении ратников Первого ополчения восстановить разрушенную врагом русскую государственность в таком именно виде, «как было при прежних российских прирожденных государех», условия и обстоятельства Смутного времени вынуждали составителей земского Приговора в ряде случаев существенно изменять сложившиеся в Московском государстве традиции взаимоотношения власти и соборного большинства. Так, «избранных всею землею для всяких земских и ратных дел в правительство» вождей ополчения, в случае обнаружения их несоответствия своему высокому положению «Совету всей земли», было «вольно ... переменить и в то место vybrати иных... хто будет болю к земскому делу пригодится».

В Приговоре детально оговаривалось устройство центрального административного аппарата. В ополчении были организованы Разрядный, Поместный, Земский и ряд других приказов (Большой Приход, Дворец, четверти, Разбойный приказ), деятельность которых также контролировалась «Советом всей земли». Приговором предусматривались определенные изменения в сложившемся к этому времени местном управлении. С «приставства» из городов, дворовых сел и черных волостей снимались бывшие там атаманы и казаки, вместо которых назначались «дворяне добрые». На основании этой статьи большинство исследователей делало вывод о сознательном ослаблении дворянским большинством ополчения позиций своих соратников по освободительной борьбе. Между тем, в стороне осталось важное обстоятельство, проливающее свет на истинную подоплеку продекларированного в Приговоре смещения атаманов и казаков с «при-

ставства», — замене подлежали не только они, но и все годные к ратной службе воеводы-дворяне. (См. ст. 15 Приговора: «А которые дворяне и дети боярские посланные по городом в воеводы и на всякие посылки в збор, а на службе им быти мочно, и тех из городов и из посылок переменить и велети им быти в полки тот час, а на их место послать дворян сверстных и раненых, которым на службе быти не мочно».)

С 1604 г. в Русском государстве происходит значительное расширение территории, находящейся в воеводском управлении. Новая система местного управления появляется в России во второй половине XVI в., наряду с введением в уездах и волостях Московского государства губных и земских учреждений. Однако первоначально воеводы посылались лишь в пограничные уезды, где необходимо было усиление военно-административной власти, напрямую подчиненной правительству. Во внутренние же уезды воевод начали назначать именно в Смутное время, в связи с резким обострением социальной борьбы в стране и началом польско-литовской, а затем и шведской интервенции. В эти годы рассылка по городам воевод стала практиковаться все шире. В царствование Михаила Федоровича Романова была составлена особая «Роспись воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старосты», в которой подробно перечислялись города и уезды, перешедшие под контроль правительственных эмиссаров — городских воевод. Будучи специальными представителями московского правительства на местах, они сосредоточили в своих руках административные, судебные, полицейские функции, отчасти подчинив себе деятельность губных старост, ведавших делами, связанными с разбоями, убийствами, грабежами и воровством. Наблюдая этот процесс со стороны, без учета конкретно-исторической обстановки, сложившейся в стране в начале XVII вв., можно было бы сделать вывод о дальнейшей и весьма значительной централизации местного управления, о существенном ослаблении системы земского и губного самоуправления, ограничении и сведении на нет их политической деятельности. Тем не менее, в начале XVII в. учреждение в стране воеводского управления свидетельствова-

ло скорее не об усилении контрольных функций государства в местном управлении, а о реальном их ослаблении. Нельзя переоценивать роль городских воевод в организации власти на местах — в Смутное время они зачастую лишь номинально возглавляли управление в том или ином городе и уезде. Часто воеводы входили в общесословные городские советы (как в Нижнем Новгороде) или дублировали деятельность органов местного общесословного управления, подтверждением чему служит сложившаяся в Курмыше практика одновременной посылки идентичных по содержанию отписок воеводе и «дворянам и детям боярским, и всяким служилым людям, и земским старостам, и целовальникам, и всем посадским людям, и волостным крестьянам». В таких условиях курмышане смогли запретить новоназначенному в их город воеводе Жедринскому «без земского совета» въезжать в Курмыш. Характерен и отмеченный выше факт нахождения во многих городах «на приставстве» казачьих атаманов и даже простых казаков. Известное решение «Совета всей земли» Первого ополчения о повсеместной замене местных начальников негодными к ратной службе «дворянами добрыми» не выполнялось.

Пытаясь усилить контроль над казачеством, земские воеводы вынуждены были заботиться о притоке новых людей в свои полки. Даже Ляпунов, испытывая большую нужду в ратниках, продолжал пополнять ряды ополченцев за счет холопов и крепостных крестьян. В июне 1611 г. он писал в Казань: «А которые боярские люди крепостные и старинные и те бы шли безо всякого сумленья и боязни, всем им воля и жалованье будет, как и иным казакам».

Приговор 30 июня 1611 г., несомненно, сыграл важную роль в упрочении объединительной тенденции в освободительном движении, однако после его принятия в подмосковном лагере продолжали сохраняться серьезные противоречия. Особое недовольство в «таборах» вызывали антиказацкие мероприятия Ляпунова и внешнеполитическая ориентация ополченческого правительства на Швецию, с которой велись переговоры о возможном избрании на российский престол одного из шведских принцев — Густава-Адольфа.

фа или Карла-Филиппа. Компромиссное соглашение, заключенное между различными группировками движения в июне 1611 г., воплотившее объединительные тенденции освободительной борьбы, на практике оказалось недолговечным. В конце июля произошло открытое столкновение конфликтующих сторон, в котором у Ляпунова не оказалось надежной опоры. Назревавшим в ополченской (точнее, казачьей) среде социальным взрывом не преминули воспользоваться осажденные в Кремле и Китай-городе поляки. Им удалось спровоцировать радикально настроенную часть «таборов» на открытое выступление против Ляпунова. Гонимый переправил казакам сфабрикованные в Москве грамоты, в которых от имени главного земского воеводы местные власти призывались к истреблению «злого народа» (казаков). Вызванный 22 июля в казачий круг, вождь ополчения был убит (зарублен казачьим атаманом С. Карамышевым), репрессиям подверглись и некоторые его сторонники.

Несмотря на последовавший после этих событий отъезд из подмосковного лагеря части служилых людей замосковских городов, авторитет «Совета всей земли» Первого ополчения продолжал сохраняться на всей освобожденной от интервентов территории вплоть до 2 марта 1612 г. (т.е. до дня присяги ополченцев из «таборов» объявившемуся в Пскове новому самозванцу — Лжедмитрию III). Продолжал функционировать созданный в июне 1611 г. аппарат центрального управления. Современники отмечали, что «Разряд и Поместный приказ, и Печатной, и иные приказы под Москвою были и в Поместном приказе и в иных приказах сидели дьяки и подьячие, и с волостей на казаков кормы собирали». С течением времени происходит увеличение числа подмосковных приказов. В июле 1611 г. ядринскому воеводе М.И. Соловцову предписывалось ссылаться «о всяких делех» с думным дьяком Д.Т. Рындиным и дьяком А. Шапиловым, сидевшими в приказе Казанского и Мещерского дворца. В ноябре 1611 г. (в публикации ошибочно 1612 г.) в грамоте «бояр и воевод» Д.Т. Трубецкого и И.М. Заруцкого пронскому воеводе Р.П. Федорову указывалось, чтобы выборные поручные записи, взятые с ямских охотников, он «прислал бы еси в

полки к нам к Москве и велел отдать в Ямском приказе диаку Филиппу Ларионову». Продолжалось верстание в «таборах» служилых людей поместьями, в том числе четвертными окладами, подтверждались пропавшие жалованные грамоты на вотчины, данные за службу прежними государями, в том числе царем Василием Ивановичем Шуйским — непримиримым врагом бывших «тушинцев», ставших теперь главными воеводами земской рати. «По боярскому приговору» в «таборах» выдавались жалованные грамоты монастырям. Однако во всех официальных документах земские власти обязательно подчеркивали временный характер своих полномочий, опечатывая данные в «таборах» жалованные грамоты желтой восковой печатью. При этом в тексте делалась специальная приписка: «А как на Московское государство Бог даст государя и тогда велит государь ему (П.Ф. Кикину. — В.В.) на ту его вотчину по книгам и по дачам дати вотчинную жалованную грамоту за красною печатью».

Приказная администрация занимала особое положение в Первом ополчении. Число дьяков, находившихся в земском лагере под Москвой, достигало 25—30 человек; из них 6 были думными дьяками. Их роль в сложившейся в «таборах» политической организации отнюдь не сводилась к деятельности в ополченских приказах; дьяки принимали активнейшее участие в выработке правительственного курса подмосковного «Совета всей земли». При этом следует учесть, что в Нижегородском ополчении К. Минина и Д.М. Пожарского приказных дельцов оказалось гораздо меньше, а их политическое влияние было ничтожно. Даже после гибели Ляпунова Первое ополчение и его руководители получали полное признание и поддержку Троице-Сергиевской обители — весьма авторитетного в русском обществе вдохновителя борьбы с польскими интервентами и католической опасностью. Однако нельзя не отметить и того, что после 22 июля роль и значение ополченского «Совета всей земли» изменяется. Он не теряет статуса верховного распорядительного органа, но в практической деятельности решающее значение отводится теперь «приговору бояр», а не «приговору всей земли». В ополчении и в «Совете всей земли»

неизмеримо усиливаются позиции И.М. Заруцкого. Ни в одном из исследований, посвященных политической истории России эпохи Смутного времени, не отмечен очень важный и примечательный факт: в сентябре 1611 г. шенкурские тиуны рассылали по станам наказную память о выборе заказных старост по единоличному «указу государя нашего боярина Ивана Мартыновича [Заруцкого]». Падение авторитета подмосковного правительственного центра, а с ним и влияния «боярина» Заруцкого произошло после организации Нижегородского ополчения, вожди которого провозгласили его одним из главных «заводчиков казачьего воровства», обличая старого болотниковца и «тушинца» в рассылаемых по стране грамотах.

Вышесказанное подтверждает правоту русских историков, оспаривавших утверждение о произошедшем в конце июля развале центральной власти, сложившейся в Первом ополчении под Москвой после 30 июня 1611 г. Вместе с тем, нельзя отрицать и того очевидного факта, что произошедшее в земском лагере 22 июля открытое выступление радикально настроенного по отношению к действиям Ляпунова казачества привело к неминуемому расколу столь разнородного по своему составу освободительного движения. В нем зарождается и крепнет оппозиционное течение, с подозрением относящееся к «казачьему воровству». Зажиточная часть посадского населения северорусских и поволжских городов, разоренное Смутой дворянство воспринимали перемены, произошедшие в земском лагере после гибели Ляпунова, именно как новое «воровство» вчерашних болотниковцев и «тушинцев». Возникшим во многих городах и уездах недоверием к казакам не преминули воспользоваться находившиеся в Москве интервенты и русские изменники. В рассылаемых по стране грамотах (в Кострому, Ярославль, Переславль-Залесский) они натравливали посадских людей на казаков, запугивали горожан новой вспышкой междоусобной войны. Вот как изображали происходившие в «таборах» события служившие полякам московские думцы: «...которой был большой завогца Прокофей Ляпунов, от которого большая крестьянская кровь началась литися и Московское го-

сударство до конца пустошится, и того те воры, которые с ним были в том воровском заводе, Ивашка Заруцкой с товарищи убили, и тело его держали собакам на снаденье на площади 3 дни; и вы видите, за его к государю (королевицу Владиславу. — В.В.) крестное преступление и за зачатие невинные крестьянские крови какову месть ему Бог воздал по его делом от его же воровских товарищей, и совет их всеу стал. И ныне князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкой с товарищи стоят под Москвою на большое крестьянское кровопролитье, и Московскому государству и городом всем на конечное разоренье, а не на покой крестьянской, и беспрестани езда по городом от них ис табор ис-под Москвы, казаки грабят и розбивают и невинную кровь крестьянскую проливают...» Определенную роль в падении авторитета подмосковного правительства на части российской территории, помимо «казацкого воровства» и подстрекательств московских изменников, сыграла бесплодность двухгодичной осады Москвы отрядами Первого ополчения. Затягивание же борьбы с интервенцией чревато было гибельными последствиями для страны и всего освободительного движения. Недовольные таким развитием событий земские люди, во всех неудачах винили руководителей «таборов» и искали выход в создании нового земского ополчения, вожди которого, подобно погибшему Прокопию Ляпунову, могли держать под контролем подмосковное казачество — политически нестабильную, от участия или неучастия которой в освободительной борьбе зависел в немалой степени успех земского дела под стенами Москвы.

* * *

Новый этап в истории освободительной борьбы русского народа с польско-литовской интервенцией в начале XVII в. был связан с начавшейся в октябре-ноябре 1611 г. организацией в Нижнем Новгороде нового (Второго) ополчения, с деятельностью его знаменитых выборных вождей: воеводы кн. Д.М. Пожарского и земского старосты К. Минина.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Гравюра. XVII в.

В конце XVI — начале XVII вв. Нижний Новгород являлся одним из крупнейших городов Русского государства. Лишь Старая Русса, Москва, Псков, Казань и Смоленск в годы, предшествовавшие «разорению», давали казне больше таможенных пошлин, чем Нижний Новгород, не подвергавшийся к тому же в Смутное время прямому разграблению, подобно другим, в том числе и перечисленным выше русским городам. Значительным было в этом поволжском городе и влияние нижегородского посада, возглавляли который земские старосты и целовальники, избиравшиеся 1 сентября сроком на один год и ведавшие всем мирским хозяйст-

вом и управлением, собиравшие государственные подати и различные казенные пошлины. Однако с 1608 г. самоуправление в Нижнем Новгороде, равно как и во многих других русских городах, не ограничивалось посадским. Осенью этого года там создали общесословный орган местного управления — городской совет. Неоспоримое свидетельство (первое упоминание) о его существовании приводится в отписке архимандрита нижегородского Вознесенского монастыря Иоиля игумену Луховской пустыни Ионе.

Минин Кузьма Минич. Гравюра. XVIII в.

Решения Нижегородского городского совета были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались земскими людьми. Осенью 1611 г. совет (в документах зачастую именовавшийся как «нижегородские власти») собирался на воеводском дворе. В это время в него входили архимандрит Печерского монастыря Феодосий, спасский протопоп Савва, «да иные попы», стряпчий И.И. Биркин, дьяк В. Юдин, нижегородские «дворяне и дети боярские, и головы, и старосты, от них же и Кузьма Минин».

Нижний Новгород был одним из 50 русских городов, принявших участие в Первом ополчении. Для координации военных действий против интервентов («доброго совету») в начале февраля 1611 г., в Нижний прибыли посланные П.П. Ляпуновым его личные представители — стряпчий И.И. Биркин, в 1612 г. бывший вторым воеводою Нижегородского ополчения), и дьяк С. Пустошкин. В марте 1611 г. под Москву в составе земской рати пришел большой отряд из Нижнего Новгорода. Представители этого города подписали Приговор 30 июня 1611 г., участвовали в работе «Совета всей земли» Первого ополчения. С гибелью Ляпунова началась новая страница во взаимоотношениях нижегородцев с вождями подмосковных «таборов». Но лишь после присяги, принесенной ополченцами Трубецкого и Заруцкого Ажедмитрию III (2 марта 1612 г.), произошел окончательный их разрыв с «боярами и воеводами» Первого ополчения.

Изменения, произошедшие в земском освободительном движении после смерти П.П. Ляпунова, и кажущееся бездействие отрядов Трубецкого, Заруцкого и Просовецкого под стенами Москвы привели к образованию осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде независимого организационно-политического центра борьбы с интервенцией. Сначала ряд поволжских, а затем и многие северорусские города приняли участие в формировании нового земского ополчения, противопоставив его безуспешно осаждавшим Москву казакам и ополченцам из «таборов». Отказавшись от сотрудничества с продолжавшим существовать под Москвой правительственным центром, Нижегородский городской совет, тем не менее, взял курс на создание политической организации, то-

жданной существовавшей в Первом ополчении в 1611 г. В феврале 1612 г. в Нижнем Новгороде при формирующемся новом ополчении уже существовал и действовал свой Нижегородский «Совет всей земли», делопроизводством которого заведовал бывший нижегородский дьяк В. Юдин. Различия же между ополчениями предопределены были, прежде всего, социальной неоднородностью самого освободительного движения, распавшегося впоследствии на два самостоятельных течения.

Воззвание Кузьмы Минина к нижегородцам в 1611 году

Подготовительный период в истории Нижегородского ополчения, начало которого совпадает со знаменитой речью-призывом Кузьмы Минина к землякам (сентябрь 1611 г.), закончился в ноябре 1611 г. К этому времени был начат сбор денежных средств с населения, подтвержденный приговором «всего града за руками», было избрано руководство ополчения: «стольник и воевода» кн. Д.М. Пожарский, «выборный от всей земли человек» К. Минин, к этому времени сложивший с себя обязанности нижегородского земского старосты, второй воевода И.И. Биркин, дьяк В. Юдин. Тогда же пришли в Нижний Новгород отряды служилых людей из захваченных поляками Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, которые вместе с нижегородскими стрельцами и служилыми людьми составили костяк нового земского ополчения. У иногородних купцов был произведен заем, давший ополченской казне 5206 рублей. В одном из поздних источников — приписках на полях Хронографа 1512 г. — приводится общая сумма в 160 тыс. рублей (возможно, несколько завышенная), собранных в земскую казну денег.

На втором этапе формирования ополчения в ноябре 1611 — феврале 1612 гг. в Нижнем Новгороде провели верстание служилых людей, присоединившихся к земской рати. Разделенные воеводами на несколько статей, они получили денежное жалованье соответственно 50, 45 и 40 рублей. К февралю 1612 г. в Нижнем Новгороде создан был, как это уже отмечалось выше, свой войсковой «Совет всей земли». Закончился второй этап организации нового ополчения в феврале 1612 г. после получения известия о занятии Ярославля казачьими отрядами, посланными на север Заруцким. Немедленно на Верхнюю Волгу выступили передовые нижегородские отряды. 5—10 марта 1612 г. (дата, к сожалению, устанавливается лишь приблизительно) к Ярославлю выступили главные силы земской рати.

Этот крупный верхневолжский город стал местом окончательного сосредоточения сил ополчения Пожарского и Минина. Отбив Ярославль, находившийся на пересечении важнейших торговых путей, нижегородцы получили доступ к крайне необходимым им экономическим ресурсам зе-

мель, мало или совсем не затронутых военными действиями. Но вступление отрядов Нижегородского ополчения в этот регион привело их к открытой конфронтации с уже действовавшими там казаками из стана Трубецкого и Заруцкого. Преодолеть сопротивление сторонников Первого ополчения, старавшихся не допустить появления иной, неподконтрольной «таборам» военно-политической организации, грозившей отторгнуть значительную территорию, снабжавшую подмосковные полки, нижегородские вожди могли, заручившись поддержкой местных земских сил. Для этого требовалось создать орган народного представительства, более авторитетный, чем в «таборах», подобный существовавшему под Москвой до 22 июля 1611 г. После вступления в Ярославль руководители Второго ополчения начали реорганизацию Нижегородского войскового (ополченского) «Совета всей земли» и учреждение органов центрального государственного управления — приказов. От имени князя Пожарского по городам, поддерживавшим почин Нижнего Новгорода, разослали грамоты, призывавшие органы местного самоуправления прислать в Ярославль «изо всяких людей человека по два и с ними совет свой отписать, за своими руками».

В Ярославле при реорганизованном «Совете всей земли», как и в земском лагере под Москвой, создаются органы центрального административного управления — приказы. Важнейшими из них являлись: Разрядный (дьяки А. Варев и М. Данилов), Поместный (Г. Мартемьянов и Ф. Лихачев), Дворец (С. Головин), Дворцовый (Большой Дворец — Н. Емельянов и П. Насонов), Монастырский (судья Т. Витовтов и дьяк Н. Дмитриев), Галицкая и Новгородская четь (В. Юдин, затем А. Иванов). Учреждением приказного типа стал созданный при ярославских ополченских властях Денежный двор. П.Г. Любомиров высказал в свое время интересное предположение о существовании в Ярославле Посольского приказа, дьяком которого он называет С. Романчукова, возглавившего летом 1612 г. переговоры с Джекобом Шоу (Яковом Шавом) — предводителем отряда воинов-наемников, просившихся в русскую службу. Тем не менее, докумен-

тального подтверждения о существовании в Ярославле такого приказа нет. Тот факт, что с конца 1612 г. С. Романчуков числился в общегосударственном Посольском приказе, может свидетельствовать лишь об имеющемся у этого дьяка достаточном опыте работы в учреждении подобного типа. Возможно, раньше он действительно состоял при дипломатическом ведомстве, функционировавшем при Ярославском «Совете всей земли», но, скорее всего, все же вел посольские дела в составе другого земского приказа.

Ополченские власти предприняли попытку наладить работу органов местного управления. Во время «Ярославского стояния» земского войска были назначены воеводы в Устюжну, Белоозеро, Владимир, Касимов, Клин, Тверь, Кострому, Ростов, Суздаль, Переяславль, Тобольск и другие города Московского государства. Они должны были, помимо прочего, привести в порядок расстроенную в предшествующие годы военную организацию государства. С целью восстановления финансовой системы в это же время, по распоряжению ярославского правительства, проводятся дозоры и составляются новые платежные книги. Власти Нижегородского ополчения возобновили начатые еще Ляпуновым переговоры о призвании на российский престол шведского принца Карла-Филиппа, признанного в те годы государем в оккупированной шведами Новгородской земле. В июльских грамотах руководителей Второго ополчения в Новгород указывалось достаточно категорично: «...и мы того приговору (приговора «Совета всей земли» Первого ополчения об избрании царем шведского принца. — В.В.) держимся...»

В самом Ярославле, действуя через местную Земскую избу, власти ополчения обложили население города чрезвычайным налогом, подобно собранному в Нижнем Новгороде и ряде других поволжских городов, собирали продовольствие, фураж и другие припасы, необходимые для насущных нужд земской рати. В примкнувших к движению уездах формировались и обучались новые отряды и местные ополчения.

Вражда и соперничество двух ополчений и двух правительственных центров особенно обострились весной — летом 1612 г. Стремясь максимально расширить территорию,

подконтрольную ярославскому «Совету всей земли», правительство Пожарского и Минина сделало ставку на военный разгром действовавших в Замосковье отрядов Первого ополчения, на скорейшее вытеснение их из этого района. Сужение сферы влияния подмосковного правительства, тревожившие подмосковные «таборы» известия об антиказачьих настроениях руководителей нового, формировавшегося тогда в Нижнем Новгороде ополчения, реальная угроза прорыва блокады Москвы поляками, а затем и тяжелые поражения, нанесенные ярославскими ратями казачьим отрядам Просовецкого и Толстого в Верхнем Поволжье и Замосковье, вызвали серьезный социально-политический кризис в той части освободительного движения, которую возглавляли Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий. Воспользовавшись благоприятным моментом, в «таборах» под Москвой активизировали свою деятельность сторонники объявившегося 23 марта 1611 г. в Ивангороде, а затем принятого псковичами нового самозванца — Ажедмитрия III. Во главе заговорщиков встали И.В. Плещеев, князь Г.П. Шаховской и И.В. Засекин. 2 марта 1612 г. они организовали в подмосковном стане присягу псковскому самозванцу, принудив вождей ополчения согласиться с решением казачьего круга. Следствием произошедших в начале марта 1612 г. перемен явилось крайнее размежевание сил, как в самих «таборах», так и в стране. Многие служилые люди и даже казаки покинули ополчение, часть из них ушла в Ярославль.

Перспектива подчинения подмосковного ополченского правительства воцарившемуся в далеком Пскове новому самозваному государю не устраивала его главных «начальников». Присягой Ажедмитрию III остались недовольными сторонники не только Трубецкого, но и Заруцкого. Честолюбивые планы последнего были связаны с другим претендентом на вакантный российский престол — Иваном Дмитриевичем, сыном Ажедмитрия II и Марины Мнишек. Оба соправителя, втайне друг от друга, занялись организацией выступления против псковского самозванца. Князь Трубецкой, воспользовавшись посредничеством властей Трои-

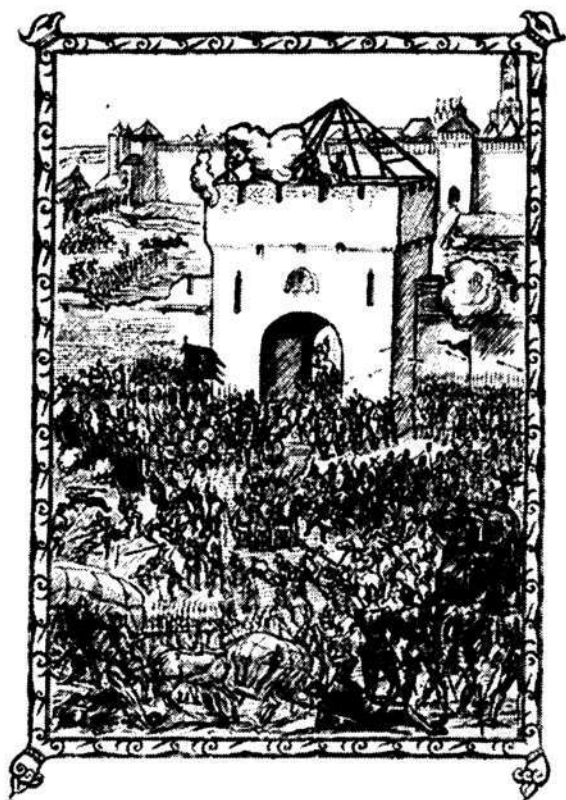
це-Сергиева монастыря, начал секретные переговоры с ярославским правительством. Послы князя, братья Пушкины, от имени своего предводителя предложили Пожарскому и Минину объединиться для совместной борьбы с интервентами и с «врагами, которые нынеча завели смуту».

И.М. Заруцкий на примирение с ярославцами рассчитывать не мог, а возможно, и не хотел. Его отрицательное отношение к событиям 2 марта объяснялось иными причинами: бывший казачий атаман, а ныне земский «боярин и воевода», поддерживал кандидатуру малолетнего «царевича» Ивана Дмитриевича. Воцарение «воренка» возвело бы Заруцкого, вступившего в интимную связь с «паньей Мариною», в ранг полновластного правителя Московского государства. Интрига приехавшего из Пскова атамана Г. Попова создала реальную угрозу этим честолюбивым замыслам. Заруцкий, используя все свое немалое влияние на казаков, сделал ставку на устранение воскресшего в третий раз «царя Димитрия». Вместе с посольством И. Плещеева и К. Бегичева в Псков отправились наиболее доверенные сторонники Заруцкого, принявшие активное участие в организованном местным воеводой кн. И.Ф. Хованским свержении самозванца: «...собравшись с народом, того самозванца, поймав и связав, к Москве скована отвезли, где его и повесили, а его сообщников по тюрьмам посадили».

Устранив опасность, угрожавшую их интересам и устремлениям, Трубецкой и Заруцкий попытались нормализовать отношения с руководителями Нижегородского ополчения, стоявшего в Ярославле. В этот верхневолжский город из-под Москвы было отправлено большое посольство К.Н. Чеглокова и дьяка А. Витовтова, в которое входили также атаманы А. Коломна, И. Немов, С. Ташлыков и Б. Власьев «с товарищами». Послы прибыли в Ярославль 6 июня 1612 г. и привезли от Трубецкого и Заруцкого «повинную грамоту за своими руками», в которой «бояре и воеводы» Первого ополчения писали, что они от псковского «вора» отстали, так как это «прямой вор, не тот, который был в Тушине и в Калуге». В той же грамоте руководители подмосковно-

го ополчения заявляли, что желают быть с нижегородцами «во всемирном совете и соединенье». В русских источниках сообщения о реакции ярославских ополченских властей на мирные предложения Трубецкого и Заруцкого не сохранилось. Однако в одном из писем Я.П. Делагарди сообщал шведскому королю, что ему и боярину И.Н. Одоевскому из Ярославля прислали грамоту, в которой новгородские власти извещались о приезде к Д.М. Пожарскому из-под Москвы казачьих атаманов, просивших нижегородцев о скорейшем объединении ратных сил. Пожарский выдвинул следующие непереносимые условия возможного объединения двух ополчений: выдача ярославцам «воренка» (сына Ажедмитрия II Ивана Дмитриевича); приведение подмосковных ополченцев и казаков к присяге (кресту), содержавшей обязательство быть в единении с нижегородцами; объявление об их «пожелании» вместе с приверженцами Пожарского и «Новгородским государством» избрать царем и великим князем шведского принца Карла-Филиппа. Последний пункт условий являлся основным и важнейшим. Переговоры об избрании шведского принца были начаты руководителями Второго ополчения вскоре после прибытия земской рати в Ярославль. В Новгород выехало соборное посольство С. Татищева, вместе с которым отправлено было «со всех городов ото всех чинов по человеку» — свидетельство исключительной важности, которую придавали в Ярославле этой дипломатической миссии.

Выдвинутые Пожарским условия объединения земских сил в июле 1612 г. не были приняты руководителями Первого ополчения, противостояние ополчений и ополченских правительств продолжалось. Вместе с тем, ярославские власти не могли игнорировать призывы прибывших из «таборов» дворян и казаков «идти к Москве не мешкая». К русской столице приближались отряды гетмана Ходкевича, имевшего намерение снять затянувшуюся осаду Москвы, выручив державшийся там польский гарнизон. Четырехмесячное пребывание Нижегородского ополчения в Ярославле подошло к концу. 27 июля 1612 г. с основными силами земского войска Пожарский выступил к Москве.

Бой русского ополчения с войсками гетмана Ходкевича
у стен Китай-города

С приближением отрядов Нижегородского ополчения к Москве в «таборах» возобладала группировка Трубецкого, выступавшая за скорейшее примирение с ярославскими земскими воеводами. Оказавшись в меньшинстве, Заруцкий со своими приверженцами покинул «таборы» и ушел к Коломне. В лагере Первого ополчения остались в основном те, кто надеялся на достижение взаимоприемлемого компромисса с ярославцами. Но руководители Второго ополчения наотрез отказались от соединения с отрядами Трубецкого, расположив свои войска у Арбатских ворот Белого города.

Между ополчениями сразу же начались раздоры и вражда. Ратники и казаки Трубецкого, которые, по словам современника, — «все от гладу изнемогающе», неприязненно встретили сытых и хорошо экипированных дворян и казаков Пожарского. Возникшая рознь грозила обернуться катастрофой для всего освободительного движения и всей страны, на защиту которой поднялись воистину «последние люди» Русской земли. Ни Первое, ни Второе ополчения не могли в одиночку противостоять регулярной польской армии гетмана Ходкевича, стремившегося доставить продовольствие голодающему гарнизону Кремля и Китай-города и разбить войска Пожарского и Трубецкого. В развернувшемся 22 и 24 августа 1613 г. сражении у стен Москвы победа русского оружия достигнута была в результате совместных, хотя и нескоординированных общим командованием действий ратников Подмосковного и Нижегородского ополчений. Решающую роль в битве сыграл неожиданный для поляков, надеявшихся на противостояние двух земских ополчений, удар «нагих и гладных» казаков Трубецкого, отбросивших наемные отряды Ходкевича от стен Кремля и Китай-города.

Поспешное отступление остатков разбитой польско-литовской армии, не сумевшей восполнить запасы продовольствия и фуража, в чем так нуждался осажденный в Кремле и Китай-городе гарнизон, предопределило исход осады Москвы.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МОСКВЫ И ВОССОЗДАНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (1612—1618 гг.)

Наметившееся в конце августа во время боев с поляками Ходкевича сближение двух ополчений завершилось их объединением лишь в октябре 1612 г. До этого момента земские ратные воеводы, по точному выражению летописца, «в несоветии быти». Преодолев мешавшую успеху земского дела преграду, Трубецкой и Пожарский в разосланных по городам в октябре 1612 г. грамотах извещали местные власти о «прекращении между ними всех распри», о единодушном намерении их вместе с выборным человеком Кузьмой Мининым освобо-

дить государство от врагов». Факт примирения земских вождей зафиксирован подписями В. Бутурлина, Д. Головина, кн. А. Сицкого, кн. В. Туренина, И.И. Шереметева, кн. В.Т. Долгокурова, Н. Плещеева, И. Зыбина, М. Дмитриева, Л. Новокшенова, Б. Блудова, М. Бутурлина, Ф. Плещеева, И.В. Измайлова, Д. Микулина, М. Плещеева, И. Ефанова, И. Козлова, П. Соковнина. По-видимому, это произошло на переговорах, в которых участвовали представители сторон, уполномоченные начальниками двух ратей, иначе трудно понять отсутствие на посланной в Белоозеро грамоте сообщения о примирении Пожарского и Трубецкого подписей самих ополченских «начальников». В образовавшемся из двух полков освободительном подмосковном войске воссоздавались общеземские, фактически общегосударственные органы власти — центральное приказное управление. Было образовано коалиционное правительство с участием «начальников» и приказных дельцов обоих лагерей. Первое ополчение представляли в нем: кн. Д.Т. Трубецкой, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки И. Третьяков, Н. Новокшенов, М. Поздеев. От Нижегородского ополчения в Земское правительство вошли: кн. Д.М. Пожарский, «выборный человек» К. Минин, кн. Д.М. Черкасский, В.И. Бутурлин, И.И. Шереметев, И.В. Измайлов.

Во внешней политике новое Земское временное правительство продолжало ориентироваться на Швецию, связывая с кандидатурой шведского принца решение династического вопроса. Непременными условиями окончательного принятия на Москве Карла-Филиппа руководители ополчения считали его скорейшее прибытие в Новгород и избрание государем на Земском соборе. Прошведская ориентация руководителей войскового правительства сказывалась и позднее, во время работы Земского избирательного собора 1613 г. Объяснялось это, на наш взгляд, не только стремлением Трубецкого и Пожарского приобрести поддержку соседней северной державы, давно уже враждебной Польско-Литовскому государству, но и сугубо внутренними причинами — глубоким убеждением вождей земского дела в том, что избрание новым государем кого-то из московских великих бояр приведет лишь к углублению кризиса, к «умножению вражды», к «конечному разорению» и гибели государства.

Князь Д. Т. Трубецкой

Объединение двух ополченских армий в октябре 1612 г. позволило земским воеводам добиться решающего перелома в ходе освободительной борьбы. 26 октября русским войскам сдался польский гарнизон Кремля, а на следующий день отряды ополчения вступили в Москву. Вопрос о будущем политическом устройстве Русского государства должен был решиться на Земском соборе, о созыве которого объявили руководители Земского правительства в ноябре 1612 г.

Несмотря на разгром армии гетмана К. Ходкевича и освобождение Москвы от поляков, — в столице и в стране в целом продолжала сохраняться напряженная обстановка. Значительные территории Московского государства оставались во власти интервентов, военные действия не прекращались даже в центральных уездах страны. В конце ноября — начале декабря 1612 г. подошедший к Москве с новой армией польский король Сигизмунд III предпринял попытку штурмом овладеть освобожденной русской столицей, отойдя от стен разрушенного и выжженного города после неудачного приступа к городу.

Польские паны, осажденные в Кремле,
сдаются русскому ополчению

Сохранялась в ополчении и известная социальная напряженность — незаживающий след междоусобий первых лет XVII века и тесно связанного с ним противостояния в среде участников антипольского освободительного движения 1610—1612 гг. Летописец отмечал, что «в то время паки воздвижеса и бы[ст]ь во всей России мятеж велик и нестрое-ние злейши первого. Боляре же не ведущие, что сотворити за не множество их зело и в самовластии блудяху». Заключенный в октябре 1612 г. компромисс не устранил противоречий, разъединявших разнородные группировки освободительного движения. Существенно осложняло ситуацию и то, что после одержанных под Москвой побед в общественно-политической жизни Московского государства многократно возросло значение казачества, наиболее радикальной силы русского общества того времени. В этих условиях перед Земским правительством и руководителями ополчения со всей остротой встал вопрос о будущем Московского государства, о скорейшем «устроении» земли.

Восстановление государственной власти мыслилось правительством Трубецкого, Пожарского и Минина в привычной для людей XVII столетия форме монархического правления. Поэтому основной задачей созываемого в Москве Земского собора становилось избрание («обирание» — по терминологии того времени) нового русского царя. Необходимость скорейшего решения династического вопроса осознавалась всеми политическими группировками освободительного движения. Организацией и созывом Земского избирательного собора ведал, как сейчас точно установлено, особый «Общий великий соборный совет», определивший в ходе своих заседаний порядок выборов представителей — участников собора, число выборных лиц, круг их полномочий.

В отличие от предшествовавших земских советов, Избирательный собор 1613 г., как неоднократно отмечалось и подчеркивалось исследователями, был беспрецедентно широк по своему социальному составу. В его работе принимали участие представители высшего и уездного, черного и белого духовенства, московского и городского дворянства, казаков, посадских людей и черносошных крестьян («уездных людей»). Число собравшихся в Москве «советных людей», по некоторым сведениям, превышало 800 человек. Они представляли не менее 58 городов, хотя в избирательной грамоте упомянуто лишь о 277 таких представителях, а подписали ее всего 238 участников «обирания» Михаила Федоровича.

Первоначальную дату начала работы Собора — 6 декабря 1612 г. (осенний Николин день) — из-за опоздания и неявки многих земских представителей пришлось отложить на месяц. Свою деятельность Земский избирательный собор начал в праздник Крещения — 6 января 1613 г. Соборные заседания происходили в обстановке обострившегося ожесточенного соперничества оформившихся в русском обществе за годы десятилетней Смуты политических группировок, стремившихся упрочить свое положение избранием собственного претендента на царский престол. «Сниидошася изо всех градов власти и бояре, — записал летописец, — митрополиты и архиепископы, епископы и архимариты и всяких чинов людие и начаша избирати государя. Кийждо хотяще по своей мысли, той того, а ин иного. И многоволение бысть...»

Участники собора выдвинули более десяти претендентов на российский престол. Среди них были: польский королевич Владислав, шведский принц Карл-Филипп, «воренок» (Иван Дмитриевич — сын Ажедмитрия II и Марины Мнишек) и ряд русских князей и бояр, не все из которых соглашались на свое избрание и в ряде случаев вставали на сторону других кандидатов. В разных источниках в числе кандидатов называются: Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, Ф.И. Шереметев, Д.Т. Трубецкой, Д.М. и И.Б. Черкасские, И.В. Голицын, И.Н. и М.Ф. Романовы, П.И. Пронский и Д.М. Пожарский. Неверным и упрощенным представляется нам предположение И.О. Тюменцева о том, что претендентами на российский престол были выдвинуты на пропорциональной основе как участники боярского правительства («Семибоярщины»), так и руководители земского освободительного движения 1611—1612 гг. В эту упрощенную схему не укладывается хорошо известное по источникам существование немногочисленных, но деятельных и убежденных сторонников польского и шведского королевичей, а также калужского «воренка». Сомнительным выглядит вывод И.О. Тюменцева о противостоянии двух группировок — стихийно сложившегося (?) «романовского кружка» и сторонников кн. Д.Т. Трубецкого, в котором исследователь без должного, на наш взгляд, основания видит основного соперника будущего государя в борьбе за престол.

Как отмечалось выше, в Москве в тот период самой влиятельной общественной силой становится казачество. Это объяснялось как численным превосходством казаков, связанным с массовым отъездом из освобожденной столицы служилых людей, так и сохранением у них многих черт войсковой казачьей организации, сложившейся в «таборах». Противники казачества группировались вокруг той части Земского собора, которая вместе с его руководителями склонялась к кандидатуре шведского принца Карла-Филиппа. В этой связи уместно будет отметить, что, вплоть до избрания царем Михаила Федоровича Романова, вся полнота власти в государстве принадлежала ополченским «боярам и воеводам» — временному Земскому правительству, воз-

главляемому Трубецким и Пожарским. Об этом достаточно образно писал архиепископ Елассонский Арсений: «После уничтожения поляков и освобождения великой России и Москвы, два великих боярина князя — князь Димитрий Тимофеевич Трубецкой и князь Димитрий Михайлович Пожарский, взяли бразды правления в свои руки. Весь народ московский и все находившиеся в великой России архиереи, иереи, бояре и начальствующие, правящие народом в преподобии и правде, подчинились им». Взятый в плен поляками 27 ноября 1612 г. сын боярский И. Философов в расспросе говорил об этом же, добавляя к числу московских правителей К. Минина: «А делает всякие дела князь Дмित्रей Трубецкой, да князь Дмित्रей Пожарской, да Куземка Минин». Поддержка, оказанная кандидатуре шведского королевича Карла-Филиппа авторитетными в казачьей и в земской среде лицами, в то время — руководителями внешней и внутренней политики Русского государства, казалось, могла обеспечить ему реальное, решающее преимущество перед другими кандидатами. Однако казаки, московские люди и поддерживавшие их участники Земского собора выступили против подобных планов, настояв на принятии решения об избрании царем одного из русских князей или бояр. Из-за непримиримых противоречий между соперничавшими группировками деятельность собора зашла в тупик.

В этих условиях среди оставшихся в Москве служилых людей и казаков возникает движение, направленное против соборного руководства, отвергнувшего компромиссные варианты решения династического вопроса. Организационным центром движения стало московское подворье Троице-Сергиева монастыря, а его деятельным вдохновителем — келарь этой обители Авраамий Палицын, лицо весьма влиятельное среди ополченцев и москвичей. Упоминание о происходивших на монастырском подворье совещаниях сохранилось в одном из русских хронографов третьей редакции: «И приходили на подворье Троицкого монастыря к келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские, и гости многие разных городов, и атаманы, и казаки и открывают ему совет свой и благоизволение, при-

несоша ж и писание о избрании царском». На них решено было провозгласить царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова-Юрьева, сына плененного поляками ростовского митрополита Филарета, тесно связанного в прошлом и с антигодуновской оппозицией, и с «тушинцами».

Авраамий Палицын

К романовской партии примкнули многие бояре и приказные дельцы: кн. И.В. Голицын, И.Н. Романов, кн. Б.М. Лыков, кн. И.Б. Черкасский, Б.М. Салтыков, М.Г. Салтыков, думный дьяк С.З. Сыдавный-Васильев, дьяки И. Третьяков и Г. Мартемьянов. Сына ростовского митрополита поддержало высшее православное духовенство — Освященный собор. Против планов сторонников дома Романовых выступила сильная правительственная партия, влияния которой на развитие событий недооценивать нельзя. К ней принадлежали: кн. Д.Т. Трубецкой, кн. Д.М. Пожарский, кн. Ф.И. Мстиславский (в прошлом глава «Семибоярщины»), кн. И.С. Куракин (знаменитый воевода, но известный полонофил) и некоторые другие князья и бояре. Находившийся в Новгороде

шведский полководец Я.П. Делагарди, внимательно и заинтересованно следивший за деятельностью Земского собора, отмечал драматический характер происходивших в русской столице событий, где вопрос царского избрания решался при деятельном участии народных масс — московских «простых людей» и казаков. В одном из посланных в Швецию донесений Делагарди писал, что они «князя Трубецкого и князя Пожарского в их домах осадили и принудили их согласиться на свое избрание великого князя».

Царь Михаил Романов

О происходивших в те дни в Москве событиях говорится также в «Листе земских людей Новгорода Великого к королевичу Карлу Филиппу»: «...Но мы можем признать, что в Московском государстве воры одолели добрых людей; мы также узнали, что в Московском государстве казаки без согласия бояр, воевод и дворян, и лучших людей всех чинов, своим воровством поставили государем Московского государства Михаила Романова».

На фоне этих драматических событий 21 февраля 1613 г. Земский избирательный собор, уступая энергичному нажиму снизу, провозгласил царем и великим князем Михаила Федоровича Романова-Юрьева, после освобождения Москвы от поляков проживавшего с матерью в Костромском Ипатьевском монастыре. Согласно сложившейся в Смутное время традиции, новому российскому государю пришлось согласиться с известным ограничением своих прав и привилегий, в том числе и в области военного дела: «ни войны, ни мира с соседями одному и по собственному усмотрению не предпринимать». Первый царь из дома Романовых обязался следовать традиционным формам управления государством: не вводить новых законов без согласия Боярской думы и Земского собора, охранять права русской православной церкви и не помнить «ни о какой частной вражде».

Новоизбранному московскому государю досталось тяжелое наследие десятилетней Смуты, войны и интервенции. У историков нет оснований сомневаться в значительном ослаблении верховной царской власти в первое десятилетие царствования Михаила Федоровича. Об этом прямо или косвенно свидетельствует целый ряд источников. Так, на основании дошедших до него слухов, Конрад Буссов в своей «Хронике» писал о царе следующее: «Он не печется о правлении сам, а против их обычая, все представляет делать маршалу и другим вельможам». Эта несколько обобщающая характеристика первых лет правления нового царя может быть дополнена более конкретными примерами. Так, в грамоте 27 апреля 1613 г. из Троице-Сергиева монастыря, где царский поезд останавливался на пути из Костромы в Москву, имя Михаила Федоровича, уже избранного на

царский престол, писалось после имени митрополита Казанского и Свияжского Ефрема, что не способствовало укреплению авторитета нового государя и сакрализации царской власти. Другой пример был приведен в статье А.А. Семина, обратившего внимание на разгоревшийся в середине марта 1613 г. спор между Боярской думой и приближенными нового царя о праве пользования «государевой печатью», находившейся в Москве в руках думского правительства. Конфликт этот, закончившийся убедительной победой московских «бояр», свидетельствует о весьма действенном ограничении самодержавной (в более позднем толковании этого термина) царской власти условиями записи царя Михаила Федоровича, сходной в большинстве своих пунктов с аналогичными документами Смутного времени.

Возможно, этим объясняется и компромиссность политики молодого российского государя, правительство которого стремилось в первые годы его царствования привлечь к себе бывших участников земского освободительного движения, недавних «тушинцев», и даже тех, кто был в милости у Сигизмунда III и А. Гонсевского. Летописец подчеркивал, что «и московских бояр, и всяких чинов людей, которые сидели в Москве в осаде с литовскими людьми и которые были в Литве у Короля и в Тушине, и в Колуге при воре лживом Дмитреи и тех государь всех для своего царского венца пожаловал наипаче свыше первого по их достоинству честию и пожитком. И совокупись вся земля русская ему государю служить». Ярким примером подобного использования в правительственной деятельности скомпрометировавших себя в Смутное время русских людей является возвращение к своим обязанностям думного дьяка И.Т. Грамотина, верой и правдой служившего польскому королю Сигизмунду III и в одной из грамот об избрании царем Михаила Романова прямо названного изменником. Спустя несколько месяцев он получает прощение, долгие годы затем возглавляя Посольский и Новгородский приказы.

О возросшем значении бояр в первые годы нового царствования свидетельствует важнейший документ той эпохи — «твержденная грамота об избрании на Московское го-

сударство Михаила Федоровича Романова». Анализ текста грамоты позволяет сделать вывод о том, что в 1613 г. по отношению к царской власти боярство (за редким исключением) выступило единым фронтом, чем и объясняется, например, умолчание составителей этого официального документа о сотрудничестве «Семибоярщины» с поляками, и наоборот, подчеркивание особой миссии боярства в избрании русским царем Михаила Федоровича Романова-Юрьева. В этой связи много вопросов вызывает замеченная А.А. Семиным подмена второго и третьего листов грамоты, осуществленная, по его предположению, сторонниками Романовых, чтобы скрыть истинную роль боярства и степень его участия в государственном управлении тех лет. Вполне допустимым является допущение, что изъятыми оказались и упоминания о том или ином ограничении некоторых царских прерогатив.

* * *

Разорение и упадок хозяйства, сложность социально-классовых противоречий, когда разбойничали и грабили даже служилые люди из земских полков, о чем сохранились точные документальные свидетельства, связанная с этим общая слабость политической системы вынуждали правительство избранного «всею землею» царя опираться на авторитет Земских соборов и сложившуюся практику местного губного и земского самоуправления, обращаться к выработанным в Смутное время формам организации взаимодействия правительственной власти и власти на местах. Эффективность подобного взаимодействия отчетливо проявилась во время Московского похода польского королевича Владислава (1617—1618 гг.), войску которого удалось прорваться к русской столице. Во время этого нашествия снова были парализованы основные, подконтрольные правительству, механизмы управления страной. По городам вновь послали бояр и воевод «с товарищи»: в Ярославль — боярина и воеводу кн. И.Б. Черкасского, дьяка М. Данилова, стольника и воеводу кн. Г.В. Тюфякина; в Нижний Новгород бояри-

на и воеводу кн. Б.М. Лыкова, второго воеводу И.А. Колтовского, стольника и воеводу кн. Ф.А. Елецкого, дьяка Д. Образцова. Они ссылались с местными властями и выборными людьми, собирая силы для организации отпора врагу.

Восстановление разрушенного в годы Смутного лихолетья государственного управления, несмотря на благоприятное разрешение в феврале 1613 г. династического вопроса, было затруднено продолжающейся интервенцией со стороны Польско-Литовского государства и Швеции. После освобождения Москвы и избрания на престол Михаила Федоровича последовала еще большая эскалация военного конфликта с этими государствами, которые считали себя обманутыми в надеждах на подчинение Московской Руси.

Продолжающаяся война требовала восстановления военной организации страны, больших финансовых и материальных издержек со стороны нового правительства. Вскоре после воцарения М.Ф. Романова была осуществлена массовая рассылка воевод по городам (в 1614—1615 гг. воеводы были назначены в 120 городов, включая и города Центральной России, где раньше их не было). Все они получили письменные указы, согласно которым вместе с назначенными им в помощь осадными и стрелецкими головами должны были осмотреть и исправить укрепления своих крепостей, переписать военное имущество и годных к военной службе ратных людей, собрать тех из них, которые «в разорение» разбежались из своих городов, сформировав из них новые воинские подразделения.

Для обеспечения регулярной выплаты денежного жалования военным служащим правительству пришлось пойти на введение чрезвычайных налогов — сбора с населения т.н. «пятой деньги». Санкцию на это давали остававшиеся в Москве участники действующего на постоянной основе Земского собора 1613—1615 гг. Уже в 1614 г. избранные «всей землей» люди принимают приговор о сборе в стране «пятой деньги» (первой «пятины»); в 1615 г. — о сборе второй «пятины». Материальное обеспечение находящихся на государственной службе ратных людей было особой заботой следую-

щего Собора (1616—1618 гг.). С этой целью в марте 1616 г. соборные люди принимают решение о сборе третьей «пятины» (в отличие от чрезвычайных сборов 1614 и 1615 гг. взимавшейся уже не представителями центральной власти, а выборными с мест — тем самым правительство пыталось избежать злоупотреблений, совершаемых приезжими сборщиками; с этой же целью в каждом уезде заранее определялась подлежащая сбору сумма денег), в июне 1617 г. — четвертой, а в апреле 1617 г. — пятой, хотя в царской грамоте в Тотьму от 11 апреля 1617 г. не было ссылок на соборное решение, а указывалось лишь на боярский приговор. Чрезвычайные налоги собирались и впоследствии. Именно с помощью этих мероприятий правительству удалось сравнительно быстро восстановить почти полностью разрушенную в Смутное время военную организацию государства.

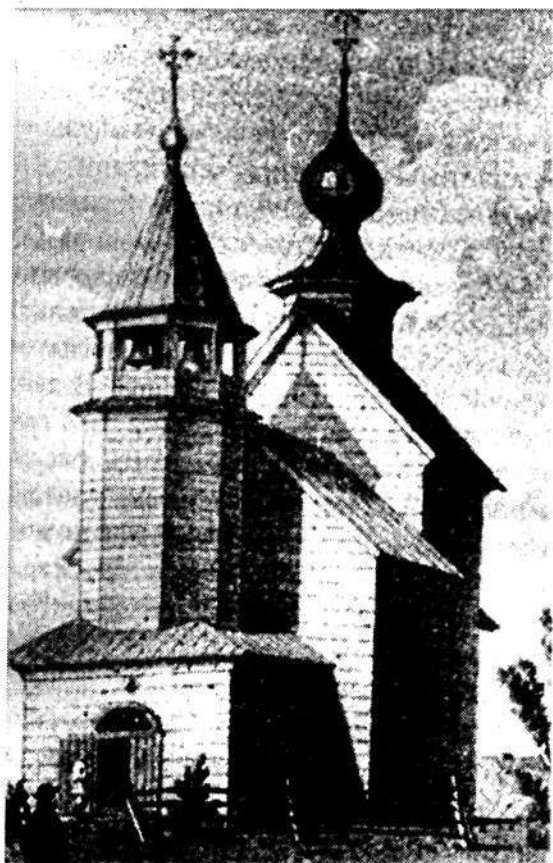
***

После освобождения Москвы, несмотря на тяжелое состояние русского войска, русское правительство попыталось освободить захваченные врагом западные города, используя имевшиеся в его распоряжении земские ополченские и казачьи войска. Первоначально военные действия складывались для русского оружия удачно. На северо-западе страны в июне 1613 г. отряд князя С.В. Прозоровского и Л.А. Вельямина освободил Тихвин. Но предпринятое в конце 1613 — начале 1614 г. русским войском под командованием Д.Т. Трубецкого и Д.И. Мезецкого наступление на Новгород закончилось тяжелым поражением под селом Бронницы, расположенным в 30 верстах от Новгорода на р. Мсте. Подошедшее сюда в апреле 1614 г. войско Трубецкого устроило рядом с Бронницами, в месте впадения в Мсту р. Глушница, острожек, другое такое же укрепление было воздвигнуто за Мстой. Московская рать, составленная в основном из ополченцев, в полной мере унаследовала достоинства и главные недостатки земской рати: прежде всего слабую дисциплину, настороженность в отношениях между дворянами и казака-

ми и порочную практику удовлетворения своих потребностей в припасах за счет местного населения. «Нестроением» в русском войске не замедлил воспользоваться Делагарди. 14 июля 1614 г. шведы атаковали полки Трубецкого, разбили их и блокировали русский лагерь, в котором начался голод. Узнав о поражении, царь Михаил Федорович велел Трубецкому отступить к Торжку. При прорыве из окружения русские понесли большие потери. Среди попавших в плен оказались казачьи атаманы Ч. Степанов, Д. Мальцев, С. Беляев, С. Балака. После поражения под Бронницами русские гарнизоны оставили города Старую Руссу и Порхов.

Воодушевленные победой шведы 10 сентября 1614 г. взяли Гдов и предприняли ряд попыток взять Псков, осаду которого возглавил сам шведский король Густав II Адольф. В составе шведского войска в военных действиях участвовали отряды новгородских дворян: Н. Калитина (при шведах находившегося на воеводстве в г. Ямбурге) и И.А. Мещерского (получившего назначение воеводой в Порхов). Во время псковской осады 1615 г. при короле находились также С. Муравьев, И.И. Одоевский (сын новгородского воеводы) и другие русские служилые люди.

В центральной части России моментом наивысшей опасности для очень слабого в военном и экономическом отношении Московского государства стала осень 1618 г., когда польское войско, ведомое королевичем Владиславом и гетманом К. Ходкевичем, подошло к Москве, вновь заняв с. Тушино, некогда бывшее резиденцией Лжедмитрия II. Однако ни шведам короля Густава-Адольфа под Псковом, ни полякам Владислава и Ходкевича под Москвой не удалось достичь поставленных целей. Разбитые на приступах, интервенты вынуждены были отвести свои войска, понесшие большие потери, и начать переговоры о мире, в котором Московское государство нуждалось гораздо больше своих противников. Заключенные с огромными для России территориальными потерями — Столбовский мир со Швецией и Деулинское перемирие с Речью Посполитой, они дали Москве столь необходимую ей мирную передышку для восстановления разрушенной и опустошенной страшной междоусобицей страны.

Сергиевская церковь, построенная на месте заключения
Деулинского перемирия. Макет

По Столбовскому миру, подписанному 27 февраля 1617 года в деревне Столбово, недалеко от г. Тихвина, Швеция возвратила Московскому государству захваченные ее войсками, начиная с 1610 г., города Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, Гдов и Сумерскую волость. Однако русское правительство вынуждено было пойти на значительные уступки, признав переход к Швеции Карелии и Ижорской земли с городами Корелой, Ям-городом, Копорьем, Орешком и

Ивангородом. Проживавшие на этих территориях русские люди, кроме крестьян и приходских священников, получили право в течение двух недель покинуть родные места и переехать на земли, оставшиеся за Московским государством. Кроме того, представлявшие Россию послы — суздальский наместник кн. Д.И. Мезецкий и шацкий наместник А.И. Зюзин — обязались выплатить Густаву II Адольфу 20 тысяч рублей «доброй ходовой, не фальшивой монетой».

Деулинское перемирие было подписано 1 декабря 1618 года в с. Деулино, недалеко от Троице-Сергиева монастыря, осажденного тогда войском польского королевича Владислава. Представители Польши и России условились прекратить военные действия и заключили перемирие сроком на 14,5 года. Русские послы наместник псковский боярин Ф.И. Шереметев, наместник суздальский боярин Д.И. Мезецкий, наместник калужский окольничий А.В. Измайлов и дьяки И. Болотников и М. Сомов вынуждены были согласиться на уступку Речи Посполитой смоленских и черниговских земель с городами: Смоленском, Белой, Дорогобужем, Рославлем, Монастыревском, Моровском, Черниговом, Стародубом, Поповой горой, Новгород-Северским, Почепом, Трубчевском, Серпейском, Невелем, Себежем, Красным и Велижской волостью. Москве возвращались захваченные поляками города Вязьма, Козельск, Мещовск, Мосальск и село Борисово в Можайском уезде. К 25 февраля 1619 г. их должны были передать русским властям. Королевич Владислав, ссылаясь на свое избрание москвичами в августе 1610 года русским государем, продолжал именовать себя царским титулом и претендовать на российский престол. Деулинское перемирие 1618 г. сделало возможным возвращение из польского плена отца нового русского царя ростовского митрополита Филарета, вскоре после этого ставшего патриархом. Освобождены были прославившийся героической обороной Смоленска боярин М.Б. Шеин, а также все русские «вязни» (пленники), содержащиеся в Полоцке, Дорогобуже, Белой «и на иных ближних городех и в государских пулках и у пулковников и в которых-нибудь литовских пулках».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Авраамий Палицын

СКАЗАНИЯ ОБ ОСАДЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ ОТ ПОЛЯКОВ И ЛИТВЫ И О БЫВШИХ ПОТОМ В РОССИИ МЯТЕЖАХ¹

История в память предидущим родом, да незабвенна будут благодеяния, еже показа нам, Мати Слова Божия, всегда от всея твари благословеннаа, Приснодеваа Мариа. И како соверши обещание свое, к преподобному Сергию, еже рече, яко неотступна буду, от обители твоея. Списано бысть тоя же великиа, обители Живоначальныя Троица Сергиева монастыря, келарем иноком Авраамием Палицыным.

И ныне всяк возраст да разумеет и всяк да приложит ухо слышать, как грехов ради наших попустил Господь Бог наш праведное Свое наказание от конец до конец всей России, и как весь словенский язык возмутися и вся места по Росии огнем и мечем поядены быша. Сему же сказанию начало сиево².

Глава 1

Благочестивому и храброму в царех царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси самодержцу, дошедшу кончины лет, преставися в лето 7092-е (1584 г. от Рождества Христова), его же скипетра и всеа державы восприем-

---

¹ Издание Императорской Археографической Комиссии (Извлечено из XIII тома «Русской Исторической Библиотеки»). СПб.: Типография М. А. Александрова, 1909.

² Таково.

ник бысть сын его юнейший Феодор Ивановичь. И той убо не радя о земном царствии мимоходящем, но всегда ища непремняемого. Его же видя, Око, зрящее от превышних небес, дает по того изволению немятежно земли Рустей пребывание и всех благих преизобилование. Кипяше же и возрасташе велиею славою и распространяшеся во вся страны царство его. В славе же его вознесеся брат царицы его Ирины, Борис Годунов яко же Иосиф во Египте. И толико знаменит бе, яко и от Перьских царей и от Италии и от всего запада приносящей дары честныя царю Феодору Ивановичю и тому Борису равноподобно царстей чести дарования приношаху. Но аще и разумен бысть Борис в царских правлениях, но писания божественаго не навик и того ради в братолюбии блажен¹ бываше.

Великого убо царя Феодора брата его Димитрия Ивановича не единоматерня отделиша на Угличь, всех начальнейших вельмож советом, да в своем пространствии с матерью си пребывает. Сему же царевичю Димитрию естеством возрастающу и братне царство и величество слышаху и от ближних си смущаему и зане же не вкупе пребывания з братом о сем печалюся и часто в детьских глумлении² глаголет и действует нелепаа о ближнейших брата си, паче же о сем Борисе. И врази суще и ласкатели, великим бедам замышленицы, в десятиорицу лжи составляюще с сими подходят вельмож, паче же сего Бориса и от многиа смуты ко греху сего низводят. Его же краснейшаго юношу отсылают и нехотяща в вечный покой в лето 7099-е³. Память же его крови ради неповинныя во всей Росии торжествовася, и великим даром чудес от Бога обогащен бысть. Егда же заколен бысть той незлобивый агнец Димитрий царевичь, тогда весь град Угличь возмаетеся и, емше убийц его, Данила Битяговского, Никитку Качалова и самого Михаила Битяговского, смерти предаша. Борис же за тех убийц Угличан боле двюсот человек погуби; иных в Сиберь сосла, инех же в темницах лютыми смертями умори. Матерь же его, царицу Марию, нево-

---

¹ Ненадежен, неверен.

² Забавах.

³ Царевич Димитрий погиб 15 мая 1591 г.

лею постричи повеле, и пятнадцать лет в скорби пребысть; отца же ея Федора Нагово со всем родом его в нужные места розосла, даже и до смерти своея. Слух же сей злый во всю Росию изыде, и мнози скорбяще о неповинной крови. Неции же без страха начаша извещатися между собою о деле сем лукавом. Сиа же внидоша и во уши Бориса. И в лето 7099-е (1591 г.) царь и великий князь Федор Иванович всея Руси поиде в дом Пресвятыя Живоначальныя Троица. И бывшу ему во обители Сергия чудотворца в самый праздник великия Пятидесятница, в царствующем же граде Москве в субботу пятидесятную всем сущим христианом память, иже от века усопшим, совершающим; и абие в полудне в Чертольской улице напрасно возгореся колымажной двор и потом Арбацкаа улица и Никитцкаа и Тверскаа и Петровскаа и до Трубы и града Белово камяново кровля вся и за городом Посольской двор и Стрелецкие слободы. И тако все Занеглиение вскоре погоре, и множество святых церквей со всякою святынею и православных христиан всякого возраста згореша множество много. Никитцкого же монастыря инокини числом 40, бежаша спасатися от огня того под храм великого чудотворца Николы на Хлыново, надеющиеся на пространство храма того и на врата железнаа, и ту вси скончашася; и инии православнии христиане с ними же згореша. Боляре же вси тогда с царем быша и немогуще прочии всем народом избавитися от огня. Царю же шествующу от обители Сергия Чудотворца к царствующему граду, сътрапезники же и ласкатели Борисовы на пути всем челобитчиком повелеша просити милости во всех бедах у Бориса, царю же сицеваа во уши внести отрекоша, и тако мнози на пути припадающе к ногам Борисовама. Он же всем повеле подписывати на челобитных противу прощения их; комуждо и не по достоинству, но вдвое и втрое повеле давати погоревшим на домовное строение от царския казны. Боляром же и инем от царския полаты сущим повеле бесчислено имати, не токмо на домовное строение, но и на ино что кто хочет; купчествующим же и всякой черни льготныя и белыя грамоты повеле давати. И тако многонародное Московское

множество в кротость введе и прочая грады. И вместо еже советующе нань великия хвалы воздааху ему. И таковый пожар бысть не во единой Москве, но во многих градах и посадах тогда быша великия пожары. Боляре же и весь чин воинствующих о сем не внимающе, что будет воздаяние такову греху; инии же и не могуще что сотворити; отъят бо Борис от всех власть, и никто же отнюд не токмо еже вопреки глаголати ему не смеюще, но ни помыслити нань зла. Паче же всего разумных ослепи очеса имением многим и трапезами сладкопитательными, по правде же побарающих в пределы дальние отсылаа. И тако вси советующей нань престаша о отмщении помышляти.

Потом же и блаженному царю Феодору пременившу земное царство на небесное, преставися во лето 7106-е (1598 г.). От многих же правление держащих в Росии промышляется быти царем вышепомянутый Борис. Он же, или хотя или нехотя, но вскоре на се не подадеша и отрицаеша много и достойных на се избирати повелеваа; сам же отшед в великую лавру Матери Слова Божия воспоминаемаго чудеси Смоленския иконы Девичиа монастыря и ту сестре си царице Ирине, уже иноке Александре, служаше. От народного же множества по вся дни принужаеб бываше к восприятию царствия и молим от многих слез, но никакже прекланяшеся. Патриарх же со всем священным собором приемлют икону Матери всех Бога, иже и на Ея Пречистую руку воображен Младенец держай всю тварь словом веления, написанный Лукою евангелистом. Той убо и инии прочия святыя иконы и мощи пешеносцы износим бывает от места на умоление Бориса. Он же, яко усрамявися пришествия образа Богоматере, и абие восприимлет скипетр всея Росийския державы.

Венчеваему же бывшу Борису рукою святейшаго патриарха Иева в лето 7107-го (1599 г.), и во время святыя литургии стоя под того рукою, и не вемы, что ради испустити сиец глагол зело высок: «Се, отче великий патриарх Иов, Бог свидетель сему, никто же убо будет в моем царствии нищ или беден!» И тряся верх срачицы¹ на себе; — «И

---

¹ Сорочки.

сию последнюю», — рече, — «разделю со всеми». Словеси же сему вси такающе и истинно глаголюща ублажающе. Двоелетному же времени прешедшу, и всеми благими Росиа цветяше; Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царству вещей зело печашеся; по словеси же своему о бедных и о нищих крепче промышляше, и милость от него к таковым велика бываше; злых же людей люте изгубляше. И таковых ради строений всенародных всем любезен бысть.

Оставшее же племя царя блаженного Феодора начат нелюбити, ради смущения своих си ближних, и мало-по-малу начат и к смерти на сих поучатися. Клятву же к великому боярину к Никите Романовичю Юрьеву преступи, еже о чадах вверенное тому соблюдение. Изверзает убо ис чести от себе Феодора Никитича и со всею братиею его и много бесчестия и зла нанесе им, и четырех смерти предаде: Александра и Василиа, Льва и Михайла. Феодора же болшого Никитича неволею иночествовати устрои. Иванн же токмо един от сих остася. Феодор, иже и Филарет, по многих томлениих и по умертвии Бориса возведен бысть на престол великого чюдотворца Леонтия и прочих¹. По сих же убо изгнании, и инех многих их ради погуби. Се же мысляше да утвердит на престоле семя свое по себе. Рабом же на господий толико попусти клеветати, яко ни зрети не смеюще на холопей своих; и многим рабом имениа господарьскаа отдаа, и великы дары доводцом² от него бываху. С великим же опасением друг с другом глаголаше и брат з братом и отец с сыном, и по беседе речей заклинающеся страшными клятвами, еже не исповедати глаголемых ни о велице ни о мале вещи. И ради исправления земли воокруг в странах славен бысть и почитаем. Тако же и Росиа благодарствоваше о нем за непощадение к злодеющим, но о сем вси скорбяще, иже не повинно от полаты его разумнии истребляхуся и сильнии в разсуждении далече отгоними бываху.

---

¹ Т. е. был поставлен митрополитом Ростовским (май 1606 г.).

² Доносчикам.

Глава 2

О НАЧАЛЕ БЕДЫ ВО ВСЕЙ РОССИИ И О ГЛАДЕ ВЕЛИЦЕМ, И О МОРУ НА ЛЮДИ

И яко сих ради Никитичев, паче же всего мира за премногиа и тмочисленныя грехи наша и безакония и неправды вскоре того же лета 7109-го (1601 г.) излиание гневобыстрое бысть от Бога. Омрачи Господь небо облаки и толико дождь пролиася, яко вси человецы во ужасть впадоша и преста всяко дело земли и всяко семя сеянное возрастши разседесе от безмерных вод, лиемых от воздуха; и не обвея ветр травы земныя за десять седмиц дньей и прежде простертиа серпа поби мраз сильный всяк труд дел человеческих и в полях и в садах и в дубравах всяк плод земный, и яко от огня поядена бысть вся земля. Году же сему прешедшу, праведному же наказанию от Бога на нас бывшу, мы же никако же от злоб своих престахом и к покаанию не обратихомся, но на горшая и злейшая прострохомся и безаконие к безаконию приложихом. И сего ради во второй год злейши того бысть, такожде и в третье лето; и всякому естеству, ох! и горе! восклицашу. Царь же Борис в таа лета многу милостыню творяше к нищим паче первого, не помянув же словесе вселенней покаянию наставника: иже убо от лихоимения и от неправды творяй милостыню, подобится сей зарезавшему сына у отца и кровь его принося в златой чаши, да пиет от нея ко здравию си. Той Борис сему же подобно сотвори: дома великих бояр сосланных вся истощив и принесе в царския полаты и древняя царскаа сокровища вся сим оскверни, от сего же и милостыню творяше. О сих же Исаиа пророк глаголет к царствующим во Июдеи: сиче глаголет Господь Вседержитель: «аще убо едину сребреницу неправедну присовокупите ко имению вашему, ея же ради вся сокровища ваша огнем потреблю».

Мнози же тогда от ближних градов приришуще к царствующему граду, препитатися хотяще от милостыни цареvy: славе бо велице проходящи о милостыни. И тии убо при-

ходящей такожде погибаху скудости ради пища. По отцех же богоносных речения мнози тогда ко второму идолослужению уклонишяся и вси имущей сребро и золото, сосуды и одеж- да отдааху на закупы и собираху в житница своя вся семена своя всякого жита и прибытков восприимаху десятиорицею и вящи. Мнози бо имущей к разделению братии на милость не прекланяхуся. И зряще богатии по стогнам¹ царьствующаго града умерших, ни во что же вменяху; и не толико бревн и дров на возилех, яко же мертвых нагих телес влечаху по граду всегда, такожде и по всем градом. И за два лета и четыре месяца счисляюще по повелению цареву погребошя в трех скудельницах² 127 000, толико во единой Москве. Но что се? Тогда бысть в царьствующем граде боле четырех сот церквей, у всех же тех неведомо колико погребше христолюбцы гладных. А еже во всех градах и селех никто же исповедати может: несть бо сему постижения. И пси бо и зверие и птица небесныя приизобилствоваху сицевою пищею; и аще не бы царским повелением погребяхуся, то всяко бы от смрада мертвости и от снедения пес возсмерделся царьствующий град. Толика же беда належаше, яко всяку нечистоту бедным и неимущим снедати. И аще не бы Господь прекратил дьней тех, то уже начинаху и друг друга ясти.

В та же лета мнози имущей глаголаху к просящим: не имамы ничто же. Во время же пленения от всех околних язык, наипаче же от своих то обретеса бесчислено расхищаемо всякого хлеба и давныя житница неистощены, и поля скирд стояху, гумна ж пренаполнены одоней³ и копен и зородов⁴ и до четырехнадесяти лет, отнеле же смятение бысть во всей Руской земли. И питахуся вси старыми труды, такожде и убивающих их питаху: оранье⁵ бо и сеятва и жатва мятешся, мечю на выи всегда у всех належашу. Се убо да разумеется грех во всей Росии, чесо ради от прочих язык по-

---

¹ Улицам, площадям.

² Общих могилах.

³ Одонье — кладь из снопов необмолоченного хлеба.

⁴ Стогов.

⁵ Пахота.

страда. Во время бо искушения Божия не пощадехом братию свою и жита и благаа своя заключихом себе. Тако и нас не пощадеши врази наши.

Глава 3

О ЗАЧАЛЕ РАЗБОЙНИЧЕСТВА ВО ВСЕЙ РОССИИ

Последова же царь Борис в неких нравех царю Ивану Васильевичю, еже бы наполнити на край предел земли своея воинственным чином, дабы против сопостат крепцы были Украинныя города, паче же Польския и Северския. И егда кто от злодействующих осужден будет к смерти, и аще убежит в те грады Польския и Северския, то тамо да избудет смерти своея. И много времени сего бысть собраниа злодеем, от лет царя Ивана Васильевича даже и до розстриги Григориа. Разумом же и жестостию царя Ивана Васильевича не смеюще двизатися таковии змиеве; царь же Феодор, яко ужем¹ твердом, молитвою своею всех связа. В правлении же при сем велицем государе блаженнем царе Феодоре Борис Годунов и инии мнози от вельможь не токмо род его, но и блюдомии ими, многих человек в неволю к себе введше служити, инех же ласканием и дарми в дома своя притягнувше; и не от простых токмо ради нарочита рукоделиа или какова хитра художества, но и от честнейших издавна многим имением и з селы и с вотчины, наипаче же избранных меченосцов и крепких во оружии и светлы телесы и красны образом и возрастом излишествующих. Мнози же и инии, начальствующим последующе, в неволю поработщающе, с кого мощно и написание служивое силою и муками емлюще. Во время же великого глада сего озревшеся вси, яко немощно питати многую челядь, и начаша рабов своих на волю отпущати; инии убо истинно, инии же лицемерством. Истинствующеи убо с написанием и з заутвержением руки своея, лицемерницы же не тако, но токмо из дому изгонит; и аще

---

¹ Канатом.

к кому прибегнет, той зле продаваем бываше и мног снос и убытки платяху; инии же ради воровства нигде не приемлени бываху; инии же от неразумия и безремества¹ погибяху; инии же, срама ради, скончевахуся бедне за отечества ради. Мнози же и того злее сотвориша имущи чем препитати на много время домашних своих, но восхотевше много богатства собрати, и того ради челядь свою отпускающе; и не токмо челядь, но и род и ближних своих не пощадеши; и гладом скончевающихся туне презреши. Бяше же и се зло и лукаво во многих: лето убо все тружаются, в зиму же не имеют где и главы подклонити; и паки в лето в делах зле стражут у господей своих. В сицевых же озлоблениих велико зло сотворися во всяких местех, их же несть возможно исписати. Дома же великих бояр зле от царя Бориса распуженных² и вси раби распущены быша, заповедь же о них везде положена бысть, еже не приемати тех опальных бояр слуг никому же. Инии же сами поминающе благодеяние господей своих и в негодовании на царя пребывающе, но времени ждуще, зле распыхавшася; инии же от глада зле скончевахуся; инии же ремеслом кормящеся, овии же от родителей своих питахуся. А иже на конех обыкше и к воинскому делу искусни, сии к великому греху уклоняхуся; во грады бо вышереченныя украинныя отхождаху. И, аще и не вкупе, но боле двадцати тысящ сицевых воров обретшеся по мнозе времени во осаде в сидении в Колуге и в Туле, кроме тамошних собравшихся старых воров.

Царь же Борис, хотя ползу сотворити питаемым от царских его сокровищ, дабы на время оскудити неких, инех же бы препитати бедных, и чрез заповеди святых отец и великих благочестивых царей и великих князей Греческия законы содержащих и в церковных предании оскудив много во всей Росии, но такового ради времени не бы ему в грех вменилося, аще бы впредь написал исправить таковаа. И се же паки неразумно содея, подаемую убо пшеницу от царских житниц в приношение бескровныя жертвы всех благих пода-

---

¹ Неумения, незнания никакого ремесла.

² Разогнанных.

телю, повеле вместо ея рож давати на приношение Богу. Но
аще и не по повелению его, но на грех велик житодавцы про-
стершися, худу бо зело и гнилу рож даяху. Инем же в селех
далече от царствующаго града повелеваху имати, но и то все
по велицей мзде дающе и многу скорбь на пути принимаю-
ще, и безо мзды царьских жалований никако же никому не-
мощно восприати. Да кто о сем не почюдится? Не гордости
ли се исполнено и небрежения о Бозе? Сами убо мы вси не
токмо пшеницу изъедаем на трапезах наших, но много зла-
та и сребра в чревеса наша проходит от воздуха и от земли
и от вод в брашнях; дающему же пищу всякой плоти прино-
сим гнилаа, яко же при Каине бысть. Погорде же царь Борис
в своей земли сына и дщерь свою браку совокупити, но их
же языков любляше, к сим и о сватовстве посла; и от Дат-
ския земли государича привед, хотя дщерь свою дати зань.
Но Всесильный смертию пресече гордых смысл. Тако же и
сыну невесту изволи от Татарских царств привести ис Хва-
лис. И тамо мнози от правоверных зле погибоща от Кумык
и от Черкас Горских в проходах нужных возле моря Хвалиц-
каго. И то не збысть же ся. Се же мысляше, да от востока су-
щих невестою от запада же зятем примирит к себе и царьст-
во свое укрепит и изшедших от чресл его на престоле своем
утвердит, окольним же противником страшну быти. Твори-
мо же се бысть во время великого того глада. Но ничто же о
всемирном гладе разсудив, яко на толико время простресея,
и ких ради грех наказание сицево от Содетеля всех бысть.
Но промысляше от прочих соседствующих ему страшну и
славну быти, еже и бысть. От Персиды бо Кизыльбашской
шах велики и многоценны дары присла и место мнее пре-
стола царска, но от золота чиста изваанно и драгим камени-
ем многим многоценным украшено; и таково и прежним го-
сударствующим в России не бысть почествование оттуду. От
Немец же без образа к зрению их смыслов немощно пред-
ставить, каковыми вещьми почитаху его. Славя же ся в мире
сем царь Борис, и поставляет царя в Касимове; и по смерти
его возгордесе той бусурман, не восхоте поклонитися вос-
приемником того престола. Ят же бысть первоначальствующи-

щий в князех нагайских Урус Астороханскими вои; той же лукавствуя и обещаваая служить ему. Царь же Борис, хотя славою своею, а не яростию в предъидушаа времена укрепити того врага, и повеле во вся царьскаа сокровища водити его и показовати вся, им же царие Росийстии величают-ся. И еже что годно ему, то все невозбранно взимаше. Но во время ни во что же таково величание бысть. Егда же время прииде, и тогда вси таковии врази совесть сердца своего усты объявиша; и какова зависть сердца их распалающияся, познана бысть.

Оскверни же царь Борис неправедным прибытком вся дани своя, корчемницы бо пианству и душегубству и блуду-желательие во всех градах в прекуп высок воздвигше цену кабаков. И инех откупов чрез меру много бысть, да тем милостыню творит и церкви строит; и смесив клятву з благословением, и одоле злота благочестию. И таковых ради всех дел, иже сотвори Борис, в ненависть бывает всему миру.

Но отай¹ уже и вси поношаху его ради крови неповинных и разграблении имениа и нововводимых дел.

Ереси же Арменстей и Латынстей последствующим добр потаковник бысть, и зело от него таковии любими быша; и старии мужи брады своя постризаху, в юноши пременяху-ся. Над всеми же сими во объядение и в пианство велико и в блуд впадохом, и в лихвы и в неправды и во вся злаа дела. За вся же сиа злаа и лукаваа наша дела егда гладом наказа нас Господь, мы же не токмо еже к Нему обратитися, но и, злейши гордостию возвышающесе, в горшаа и злейшаа впадохом, и не токмо простии, но и чин священствующих. Многа же и ина злаа, еже в нас содеяся, их же немощно исписати и изглаголати продолжения ради немощных слуха к забытию.

И егда рекохом мир и утвержение о управлении Бориса, тогда внезапно «прииде на нас всегубительство» по апостола гласу. Не попусти убо Содержай словом никого же от тех, их же стрегийся царь Борис. И не вѣста никто на него

---

¹ Втайне.

от вельмож, их же роды погуби, ни от царей странских. Но кого попусти? Смеху достойно сказание, плача же велика дело бысть.

Глава 4

О РОЗСТРИГЕ ГРИГОРИИ И О СМЕРТИ ЦАРЯ БОРИСА

В лето 7113 (1605 г.) некто чернец, Григорий именем, от рода Отрепьевых сей юн еще навиче чернокнижию и прочим злым, тойже, отшед от Росии, вселься в пределах королевства Польскаго; и тамо живя и составляше ложная писания и посылал повсюду, проповедал жива царевича Дмитрия себе нарицаа. Сам же от места на место преходя и крыяшися и мятяше в двою государству всеми людьми. За се же яшяся крепче вси они вышепомянутые бегуны, Северских и Польских градов жителие, вечныя холопи Московския, им же дойде время по их вражю изволению. И прежде убо мало-по-малу прилагахуся весь от веси, та же и град от града, дондеже и вси погибоша. Но того лукавство всем ведомо бысть. И какова злаа содеяшяся? И до днесь вся Росия не может от выя своя разрешити того ярма; и яже во всей Росии сотворенных от него злых со всеми любительми его злодейства, немощно никому во многаа времена исписати. Четвертую бо часть вся вселенная, всю Европию, в два лета посланными своими прельсти; и папа же Римский всему западу о нем восписа: изгнана того суща от отечества являше. И Польскому краю третиему Жикгимонту вси на месть за него повелеша строитися. Приложи бо ся к вечным врагом христианским, к Латыньским учеником, и обещася неложно им з записанием, еже вся Росия привести к стрыви¹ антихристову под благословение и непричащающих мерзости запустения опресночному хлебу всех предати смерти. И аще не бы Господь сверг того велехвальную гордыню, то

---

¹ К дяде (по отцу). «Стрым антихриста» в XVII в. на Руси называли римского папу.

и мог бы сиа соделати. На него же и много приличествует пророчество Иезекииля боговидца в 21-й главе; и по той же главе назнаменует и смерть тому, яко же речено «и будеши огню ядь, и кровь твоя среди земля твоя пролиется»¹.

Царь же Борис, аще и не от него убиен бысть, но во время неправдою замышленного состава Григориева скорою смертию посечен бысть в лето 7113 (1605 г.); и вси, на них же надеяшеся, з домом его разсеяни быша.

Той же чернец по его смерти того же лета на царство его восходит, нарицааяся Димитрий; от многих же знаем, яко Григорий чернец, хотя же укрепитися на Росии царем. И собирает весь род убиенного царевича Димитриа и инех многих, царем Борисом разсеянных; и еще и не привед тех прещеньми, последи же и дарьми всех прельсти. Прельсти же ся и мати царевича Димитриа, инока Марфа, бывшаа жена царя Ивана Васильевича всея Руси, и нарицает того врага, сына своего суца. Тогда же не токмо род его Галичане вси обличаху, но и мати его, Богданова жена Отрепьева вдова Варвара и з сыном своим, с его Григорьевым братом, и з дядею Смирным Отрепьевым тако же обличаху. И дядя его в Сибирь сослан, много приим озлобления. Мученицы же новии явльшеся тогда: дворянин Петр Тургенев да Федор Колачник без боязни того обличаху. Им же по многих муках главы отсекоша среди царствующаго града Москвы. Той же Федор, ведом к посечению, вопиаше всему народу: Се приали есте образ антихристов и поклонитесь посланному от сатаны; и тогда разумеете, егда вси от него погибнете. Москвичи же ругахуся ему и по делом суд тому быти глаголюще. Тако же и Петрову казнь ни во что же вмениша. И вскоре по них князь Василей Иванович Шуйской за его же обличение на плаху осудися, его же усралившеся Поляки, у розстриги едва испросивше от посечения.

Потом же советом его злым с патриархом Игнатием² покоршеся вси митрополиты, архиепископы и епископы, ар-

---

¹ Ты будешь пищею огню, кровь твоя останется на земле (Иез. 21, 32).

² Рязанский епископ Игнатий по приказанию самозванца был поставлен на место сведенного с патриаршего престола святителя Иова.

химариты, и игумены, и весь первоначальствующих священный чин, и князи и бояре со всеми начальствующими воем, и приложиша руки и послы, избравше, послаша в королевство Польское просяще у пана Сердамирсково дочери тому розстриге в жену. И истинно свидетельствующе о нем в тех писаниих, яко праведно сын царя Ивана Васильевича Димитрий, а вси знающе, яко Григорий чернец, наипаче же Пафнотий, митрополит Крутицкий: при нем в Чюдове монастыре на крылосе стоял и у патриарха Иова боле года во дворе был, служа писмом. И за свое еретическое воровство от него збежа в Литву. И яко же колесница фараонова неволею связашася, такожде и все Росийское государство в безумие вдашася, и возлюбиха вси леть. Совершенное же лукавство той окаанный розстрига сам усоветова с Сердамирским, егда бысть в Польше, еще в дому его питаася; по его же злому умыслу ятся пути¹, взял дочь свою Маринку, и привел с собою на брак беззаконный пиршествеников 6000 избранного воинства. И взяты быша вси дома великия на панов не токмо у простых, но и у властей и у вельмож и у нарицаемых ложных родителей его у Нагих. И во всех крепких местех и в домех еретическое насилдование вселися.

Кривоверию же рачитель розстрига того же бояся, еже и над Борисовым родом содеяся, и в хождении и исхождении дома царьскаго и по граду всегда со многим воинством ездяше. Спреди же и создади его во бронях текуще с протазаны² и алебарды³ и со иными многими оружии, един же он токмо посреде сих; вельможи же и бояре далече от него бяху. И бе страшно видети множество оружии блестящихся. Немец же и Литву хранители и стражи постави себе и всем крепостем царьскаго дома. Зерньщиком⁴ же толико попусти играти и воровати, яко и в самех царьских полатах пред ним бесящеся; неведомо же каковыя ради радости, не токмо, иже

---

¹ Отправился в путь.

² Протазан — широкое копье пехотинца.

³ Алебарда — старинное оружие — фигурный топорик на длинном древке.

⁴ Игрокам в зернь (в кости).

по повелению его, весь синьклит, но и простии вси, яко женихи, и от конца до конца улиц в злате и в серебре в багрех странских¹ ходяще веселяхуся. Пред лицем же его камением драгим и бисером многоценным украсившися служашу. И не хотяше никого же видети смиренногоходящих. Поляком же вся сокровища древняя истоши; и еретическое же семя Лютори воду черпашуше ношаху серебряными сосуды и в банях мыющесе от златых и серебряных сосудов.

От злых же врагов казаков и холопей вси умнии токмо плачуще, слова же рещи не смеюще; аще бо на кого нанесут, яко розстригоу нарицает кто, и той человек неведомо погибаше. И во всех градах Росийских и в честных монастырех и мирстии и иночествующей мнози погибаша: ови заточением, овеим же рыба утроба вечный гроб бысть. Попусти же всем Жидом и еретиком невозбранно ходити во святая Божия церкви; но и в самом в соборном храме Пресвятыя Владычица наша Богородица, честнаго и славнаго Ея Успения приходящей, возлегаху локотма и возслоняхуся на чудотворныя гробы целбоносных мощей великих чудотворец Петра и Ионы. И со оружии скверными Поляки за ним ходяще в церкви; но о сем никто же рещи не смеюще: смерть бо всем предлежаше.

И вскоре же тогда проклятый папа Римский с листом присла, воспоминаа его обеты, еже о опресночном приношении и о суботнем посте. Окаанный же розстрига тщашеся вскоре повеленное ему совершити. И абие браку присягнув, с еретицею венчан бысть в дому Божии. Много же он окаанный прежде спряжения браку насильством девственных душ оскверни, женского полу и мужеского и инокинь доброобразных. Тако же и Поляки многа такова скверна студа содеяша. Врази же, возведшеи его казаки, таковаа творима видяще, веселяхуся о погибели христианстей. И плачущим в бедах и всем скорбящим прешаху². И Жида нарицаху их, глаголюще: «яко царю годно, и он тако и творит; вы же, Жида, вскую о том сетуете». Видяще же Москвичи гибель

---

¹ В чужеземных одеждах багрового цвета.

² Угрожали.

свою и на покаяние к Богу не обращахуся, но радующеся в торзех многим прибытком и въздыхающе вси, но сребро любезно вси собирающе.

Гордя же ся в безумии розстрига, повеле в титлах писати себе наяснейшим, непобедимым цесарем нарицашеся; мняше бо окаанный мало, еже царско имя носити, но вышшую и честнейшую честь желаше привлещи. Сему же зазрев¹, некто от чина вельможьска, диак Тимофей Осипов нарицаем, муж благочестив образом и нравом; той же добродетельный муж видево многа зла, творима розстригоу с советники его. К сим же еще и несвойственное и великое имя на себе привлече; человек тленен и всегда страстьми побеждаем внешними и внутренними, а непобедимым цесарем нарицашеся, и яко Богу противна являя себе. Ревность по Бозе приим Тимофей, и в дому своем к Богу пост и молитву прилежну со слезами принесе. И причастився честных и животворящих Тайн Пречистаго Тела и Крове Христа Бога нашего и, пришед в полаты царево, с дерзновением пред всеми розстригу обличив: «яко ты», — рече, — «во истину Гришка Отрепьев розстрига, а не непобедимый цесарь еси, ни царев сын Дмитрий, но греху раб и еретик». Розстрига же, не стерпев обличения и осрамотився, в той час смерти предаст его; и скончав течение подвига своего доблий мученик. Сиа же оставим до зде². Посылает же розстрига х Крымскому царю з дары безчестны, зделав шубу от кож свиных и в писаниих являя себе приготовльшася со всею полунощною страню и грядуща к расхищению Крымских жилищ. И повеле России всей и от Поляков многим готовитися ити на Азов и на прочаа жилища Татарскаа. И немедленно послав на Елец много избранного наряду пушечново; по Дону же павною и по суху Польскими проходы повеле рати ити. Доиде же слух и до Константинополя о сем. И готови Турцы бышя к пролитию крови христианска. О сем неции глаголют, — истинно или ни, не вем, — яко сие сотвори розстрига Крымскому царю, хотя его въздвигнути на брань, да изгубит христиан

---

¹ Порицая это.

² Досюда; на этом.

на велицех полях, и не радуясь о победе на Агарян, но ища, како бы предати тем всех православных христиан, Москву же наполнити Поляки. Господь же гордых смысла разори и совет его в дело не произыде.

Глава 5

О СОВЕТЕ РОЗСТРИГИНЕ, КАКО БЫЛО ЕМУ ПОБИТИ МОСКОВСКИХ БОЛЯР

Враг же той розстрига умысли с еретики посети всякого чина от вельмож и до простых начальствующих сицевым образом: хотяше бо окаанный игру зделати за враты Стретенскими к Напрудному на поли стреляти из наряду пушечного. И егда же изыдут вси людие на то позорище, и тогда врата граду затворити присрочи и побити всех. Но лютый сей совет прежде двою днью срока уведен бысть, и по десятих дньех несвойственного брака сам окаанный зле скончася, год препровадив царствуя. Повествуя же о себе на тридцать и четыре лета жития си, но друзи его беси не придаша много лет жития. И Златоустаго писание на сем збысться реченое такову убо честь беси приносят любящим их.

Весь же народ Московский от радости дадеся пианству, вместо благодарения еже к Богу; и всяк койждо своим промыслом хваляшеся и храбръством величашуся; и молебное славословие в дому Матери Божии о таковой преславней победе не воздадеся. Велико и преславно чюдо содея Пречистаа о Константине граде, еже в мори и под стенами на Персы и Скифы, но не внутрь града за стенами; на Москве же внутрь града велие чюдо содеяся. Уже бо окаанный еретик всех в руку свою объят и совершенно любим от всех, в той же день повелением Божиим вси на него восташа. И многа кровь еретическаа по улицам протече. Но безумство и гордость вместо благодарения праведно мстителю предложися за се. И того ради гнев Господень не преста. Мы же, вся Росиа, смотрения Божиа и строительства его не

смотряще к себе и не разсуждающе, от каковых зол избави нас Господь.

От лет убо святого Владимира, крестившаго Русскую землю, даже и до днесь, змий всепагубный, вогнездившийся в костеле Италийском, всегда небесныя звезды отторгаа, не токмо во Европии, четвертой части вселенныя, но и на востоце и юге и севере не почиваа гонит. И леств того от много лет протязуется на Росии, и искус его в посланиих благоверным князем Александром Невским обличен бысть, такожде и святыми архиепископы великого Новаграда злый совет его разорися. И надежнаа засылка, оболченный во овчую кожу, шествовавый на осмый собор Исидор митрополит погипе же. И Антоном Посевусом¹ надеявся прельстити царя Ивана Васильевича всея Руси, и той осрамоти же ся. И еже многими деньми иский не може обрести, и то неначаемо² диавол восхитив к поглещению того насыщения самовольне приведе. И уже чааше конец злобе изbleван видети. Но не у еще время времен и полвремени исполнися, по откровению Иоанна Богослова. Тем же и Господь не отверже еще нас. Того ради и нам зрящим подобаше внимати и за неизмерную владычню милость благодарити Его. Мы же душевное око несмотрительно имуще и паче волов упрямы обычаем, — тии бо ясли господина своего разумеют и питающему их повинуются, — мы же промышляющаго нами не брежем и того ради болий грех на ся влечем. И вскоре безумству нашему возмездие даровася.

Глава 6

О ЦАРЕ ВАСИЛИИ ШУЙСКОМ

В лето 7114-го (1606 г.), по убиении розстригине в четвертый день, малыми некими от царских полат излюблен бысть царем князь Василей Иванович Шуйской и возведен

---

¹ Поссевино (Поссевин) Антоний — папский посол, приезжавший в 1581 г. в Москву к царю Иоанну Грозному.

² Неожиданно.

бысть в царьский дом, и никим же от вельмож не пререкован¹, ни от прочего народу умолен. И устроиша Росиа вся в двоемыслие: ови убо любяще его, ови же ненавидяще. Севера же, внят си крепце от царя Ивана Васильевича последнего розгром, бывший Новуграду, и такого же мучительства не дождався на себе, вскоре отлагаются от державы Московския, занеже много зла содеяша во всей Росии, егда возводяще розстригу на царство Росийское, и конечно отчаашася братства христианскаго и приложишася к Польскому королевству в работу. Царь же Василий много молив тех посланьми, митрополитом Пафнутием Крутицким со архимариты и игумены и с прочим народом, но не преклонишася от застояния² вышепомянутых воров. И тако во всей Росии изыде с мечем друг на друга. И не бысть такова беда, покрываемы бо велиции поля бываху многочисленным воинством от обою страну, оставающих же ся мало смертнаго ради разлучения, и тии нази, яко от утробы матерня исторгшеся, и ко градом и к весем прибегаху, но и от тех мало спасахуся. Сичеваа же беда протягшися боле двюю лет во всех украинах от предел востока Польских градов, иже х Крыму, и Рязанскаа, и Сивера и Смоленскаа земля, и Пустаа Ржова, и Луки, и Великий Новьград, и Псков и Иваньгород. В Северских же и Польских градах иногда же разоряху грады от царя Василиа посылаемое воинство, иногда же тамо сущии друг другу одолеваху, и огню и мечю предаахуся. На кормлю³ же по вся лета приходяху Татарове Крымские, и Нагайские и Черкасы, и, аки скоту, плену человек всегда отгоняюще в своя жилища. В та же времена от царя Василиа посланнии бояре и воеводы, множество крепких воин под Колугою положишя и с стыдением отступишя. По сем же и сам царь Василий под Тулу пойде и со многим козньством едва град приат потоплением водным, и ту начальствующих злодеем ложного умышленого царевича Петрушку, холопа Свияжского голо-

---

¹ Не отвергнут.

² Защиты.

³ На поживу.

вы стрелецкого Григория Елагина, нарицающася сына царя Федора Ивановича, и Ивана Болотникова, холопа же князя Ондreja Ондреевича Телятевского, заводчика всей беде пойма. И не соодолев меньшим злодеем преста от брани, возмнев, яко и тии страха ради имут покоритися. Они же вскоре приведоша к себе на помощь Польских и Литовских людей и прежним обычаем нарекоша ложного царя Димитриа, от Северских градов попова сына Матюшку Веревкина. И тако брани бывши, и Божиим попущением за беззакония наша одолевша врази православным христианом и, ничим же задержими, дошедше до царствующаго града Москвы, его же и обседше вкруг промысляху прияти. Кто же тоя беды изречет, еже содеяся во всей Росии? На единой бо трапезе сядяще в пиршестве в царствующем граде, по веселии же убо ови в царския полаты, ови в Тушинския табары прескакаху. И разделишяся надвое вси человецы, вси же мысляще лукавнe о себе: аще убо взята будет Москва, то тамо отцы наши, и братиа, и род, и друзи; тии нас соблюдут. Аще ли мы одолеем, то такожде им заступницы будем. Польския же и Литовския люди, и воры, и казаки тем перелетом ни в чем не вероваху, — тако бо тех тогда нарицаху, — и яко волцы надо псами играюще и инех искушающе. Инеми же вместо щитов от меча и от всякого оружия и от смертнаго поядения защищахуся. И бяше им стена тверда злокозньство изменник. И аще и вся злаа и лютаа видяще и слышаще, не отступаху от того ложного царика и от Поляков, и недомыслимаа в разуме тому лже-Христу и Польским и Литовским людям то вся промысляюще изменницы. И всюду водяще и везде сохраняюще врагов христианских, Литву и Поляков. К смертным же боем прежде ополчевахуся и последи престааху. Поляцы же и Литва вооружены стояще бездельно, смеющеся безумству их и междоусобию. И аще случаем взят будет на бранех Поляки или Литвою добрый воин за истинну стоящих, той милости сподобляем от них и от смерти сохраняем. Аще ли же случится кроме их взяту быти кому Рускии изменники, и на того, яко на люта зверя прискакаху со оружию и составы того разсыпаху люте. И видяще Поляки

и Литва таковы пытки и злое мучительство от своих своим и единовѣрным, и, уступающе, дивляхуся окаанной вражии жесточи, и сердца своими содрогахуся и, зверски взирающе, отбегаху; разумнии же от них теплыми слезами ланите си омывающе и друг другу глаголюще: «Внимаим о себе, братие, что сии Русаки друг другу содевают. Нам же что будет от них?» — и бесов злейши наричюще тех. Они же смиловавшихся Литву и Поляков худяками и жонками тех нарицаху. Кто же, сея беды слыша, не восплачется, еже вкупе шествия их на брань? Иде же бо Поляки со изменники приидут к непроходимым местом в лесех и на реках, и на топех, и на болотах, и на ржавцех¹, и ту Поляки станут без ума, не ведуще, что сотворити: како прейти или како минути. Изменницы же, ругающиеся им, и не доброхотствующих царю Тушинскому нарицаху и вскоре ими промышляху, и мосты и перевозы им строяще и лесом-тропинами во едину степень безопасно провождаху. Коль же жестоко сердце изменником беяше на свою братию православных христиан! Поляков убо и Литвы сотни две или три, Руских же изменников десятицею пред ними сугубо; и тии соблюдаху их во всем; а им же бы возможно и малою чадию на тех крепких местех и на непроходимых всех смерти предати; но никакже в них такова смысла добра не обретется.

Кто же сему не посмеется безумию в разделении убо плена² и корыстей их? Внегда убо ко кроволитию, то Рустии изменницы главы своя преже полагаху, Поляцы же, стояще, точию от измены себе соблюдаху. Егда же корысть делити во градах и в весех, то вся лутчаа Поляки у них силою отнимаху, изменницы же, аще и множество их пред ними, но не пререковаху и всяко насильство от них радостно приемляху. Пленниц же, жен красных, и отроковиц, и юношь не токмо у худейших изменников, но и у начальствующих ими отимаху; и не могуще от рук их исхитити и роду своего, и жен, и детей, и братию, и сестр, но великою ценою искуповаху, и то по велицей дружбе и по мзде. Еще же и смех Поляки над теми Рус-

---

¹ Трясилах (покрытых ржавою водою).

² Добычи.

кими изменники деяху: им же возможно насильствовати, по приатию цены не отдааху и другую цену восприимаху. Иннии же, по отдании пленник и по взятию цены, засылаху на путь и вспять паки оружием отимаху. Сиа же зряще изменницы, не токмо незнаемии, но и сердоболи¹ друг другу смеяхуся. Гнев же Божий праведно попущенный видим бываше. Мнози убо жены и девицы не хотяще со беззаконники разлучитися, и мнози по искуплении паки к ним отбегаху. Инии же на мужи своя о смерти поучевахуся и во испрошении на искуп крыяхуся и, повешающесе, на выи тем беззаконником зле гласы виждуще и благодатели и светы тех наричюще, «Ох, ох!» и «Горе, горе!» без ума припевающе. Мнози бо от них юностию и покойми телесными победившесе, инии же обчаровани быша, и того ради сердца си изгараху.

Бяше ше и се зло везде излианно: не десять бо или пять, но три или два вкупе совет каков творяще о деле или о разуме, разлучивше же ся врознь, един оставляется с терпящими беды и напасти, другой же отскочет в покой телесный, в велику же работу вражю. И составляюще ложная писания, посылают на соблазн оставшимся по них, возвещающе о себе, яко в велицей чести тамо суть и многи дарове и имена приаша. Им же убо мнози не вероваху и сиа оплюваху. Мнози же и прельщающесе к ним отбегаху. — Не токмо же писаньми тайно, но и на бранех съезжающесе друг друга оболщеваху. И не токмо прости, но и разумнии, яко от полка аггельска отскачюще, в демоны прелагахуся. Всяк же от своего чину выше начаша всходити: раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще. Сильнии же разумом от тех в прах вмениями бываху и ничто же не по них не смеюще рещи. Царем же играху, яко детищем, и всяк вышше меры своя жалованья хотяще. Мнози же, тайницы нарицаемии, целовавше крест Господень, ко врагом прилагахуся; и в Тушине бывше и тамо крест же Господень целовавше и жалование у врага Божия взявше, вспять в царствующий град возвращахуся, и паки у царя Василиа болши прежняго почесть, и имениа, и дары восприимаху и паки к вору отъезжаху. Мно-

---

¹ Родственники, близкие.

зи же тако мятуще всем Росийским государством не дважды кто но и пять крат и десять в Тушино и к Москве перееджаху. Недостатки же в Тушине потреб телесных или пищ, и оружий бранных, и лекарственных всяких зелий и соль, та вся отай, уклоняющесе кривопутством, изменницы от царствующаго града Москвы наполняху изменичьи станица в Тушине. И радующесе окааннии восприитию прикуп многа сребра, конца же вещи не разсуждающе.

От браней же приходящих вести слышаще лукавствующии сердцем, и аще по них суть, то улыскающесе¹ глаголаху и, сплетены смуты слагающе многосугубо небыли, и народ смущающе, во ужасть сердца низводяху. И сонмы на стогнах града царствующаго собирающесе, криваа и незаткнутыми усты проповедаху. Аще ли же не на пользу таковым лукавым что услышится, то посуплени стояще и неми и очию не могуще на аер² взирати, и расходящесе с воздыханьи бесовскими. Инии же дерзостию антихриста и надежею мук вечных подстрекаеми, и сладкое горько наричюще и горькое сладко, и свет — тму, а тму — свет. И тако народ от правого слышания и уверения развращаху. И в таковых мятежах мнози истинноведающе отъезда изменников и всякие промыслы к вору и к Поляком, но не возвещаху на них царю, ни вельможам; а иже возвещающих о сем, тех клеветники и шепотники нарицающе. Царь же Василий многожды убиваше повинных, с ними же и неповинных и несогрешших смертну суду предааше. Смущены бо быша первоначальствующеи державы его к нему, и двоемыслен к ним разум имея. И многим веряше не на лице, ни на телеси, но на языке службу носящим.

Наипаче же на всех на нас Апостольское слово збысться «яко же не искусиши имети Бога в разуме, того ради предаст их Бог в неискусен ум творити неподобнаа». Многи бо тогда окаании о царе Василии деюще и глаголюще злаа, их же несть возможно ни писати, ни глаголати. Аще ли сицев во очию безумных явися, то подобаше им было креста не целовати, но бес крови отказати; аще ли целовав ему животворя-

---

¹ Улыбаясь.

² Воздух, небо (греч. aer, aeros).

щий крест Господень, то во всем упование на Господа возлагати. И по хотению сердец наших даде нам Бог. И яко же фараону и Египтяном чудеса Божия ни во что же вменилися и искус Чермного моря во всех языцех уведен бысть в подсолнечной, такожде и содружество Москвичем со антихристовыми проповедники, с Поляки и с Лютори всем языком на посмех бысть. Егда совершися всех нас грех и высокия мысли вышши облак разлиашся, и в правду убо сиа пострадохом, егда убо слышахом грады разоряемы и видехом от них, яко от огняны печи избегающих з зверским рыканием, им же не споболехом, ни плакахомся, ни рыдахом, ниже домы наша отверзохом им, и мнехом, яко не приидут тааже на ны и глаголюще: далече суть сиа и тамо вся преминут. И какова злаа деемаа тогда не устратиши нас? Кое зло не бысть над нами? Каа беда, каа напасть не покры нас? И не взыскахом свыше Царствующаго над нами. И ни во что же вменихом вся пределы Росийския земли опровержены от благолепоты в пустошьство!

Бысть бо тогда разорение святым Божиим церквам от самех правоверных, яко же капищем идольским прежде от великого Владимира; тогда на славу Божию, ныне же на утеху бесом с Лютори. Злейши того содеяша внуцы сих, мы и братиа наша. Мы убо яко на покаяние ко Господу Богу не обратихомся, братиа же наша Сиверския земли жителие и Польских градов, яко ненаказани суще от отец страху Божию и воспитани в безумии и навыкше от многих еретиков, по Украине живущих, их злым нравом и обычаем, и с ними вкупе ратующе нас. И в их веру еретическую мнози приступиша от неведения и во всем с ними закон держаще. И тогда солице померче, еже есть всяко благочестие; затвориша бо ся двери милосердия Господня, и, яко мухи о огонь прилетающе сокрушахуся, тако и ратававшей церковь последи погибнут, инии же и погибоша уже. Кто стерпит ту беду зря? Яко сынове Агаряны по вся лета приходяще и вместо связующе человеки, аки скот гоняще; и биеньми от верви един полк гоняше, два же — тмы. На них же изменницы не обращающиеся стати, но тако же с ними ратоваху, аще и не вкупе, но всяко радовахуся расточению братии своей. Тогда же отъеха

к вышепомянутому Нагайскому князю Урусу сын его князь Петр, отвергся веры христианския и велику честь в России всю отверже. И жену свою, прежде бывшую за князем Александром Ивановичем Шуйским, покинул; и со отцем своим и с Нагайскими Татарами много зла содея по всем Украиным градом. Тако же и Борисом поставленный Касимовской царь к Тушинскому ложному царю приложися и с Польскими людьми и с Рускими изменники везде ратоваху.

Тогда убо во святых Божиих церквах скот свой затворяху и псов во олтарех питаху; освященные же ризы не токмо на потребу свою предреаху, но и на обуца преторгаху¹ и драгими багры на плещу носимых священных иереев афедроны² покрываху. Их коим же вещем святым невозможно прикоснутися ни приступити без говения, но со страхом, и таа ношаху блудницы и пиаху с плясанием от них. И безсловесныя скоты украшахуся сими. И яже от сих святых Божия церкви и честных монастыри огнем потреблены быша, тии единою оплакани быша. А иже сие обругаеми, тии назнаменующе нам, яко имеем грехи неочищаемыя и пребывающия в неразсуждении нашем до дне пришествия Господня. И никто же от всего Росийского языка не избысть от тех бед. Чин иноческий и священнический не вскоре смерти предааху, но прежде зле мучаще всячески, и огнем жгуще, и испытующе сокровищ, и потом смерти предааху. А их же сведят иноков непреходимых от места на место, но во едином обещании живуща, и таковых работами облагаху; и стражи бяху им, и вина и пива варяху им, тако же и кормы людския и конския готовяще и пасяху стада их. Такожде и иереев у мелива, и у возов, и у дровосечества моряху, и блудниц стерегаху и работающе блудницам, воду носяху им, и порты скверныя мыюще на них, и у коней их все работающе повеленное. И старья и святолепныя мужи у ног их валяющесе, аки сиротки, и, ругающеся им, повелеваху песни пети срамныя, и скакати и плескати³; не покаряющих же ся смерти предааху.

---

¹ Разрывали.

² Зады (греч. *afedron*).

³ Рукоплескать.

И пременишася тогда жилища человеческаа на зверскаа. Дивие бо некроткое естество: медведи, и волцы, и лисицы, и зайцы на градскаа пространнаа места прешедше, тако же и птицы от великих лесов на велицей пищи, на трупe человеческом, вселишася. И звери и птица малыя в главах и в чревех и в трупех человеческих гнезда соделааша: горы бо могиа тогда явишася побиенных, по правде и не по правде ратовавшася, их же не леть¹ изрещи подробну, но мало токмо помянути, яже быша велиции бои: на прошествии от Тулы в Колугу, и под Кромами, и на Восме под Коширою, и под Орлом, и под Нижним Новым-градом, и во многих местех. И крыяхуся тогда человецы в дебри непроходимыя и в чащи темных лесов и в пещеры неведомыя и в воде между кустов, отдыхающе и плачущеся к Содетелю, дабы ночь сих постигла и поне мало бы отдохнути на сусе. Но ни ночь ни день бегающим не бе покоя ни места к скрытию, и вместо луны многиа пожары поля и леса освещеваху нощю и никому же немощно бяше двинутися от места своего: человек бо ожидаху, аки зверей от лесов исходящих. И оставиша злодеи тогда за зверьми гоньбу, но женуще за своею братиею, и со псы, аки лютых зверей, пути пытаху; и сущевенныя звери человек бегающих поядаху и произволительныя звери не естеством но нравом такожде поядаху; и звери убо едину смерть дающи, сии же и телесную и душевную. Попусти же Господь наш и Бог праведный гнев свой на нас: не токмо злых сих врагов, но и зверие пакости деяху. Нигде бо христиане земледельцы и вси бегающе и не могуще жить семенных всячески скрыти; везде бо из ям зверие ископоваху и поядаху. Инии же зверие токмо по лесу и по грязи разсыпываху далече. Такожде и казаки и изменники, идеже что останется каковых жит, то в воду и в грязь сыпаяще и коньми топчюще. А иде же не пожгут домов или немощно взяти домовных потреб, то все мелко колюще и в воду мещуще, входы же и затворы всякиа разсекающе, дабы никому же не жителствовати ту. Но звери убо со птицы плоть человеческую

---

¹ Нельзя.

ядуще, человецы же з бесы и душа и телеса погубляху: немоще бо немилосердых мучений терпети мучимии и на мал час хотяще отдохнуть и в смертном разлучении неповинно и неправедно друг друга оклеветоваху.

Сих же немощно разсудити страдания кроме Создавшаго нас. Мнози бо без исповедания и без Святых Тайн напутна во гресех отидоша, священных убо чин потреблен бысть, и вси архиереи правоучащей, или в правде стоящей водими, яко злодеи в горах и не токмо от меньших, но и от первопрестольник. Наместник убо Леонтия Чюдотворца и прочих по нем святых Ростовский митрополит Филарет, разумен в делах и словесех, и тверд в вере христианстей и знаменит во всяком добросмыслстве, сего убо митрополита Филарета исторгше силою, яко от пазуху матерню, от церкви Божия и ведуще путем боса токмо во единой свите и ругающееся облекоша в ризы язычески и покрыша главу Татарскою шапкою, и нозе обуville во своя сандаалиа. Приведену же бывшу ко лже-Христу и к Поляком, советовавше же врази, да тем инех прельстят, и хотяще к своей прелести того притягнуть, нарицают его патриарха и облагают его всеми священными ризами, и златым посохом почествуют, и служити тому рабов, яко же и прочим святителем, даруют. Но сей Филарет, разумен сый, и не преклонися ни на десно ни на шее, но пребысть твердо в правой вере.

Они же блюдуще того крепкими стражми, и никакже ни словесе, ни помавания дерзнути тому дающе. Тако же и Тверскаго архиепископа Феоктиста обесчестивше и по многих муках в бегстве к царствующему граду на пути смерти предаша. И ратным обычаем от правоверных взято бысть тело его, обнажены кости оружия, в знамениях животных кровоядных начертано. Такожде и Суздальский архиепископ во изгнании скончася. Епископа же Коломенского Иосифа, на пушке привязавше, неединою под грады водяще и сим страшаще многих. И малии от освященного чина тех бед избегаща, память же тех язв многим и до смерти остася. Мнози же тогда от священного чина, мняще вечно быти творимое зло, на изгоняемых места издою и клеветами восходяще.

Нецыи же, не стерпевше бед, и ко врагом причастницы быша. И паки тех изверзающе и от лета до лета и от месяца на месяц новыя власти вертящиася являху.

Непокаряющих же ся их злым советом по всей земле, всяк возраст и всяк чин, овех з башен с высоких градных долу метажу, инех же з берегов крутых во глубину рек с каменем верзаху; инех же развязавше из луков и из самопалов розстреляюще; инех же голени наполю преламляху; у инех же чадо восхитивше и пред очима родителей на огни пряжаху¹; инех же от сосцу и от пазуху матерню отторгающе, о землю, и о пороги, и о камене и о углы разбиваху; инех же на копиа и на сабли взоткнувше пред родителями ношаху. Красных же жен и девиц на мног блуд взимаху, и тако во многом сквернении нечисты умираху. Мнози же сами изрезовахуся, смерть приимаху, дабы не осквернитися от поганных. Инии же в воду ввергшеся з берегов высоких, не бе бо места ко скрытию. Матери же младенцов своих, плачущих от глада и жажды, в неведении задавляху, дабы их ради гласа самим не погибнути. Бегающе бо захватывающе темрты и последи обретающе тех мертвы и, яко же пустынницы, в лесех со зверьми во единых пещерах живуше. И ему же с ким невозможно, той от того отбегаше. И аще и не обещавшеся иночествовати, но дождь и снег, и вар, и студь нагим телом терпяше. Сия же зряще мужествении сердцем и рыкнувше разседающимися внутренними, предахуся на растесание и на раздробление удовом. Немогуще благороднии сынове зрети рождших их ложесн у блудных беззаконников оскверняемых зле, тако же и братиа за сестр своих, нерушимаго ради девства красоты скончевахуся. Мнози бо тогда холопи ругающеся господам своим и, связавше мужа, или сына, или брата и пред очима их студ содевающе, и не десять числом, но и сугубо двоицею и вящи. И иде же пролита бе мученическаа кровь, на том же месте бяше и бесованиа блуднаго одр. Не пощадеша же и невозрастьших юноток, но и тех растливше, милостыни нагих отпускаху просити, крови срамной текущи и власом тех одраном сущим, но никто же

---

¹ Жарили.

яве не сме помиловати сих. Невесты же Христовы, честныя и святыя инокини разстризаеми бываху, и по станом их влачими, и оскверняеми блудом, и нудимы бываху мяс ясти и в постныя дни святыя сыру и млеку причащатися.

В толико же безстыдство вшедше нечестивии изменницы и Поляки, безстрашно вземлюще святыя иконы местныя и царския двери и сиа подстилающе под скверныя постели, и блуд содевающе и нечисты всегда сядяще, и зернью играюще и всякими играми бесовскими; ови же, святыя иконы колюще, и варево и печиво строяще. Из сосудов же церковных ядяху и пиаху и смеющеся поставляху мяса на дискосах и в потирех питие, инии же, яко не ругающеся, святыя сосуды преливающе и разбивающе на свою потребу и на конскую. Воздухи же и пелены шитыя и низаныя драгия тем покрываху кони своя и на плещу свою вместо приволок¹ ко брани воздеваху, и поясы священными опаясахуся по блудным недром; и хоругви церковныя вместо знамян изношаху. Сиа же вся попусти Господь за безакония наша, да не надеемся на красоту церковную ни на обложение драгое святых икон, сами же в блуде и пианстве пребывающе. Добро убо и сие и приятно Богови украшение святых церквей и честных икон, но аще не от лихоимства ни от неправды, ни от посулов, ни от прочего лихоимания, ни от гордости. Писано бо есть, яко «вы есте храм Бога жива, яко же рече Бог: вселюся в ня и похожу, и буду им в Бог, и тии будут Мне людие, — сынове и дщери, глаголет Господь Вседержитель». Или убо «Живущему во свете непреступнем нужда походити в камени и древе». Яко же глаголет Златоустый Иоанн: «Храм не стены камени или древяны, но народ верных». Такжеже и Павел, сосуд избранный, вопиет к нам: «аще кто растлит храм Божий, растлит сего Бог». Кто же растли храм Божий? Не мы ли суть? О нас же инде апостол глаголет: «луче бы им не познати света, нежели познавшем держати тму». И правила со апостолы реченно есть: «аще кто от иноверных призывает вас ясти, и имеяй разум, да идет на славу Божию, неимей же нейдет, да не и прочих соблазнит». И паки той же глаго-

---

¹ Плащей (без рукавов).

лет: «аще кий брат в вас имянуем блудник, или прелюбодей, или чюжих жен посетитель, или тать, или разбойник, или пьяница, или лихоиметель, еже есть грабитель и посульник¹, с таковыми ни ясти». Что же сея беды страшнее? Сквернейши бо иноверных есмы, донели же не обратимся.

Мнози убо мы и до днесь в скверне лихоимства живуще и кабаками печемся, и граблением и посулы церкви Божия созидающе и краснообразы строяще и колокола великия сливающе, да гласом тех славни будем. А еже вышши тех звону восходит глас во уши Господа Саваофа бедных и нищих и обидимых от нас и в суде неправедноосужденных по посулом, и о том не брегут. И яко не сотворшим милости zde, несть им и от Бога милости. И яко милостыни татие не подкопают ни крадут, ни тая таят, и ни огонь, ни меч милостыни не могут отмыти от книг животных, разве величаваа мысль; та и с небес может во ад свести, яко же и фарисея. И о сем разумеет, яко неправеднаа именина, даемаа церквам Божиим не украшают, но разоряют.

И не явно ли бысть всем нам праведное гневобыстрое наказание от Бога за вся таа сотвореннаа от нас злаа. Над сими же и за крестное целование первее Борису, потом же и за безумное крестное целование Розстриге и Сендамирскому, потом и благочестивому царю Василию Ивановичю Шуйскому, — и сиа преступихом и ни во что же положихом сие, — и за дружелюбство с воры, и ложными цари, и с Поляки, и с казаки и з грабителями. И власти ради и богатства отдахомся сами себе на погубление. Сего же ради где суть, иже не оскверниша святых Божиих церквей и Божия образы. Токмо иже в вере крепко стоящих и недавших входу врагом Божиим и еретиком. Где иноцы многолетними сединами цветущиа? Где инокини, невесты Христовы, добродетельми украшены? Где всяко благолепие Российское? Не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием? Где народ обций христианский? Не все ли горькими и лютыми смертми скончашася? Где множество безчисленное во градах и в селех работные чади Христовы? Не вси ли без милости по-

---

¹ Взяточник.

страдаша и в плен разведены быша? Не пощадеша бо престаревшихся возрастом, ни устрамилися седин старец многолетних, и ссущи млеко младенцы, — вся испиша чашу ярости гнева Божиа.

О, ненасытимии имением и в прочих злых возрастъшеи! Помянем сиа и престанем от злых. Научимся добро творити. Видим общую погибель смертную и гонзем¹ сих, да же и нас самех таа же не постигнет лютаа смерть и здешняго живота да не лишимся зле и вечнаго не погрешим!

Глава 7

**СКАЗАНИЕ, ЧТО СОДЕЯШЯСЯ В ДОМУ
ПРЕСВЯТЫА И ЖИВОНАЧАЛНЫА ТРОИЦА
И КАКО ЗАСТУПЛЕНИЕМ ПРЕСВЯТЫА БОГОРОДИЦА
И ЗА МОЛИТВ ВЕЛИКИХ
ЧУДОТВОРЦОВ СЕРГИА И НИКОНА ИЗБАВЛЕНА БЫСТЬ
ОБИТЕЛЬ СИА ОТ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ
И РУСКИХ ИЗМЕННИКОВ.
ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРАМИА ПАЛИЦЫНА
ПРЕДИСЛОВИЕ**

Иже убо тесное разума и недоуметелное языка моего сведый, на мнозе отлагах о сем писанием известити, иже в велицей Росии ко спасению благородствию вашему, колику преславно и велику милость показа нам Бог наш, Пресвятаа и Пребезначальнаа Троица, превеликое же и паче всякого слова и смысла бывшее заступление Матере Слова Божиа по обещанию своему преподобному игумену Сергию чудотворцу и неотступное Ея пребывание от обители его и от коликих зол избави нас Господь во обстояние многих вой, молитв ради великих чудотворцов, — глаголю же сего преподобнаго отца нашего великого чудотворца Сергия и ученика его, преподобнаго отца нашего Никона чудотворца. И колико чудотворений показа нам Бог угодники своими! И убо-

---

¹ Избежим.

яхся паки: зрях недостаточная внутреннего ми человека и мноюю молвою смущаем во многих плещех¹, в келарских службах и от многих телесных изнемоганий великих, бывающих ми повсегда, к сему же и окаанство сведый свое и недостойнство и немощь любострастну. Но понеже к старости глубоцей уже преклонихся и непщевах² быти скорому отложению телесе моего, и убояхся казни раба оного, скрывшаго сребро господина своего и прикупа им несотворша, и еже слышах бывшая чюдеса, ово же и очима своима видех, нужда ми бысть писати, еже содеяся во обители чюдотворца молитвами его, и возвестити вашей любви добрым торжником³, да некое дарование духовно подам вам ко утешению вашему; тогда бо ми не бывшу во обители во осад бывший от Польских и Литовских людей и Руских изменников, но в царствующем граде Москве по повелению державнаго и пребывающу ми в дому чюдотворца на Троицком подвории в Богоявленском монастыре. И аще расстоянием далече, но близ бе милостию и посещением преподобный отец Сергий. И тамо видех многа чюдеса, слышах о пришествии их в царствующий град Москву со множеством хлебов на возилех и от стен текущий хлеб, и умножение всяких потреб видех молитвами их в сущем ту Богоявленском монастыре и ина многа чюдеса. О сем убо въпреди слово изъявит. Егда же отступиша от обители Польские и Литовские люди и Руские изменники со многим срамом, и от царствующаго града Москвы лже-Христу со множеством студа бегству вдавшуся, и бывшу ми паки в дому Живоначальныя Троица, и слышах бывшее великое заступление, и помощь над враги, и чюдеса преподобных отец Сергия и Никона и испытах вся подробну со многим опасением пред многими свидетели оставшихся иноков святолепных и доблоразсудительных и от воин благоразумных и от прочих православных христиан о пришествии изменник к обители, и о выласках, и о приступ-

---

¹ Заботах.

² Полагал.

³ Торгующим.

ных боех, паче же о великих чюдотворениих преподобных отец и о пособлении их над враги. И от великих и преславных малаа избрах, яко от пучины морския горсть воды по черпах, да поне мало напою жаждущаа душа божественаго словесе. Написах сиа о обстоянии монастыря Троицкого вся по ряду, елико возмогох, да не позазрите¹ ми о сем, господие и братия, глаголюще, яко тщеславием или гордостию вознесохся, но по истинне, по ревности Божии, грубостию разума моего побеждаем, коснухся делу сему, Богу помогающу ми молитв ради чюдотворца. Много бо может молитва праведнаго поспешествуема. И яко всяк разум книжный по своему сказанию не бывает, но еже слышахом и очима своими видихом, о сем и свидетельствуем. Не подобает убо на истину лгати, но с великим опасением подобает истину соблюдать. Сие же изъясних писанием на память нам и предидущим по нас родом, да не забвена будут чудеса великих светил преподобных отец наших Сергия и Никона о Христе Исусе Господе нашем, Ему же слава во веки. Аминь.

Глава 8

СКАЗАНИЕ, ЧТО РАДИ ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ДОЛГО ВРЕМЯ БЫСТЬ ВО ОСАДЕ

Наказуя убо Господь всегда нас не престаёт и прибегающих к Нему приемлет, отвращающих же ся з долготерпением ожидает; и сего ради попусти ны в самовластии быти, да егда в сетех, неразсуждаа о себе, увязнем и, ниоткуда помощи не обретше, вскоре к Нему умнии очи возведем и оттуду помощь получим. Сице убо попусти Господь Бог властвующих нами первое поспателя иноческому чину розстригу Григория Отрепьева, воззавшагося царьским сыном Димитрием Ивановичем всея Руси и на царский степень возшед; и не в долго время той Григорий достойную месть прием от Бога, зле скончася.

---

¹ Попрекните.

Потом же в того место ин назвася. И достизает и до царствующаго града Москвы, но не приемлем бывает. Всюду же в Росии слух о нем протече, и сего ради вси воры к нему собираются: не на царский убо престол того возвести, но вся древняя царскаа сокровища истощити. Вся же Росиа от ложных царей зле стражет, и богатство от всех градов на цари отъемлемо бывает. Народ же от окольных стран всюду мечь поядает. Росии убо всей царь Василий Ивановичь нарицается, от Тушинскаго же вора все Росийское государство разоряется. Мали же неции гради в Помории не соблазнишася, и тии по крестному целованию правяще к Московскому государству. Инии же далняго ради отстояния крепостны бышя врагом Росийским, Поляком и изменником Сиверским. Труден же путь бывает отвсюду приходити к Москве всем доброхотствующим по правде: облегошя бо врази царствующий град во округ, и на всех путех хотящей к нему притекати побиваемы бывают. И ради неимения всяких потреб конечно град Москва во озлоблении бывает. От него же избегающей и не хотяще ко врагом прилагася, и надежно¹ о сем врази веселяхуся.

Не мало же время способствующе граду приходящеи людие, яже от Троица Живоначалныя Сергиева монастыря, ово убо прямо, ово же преимаясь преко инеми тесными стезями и лесы² нужно проходяще даже и до самого царствующаго града и ту со избранными вои и со известными хранители пред всем народом всегда обретающиеся. Лестцы же, отбегающей от царя Василиа, всегда сицевая Вору с Поляки возвещают. Сих же врагов христианских на дом Пресвятыя Троица завистию сердца растаевают. Долго же время под Москвою стояще и хотяще ю себе покорити. Но Всевидящему Оку недоведомая изволившу сотворити. Всяко убо царь Василий сим сопротивляясь; дани и оброки от царства своего приема по Троицкой дороги приходящаа вся воинном раздаваа. Изменницы же от его руки даемаа приимаху и вскоре сребролюбиа ради и кровопролитиа ко врагом притекаху. Царствующий же град Москва сих ради измены вся-

---

¹ Самонадеянно.

² То, напротив, пробираясь трудными дорогами и лесами.

ко колеблется, но, искусившись от Гриши и от Петруши, и того Вора не приемлют. И прилежащей отсюду пути Польских ради приходов затвержены бывают: Поляки бо часто приходящу, Московские посылки побивающе.

Велика же тогда польза царствующему граду бысть от обители чудотворца Сергия ради святых его молитв: иже бо к морю на полночь живущии людие на краях Студеного моря окиана к царству всяк промысл возвещают и способны. От Великого бо Новаграда и от Вологды и по Двине реце до моря и на восток вся Сибирская земля и яже за нею вси способствоваху к Москве. Тако же и от Нижегородския земли и от Казани вси безизменно служаще и ис тех всех прежереченных мест, егда кому некуды минути, то вси во обитель чудотворца притекаху.

Тогда же в той велицей лавре архимариту Иасафу и келарю старцу Авраамью Палицыну, и с прочими доброхотствующими к царствующему граду, со всем усердием великоушание о сем показующе. И велик промысл бываше от обители чудотворца всем людем, к Москве правящим во всяких нуждах и в провожениях; и всяку весть тем подаваху и от них восприемляху, себе убо соблюдаяще и тех сохраняюще, до конца монастырьскую казну истощеваху. Вся же Росия царствующему граду способствующе, понеже обща беда всем прииде; людие же, окрест живущии обители, не токмо в селех, но и от градов, мнози притекше со всею домашнею чадю ко обители чудотворца, ведяще ту молитвы чудотворца известное заступление. И вси обще к царствующему граду в бедах спострадают. Воинствующие же людие вси питаеми бывают от трапезы преподобных чудотворцев; и поелику мощно всяко на смерть предавахуся. О деле же братолюбием созидаемем вельми сердца врагов завистию ужасахуся: боящися окаании да не како, на начальствующее светило зряще, и прочии от них отступят и к правде имут прилагатися. К дому бо великого чудотворца вся Росия, яко к солнцу зряще, и на его молитвы концы Росийстии надеющеся, противу врагом крепляхуся. Но аще и мала искра огня любви Божия во обители чудотворца возгорется, но на последок велик пламень добродетельный распалися. На всех убо путех злодействующи-

щим доброхоты от обители уловляеми бывают. И того ради советом их лукавым препона велика сострается.

Царь же Василий Иванович вскоре посла тогда к западным и к полунощным странам: в Дацкую землю, и в Аглинскую, и в Свейскую¹ о обиде своей, на Польскаго краля и на своих изменников с ложным царем, их помощи прося. Ему же отдалевшей по морю посланными и дары величьи способствуют. Свейской же король Арцы-Карлус, яко близ пределу его сущу, и той по суху немало избраннаго воинства на помощь присла. О сем же бедне и яростне дышут сердца еретик злочестивых. И немедленно посылают к велику врагу христианску Александру, пану Лисовскому, пленующу тогда землю Рязанскую, и Володимерскую, и Нижегородскую, и инья места, по Росии живущая, дабы со всеми воинствы к совету их и к поможению вскоре пришел. Еже и соверши вскоре, кровь пий человеческую, и грядый со огнем по пути от Владимиря и от Переславля; ударяется стенам дому чюдотворца. И еже не того ради шествуя сын тмы, ночь едину препроводив, мечем окровавливаа руце утешается, первое зло к богоносну мужу показав: начальный посад Клемянтеево и во округ ту жилища человека в воздух дымом разлиа. По его же отшествии народ во обители к мукам уготовляется. Трапеза бо кровопролитнаа всем представляется и чаша смертная всем наливается.

*О совете вора с литвою, еже разорити
Дом Пресвятыя Троица*

Собравшу же ся сонмищу сатанину и отверзшим псом уста своя, и соборуют тщетнаа беззаконии, сицевая глаголющи: «О, царю великий Дмитрий Иванович! Доколе стужают великому твоему благородству граворонове сии, вогнездившиися во гроб каменный и докуду седатые пакоствуют нам повсюду? Не токмо убо на лутех вестников наших преемлют, от лес исходяще, яко звери, посылаеми ими, но и смертем лютым предают без щадости: наипаче же повсюду имеют многи советники и вся грады развращают, служащеи сим и любящеи сих; и всех всяко укрепляют, еже не покорятися

---

¹ Шведскую.

твоему величеству и не брещи о твоём благородии, но служи-ти учат царю Шубину. Печатлеют же всяко писание, с лест-ми глаголюще: «Да сохранят убо вас всегда молитвы великих чудотворцев Сергия и Никона». Кто же убо сей Сергий и Ни-кон? Се убо объяхом всех воедино, яко гнездо птичье, и вси стерты быша от нас, яко птенцы. А сии что суть противу то-лика множества покоршихся нам? Тебе убо, о великий Россий-ский браздодержателю, самому известно, тако же и нам, яко и от самых царьских полат мнози ту пречернившиеся живут. И аще тако имаши небрещи их, могут всегда пакостнаа уст-рояти нам. Слух же истинен всем нам возвестися, яко ждут князя Михайла Скопу с черными псы, Свейскими Немцы, и Федора Шереметева с Понизовскими людьми. И тако вкупе вси собравшиеся и твердыню сию занявше, могут над нами победители показаться. И еще донелиже не укрепившись, да повелит твое благородие всяко смирити сих; и аще не обра-тятся, то рассыплет в воздух прахом вся жилища их».

Велехвальню же емлется за се тезоименитый гугнивому¹ гетман Сапега с подручными тому воиньствы и всегорький Александр Лисовский с воры Рускими. И тако на путь злый поспешаются.

Глава 9

СКАЗАНИЕ О ПРИШЕСТВИИ ПОД ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮ- ДЕЙ И РУСКИХ ИЗМЕННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПЕГИ ДА ПАНА АЛЕКСАНДРА ЛISOVСКОГО И ИНЫХ МНОГИХ ПАНОВ

В лето 7117 (1609 г.), в царство благовернаго и христо-любиваго царя и великого князя Василиа Ивановича всея Ру-

---

¹ Вероятно, Авраамий Палицын уподобляет гетмана Сапегу его тезке — папе римскому Петру Гугнивому, известному своим нечестием (см. о нем: Русский Хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. Т. XXII. С. 326).

сии и при святейшем патриархе Еρμοгене Московском и всея Руси, Пресвятая же и Пребезначальная Троица Сергиева монастыря при архимарите Иасафе и при келаре старце Авраамии Палицыне Богу попустившу за грехи наша, сентября в 23 день, в зачатие честнаго и славнаго Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна прииде под Троицкой Сергиев монастырь Литовской гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовской с Польскими и с Литовскими людьями и с Рускими изменники по Московской дороге.

И бывшу ему на Клемянтеевском поле, осадные же люди, из града вышедше конные и пешие, и с ними бой велик сотвориша. И милостию Пребезначальная Троица многих Литовских людей побили, сами же во град здравы возвратишася.

Боготступницы же Литовские люди и Руские изменники, сие видевше, воскричаша нелепыми гласы, спешно и сурово обходяще со всех стран Троицкой Сергиев монастырь. Архимарит же Иасаф и весь освященный собор со множеством народа вниде во святую церковь Святыя Живоначальная Троица и ко образу Пресвятыя Богородица и ко многоцельбоносным мощем великаго чудотворца Сергия, молящеся со слезами о избавлении. Градстии же людие округ обители слободы и всякия службы огню предаша, да некогда врагом жилище и теснота велиа будет от них. Гетман же Сапега и Лисовской, рассмотривше мест, иде же им с воинствы своими стати, и разделившеся, начяша строити себе станы и поставиша два острога и в них крепости многие сотвориша и ко обители пути вся заняли, и никомудо минути мимо их невозможно в дом и из дому чудотворца.

Глава 10

О УКРЕПЛЕНИИ ОСАДЫ

Осадные же воеводы, князь Григорей да Алексей, и дворяне приговорили с архимаритом Иасафом и з соборными старцы, что покрепити бы град осадю и всех бы людей

привести к крестному целованию и головам быти старцом и дворяном, и разделить градския стены, и башни, и ворота и наряд устроити по башням, и в подошевных боех, да всяк каждо их ведает и хранит свою страну и место и вся, яже на бранную потребу устроят и с приступными людьми бьются с стены; а из града и на иную ни на которую службу да не исходит. А на выласку и в прибавку к приступным местом людей особь устроят. Празднику же светло торжествуему память преподобнаго отца нашего Сергия чудотворца, сентября в 25 день, и бе тоя нощи ничто же ино от градских людей слышати разве воздыхание и плачь, понеже от окольних мнози прибегше и мневше, яко вскоре преминется великаа сия беда.

И толика теснота бысть во обители, яко не бе места праздна. Мнози же человецы и скоты, бес покрова суще, и расхищаху всяка дрeвеса и камене на создание кущъ, понеже осени время наста и зиме приближающихся. И друг друга реюще о вещи пометней и от всяких потреб неимущих всем изнемогающим; и жены чада раждаху пред всеми человеки. И не бе никому с срамотою своею нигде же съкрытися. И всяко богатство небрегомо и татьми не крадомо; и всяк смерти прося со слезами. И аще бы кто и камено сердце имел, и той, видя сия тесноты и напасти, восплакался, яко исполнися на нас пророческое слово реченное: «праздники ваша светлая в плачь вам преложу и в сетование, и веселие ваше в рыдание».

Глава 11

О ВИДЕНИИ СТОЛПА ОГНЕНАГО

Тогда же нецыи старцы и мнози людие видеша знамение не во сне, но наяве. От них же един священноиннок Пимин в ту нощь на память Сергия чудотворца моляшеся всемилостивому Спасу и Пречистой Богородици. И се во оконце келии его свет освети. Ему же позревшу на монастырь, и виде светло, яко пожар; и мнев, яко врази зажгоша монастырь.

И в той час изшед на рундук келейный. И зрит над церковию Святыя Живоначальныя Троица над главою столп огнен стоящ даже до тверди небесныя. Священник же Пимин вельми ужасеся страшному видению и вызва братию свою ис келии: диакона Иосифа, да диакона Серапиона и из ыных келей старцов многих и мирян. Они же видевшие чюдишися знамению сему. И по малу столп огненный начат низходити и свитися вместо, яко облако огня, и вниде окном над дверми в церковь святыя Троица.

Глава 12

О КРЕСТНОМ ЦЕЛОВАНИИ

Всенощному же славословию и молебном совершившимся и абие собравшемся множество народа, и советом начальник и всех людей крестное целование бысть, что седети во осаде без измены. В первых воеводы, князь Григорей Борисович Долгорукой да Алексей Голохвостов целоваша животворящий крест Господень у чюдотворцовы раки, тако же и дворяне, и дети боярские, и слуги монастырские, и стрельцы, и все христоролюбивое воинство, и вси православные христиане. И оттоле бысть во граде братолюбство велие, и вси со усердием без измены ратовахуся со враги. И тогда Литовские люди уставивши сторожи многыа около града Троицкого монастыря, и не бысть проходу во град и ни из града.

Глава 13

О ДУМЕ ПАНОВ

Того же месяца в 29 день Польские и Литовские люди и с первосоветники своими, Рускими богомерскими отступники, всячески размышляюще и советующе тщетнаа. «Кои ми образы», — глаголюще, — «возможем взяти Троицкой Сергиев монастырь, или коею хитростию уловити можем?»

И тако совет составляют: ово приступы взяти, яко некрепок глаголюще град и низкостенен; инии же ласкою и грозою повелеваху у воевод и у народа прошати монастыря. «Аще и сим не увещаем их, и мы кийждо свой подкоп под городовую стену подведем и без крови можем град взяти». Сие же совет их положен бысть. На себе бо уповаша, а не на Бога жива, Царюющего веки. Яко же писано есть «да не хвалится сильный силою своею», вси бо, надеющиеся о силе своей, погибоша. «Во-истинну всеу всяк человек и суетно течение его». И паки: «Избавлю избраннаго моего от оружия люта и осеню над главою его в день брани».

Сия же они советовавше и ничто же успешя. Но всеу трудишся: без Божия бо помощи ничто же может сотворити человек. Бог бо есть творит, яко же хочет. И воли Его кто противится? Совет же гетману Сапеге и Лисовскому сие уложившем, и в 29 день прислаша во град Троицкой Сергиев монастырь сына боярсково Безсона Руготи с листом. Тако же и архимариту з братьею з грозами, имеющь образ сиец:

Грамота

От великаго гетмана Петра Павловича Сапегы, маршалка¹ и секретаря Кирепецкого и Трейсвяцкаго и старосты Киевскаго, да пана Александра Ивановича Лисовскаго во град Троицкой Сергиев монастырь воеводам, князю Григорию Борисовичю Долгорукому, да Алексею Ивановичю Голохвостову, и дворяном, и детем боярским, и слугам монастырским, и стрельцом, и казаком, и всем осадным людем, множеству народу. Пишем к вам, милуючи и жалуючи вас: покоритесь великому государю вашему, царю Дмитрию Ивановичю. Здайте нам град Троицкой Сергиев монастырь. Зело пожалованы будете от государя царя Дмитрея Ивановича. Аще ли не здадите, да весте, яко не на то есмя пришли, не взяв града прочь не отойти. Наипаче же сами весте, колицы гради царя вашего Московскаго взяхом; и столица ваша Москва и царь ваш седит во осаде. Мы же пишем к вам, снабдяще благо-

---

¹ Маршалок (польск. marszałek) — высшее должностное лицо в Великом княжестве Литовском и Польше.

дие ваше. Помилуйте сами себе: покоритесь великому имени государю нашему и вашему. Да еще учините тако, будет милость и ласка к вам государя царя Дмитрия, яко ни един великих вас у вашего царя Василиа Шуйского пожалован есть. Пощадите благородство свое, соблюдайте свой разум до нас. Не предайте себе лютой и безвременной смерти; соблюдайте себе, и паки — соблюдайте сами себе и прочих. Аще же за сею ласкою увидите лице наше. А мы вам пишем царьским словом и со всеми избранными паны заистинствуем, яко не токмо во граде Троицком наместники будете от государя нашего и вашего прирожденного, но многие грады и села в вотчину вам подаст, аще здадите град Троицкой монастырь. Аще же ли и сему не покоритесь, милости нашей и ласки и не здадите нам града, а даст Бог возмем его, то ни один от вас во граде вашем милости от нас узрит но вси умрут зле.

Тако же и архимариту пишут:

А ты, святче Божий, старейшино мнихом, архимарит Иасаф, попомните жалование царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, какову милость и ласку стяжал к Троицкому Сергиеву монастырю и к вам мнихом великое жалование. А вы беззаконники все то презрели, забыли есте сына его государя царя Дмитрия Ивановича, а князю Василью Шуйскому доброхотствуете и учите во граде Троицком воинство и народ весь сопротив стояти государя царя Дмитрия Ивановича и его позорити и псовати¹ неподобно, и царицу Марину Юрьевну и нас. И мы тебе, святче архимарит Иасаф, засвидетельствуем и пишем словом царьским: запрети попом и прочим мнихом, да не учат воинства не покаряться царю Димитрию, но молитесь за него Бога и за царицу Марину. А нам град отворите без всякия крови. Аще ли не покоритесь и града не здадите, и мы за раз взяв замок ваш и вас беззаконников всех порубаем.

Архимарит же Иасаф з братьею и воеводы и все воинство, видевше лукавую лесть, яко всячески хотят разорити дом Пресвятыя Троица, и вси вкупе со смиренномудрием, с плачем и рыданием Господа Бога моляще о избавлении гра-

---

¹ Бесчестить (старопольск. psowac).

да, глаголюще сице: «Надежа наша и упование, Святая Живоначальная Троица, стена же наша и заступление и покров, Пренепорочная Владычица Богородица и Приснодева Мария; способники же нам и молитвеницы к Богу о нас, преподобнии отцы наши велиции чудотворцы Сергей и Никон!» Сими же словесы и благоумными советы в богоспасаемом граде Троицком монастыре благодать Божия со упованием всем сердца на подвиг адаманта твердейша укрепи.

О отписке к поляком и ко всем изменником

Воеводы же, князь Григорей Борисович и Алексей говорили с архимаритом Иасафом и с прочими соборными старцы и з дворяны и со всеми воинскими людьми против их лъстивыя грамоты к Сопеге и Лисовскому отписку учиниша сице:

Да весть ваше темное державство, гордии начальницы Сапега и Лисовской и прочаа ваша дружина, вскую нас прельщаете, Христово стадо православных христиан, боготорцы, мерзость запустения; да весте, яко и десяти лет христианское отроча в Троицком Сергиеве монастыре посмеется вашему безумству и совету. А о них же есте к нам писасте, мы же, сиа приемше, оплевахом. Каа бо польза человеку возлюбити тму паче света и преложити лжу на истину и честь на безчестие, и свободу на горкую работу? Како же вечную оставити нам святую истинную свою православную христианскую веру Греческаго закона и покоритися новым еретическим законом отпадшим христианския веры, иже прокляти быша от четырех вселеньских патриарх? Или кое приобретение и почесть, иже оставити нам своего православнаго государя царя и покоритися ложному врагу Вору и вам Латине, иноверным, и быти нам, яко Жидом или и горши сих? Они бо, Жидове, не познавше Господа своего, распяша, нам же, знающим своего православнаго государя, под их же царскою христианскою властью от прародителей наших родихомся в винограде истиннаго пастыря Христа, како оставити нам повелеваете христианского царя? И ложною ласкою, и тщетною лестью, и суетным богатством прельстити

нас хотите. Но ни всего мира не хотим богатства противу своего крестного целования.

И тако с теми грамотами отпустивше в табары.

Глава 14

О ПОСТАВЛЕНИИ ОКОЛО ГРАДА СТЕНОБИТНЫХ ХИТРОСТЕЙ

Того же месяца в 30 день, богоборцы Сапега и Лисовской, приемше отписку и видевши к ним непокорение градских людей, и исполнишася ярости и повелеша всему своему Литовскому и Рускому воинству приступати ко граду со всех стран и брань творити. Градстии же людие биющиеся с ними крепко. Сапега же и Лисовской повелеша туры¹ прикатити и наряд поставить. И той ноци туры многие прикатили и наряд поставили. Первые за прудом на Волкуше горе; другие за прудом же подли Московской дороги; третьи за прудом же на Терентеевской рощи; четвертые на крутой горе против мельницы; пятые туры поставили на Красной горе против водяные башни; шестые поставили на Красной же горе против погребов и пивново двора и келаревых келей; седмые по Красной же горе против келарские и казенных полат; осмые из рощи на Красной же горе про тив плотнишные башни; девятые туры поставили на Красной же горе подле глиняново врага, против башни конюшенных ворот. И подле туров ископаша ров велик: из рощи от келарева пруда и до глиняново врага, и вал высок насыпали, и по за тому валу конные и пешие люди ходяще.

О начале стрельбы по граду

Месяца октября в 3 день начаша бити из-за всех туров и биюще по граду шесть недель беспрестанно изо всего наряду

---

¹ Туры — высокие хворостяные или дощатые корзины, набиваемые землей; ставились рядами перед батареями для защиты от пуль. Авраамий Палицын называет турами и самые батареи.

и из верховых, и разженными железными ядры. Обитель же Пресвятыя и Живоначальная Троица покровена бысть десницею Вышняго Бога, и нигде же не зажгоша. Ядра бо огненные падаху на празныя места в пруды и в ямы мотыльныя¹, а разженные железныя ядра из деревяных храмин безпакостно изимающе. А иже увязнувших в стенах не узрят, тии сами устываху.

Но воистинну убо дело се промысл бысть самого Превечнаго Бога Вседержителя, яже творит преславнаа, ими же вестъ неизреченными своими судьбами. Сущии же на стенах града людие, не могуще стояти, сохраняхуся за стены: изо рвов бо и из ям меж зубцов прицелены быша пищади. И тако людие стояще неотступно, ждуще приступу, и о сем едином и крепляхуся. А иже в башнях у наряду, и тем велика беда бысть и муки от стреляния. Стенам бо градным трясущимся, и камению разсыпающуся, и вси зле страждуще. Но дивно о сем строение Божие бе: во время бо стреляния зряще вси плинфы² разсыпающеся и стрельницы и стены сътрясаемы, по единому бо мишеню от утра даже до вечера стреляние бываше, паки же стены нерушимы пребываху. Споведающе же часто о сем врази, яко «зрим всегда в стрелянии огонь исходящъ от стен и дивимся о сем, что не от камня, но от глины искры сыплются».

И бысть во граде тогда теснота велиа, и скорбь, и беды, и напасти. И всем тогда сущим во осаде кровию сердца кипячу, но от полезнаго дела, еже наченше, не престаху. Смерти же ожидаху, но на Господа Бога упование возлагаху и всяко ко врагом сопротивляхуся. Еще же блядяху³ богоборцы Лютори и песьими своими языки богохулнаа и никоея же надежи на Господа Бога имети глаголюще. «И не возможете, — глаголюще, — избежати от рук наших никако же». Тако же поругающеся имени великаго чюдотворца Сергия и ина многаа и богохулная блядяху.

---

¹ Выгребные.

² Плинфа (греч. *plinthos*) — плоский широкий кирпич; строительный камень вообще.

³ Агали.

Глава 15

О МОЛИТВЕ АРХИМАРИТА И ВСЕХ СУЩИХ ВО ОСАДЕ

Боголюбивый же пастырь, архимарит Иасаф, и весь освященный собор и все православное христианство стояще в церкви Пресвятыя Живоначальныя Троица, со слезами воскликающе сице: «Господи Боже наш, Безсмертный и Безначальный, Содетелю вся твари видимыя и невидимыя, иже нас ради неблагодарных и злонравных сшед с небес и воплотився от Девицы Пречистыя и кровь свою за ны пролия, призри убо ныне, Владыко царю от святого жилища твоего и приклони ухо твое и услыши глаголы наша, конечно погибающих. Согрешихом бо, Господи, согрешихом всячески студными делы и несмы достойны возрети на высоту славы твоея. Разгневахом твоя щедроты, не послушающе твоих повелений, и яко неистови еже на нас милости твоея отвратихомся и на злодеяние и беззаконие обратихомся, ими же далече от тебе отступихом. Вся сия, яже наведе на ны и на обитель твою, праведным и истинным судом, сотворил еси грех ради наших; и несть нам отверсти уст что глаголати, но убо, о всепетый и всеблагословенный Господи, не предаждь нас до конца врагом нашим, и не разори достояния твоего, и не отстави милость твою от нас, но ослаби нам во время се. Сам Владыко рекл еси: «не приидох праведных спасти, но грешники призвати на покаяние в еже обратитися и живым быти». Господи Иисусе Христе, Царю небесный, ослаби нам и не остави ныне Пресвятыя и Пречистыя ради Богоматере твоея и молитв ради святых праведных отец, наших теплых заступников, Сергия и Никона чудотворцов, прежде благоудовивших твоему владычеству во святей обители сей. Тако же и Пренепорочней Богородици от среды сердца стонанием и рыданием по вся дни и нощи моляхуся сице: «Ты убо, о Всенепорочная Владычице Богородице, человеколюбива естеством сущи, не остави святую обитель сию, иже обеща-

ся явлением своим свя тым преподобному отцу нашему чюдотворцу Сергию; и ныне во время се да увемы, Владычице, истинное твое неложное слово, яже обещася; но, яко Мати Христа Бога и заступнице христианскому роду, сохрани и помилуй нас по велицей милости твоей, яко да возвеличит-ся имя великолепия твоего во вся веки. Аминь».

Архимарит же Иасаф повеле всем священником наставляти детей своих духовных на покаание и чистоту имети и вся блага датели. И тако вси людие исповедающиеся Господеви и мнози Пречистых Христовых Таин причащающиеся. Лютовские же люди и Руские изменники промышляюще о градоумстве по вся дни и нощи.

Глава 16

О РВЕ И ПОДКОПЕ

Того же месяца октября в 6 день, поведоша ров ис подгорья от мельницы возле надолоб¹ на гору х Красным воротам и к надолобам, слоняюще доски, и к ним сыпаху землю. И доведоша ров на гору против круглые башни.

Того же месяца в 12 день ис того же рва повели подкопы под круглую наугольную башню против подолнаго монастыря.

О приготовлении к приступу и о пиришестве и играх

Того же месяца в 13 день Сопега сотвори пир велик на все войско свое и на крестопреступников Руских изменников. И чрез день весь бесящися играюще и стреляюще, к вечеру же начяша скакати на бахматех² своих многия люди и знамены по всем полям по Клемянтеевским и по монастырским около всего монастыря. По сем и Сопега из своих та-

---

¹ Надолобы — оборонительные укрепления: бревна или брусья с продолбленными концами, надевавшиеся на столбы; род изгороди.

² Конях (татарской породы).

бар вышел с великими полки въоруженными и стал своим полком у туров за земляным валом против погреба и келарские и плотнишные башни и до Благовещенского врага¹; а Лисовского Александра полцы — по Терентеевской роши и до Сазанова врага и по Переславской и по Углецкой дороге по Заволовию двору до Мишутина врага. Из наряду же из-за всех туров, изо многих пушек и пищалей по граду биюще беспрестани.

Глава 17

О ПРИХОДЕ ПЕШИХ ЛЮДЕЙ КО ГРАДУ

В нощи же той на первом часу множество пеших людей Литовских и Руских изменников устремишся к монастырю со всех стран с лествицы и с щитами и с тарасы² рублеными на колесех и заиграшя во многия игры³, начаяшя приступати ко граду; граждане же биахуся с ними с стен градных, тако же изо многих пушек и пищалей, и, елико можаху, много побияшя Литвы и Руских изменников. И тако милостию Пребезначальныя Троица и молитв ради великих чудотворцов, не дашя им тогда близ града приступити и некоторой пакости граду учинити. Они же, пьянством своим изгубивше своих много, отоидошя от града. Тарасы же, и щиты, и лествицы пометашя. На утриа же, из града вышедше, вся тая под град внесошя и, тем брашна строяще, огню предашя. Литва же и Руские изменницы, паки тем же образом приходяще, стужаху гражданином, ратующе град за седмь дний без почивания. Овогда же ко граду подъезжающе с великими грозами и прещением, иногда же с лестию просяще града, и показующе множество вой, да убоятся граждане; и елико убо врази стужающе им, тогда сущии во граде

---

¹ Оврага.

² Тарасы — туры (латинск. *turris*), подкатные срубы в виде башни (до 6 саж. высоты), применявшиеся для защиты и осады города.

³ И заиграли на многих инструментах

паче укрепляхуся на них. И тако окааннии Лютори и Рус-
тии изменницы всеу трудишася и ничто же успешя, но паче
своих многих погубишя.

Архимарит же Иасаф со всем освященным собором в те
дни бяше во святей велицей церкви, со слезами моляста Бога
и Пречистую Его Богоматерь и призывающе в помощь вели-
ких чудотворцов Сергия и Никона о помощи и о укрепле-
нии на враги, со слезами глаголюще: «Господи Боже, помози
нам, конечно погибающим и не отрини людей твоих до кон-
ца, и не дай же достояния твоего в поношение злым ерети-
ком, да не рекут: где есть надежа их, нань же уповают, но да
познают, яко Ты еси Бог нашъ Господь Исус Христос в славу
Богу Отцу. Аминь».

И взявше честныя кресты и чудотворную икону Бого-
матере с Превечным Младенцем и прочих святых иконы, об-
ходяще по стенах всего града, молящеся со слезами.

О приходе литвы на огород капустной

Того же месяца в 19 день, приидоша Литовские люди на
огород капусты имати. Из града же увидевше, яко немного
людей Литовских, и не по воеводскому велению, но своим
изволением, спустившеся с стен градных по ужищем, и Ли-
товских людей побили, а иных переранили. И в то время в
Литовские полки утече служень детина Оски Селевина.

Глава 18

О ВЫЛАСКЕ

Воеводы же князь Григорей да Алексей устроиша из мо-
настыря на Литовских людей выласку конными и пешими
людьми. Один полк поиде на огород капустной по плотине
горняго пруда к служне слободе; другой полк — за токарню
на княже поле и за конюшенной двор. Пешие же люди поидо-
ша с конными на Красную гору за враг к туром. В то же вре-
мя Троицкой служка Оска Селевин, забыв Господа Бога, уте-

че в Литовской полк. Литва же и изменники Руские, видевше Троицкое воинство изшедших из града, и абие устремишяся сурово. И от обою страну мнози пивше смертную чашу. У туров же у Литовскаго наряду побили и поранили стрелцов, и казаков, и даточных людей¹ немало, и голову у них Троицкого слугу Василья Брехова ранили; и еще жива в монастырь внесоша и с прочими битыми и ранеными. Архимарит же Иасаф живых пострижи повеле и причастити святых Тайн Тела и Крове Христа Бога нашего. И тако со исповеданием предаша душа своя в руце Господеви. И, освященным собором отпевше надгробная, погребоша их честно.

Глава 19

О ЯВЛЕНИИ ЧЮДОТВОРЦА СЕРГИЯ И О ПРИСТУПЕ И О ЗАПАЛЕНИИ ПИВНОГО ДВОРА

В день недельный по утренем пении пономарь Илинарх седе почити и в забытии сна бысть. И абие видит в келию его вшедша великаго чюдотворца Сергия и рекша ему: «Скажи, брате, воеводам и ратным людям; се к пивному двору приступ будет зело тяжек, они же бы не ослабевали, но с надежею дерзали». И виде святого ходяща по граду и по службам, кропяща святою водою монастырская строения.

По извещении же чюдотворца с недели на понедельник в третьем часу нощи, никому же чающу, возгремеша из множества наряду, и многочисленное воинство Литвы со гласом многым устремишяся к стенам градским со всех стран; против же пивного двора, взявше множество бремен дров, хвастиа, соломы, смолу з бересты и з зелием, и зажегше острог у пивного двора. И от того огня объявишяся вси полцы. С стен же града и с пивново двара изза тарасов, ис пушек и ис пищалей много побиша Литвы и огни их угасиша, и острогу подсечи не даша. Тако же и

---

¹ Даточные люди — люди, взятые в военную службу за тех владельцев поместий и вотчин, которые не могли служить сами.

по иным стенам града и з башен козы¹ со огнем спущающе, и Литовских людей многих побиша, понеже приидоша близ града.

Глава 20

О ПОБЕГЕ ЛИТВЫ ИЗ ОРОВ ИХ

Дни же наставшу память святаго великомученика Дмитрия Селунскаго, на первом часу дни архимарит Иасаф со всем освященным собором и иноцы и весь народ, взявше честныя Кресты и чудотворныя иконы, обходяще по стенам града, творяще литию и моление возсылающе ко Всемогущему в Троицы славимому Богу и Пречистой Богоматери. Видевше же Литовские люди во рвах по стенам града ходящих множество людей, и нападе на них страх велик, и убояшися и побегоша из оров и из ям в табары своя.

Глава 21

О ВЫЛАСКЕ И О ПОИМАНИИ ПАНА БРУШЕВСКАГО

Воеводы князь Григорей и Алексей со всем христолюбивым воинством, певше молебен соборне, учиниша выласку на Княже поле в Мишутинской враг на заставы рохмистра Брушевского и на Суму с товарыщы. И Божию помощь заставу побили и рохмистра Брушевского Ивана взяли, а рохмистра Герасима на Княжом поле, и роту его побили, а Сумину роту топтали² до Благовещенского врага. Врази же, видевше своих падение, и вскоре приидоша многими полки конные и пешие. Градстии же людие, мало-по-малу отходяще, внидоша вси во град здрави и ничим же врежде-

---

¹ Коза — приспособление для сбрасывания с крепостных стен бревен, камней и других средств защиты.

² Теснили.

ны. Архимарит же со освященным собором, певше молебны со звоном, благодарственыя хвалы воздающе Всемогущему Богу. Брушевской же пан в роспросе и с пытки сказал, что подлинно ведут подкопы под городовую стену и под башни. А под которое место ведут подкопы, того, сказал, не ведает. «А хвалятся де наши гетманы, что взяти замок Сергиев монастырь и огнем выжечи, а церкви Божия до основания разорити, а мнихов всякими различными муками мучити; а людей всех побити; а не взяв монастыря, прочь не отхаживати. Аще и год стояти, или два, или три, а монастырь взяти и в запустение положить». Богоборцы же тогда разъяришяся вельми и начяша гражданам стужати¹ зле и залегошя по ямом и по плотинам прудовым, не дающе градским людям воды почерпсти, ни скота поити. И бе во граде теснота и скорбь велиа, и мятеж бе велик осадным людям.

Глава 22

О СЛУХЕХ

Воеводы же советовавше с архимаритом Иасафом и з братьею и со всеми воинскими людьми, повелешя во граде и под башнями и в киотех стенных копати землю и делати частые слухи² Троицкому слуге Власу Карсакову: той бо тому делу зело искусен. И за се дело ятся. А вне града от служни слободы повелешя глубочайший ров копати. Литва же, видевше ров копающих в начале первого часа дни, абие прискочивше множество Литвы пеших людей ко рву вооружены зело и начаша побивати православных христиан люте. Из града же прицелены бышя к тому месту пушки и затинные³ многие и побишя Литвы много. К сему же и из града поспешишя многие воинские люди и множество их побили

---

¹ Вредить.

² Слухи — подземные ходы для подслушивания подкопов противника.

³ Затинные (пищали) — стоящие за крепостной стеной пушки.

и многих живых взяли и во град введоша. Литва же, не возлюбивше от града частых поминков¹, тыл показавше, вспять возвратишяся.

***О истязании язык и о числе воинства
литовскаго и изменничья***

Воеводы же новопоиманных язык повелевше истязати роспросы и пытками о думе их и о числе воинства их. Они же сказали, что подлинно гетманы их надеются град взяти подкопы и тяжкими приступы. А подкопы уже повели под башни и под городовую стену октября во 12 день. А которое место ведут, того не ведают. А панов радных² с Сапегою: князь Константин Вишневецкой, да четыре брата Тишкеевичи: пан Талипской, пан Велемовской, пан Козонойской, пан Костовской, и иных 20 панов, а рохмистров: Сума, Будило, Стрела и иных 30 рохмистров; а воинских людей: с Сопегою Польские и Литовские люди, желныри³ Подольские, гусаре Руские, Прузские, Жемоцкие, Мазовецкие, а с Лисовским дворяне и дети боярские многих розных городов, Татарове многие, и Черкасы Запорозские, и казаки Донские, Вольские, Северские, Астороханские. И всего войска с Сопегою и с Лисовским до 30 000 кроме черни и полоняников.

Глава 23

**О ПОБЬЕНИИ ГРАДСКИХ ЛЮДЕЙ И О УЖАСТИ
ВЕЛИЦЕЙ ВО ГРАДЕ**

Месяца ноября в 1 день, на память святых безсребреник Козмы и Дамиана, во втором часу дни из града устроивша выласку конными и пешими людьми на Литовских людей. Богу же попустившу грех ради наших, и сего ради охрабришяся на нас врази и многих градских людей побили

¹ Подарков.

² Членов рады, начальников.

³ Солдаты (польск. *zolnierz*).

и поранили, подщавшихся положить главы своя за святую православную веру и за обитель преподобного чудотворца Сергия. И на том бою убили слугу нарочита¹ Копоса Лодыгина ис пушки, и соверши его Бог во иноческом чину преставитися. Тогда же на выласке грех ради наших побили и поранили Троицких всяких людей 190 человек да в языки взяли на подкопном рве старца священника Левкию, да трех служных людей, да Московского стрелца, да дву Клемянтеевских крестьянских детей.

Архимарит же раненых постричи повеле и причастившися Тела и Крове Христа Бога нашего, и преставившися в вечныя обители. И погребоша их честно, соборне отпевше над ними надгробныя песни. А живых раненых лечити повеле и покоити монастырскою казною. Еретическое же исчадие и изменницы Руские горше первого ратоваху град. Тогда же бысть во граде всем православным христианом скорбь велика, и плачь велик, и ужась ради подкопов, понеже слух во ушеса всех людей разыдеся, что ведут Литовские люди подкопы, а о том достигнути не могут, под которую стену или башню ведут.

И тако вси смерть свою койждо пред очима видяще, и вси притичюще к церкви Живоначальныя Троица и к целбоносным мощем теплых заступников наших великих чудотворец Сергия и Никона, и вси на покаяние к Богу обратившися, исповедающеся Господеву и отцем своим духовным; ови же и причастишися Тела и Крови Господня, к смерти готовящися.

О утешении инок

Добродетелнии же суще иноцы, обходяще по всему граду, моляще христолюбивое воинство и всех людей, глаголюще: «Господие и братие, прииде час прославити Бога и Пречистую Его Матерь, и святых великих чудотворцов Сергия и Никона, и нашу православную христианскую веру! Мужайтесь и крепитесь и не ослабляйте в трудах, ни отпадайте надежею, яко да и нас помилует и прославит Всещедрый Гос-

---

¹ Достойного, лучшего.

подъ Бог! Не унывайте убо в скорбех и бедах, нашедших на ны, но упование возложим на Бога и на молитвы великих наших заступников Сергия и Никона и узрим славу Божию! Той бо может избавити нас от рук всех врагов наших! Аще ли, братие, кто и постражет ныне во время се, той мученик будет Господеви своему, понеже пострада за превеликое Его имя!» И тако укрепляюще всех православных христиан, сущих на стенах града; и сего ради вси паче охрабришася, биющеся крепче со враги своими. Воеводы же повелеша стрельцом и всяким охочим людям исходити из града нощию тайно ради языков по ямам и во рвах, что они ископали близь града. И милостию Божиею языков много емлюще и водяще во град. Подкопнаго же места никако же возмогшя у них доведатися: вси глаголюще, что есть подкоп, а под которое место ведут, того не ведают.

Глава 24

О ПРИСТУПЕ

Того же месяца в 2 день в 3-м часу нощи в Литовских полцех бысть шум велик и заиграша во вся игры, поидоша на приступ ко граду, яко и прежде. Градские же людие бяхуся с ними крепко, не дающе им ко граду приступить.

О явлении Сергия Чюдотворца архимариту Иасафу

В то же время в церкви Пресвятыя Троица архимариту Иасафу воздремавшу, и се внезапно видит святого и блаженного отца нашего Сергия великаго чюдотворца, стояща против чюдотворнаго образа Святыя Живоначальныя Троица и руце свои горе воздевша и молящяся со слезами Святей Троице. И обращя святой ко архимариту и глагола ему сице: «Брате, востани, се время пению и молитве час! Бдите и молитесь, да не внидете в напасть. Господь всесильный многих своих ради щедрот помилова вас и прочее время подаст вам,

да в покаянии поживете». Архимарит же Иасаф о сем явлении, одержим страхом многим, исповеда всей братии.

Гордостию же надмени, Литовские люди тяжко и беспрестанно ратующе град Троицкой, прикативше туры и тарасы многие ко граду. Из града же удариша из многих пушек и пищалей по щитом и тарасом их, которые быша близ града, и много Литовских людей побили. Дню же наставшу, из града вышедше конные и пешие люди и от града Литовских людей отогнаша. Они же побегоша, гонимы гневом Божиим. Градстии же людие приступныя козни их вся огню предаша, а иные во град внесоша.

В четвертый же день того же месяца в нощи паки Литва своим делом промышляюще, но издавеча, а ко рву и к стенам близ приходити не смеюще; из града же вышедше пешие люди к Литовским людям к Нагорнему пруду за надолобы близко подкопново рву. Литва же и Руские изменницы восташа из ровов и из ям, яко демоны, нападаоша на градских людей и сотвориша бой велик. На бою же том убили Троицкого слугу Бориса Рогачева и многих слуг, и стрелцов, и казаков поранили; тогда же емше казака Дедиловскаго ранена. Он же в роспросе и с пытки сказал, что подлинно подкопы поспевают, а на Михайлов день хотят подставлявати под стены и под башни зелие.

Воеводы же, водяще его по городской стене, он же все подлинно указал места, под которую башню и под городовую стену подкопы ведут. И изнемогаше от многих ран и начат умирати; и вопияше великим гласом со слезами и рыданием: «Сотворите мне, винному и бедному человеку, великую милость, дайте мне, Бога ради, отца духовнаго, сподобите мя быти причастника Святых Христовых Таин!» Архимарит же Иасаф повеле его поновив¹ причастити Святых Христовых Таин.

Воеводы же во граде против подкопов от подолныя стены до святых ворот велели острог поставити и тарасы насыпати и наряд устроить.

---

¹ Исповедовав.

О ИВАНЕ РЯЗАНЦЕ

Тоя же нощи прииде в Троицкой монастырь выходець из Лисовских табар казак Иван Рязанец станицы атамана Пантелеймона Матерова, а сказал, что подкопы подлинно поспели под нижнюю под Круглую башню.

Да тот же казак Иван Рязанец сказал сицеву повесть: «Деялося де в прошлую ношь с субботы на неделю: было явление атаманом и казаком, а сказывал атаман наш Пантелеймон Матерой, тако же и от нас мнози видели своима очима; и иных станиц атаманы и казаки многие то же видение видели и глаголы старца слышали жестоки з запрещением. Видешя бо около града по поясу ходящих дву старцов, брады седы, светозарны образом, яко быти им по образу и по подобию великим чудотворцом Сергию и Никону. Един же в руке имеяше кадельницу злату, а над кадельницею животворящий крест и кадяще обитель свою и ограждаше честным и животворящим крестом стены града. Другий же имеяше в руке своей правой кисть, яко кропило, в другой же руке чашу, и кропя святою водою стены и прочая вся во обители и поюще своими усты велегласно тропарь «Спаси, Господи, люди своя...», кондак «Вознесыйся на крест...», оба до конца. И обращься к нашим полком преподобный, от лица же его неизреченный свет сияше, яко огонь паля, и глаголаше ярым глазом и жестоко претя: «О злодеи законопреступницы! Почто стекостеся разорити дом Пресвятыя Троица, и в ней Божия церкви осквернити, и иночествующих и всех православных христиан погубити? Не даст вам жезла на жребий свой Господь!» Нашим же окаанным казаком и Литовским людем по них стреляющим из луков и из самопалов, стрелы же и пульки наши от них отскачюще, к нам возвращахуся и многих уязвляху; и многие люди ранены от тех пулек в наших полцех помрошя на извещение и на большее чудо прославляюще Богу угодников своих». И тоя же нощи во сне явися преподобный чудотворец Сергей атаманом и многим казаком.

Тем же образом явися и гетману, и радным паном, и рохмистром, претя жестоко и глаголя сице: «Мольбу на вас злодеев сотворю Вышнему Царю, и во-веки осуждени будете мучитися в геонских муках». И бышя, яко молния и громи страшни, и от востока истече река велика, а от запада и полудне два езера велики, и снисходяся вси трие во едино; и възде вода, яко гора велика, и потопаи все полки Литовския и всех безвестно сотвори. На утрия же съшедшеся Сопега и Лисовской и со всеми Рускими изменники вкупе и сказывающим им сны своя друг другу и глаголюще: «Что се хочет быти? Воды многи потопиша полки наша». Тогда же предстоя пред ними Донской атаман Стефан Епифанец станицы Смаги Чертенского, имея под собою войска пятьсот казаков, и глагола им: «Великия гетманы, аз скажу вам: сны сия не на добро бывают. Се убо знамение являет преподобный Сергей чудотворец: яко не водам повелевает потопити, но множество православных христиан вооружит на нас. И велико падение нашим людям будет». Литовские же люди великою кручиною объяти бывше, сия слышавше, и совещаши его с казаки побити, глаголюще, яко «сей возмущает полки наша и ужасает люди воинския». Стефан же и казаки, уведевше сия, и собравшеся вси пятьсот человек и тоя же нощи побегоша, обещавшеся ко Святей Живоначальной Троице и Пречистой Матери Божии и великим чудотворцом Сергию и Никону потом такового зла не творити ни царствующему граду, но с православными христианы стояти за один на иноверныя; и призывающе в помощь великих чудотворцов. Полцы же Литовския догнаша их в Троицкой волости в Вохне на реке на Клязме. Они же помиловани бышя от Бога молитв ради преподобных отец Сергия и Никона, отойдоша от Литовских людей ничим же невреждены. Тако же и Оку реку превезошя ниже Коломны и приидоша на Дон к своему атаману вси здравы.

О сем же знамении и о Стефане Епифанце атамане принесоша ми писанийце оставшиися иноцы во обители чудотворца, ово же словом поведающе ми о сем. Аз же и сия повелех zde вписати, аще истинна есть и сия, яко да не обрещу-

ся от Бога раб нерадив и презорив о чюдесех преподобных отец. Сия же дозде.

Воеводы же советовавше со архимаритом Иасафом и з старцы и со всеми воинскими людьми, чтобы очистити испод городовыя стены в ров потайные ворота для скорые выласки. Каменосечеы же, сыскавше старой вылаз подле сушильные башни, и очистили и трои двери приделаша к ним железные.

Глава 26

О СТРЕЛЬБАХ ПО ГРАДУ НОЯБРЯ В 8 ДЕНЬ

Того же месяца в 8 день на праздник собора святого архистратига Михаила день той пребысть плача и сетования, яко уже преиде 30 дней и 30 ночей и беспрестанно со всех стран из-за всех туров изо штидесят трех пищалей биуще по граду и из верховых. В той же день иде в церковь святыя Троица клирик Корнилей, и внезапно прилете ядро пушечное и оторва ему правую ногу по колено, и внесоша его в паперть. И по божественей литургии причастися животворящих Таин Христовых и глаголаше архимариту: «Се, отче, Господь Бог архистратигом своим Михаилом отомстит кровь православных христиан». И сиа рек, старец Корнилей преставися. Да того же дни убило ис пушки старицу: оторвало руку правую и с плечем. Воеводы же и вси осадные люди во граде, избравше старцов добрых и воинских людей, которым ити на выласку и на подкопные рвы, и разрядивше войско и учредиша по чину. В Михайлов же день архистратига поющим вечерню, и вси сущии во обители людие с воплем и рыданием и в перси биеньми просяще милости у Всещедрого Бога, и руце воздвижуще горе и на небо взирающе и вопиюще: «Господи, спаси ны погибающих, скоро предвари и избави нас от погибели сея имени твоего ради святого. И не предай же достояния твоего в руце скверным сим кровопийцам!» Врази же Святыя Троица делом своим

коварственно промышляюще о градомстве и беспрестанно стреляюще из многих пушек и пищалей. Во время же псалмопения внезапно ядро удари в большой колокол, и сплыв в оltарное окно Святыя Троица, и проби в Деисусе у образа архистратига Михайла дску подле праваго крыла; и ударися то ядро по столпу скользя от левого крылоса и сплы в стену, отшибесе в насвещник пред образом Святыя Живоначальныя Троица и наязви свещник, и отразися в левой крылос и развалися. В той же час иное ядро проразил железныя двери с полуденныя страны у церкви Живоначальныя Троица и проби дску местного образа великаго чюдотворца Николы выше левого плеча подле венца; за иконою же ядро не обьявися. Тогда убо в церкви Святыя Троица нападе страх велик на вся предстоящаа люди, и вси колеблющеся. И полиан бысть мост церковной слезами, и пению медлящу от множества плача. И воздеюще руце свои горе к Пребезначальней Троице и ко Пречистой Богородици и великим чюдотворцом Сергию и Никону и молящеся о помощи и заступлении от врагов. Во время же стихер пения архимарит Иасаф в велицей печали сетуя и сведен бысть в забытие мало, и се видит великаго архистратига Михайла; лице же его, яко свет сияше и в руку своего имеяше скипетр и глаголаше ко сопротивным: «О врази Лютори! Се ваша, беззаконницы, дерзость и до моего образа доиде. Всесильный же Бог воздаст вам вскоре отмщение». И сия рек, святой невидим бысть. Архимарит же поведа се видение всей братии. И облекошася во священныя ризы и пешя молебны Всесилному Богу и архистратигу Михаилу. На Терентиевской же рощи бе у них пищаль люта зело, зовома Трещера. Воеводы же повелеша стреляти на Терентиевскую гору по Литовскому наряду из башни водяных ворот. Удариша по большой их пищали по Трещере и разбиша у неа зелейник¹. Тако же и от святых ворот с Красныя башни удариша по той же пищали и разбиша у неа устие. И видеша с Троицкого града сущии людие, благодариха Бога, яко разруши злый той сосуд. Архимари-

---

¹ Зелейник — часть орудия, куда кладется заряд.

ту же Иасафу келейное правило правящу и взирающу на образ Пресвятыя Богородица и со слезами прося помощи и заступления, и воздрема и видит в келию вшедша преподобнаго отца нашего Сергия и глаголюща: «Востани, не скорби, но в радости молитвы приноси, предстоит бо и молится Богу о обители и о вас Святая Пречистая Богородица и Приснодевая Мариа со аггельскими лики и со всеми святыми». Паки же и иныя старцы поведали различнаа знамениа: священноинок Генадей, и священноинок Гурей, и священноинок Кипреан, и иныя мнози черноризцы и миряне, яко видеша Святаго Сергия чудотворца, ходяща по монастырю и будяща братию, глаголюща сице: «Идете, иноцы, немедленно во святую церковь и обрящете благодать». И потом видеша вшедша в церковь Святыя Троица Серапиона, архиепископа Новгородскаго, во святительстей одежи и во святем олтари пред образом святыя Богородица ставша. И обратився к нему святой чудотворец Сергий, рече: «Отче Серапионе, почто умедлил еси принести моление ко Всесильному Богу и Пречистой Богородице?» Святой же архиепископ Серапион, воздев свои руце, и возопи: «О Всепетаа Мати, Рождшиа всех святых святейшее Слово! Нынешнее приношение приемши, от всякия напасти избави всех и грядущаа изми муки, вопиющаа: аллилуиа!» И абие начяша благовестити к заутреннему пению. Старцы же, сиа видевше, и поведаша архимариту и воеводам.

Сиа же старцы вси отидоша к Богу еще во осад тогда бывший. Принесе же ми о сем писание диакон Маркел ризничей. Аз же, исправив сие, повелех написати.

Глава 27

О ВЫЛАСКЕ И О ОБРЕТЕНИИ ПОДКОПОВ И О ЗАРУШЕНИИ ИХ

Воеводы же, князь Григорей Борисовичь Долгорукой и Алексей, урядивше полки вылазных людей, приидоша в церковь святыя Живоначальныя Троица, знаменовавшеся к чудо-

творным образом и к цельбоносным мощем преподобнаго отца нашего Сергия чудотворца. И пришедше ко вратом по-таенным, повелешя выходить по малу и во рву укрыватися. В то же время с пивново двора вышли головы в воеводское место Туляне: Иван Есипов, Сила Марин, Юрьи Редриков Переславец с своими сотнями и з даточными людьми на Луковой огород и по плотине Краснаго пруда. Так же и ис конюшенных ворот вышли со многими знамены головы дворяне: Иван Ходырев Олексинец, Иван Болоховской Володимерец, Переславцы Борис Зубов, Афонасей Редриков и иные сотники с сотнями, с ними же и старцы Троицкие во всех полках. И егда начаша из града выходить за три часа до света, и абие наидоша облацы темныя, и омрачися небо нелепо¹, и бысть тма, яко ни человека видети. Таково Господь Бог тогда и время устрои своими неизреченными судьбами. Людие же вышедше из града и ополчишяся. И абие буря велика воста и прогна мрак и темныя облаки и очисти воздух, и бысть светло. И егда ударишя в осадныя колокола потрижды, тако бо повелено им весть подати, Иван же Ходырев с товарищи, призвавше на помощь святую Троицу и крикнувше многими гласы, нарекше ясак² Сергиево имя, и вкупе нападоша на Литовских людей нагло³ и мужественно. Они же, услышавше ясак той, и абие возмятошяся и, гневом Божиим гонимы, побегоша.

В то же время от святых ворот голова Иван Внуков с товарищи и со всеми людьми прииде против подкопов на Литовских людей, воззавше тойже ясак, збивше Литву и казакон под гору на Нижней монастырь и за мельницу. А Иван Есипов с товарищи своим полком бьющеся с Литвою по Московской дороге по плотине Краснаго пруда до Волкуши горы, старцы же Сергиева монастыря ходяще в полках бьющеся с Литвою и укрепляюще люди не ослабляти в делех. И тако вси охрабришяся и бяхуся крепко, глаголюще друг другу: «Умрем, братие, за веру христианскую!» И благода-

---

¹ Необычно.

² Ясак — здесь: сигнал, условный клич.

³ Внезапно.

тию Божиею тогда обретоша устие подкопа. Вскочыше же тогда в глубину подкопа ради творимаго промысла крестьяне Клемянтиевские Никон, зовомый Шилов, да Слота; и егда же зажгоша в подкопе зелие с калы¹ и смолу, заткавшие устие подкопа, и взорва подкоп. Слота же и Никон ту же в подкопе згореша. Градстии же людие приступающе крепко к Волкуше горе к наряду Литовскому; они же стреляюще из-за туров. Тогда же ранили голову Ивана Есипова и Троицких людей прогнали до Нижняго монастыря. Голова же Иван Внуков, обратився с своими людьми от Нижнево монастыря по плотине и по пруду, и прогна Литву и казаков на Терентеевскую рощу и до Волкуши горы побиваше их нещадно. Троицкой же слуга Данило Селевин поносим бываше отъезда ради брата его Оски Селевина, и не хотяше изменничья имени на себе носить и рече пред всеми людьми: «Хочу за измену брата своего живот на смерть пременити!» И с сотнею своею прииде пешь к Чюдотворцову Сергиеву кладязю на изменника атамана Чика с казаки его. Данило же силен баше и горазд саблею и посекая многих Литовских людей, к сему же и трех вооруженных на конех уби. Литвин же удари Данила копием в груди, Данило же устремися на Литвина того и уби его мечем, сам же от раны тоя начат изнемогати крепце. И взявше его, отведоша в монастырь, и преставися во иноческом образе. Головы же Иван Ходырев, Борис Зубов со своими сотнями и прогнаша Литву и казаков за мельницу на луг. Иван же Внуков остася на Нижнем монастыре. Атаман же Чика уби Ивана Внукова из самопала. И отнесоша его в монастырь. И бысть Троицким людем скорбь велиа о убитых дворянех и слугах, понеже быша мужествени и ратному делу искусни. Троицкое же воинство паки справяся убили дву полковников, дворян королевских, Юрья Мозовецкого да Стефана Угорского, да четырех рохмистров желнырских и иных панов; и всяких людей многих побили и поранили. А живых пойманных языков во град введоша.

---

¹ Зелие с калы — кизяк.

О ВЗЯТИИ ЛИТОВСКОГО НАРЯДУ

Того же дни градстии же людие, овии убо от многого труда во град внидоша, овим же еще дерущимся с Литвою и с Рускими изменники, неким же боголюбивым иноком вложи Бог благую мысль, и приидоша на пивной двор к чашнику старцу Нифонту Змиеву глаголюще: «Отче Нифонте! Врази наши одолевают нам, но святая Троица дарова нам бедным велику помощь над враги: подкопы их отняли и зарушили; и к тебе сего ради приидохом: даждь нам о сем совет, чтобы еще отнати у Литовских людей туры и своему воинству помощь и отраду сотворити». Старец же Нифонт, и с прочими старцы посоветовав, и взявше с собою двесте человек ратных и старцов тридесят и поидоша с пивного двора на выласку; и прешедше прудовую ручевину, и въздоша на Красную гору к туром и к наряду Литовскому. Весть же в монастыре учинися, яко Троицкое воинство на Литовской наряд поидоша.

Осадные же люди скоро пришедше ко вратом градным х конюшенным, и нужею¹ воеводу Алексея Голохвастова и приставов вратных премогаю и градная врата сами отвориша и устремишися спешно к туром; въздоша на Красную же гору. Литва же и Руские изменники из-за туров своих стреляюще из многих пушек и пищалей и из мелково оружия, и збиша людей Троицких под гору к пивному двору. Множество же народа паки второе устремишися нужею и въздоша ис подгорья великою силою, приступающе к туром, к наряду к Литовскому. Богоборцы же начаяша стреляти из многих пушек с Волкуши горы поперек Троицкого воинства и в тыл с Терentieвские роци и мног мятеж учиниша, и ужась в Троицких людех. Они же видевши, яко устрашишися Троицкое воинство от стреляния их, и абие полки их и Литовские и Руские изменники вси, вскоре вышедше из-за туров своих,

---

¹ Силой.

и градских людей всех под гору согнаша. С стен же градных стреляюще по них, возвратиша их вспять. Они же возвращающеся и заиграша во вся игры, яко градских людей прогнаша от наряду своего. Градские же люди советовавшие отойти во враги: в Благовещенской, да в Косой, да в Глиняной враг, инем же Троицким еще бьющимся с Литвою за Круглым прудом и за капустным огородом, близ Келарева пруда. И озревшеся и не видевше градских людей на горе ни у пивного двора единого человека, и ужасошася, мневше всех побитых от Литовских людей, но токмо видяще у святых ворот и на Нижнем монастыре первых людей вылазных дерущихся с Литвою и с казаки. Градские же люди утаившиися во врагах: в Благовещенском, и в Косом, и в Глиняном, от них же Иван Ходырев да Троицкие слуги Ананья Селевин с немногими людьми, вседше на кони и устремившеся полем позади туров Литовского наряда; и бе полчек их мал зело; пред полчком же тем Троицким, глаголют, видешя з города многие люди воина вооружена, лице же его, яко солнце, конь же под ним, яко молния блистаеся. И в той час вскочив с людьми Троицкими в первые туры, тако же и в вторые, и в третьие, и в четвертые, и в пятые, и объявительна видеша его Божиа посланника и помогающа православному христианству, дондеже и наряд взяша. И тако невидим бысть, даровав помощь и одоление на враги. Троицкое же воинство, конные и пешие, скрывшеися вскоре из врагов вышедше, приступльше к первым туром к Литовскому наряду. Литва же и казаки Руские побегоша к другим туром. Градские же люди, побивающе их люте, тако же из других и ис третьих выгнаша; о четвертых же и о пятых турах наряду своего Литва и казаки укрепишася и бяхуся крепко. И ту под Борисом Zubовым убиша коня. Литва же многиа люди искочыше хотяху Бориса жива взяти. Троицкой же слуга Анания Селевин мужествен и с прочими воинскими людьми устремившася на Литовских людей, и прогнаша их за туры. Вскоре же подоспешя к ним многие люди, Иван Ходырев и дети боярские, и слуги, и все множество народа, и внидоша в четвертые и пятые туры к Литовскому наряду. Слуга же Меркурей Айгустов первее всех поспе к туром. Пушкарь же литвин уби Меркуря ис

пищали. Тому же пушкарю отсекоша главу. И тако помощью Живоначальныя Троица многих Литовских людей побили и языков нарочитых панов живых взяли с литаврами и с трубами и со многими знамяны во град введоша. Да тут же взяли восемь пищалей полуторных и полковых и всякого оружия Литовского, затинных и изрядных самопалов и рушниц¹, копей же и кортов², палашей и сабель, пороху же бочки и ядер, и всяких запасов множество во град внесоша. Останцы³ же с турами и с тарасы и со оставшимся зелием вся огню предаша. Людей же Троицких убитых и раненых побраша и во град внесоша. Пламени же разливающуся и поядоущу здания еретик, гетман же Сапега, видево займающаа огнем твердейшаа станица своя, побеже в таборы своя, тако же и злый еретик лютор Лисовской. Вся же сия содеяся во един день в среду, месяца ноября в 9 день, на память святых мученик Анисифора и Порфирия. За три убо часа до света начаша битися и до самого вечера кровь лияшеся. В той день подкопы зарушили и наряд Литовской взяли. И благодатию Пресвятыя Троица бысть в Троицком Сергиеве монастыре радость и веселие всему православному христианству о величии Божии, яже сотвори Бог преславнаа в той день.

Боголюбивый же архимарит Иасаф с братьею повеле звонити даже и до полунощи. Сам же со освященным собором и со всею братьею в храме Трисоставнаго Божества молебны поюще, хвалу и благодарение возсылающе Богу, и Пречистой Богородици, и великим чюдотворцом, Сергию и Никону, и всем святым, иже от века Богу угодившим. Изочтоша же Троицких всяких побитых людей того дни 174 человеки да раненых 66 человек. Архимарит же убыенных постричи повеле, от них же Иван Внуков — во иноцех Иона, Иван Есипов — во иноцех Иосиф, Данило Дмитриев сын Протопопов с Москвы от Покрова со рву — во иноцех Давид, Троицкие слуги Данило Селевин, Меркурей Айгустов — во иноцех Мефодей, и иные многие; и причастишяся святых

---

¹ Ружей.

² Корд — короткий меч (литовск. kardas).

³ Оставшиеся вещи.

Таин Христа Бога нашего, престаившися ко Господу. Воеводы же, и дворяне, и все воинство Сергиева монастыря, изшедше за град соглядати трупи мертвых Литовских и Руских изменников на Красной горе у наряду их по рву и в ямах побитых и у прудов у Клемянтеевсково, и у Келарева, и у Коношенново, и у Круглово пруда, и около церквей Нижнево монастыря, и около мельницы, и против Красных ворот у подкопных рвов, и сметивше¹ Литвы и изменников 1500. Да сказали полоняники и выходцы раненых до 500. Воеводы же и все христоролюбивое воинство приговорили со архимаритом и з братьею послати к Москве к государю с сеунчем² сына боярсково Переславца Ждана Скоробогатова.

Глава 29

О ЗАВОДНЫХ³ ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕХ

Гетман же Сопега и Лисовской паки умыслиша совет лукав над Троицким воинством. В нощи заведоша множество рот конных и скрыша у рыбных садов и в Сазанове и в Мишутине враге, дабы им от града отъехати⁴ Троицкое воинство. И приежжающе к надолбам, начаша манити людей из града. Людие же во граде, не ведуще безбожных лукаваго пронырства, и изшедше на выласку конные и пешие. Литва же лукавствующе и на бегство обратишися. Из града же людие за ними устремишися. Стражие же, увидевше с церкви заводных людей во врагах стоящих, начаша бити в осадной колокол. Тогда же возвратишися к стенам градным. Видевше же лукавии, яко не улучиша желаемого, и тако из лесов и изо врагов, яко лютыя лвы ис пещер и из дубрав, на православное христианство устремишася и притиснуша к стенам градным. Градстии же людие тогда с стен многих Литовских

---

¹ Насчитали (примерно).

² С радостной вестью.

³ Заведенных в засаду.

⁴ Отрезать (конным войском).

людей побили и живых взяли желныйрь четыре человеки. Не возлюбил же окаянный из града частых подарков и к тому не приложил близ стен приходити, и из ровов своих и из ям, ископанных ими, разыдошся в таборы своя.

Глава 30

О ВЫЛАСКЕ НА СТОРОЖИ ЛИТОВСКИЕ И РУСКИЕ

Во един же от дний тех, еще убо тогда во граде Троицком Сергиеве монастыре множество воинства храбрствующих на враги и борющеся, дню освитающу недельному¹, бысть велика мгла в зимнее время. Воеводы же паки устроивша выласку на заставы Литовские, в Благовещенской враг и на Нагорную заставу к Благовещенскому лесу, а иных людей послаша к Нагорнему пруду за сады на заставы Руских изменников. Изшедше же конные люди и заставу в Мишутине враге побили; вскоре же поспевше и на Нагорную заставу, и тое топташа на Красной горе вдоль и до Клемянтеевского пруда и многих побили; из Сопегиных же табар многие роты приидоша, и бысть бой велик. Из града же, вышедше на помощь многие люди конные и пешие, и прогнаша Литву паки до пруда Клемянтеевского. Александр же Лисовской, яко змий возсвистав со своими аспиды, хотя поглотити православных воинство; и вскоре прииде с конными и с пешими людьми и с Рускими изменники с Терентеевской роши против Красных ворот на вылазных Троицких людей, бьющихся с полком его, с Рускими изменники; и, яко лютый лев ревый, хотя всех поглотити. Троицкое же воинство бьющеся с ними крепце, немогуще одолети, отыдоша от них в городские рвы, Литовских же людей с стен градных многих побиша. Воеводы же из града еще к ним устроивша на помощь выласку конную, а голов с ними отпустили старцов Ферапонта Стогова, Малафею Ржевитина и прочих старцов 20 человек. Они же изшедше и мужественно устремишся на Литовских

---

¹ Когда наступил рассвет воскресного дня.

людей. К сим же поспевше с Красной горы бьющиися с Литвою и с Поляки; прочии же скрывшеся на Красной горе в Глиняном враге. И преподобного и великаго аввы Сергия и блаженнаго Никона молитвами их устраши Бог беззаконных. И видесе Лисовскому, яко из монастыря тмочислено многое воинство изшедших; и абие устрашися злый враг кровопийца и побеже, гоним силою Божиею, со всем своим воинством под гору за мельницу на луг и на Терентеевскую рощу. Троицкое же воинство побивающе их мужественно. Тогда же взяша жива рохмистра Мартыаша, славнаго ратоборца, и иных панов во оружии во град введоша. Лисовской же ста в раздолии за горою за Волкушею, к нему же приидоша вскоре Сопегинны роты конные. Он же лукавый, яко змий меташеся, как бы срамоты своя избыти, неведый, яко против Вышняго силы ратовашеся. И се видит еретик и с ним многиа Поляки, яко близ полку их ездит старец, имеа в руце своей мечь обнажен и претя ему жестоце. И невидим бысть от очию их. Гетман же Сопега прииде на Красную гору на Троицких людей по всему Клемянтеевскому полю всеми своими полки; Лисовской же о пришествии Сопегине возвеселися и хотя одолети Господа Бога Вседержителя. И повеле в полку своем в трубы¹ и в сурны² играти, и в накры³, и по литаврам. И абие вскоре с Сопекою устремишися на Красную Гору поперек всех Троицких людей, хотяще во един час всех потребити. И согнаша Троицких пеших людей под гору к пивному двору; и бе воистинну чюдно видети милость Божию Троицкому воинству и заступление и помощь на врагы молитв ради великих чюдотворцов Сергия и Никона. И сотвори Господь преславная тогда. И нератницы охрабришися, и невежди, и никогда же обычай ратных видевше, и ти убо исполинскою крепостию препоясашася. От них же един некто даточных людей, села Молокова крестьянин, Суетою зовом, велик возрастом и силен вельми, подсмеваем же всегда неумения ради в бoех, и рече: «Се умру днесь или славу получю от всех!» В руках

---

¹ Трубы.

² Зурны.

³ Барабаны.

оружие держаше бердышъ. И укрепи Господь Бог того Суе-ту, и даде ему безстрашие и храбрость; и нудяше православ-ных христиан стати от бегства и глаголя: «Не убоимся, бра-тие, врагов Божиих, но вооружимся крепче на них!» И сеча-ше бердышем своим на обе страны врагов и удеръжеваа полк Лисовского Александра; и никто же против его стати не воз-може. Скоро же скакаше, яко рысь, и многих тогда вооруже-ных и во бронях уязви. Мнози же крепцыи оружицы ста-ша на него за срамоту и жестоце на него наступающе. Суе-та же сечаше на обе страны; не подающе же его¹ пешие люди, иже от бегства своего укрепившиися о надолобах. Беззакон-ный же Лисовской совашеся сюду и сюду, како бы что зло сотворити. И поворотився окаанный от того места вдоль по горе Красной х Косому Глиняному врагу на заводных Троиц-ких людей. Тогда же с слугою с Пимином с Теневым су-щии людие стаща крепко против врагов на пригорке у рву, бьющися с Литвою и с казаки. Видев же мало Троицкаго во-инства, злонаравный лютор Лисовской устремися жестоко на них, и смесившеся вси людие вместо Литовские и Троицкие, и бысть бой велик близ врага Глиняново. Врази же, боящися подсады, начяша отбегати. Троицкое же воинство помалу от-ходяще от Литовских людей и скрывшеся в Косой Глиняной враг; Александр же Лисовской хотя во отводе жива взяти слугу Пимина Тененева, Пимин же обратився на Александр и устреми его из лука в лице по левой скрании². Свирепый же Александр свалися с коня своего. Полчане же его ухва-тивше и отвезоша в Сопегин полк. Троицкое же воинство удариша изо множества оружия по ним и ту побиша много Литвы и казаков. Литва же видевши и скоро на бегство уст-ремишися врознь по Клемянтеевскому полю. Сердца же кро-вию у многих закипеша по Лисовском и на месть паки мнози воздвигнушися за нь, яко лютыя волцы, Литовския воево-ды князь Юрьи Горский да Иван Тишкеевичъ, да рохмистр Сума со многими гусары и желныри, и нападаоша на сотни-ка Силу Марина да на Троицких слуг, на Михайла да на Фе-

---

¹ Чтобы не предать его.

² Щеке.

дора Павловых, и на все Троицкое воинство. И бысть брань велика зело и люта. И сломльшии оружия емлющися друг за друга, ножи резахуся. И конечно отчаана та брань, понеже в Троицком воинстве немного конных и не во бронех, но покровени милостию Живоначальныя Троица и молитвами великих светил Сергия и Никона; помощию же их и заступлением многих вооруженных Поляков и Литвы побивающе. Слуга же Михайло Павлов виде князя Юрия Горскаго усты меча ядуща неповинных, к прочым от брани преста, ловляше самого воеводу и уби того князя Юрья Горскаго и з бахматом его примча под город мертва. Много же ту отместников Поляков за тело его погибоша и не исхитиша его от руку Михайлову. На том же бою мнози от Литовских людей видеша двою старцов мещущих на них плиты и едином вержением многих поражающе, камене же из недр емлюще, и не бе числа метанию их. От Поляков же выходцы о сем возвестиша в дому чудотворца. Такову же погибель видяще Поляки, яко князя Юрья лишился и иных храбрых своих растесанных лежащих, и, гонимы гневом Божиим, побегоша от Троицкого воинства. И тако разыдошася вси полци Сопегины и Лисовского. Троицкое же воинство внидоша во обитель с великою победою.

Глава 31

О ПОБИЕННЫХ У ДРОВ

По сем же окаании Лютори заведоша многие роты в Мишютинской враг в рощу, ведаху бо всегда исходящих из града в тое рощу дров ради з бережатаи¹, с конными и пешими людьми. По обычаю же вышедше из града многие люди в тое рощу ради дров; внезапно же нападоша на них прежереценнии они Литовские роты и Русские изменники. Троицкое же воинство и всякие осадные люди сотвориша с ними бой велик, и грех ради наших одолеша врази. И в той день уби-

---

¹ С охранниками.

ли Литовские люди Троицких всяких людей боле 40 человек и многих ранили, а инех в плен живых взяли. Тогда же взят бысть Троицкой служебник нарочит Наум оконничник. Пребысть же у Сопеги служа и до отшествия от Троицкого монастыря. И о сих во граде печаль бысть велика зело всем православным христианом.

Глава 32

О ИЗМЕНЕ КАЗНАЧЕА ИОСИФА ДЕВОЧКИНА

Обретает же диавол сосуд себе и научает гонити, яко же Саул Давида неповинно, или яко же телцу в пустыни поклонитися вместо Питающаго манною, или яко же Ирода неповинных младенец избити устрояет. Яко же не убоясь Июда давшаго власть немощным творити чудеса неизреченная, тако же не устрашися Иосиф дивных явлений богоносна мужа и уподобися оному еретику чернцу крыющу главу Предтечеву, да не славится о ней имя Господне. И ни во что же вменяет сказуемая тому от всех повсегдашняя заступления великого чудотворца Сергия, но неверием сый одержим и затыкает уши свои, яко аспид глухий и небрегий Преславнаго славити, ниже писанию предаати, но и хотящим неутаеннаа проповедати престати повелеваа и пользы ради к царствующему граду на утешение стражущим в скорбех восписовати пререкуа. От его же совета злаго старец Гурей Шишкин, саном диякон, весь бо яд, крыемый в нем, тому отрыгну, еже о предательстве дому чудотворца таканием¹ улаждався от Гурия и надежен на подручных, яко по забралом² ходя высоко, радовашеся и ждый в конец вещь злу произвести. Но яко же осел Валама обличает, тако и Гурей тайно лукавствуемая опроверзает; и яко же Ефесский Сина краснопевный не песньми, но мучительством возносится. Нетерпелив же в крепких явлься Иосиф, вся по-тонку умыш-

¹ Поддакиванием.

² Как по зубцам стен.

ленная изъявив. Страшно же бе слышати треснутиа думы Июдския. Не туне бо Оска Селевин отскочив, но и четырех невеглас¹ поселян тамо же предпослав за ним, и к совету Поляков весь уже отдался. Теми и инех немало прелсти. Его же лукавству другой воевода Алексей Голохвастов покровитель бысть и уже сослался нелестне со враги Пресвятыя Троица и нарек день, в он же хотя привести жатели бесовския на Божию пшеницу. Последнее же стрегий, да егда изыдут агньцы братися с волки, он же хотя за ними затворити врата ограды Христовы, и ту готову снедь отдаст зверем кровь пиющим; и инем же входом присрочив сынов еретических и отступников православия ввести в гору Господню и стерти бес памяти холмы святаго Израиля. Егда услышашася вся сицевая тайно крыемаа и от всех уст о ненадежных великий нашъ заступник возвеличен бысть, и с пророком вкупе глаголюще о сих: «аще не Господь сохранит град, всеу бдя стрегий», и «суетно спасение человеческо». Превыщша же хвалы человеческия суща невозможно кому восхвалити по достоинству, но разумеши овца невидимаго волка видимо отгонима, и радостным плачем в того крове веселяхуся всенадежно.

О смерти Иосифове

Ров же рый незлобивым и впадется не в яму, но в бездну мук и поноса, не от человек токмо, но и от Бога и прочым в наказание, да не дерзают з гонящими на Христа ратовати, но да претерпевают со Владыкою, яко же в мире, тако и в гонениях. Благаа бо от руки Господня приахом, злых ли не стерпим, на искус предложенных нам. И не хотяй волею с плачущимися плакати, той неволею от радующихся подсмеваем восплакася бесполезно. И по таковом злопредательстве всезлобный от незлобных вскоре на смерть не осудися, но дано бысть время тому на покаяние, иже недостойн сый жити едину черту².

Мнози убо злаго его совета утвержены крепости, писанием обличивше, на него предложиша; отмщение же Даай

---

¹ Неучей, простецов.

² И одно мгновение.

по правде низпосылает на него суд, яко же на Ирода; и по недуге тяжце жив червми изъяден бысть, и прежде возвращения в землю внутренняя проедена видяшеся. И от тайно надымаемаго сердца мыслями высокими на много пролитие крови, яко гнезда кипячу рогатыя плотоядцы. И нехотящаго Бога ради тружającychся помиловати, отирают братолюбне плачущеся, но и тии устрашающеся отскачют: диво бо во очию всех бываше. И кто не почюдится, такову муку зряй? Во един бо час червь мал, яко муха, ползя по плоти, возрасте с перст человек и рожцама естество тленно извертеваа. От ревения же того и вопля мнози, слышавше, сердца сокрушася и, плачуще, поникше отхождаху. Промышляющеи же о нем вси уступиша и смрада немогуще обоневати, затнувшие ноздри, далече отстояху. Кости же от опухнутия в связании составех видими бываху. Не презревшеи же моления того плачевнаго и рыдания и послужившеи в телеси потребных не на мал час зловонием посмраждахуся и, скаредствующе¹, пометахуся: от воздохновения его захватаху си уста и обоняние. И всяк глаголаше: «Во истинну от Господа поущение се». И тако зле скончася. И его же совета тайнодействиюмаго способник Гриша Брюшина тако же зле скончася: утроба ему разседася.

Глава 33

О ИЗМЕНЕ ДВОЮ СЫНОВ БОЯРСКИХ

Прельстиша же ся дети боярские Переславцы Петруша Ошушков да Степанко Лешуков, и на обычной выласки отскочыше от света во тму, и приложишася ко врагом Божиим, к Литве и к изменником; рекоша же сицеваа гетману Сапеге и лютору Лисовскому: «Что убо будет нам, аще поведаем вам да вскоре возможете обитель Сергиеву прияти без крови?» Начальницы же злобе обещавающеся великим

---

¹ Гнушаясь.

имением одарити их и первейших в славе вознести. Духу же диаволу теми усты действуему, рекоша: «Раскопайте, панове, берег пруда верхнево и преимите от труб воду; то убо от жажды вскоре людие изнемогут и неволею покорятся вашей храбрости».

Обрадовани же бывше волцы от лисиц лукавых, и брань от стен уставляют. Немедленно же промысл устроят и, закрывающиеся от града, дабы не видети тех творимаго умысла, хотение свое совершаху. Повелением же Александра Лисовскаго розрыша плотину верхнево пруда и пустиша воду в служень враг в речку Коншору. Но молитвами великаго Сергия чюдотворца немного истече тем раскопанным местом. Градстии же людие, дивящиеся тех престатию ратования, исходяще к тем раздражению; врази же в гоньбу не даахуся и непоступни же от мест беяху. Уже бо злодеи визнавшие градских людей наук, яко подсадою часто от них языки восхищают, и того ради крепце стрегущеся, да не увестся зло творимое ими.

Неции же охотники, изшедше нощию из града тихо и на сторожи литвина взявше, во град введоша; и все умышление врагов всем услышано бысть. И в той час всем народом докопавшеся до труб, введенных во обитель чюдотворца, и извертевше во многих местех; и абие вода прудоваа во град утече. Граждане же, паки изшедше из града, в тое ночь побивша всех сие зло деющих, Литву и Руских изменников, выпускающих воду. Воды же тоя нощи в монастыре пруды ископанныя наполнишася, и чрез монастырь протече вода на другую страну. И тако Литвы и изменников сий совет не збысться. На утрие же злодеи, узревше в пруде мало воды и своих избиенных, всплескавше руками.

О ином изменнице

В тое же ночь ин сын боярской совету тех же злодеев, иже зло сие умыслиша, и видя творимое в дому чюдотворца, и ужищем по стене спустился, текий скоро ко врагом с вестию. Его же злодействующа не попусти Господь, и ноги его десныя жилы от поясницы розорвашася, и начат лютые во-

пити окаанный. По его же гласу с стен слышавше и избегше, и взяша во град жива. От богопустных же язвы тоя в той час изверже душу свою.

Глава 34

О УМНОЖЕНИИ ВО ГРАДЕ БЕЗЗАКОНИА И НЕПРАВДЫ

Во время, в не же одержими беяху всеми злыми во обители чюдотворца, тогда вси плакахуся и рыдаху и зле сокрушахуся. Долготерпый же о нас Сотворивый вся, не хотяй смерти грешнику, но дааи время покаанию и призываа грешники во спасение, подаде во граде сущим во осаде отраду велику от руки оскорбляющих. Отступиша бо Литовские полцы и Руские изменницы далече от стен градных и к тому в своих жилищех в табарех пребывающе. Рвы же своя и ямы, ископанныя ими близь града, оставиша. Сущии же во граде воинские люди и народное множество по вся дни из града исходяще: ово прохладения ради от великиа тесноты, овогда же дров ради и измытия порт, иногда же на выласку к Польским и Литовским людем и к Русским изменником, и в сражениях с ними в повседневных здрави отхождаху во обитель чюдотворца; овогда же и победители над ними показовахуся, молитвами чюдотворец Сергия и Никона. Егда же мало отдохнуша от великих бед, тогда забыша Спасающаго их и не помянуша пророка, глаголюща: «Работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом». Дьявол же уразуме на ны просвещение лица Господня и тогда нудит нас от славы Божия отпасти, еже праздновати недуховно, но телесно, и торжествовати не в целомудрии, но в бестрашии, да тем Владыку в негодование на ся воздвигнем, яко же бо Ноя, тако и Лота пианством обруга, и Давида и Соломона в блудодейство низведе, и люди Израильтеския, сквозе Чермное море прошедшаа, чрез меру сытостию и игранием под землю низведе; тако и zde сотвори лукавый. Опоясующии бо ся мечем на радости часто

вхождаху утешатися сладкими меда, от них же породияхся блудныя беды. От повседневных же вылазок всех приходящих по победах и по крови пианством утешаху. От того же вся страсти телесныя возрастаху. На трапезе же братской иноцы и простию воду пиаху и воинствующих чин преста-ти моляху. Но вси о сем небрежаху. Еще же и се зло прило-жиши сребролюбственное. Тогда бо вси всегда питаеми от дому чюдотворца, взимающе бо хлебы по числу кождо на себе, овии на седмицу, инии же по вся дни, и отдающе сие на серебро. Сами же всегда в трапезе питахуся. Нужда же бе тогда иноком в хлебне монастырстей строящим¹, и не мо-жаху успевати на потребу ратным, и не имуще сна ни по-кая день и ночь; и всегда от жара пещнаго и от дыму куре-ния очи тем истекаху. Тако же и меливо зело нужно беаше. Людей убо множество, жернов же мало; не чааху бо людие на много сидению быти и легче седоша во осаду. И двана-десят гривен от мелива от четверти даяху, и мало вземлю-щих. В день бо всегда из града исхождаху, в ночь же о стра-жи градстей трезествоваху. И их же в плене имаху от Рус-ких изменников и от Поляков, тако же и от христианских жен и от служних работниц оставшихся и от прочих, те им мельцы беяху; но в нуждах осадных и тии помираху вборзе. Неправдствующих же во взятии хлебов монастырских отец Иасаф много о сем моляше. «Престаните, господие и бра-тие, — глаголаше, — от такового неразсуждения и просто-ты и не взимайте чрез потребу свою. А иже вземлющеи от вас, не истощевайте в пустошь, но со опасением соблюдай-те. Не вемы бо, господие, на колико протягнется сидения нашего во осаде. И вам же кая польза истощити напрас-но житницы чюдотворца?» И много о сем моляше. Они же о сем небрегше и вопреки глаголаху: «Велико ли вам, еже взимаем излишнее? И аще пороко² очима вашима, то пре-станем имати. Вы же с сопротивными, яко же хотите, да творите». И того ради умолчаше, рекше: «Да зрит се Сер-гий чюдотворец».

---

¹ Хозяйствующим.

² Зазорно.

И потом является чудотворец Сергей, об руку стоя Никона, от датошных людей двема Галицким казаком. И глагола им Никон чудотворец: «Се прииде великий Сергей!» Тии же зрят чудотворца, на посох поникша лицом, и глагола Никон има: «Возвестита всем во осаде сидящим. Се глаголет Сергей и Никон: что лукавствуете к нам несправедно и почто лишняя взявше отдаете на помет сребра¹ и на пианство? И что ругаетесь мучающимся у огня в пекарни? Или не смыслите сего, яко пот тех кровь снедаете? Внимайте же себе, яко обругани имате быти чревом и от него вси зле скончааетесь».

Тии же Галичане казаки всему воинству вся сия возвести-ста и с плачем моляста всех. И вси людие посмеяшася има и проплюваша глаголы их. Они же от того дни и до отшествия врагов в плачи и во унынии хожаста. Хлебом же преизобильна тогда обитель чудотворца; и аще и кровию дрова куповаху, но от пианства не престаху. Блуду же и прочим злым умножившимся всюду, увы, и того ради отчаание многим внимашеся; в ров убо глубок блуда впадоша вси от простых чадий даже и до священствующих. Увы! О горе, люте! О напасть, и беда, и зло лютейшее! Труды бес пользы, мучение без венца, пождание несовершенно! Терпение не до конца — аггелом слезы, Владыце — гнев, врагом — радость!

Да идем, ныне братие, тонких бесовских запинаний ко обличителю² и да услышим того к нам глаголюща сице: «Которым нравом и образом нашего друга свяжем? Прежде даже свяжем, разрешается, и прежде суда с ним примириваемся, и прежде утомления покоряемся. Како возненавидим, его же естеством любити обыкохом? Како свободимся, ему же во веки связахомся? Како упраздним иже с нами встающего? Како покажем нетленна, тленно приемше естество? Что благо рцем, иже благо приемшему изветы³? Аще свяжем воздер-

---

¹ Накопление серебра.

² «Обличителем тонких бесовских запинаний» Авраамий Палицын называет свт. Иоанна Златоуста.

³ Наветы.

жанием и осудим ближняго согрешающа, тому паки преда-
ни будем и сами в таажде впадем. Аще осуждати престанем,
то сего победим. Возвысившежеся сердцем низ сведени сим
от небес чистоты во ад страстей; и споспешник есть и рат-
ник нам и помощник и соперник и друг и наветник; и угодие
приемля, ратует; и истааем, изнемогает; и упокоеваем, без-
чинствует; и сокрушаем, нетерпит; аще опечалим, то в беде
есмы; а аще уязвим, не имеем с ким добродетели стяжати.
И его же отвращаемся, того и любим».

Что се, еже о нас таинство? Како себе врази и дру-
зи есмы? О сем же да внимаем себе, како невоздержан-
ния ради начаяща людие вси во ислание сходити. И день
от дне мор начят множитися в дому чюдотворца. Благаго
же и неизменнаго Владыки благой верный раб неотступ-
но о душах промысляя, давшихся ему. По обычаю убо сво-
ему Поляки, и Литва и с Рускими изменники устроивше-
ся, к стенам обители святаго ударяются. Внезапному же
возшумению бывшу, и мужие оружныцы к сопротивным
исходят; и недоведомаго ради приближения врагов руце
правоверным трясущеся, и лица тем изменяхуся. Исходя-
щей же с сомнением зрят противу себе борзо шествующа,
иже на вратех от церкви святаго чюдотворца Сергия, стар-
ца святолепна и сединами совершена и глаголюща к ним:
«Что трепещете? Аще и никто же от вас не останется, не
имать предати Бог святаго места сего, и не будет услыша-
но во вразех, яко «пленихом обитель Пресвятыя Троица».
Мужайтесь, не ужасайтесь. Рцете же друг другу вси, яко не-
чисто живущей во святем месте сем погибнут. Не нечисты-
ми Господь спасет место сие, но имени своего ради без ору-
жиа избавит!»

И невидим бысть.

И разумеша людие самого чюдотворца. Сие же явле-
ние всем услышано бысть о сем. Но кто избавит человека
от смерти телесныя и душевныя? Колико и сам Господь уча
люди Еврейския, но не послушаша и до конца погибоша.
Тако же и zde бысть не слушающим начальников свята-
го места сего.

О МОРУ НА ЛЮДИ

Ноября же от 17 дни явлься мор в людех и протяжеса до пришествия Давида Жеребцова. Образ же тоя болезни в нужных¹ осадах ведом, юже нарекоша врачево цынга. Тесноты бо ради и недостатков сия случаются, наипаче же от вод скверных, неимущих теплых зелий и корений поядających ражающиййся гной во утробах, и неимущих водок житных распухневаху от ног даже и до главы; и зубы тем исторгахуся и смрад зловонен изо устну исхождаше; руце же и нозе корчахуся, жилам сводимым внутрь и вне юду от язв кипящих; и теплиц неимущим в пособ сим телеса острупляхуся; и желудку необыкшу к нерастворению приатия затворяющуся, и непрестанен понос изнемогшим до конца и немогущим от места на место преити, ни предвигнутися. И согниваху телеса их от кала измету и проядаше скверна даже до костей; и черви велицы гмизяху². И не бе служащих у многих ни жажду утолити, ни алчующих накормити, ни гнойным струпом пластыря приложити, ни превратити на страну, ни червиа отмыти, ни отгнати скот стужающий, ни вон извести прохладитися, ни подъяти, еже бы мало посидети, ни уста пропарити, ни лице ни руце умыти, ни от очию праха оттерти. А иже еще воздвижущеи руце, и тии уста и очи нечистотою оскверневаху и прежде смерти от стуку и от ветр и от движений всяких мнози прахом посыпаны бышя. И не бе познавати тех в вид зрака³. Имущей же сребро или инья вещи и отдааху на купование нуж потребных ястия и пития. И колико на потребу, толико и за службу; и со слезами моляще таковых, но всякому до себе прииде, о прочих же не брежаху. И аще бы не истожили житниц дому чудотворца

¹ Трудных.

² Кишели.

³ И нельзя было узнать их по виду.

и погребов не испразднили, то и вси бы измерли во второе лето во осаде сидяще.

И тогда бе не едина беда и зло: внеюду — мечь, внутрь же юду — смерть. И не ведуще же, что сотворити: или мертвых погребати, или стен градских соблюдать; или с любовными своими разставатися, или со враги польма¹ разсекатися; или очи родителем целовати, или своя зеницы на извертение² предаати. И неимущей сродная крове, и тии от стен градных не исхождаху, но ту смерти от противных ожидаху, и един путь к смерти, глаголюще, отвсюду. И едином токмо утешающесе ко врагом храбрым ратоборством, и друг друга на смерть поощряху, глаголюще: «Се, господие и братие, не род ли нашъ и друзи погребаются, но и нам по них тамо же ити. И аще не умрем ныне о правде и о истинне, и потом всяко умрем же без пользы и не Бога ради».

И таковыми всеми злыми объяти бывше вси; и сперва убо по двадесяти и по тридесяти, и потом по пятидесяти и по сту умираху во един день; и умножися смерть в людех, и друг от друга от духу умираху; и великий храм Пресвятыя Богородица честнаго и славнаго Ея Успения по вся дни мертвых наполняшесе.

От могил же исперва по рублю за выкоп емлюще, и потом по два и по три, та же и по четыре и по пяти дааху, но не бе кому уже приимати, ни копати; и во едину могилу и яму погребяху по десяти и по двадесяти, и двоицею сугубо, и вяще. И чотыредесять дней бе мрак темен и смрад зол. И идеже изношаху мертвых, и за ними плачущихся сонмы хождаху, от утра и до вечера бяше погребение мертвым; и не бе покоя, ни сна, ни во дни, ни в нощи, не токмо больным, но и здоровым. Овы убо над умирающими плачуще, ови же над износимыми, инии над погребаемыми, и множество полк, каждо где стояще, плакахуся. И от непокойна сна, аки шальны хождаху вси.

---

¹ Надвое.

² Выкалывание.

И престаившися тогда братии старых во обители 297 братьев, а новопостригшихся тогда боле 500. Чин же священнический до конца изнеможе от многого труда больных и умерших и умирающих. И очи иереом отяготени бысте, и держаще их силою над немощными. И тако вси иереи скончаша же ся, и мало от священнаго чина на возвешение токмо оставшися. И воинствующих чин уже начят изнемогати. И мали нещии от смертнаго часа избавлени бышя, и многы сироты, девы, и вдовицы, и отрочата оставшися; а ими же мощно всяко промысл строити, тии помрошя; не к пользе же кои, но на хлеб едоки, оставшися. И тии оздравливающися в претыкание бяху великого греха. И бе же тогда зол смрад, не токмо в келиах, но и по всему монастырю, и в службах и во святых церквах: ово от немощных человек, ово же и от скот умирающих; всяко бо животно не призираемо, и растерзавхуся междо собою. И водотечныя трубы дождя ради и грязи костьми животных даже доселе зарушишися. И боле ста возов всяких порт изо обители извезше и в ров ввергше, дающе же от воза по полутора рубля, но мало взямающих вший ради и червей и смрада ради злаго. И сиа вся вне обители с нужею извезше сожигашу. И всех у Живоначальной Троицы во осаде померло старцов и ратных людей побито и померло своею смертью от осадные немощи слуг, и служебников, и стрелцов, и казаков, и пушкарей, и затинщиков¹, и Галичан, и датошных и служних людей 2125 человек кроме женьска полу и недорослей и маломощных и старых.

Глава 36

О ПОСЛАНИИ К ЦАРЮ ВАСИЛИЮ С МОЛЕНИЕМ

Воеводы же, видяще толик гнев от Бога належащий во обители чудотворца, неведуще, что сотворити, понеже неотступно бысть врагов обстоание и ратующе град непрестааху,

---

¹ Затинщик — стрелок у затинной (стоящей за крепостной стеной) пищали.

во обители же от множества воинских людей мало число оставшеся, и ни откуда помощи чающе; и престаху исходити из града противу ратных во много время.

И о сем велика бысть радость врагом, Литовским людем и Руским изменником; видяще бо всегда погребаемых и слышаще плачь велик во граде о умирающих. Ови же на древие восходяще высоко с Терентиевские рощи сматряху во град и радовахуся о погибели христианстей и веселяхуся и дерзостни быша на брань; и близ стен градных прискачуще, на брань зовуще поносными глаголы, аки камением мещуще на граждан. Извнутри же града о сицевых в недоумении быша. И тако, советовавше со архимаритом Иасафом и з старцы, посылают к царствующему граду х келарю Авраамью. Старец же, во отписках о обители видеви, ужасеся и напредь хотящая не на добро збытися разуме¹ и все предложив пред царя, да разсудит праведное; и моляше всегда, да не одолеют врази дому чюдотворца. Скипетроносец же словом даа, делом же не производя, понеже велика беда царствующий град тогда обдержа.

Старец же бояшеся напредь злу уже содеятися и совершенное оскудение людми дому святаго все изъявляя. И еще самодержець дньи притязует скорби и пождания и по входех и исходех к молению старца не прекланяяся; кровь бо всегда пред стенами царствующаго града лияшеся. Келарь же братию царевых моляше, но и теми ничто же бысть полезных. И потом патриарха и всю полату царскую подвиже, показуя тем пишемаа от обители, яко по месячном времени конец будет от нуж прискорбных граду.

Патриарх же со всем освященным собором молят царя, глаголюще ему: «Аще, царю, взята будет обитель преподобнаго, то и весь предел Росийский до Окиана моря погибнет; конечно же Москве теснота будет». И едва на слезы келаря преклонися. И в помощь посла атамана Сухана Останкова, а с ним казаков 60 человек, да зелиа 20 пудов; а келарь Аврамей отпустил Троицких слуг 20 человек, Никифора Есипова с товарищи.

---

¹ И понял, что впереди ждет недоброе.

О УТЕШЕНИИ ЧЮДОТВОРЦА ЯВЛЕНИЕМ ИЛИНАРХУ

И иже утешая в скорбех великий чудотворец Сергей паки является пономарю Илинарху и глагола ему: «Рцы братии и всем страждущим во осаде, почто унывают и ропшут на держащих скипетр. Аз неотступно молю Христа Бога моего. А о людех не скорбите, людей к вам царь Василий пришлет».

И по малех днех посланнии от царя Василиа проидоша сквозе Литовския полки, прежереченный атаман Сухан с товарищи и с слугами Троицкими, покровени молитвами чудотворца; и ничем же вредими от противных здрави во обитель чудотворца пришедше. Токмо четырех казаков его ухватиша. Лисовской же повеле их казнити против града Сергиева монастыря. Воеводы же, князь Григорей да Алексей, против тех четырех казаков повелевшие вывести Литовских полоняников и казнити на горе старой токарни над врагом 42 человека, а казаков против Лисовскаго табару верхнево пруда на взгорке 19 человек. Сего же ради Литва и казаки Лисовского приидоша убити, и избави его от смерти Сапега.

О сем же злии ратоборцы острейши наостряют оружия, и злейши тем разъяряющеся сердца; и ночь тем, яко день, бываше, и друг друга возбужаху и стрежаху толико крепче, яко никакже прополсти сквозе их возможно. И боязнь их велика обдержаше о проходе Суханове, и стрежаху, друг друга держаще, дабы никакова вестника ни от града ни во град не пропустити. Во осаде же печаль на печаль и скорбь на скорбь возлагашеся, и братиам всем во обители лица на землю преклонше, унынием одолевашуся, болезнем же и смерти во граде люте належащи. Возрадовавше же ся мало о пришествии слуг и казаков, но и тии мало-по-малу начаша изнемогати и умираху. И мало сущи число остающиеся их; и бысть во граде скорбь велика, утешения же отовсюду не обретаху; токмо имущее утешение милость Божию и чудотворца молитвы.

Глава 38

О ЯВЛЕНИИ НИКОНА ЧЮДОТВОРЦА

Еще гневу Божию не преставшу и многим скорбию немощи одержимым, во едину от ноций во сне является великий чудотворец Никон понамарю Илинарху, глаголя сице: «Повеждь болящим людем: се падет снег во сию нощь, и хотящей исцеление получитьи да трутся тем новопадшим снегом! Рцы же всем людем, яко Никон сказа се!» Илинарх же воспрянув трепетен и наутрии поведа всем людем. И по глаголу чудотворца Никона паде нов снег; и иже веру сему емшей и тем снегом тершеся, и от тех мнози здравие получиша.

Глава 39

О НЕВЕДОМОМ ПЕНИИ В ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТЫА БОГОРОДИЦА

Стрегущим некогда на церкви Духа Пресвятаго Сошестви и спящим в пременении, един же стрежаше по обычаю и обзираше всюду, да не явится от коея страны ко граду внезапное пришествие врагов. И се слышит внезапно многих гласы поющих, мужеския и отроческия. Он же смотряше всюду, где поют, и разслыша воспевающих в храме велицем Пресвятыа Богородица честнаго и славнаго Ея Успения. Той же сторож и прочих возбуди, да не соблазнится о сих. Неции же от них реша, яко по умерших пение се, всегда бо храм полн быше мертвых отпеваемых. Паки же глаголаше, яко никогда же нощю с вечера не отпевают умерших. Или утреннее пение начатся; но не у приспе время утренняго пения. И глаголюще: «Еда некоея ради вещи собравшеся людие, и молебнаа исправляют; но не по чину молебнов гласы исходят. И ни тако, яко же иноцы или яко же мирстии, но зело красно и множество поющих немолчно и безпрестанно и гласы громны». Та же рекше к себе: «Шедше да уемы известнее». И текше до

дверей церковных к храму Пресвятыя Богородица, и гласу не бысть. И усумневшеся, борзо отидоша ко оставшимся на сторожи и снизу к высоте воскликнувшие на храме стоящим, глаголюще: «Се вси соблазнихомся: несть пения и никакова гласа в церкви Успения Пресвятыя Богородица!» И долу стоящей ужасавшися, гласы бо пения паки слышахуся им. Тии же с высоты глаголюще: «Что смущаете нас? Се не гласы ли пения еще суть? И егда снидосте от нас, а пение гласов не преста!» Снидоста же и тии с высоты и на глас идоста и пение слышаху. Пришедше же к дверем церковным, и ничто же не слышаша. И возвратившеся реша: «Не туне пение се, братие!» Егда же отидоша, паки слышаша пение; и шедше, возвестиша о сем воеводе. И вскоре мнози пришедше, и не слышаша никакова гласа, ни шума. И ужас многих объят о сем. Та же по обычаю ко утрени почаша благовестити.

Глава 40

О ЗАСЫЛКЕ ОТ ПАНОВ ТРУБАЧЕЯ ПАНА МАРТЬЯША

Видяще же врази, яко не успевае совет их лукавый, но разрушается. Тем же и мнози многожды с лестию приеждяще и творящиеся приятельствующе и многожды сказующе деемаа и умышляемаа ими, и истинно безо лжи тако бываше по их скаске. И немощни и от пианства просяще опохмелитися, Троицкое же воинство сия возвещающе архимариту и воеводам; и повелением их приемше от чашника с погребамеду, и исхождаху к паном с питием, дабы кого чим уловити от них. Они же пивше и отхождаху. Иногда же неции от них, вино принесше, меду прошаху на него. И такова дружба без беды не бываше, обоим обманывающимся людям: или убо кого возьмут в языки, или убьют.

Сопеге же окаанному беаше трубачей лютор, Мартьяшъ имянем, зело верен; и той, укреплен от Сопеге, посылается с похмелными ко обители чудотворца, опохмелитися просити меду. И по обычею лщения ят бысть и приведен во обитель святую; готов враг сам сый вдадеся. Приведе-

ну же бывшу к воеводам, и по научению Сопеги поведи за собою добрыя речи и годны всем во осаде. И того ради не бысть убиен. И по днех приходящих вся збывахуся по его речем. И впредь инаа каа речет, то вся збывахуся. Извести же о себе, яко и грамоте Польской горазд и переводити писание добре свесть. О сем угоден бысть воеводам. И поносяще зле емлемым во языцех и ругаася вере своей, аки нелицемерно. Входя же и исходя пред воеводою, начат же на выласки исходити; и служа нелицемерно, бьяшеся крепко и от всех почитаем и любим беаше. И ходя с воеводами по граду и в башнях, и к пушкам, и к пищалем, прицелей смотряше и праве прицели устраяше, и много пакости Литовским людем и Руским изменником от него бываше; и въпреки многажды с воеводы глаголаше, и на его словесех сбывашеся. Аще ли же когда кто ослушается его, то зло случашеся. Воевода же, князь Григорей, яко родителя своего почиташе и во единой храмине почиваше с ним; и ризами светлыми одаян бысть, и не бе слышати о нем слова лукава; и мнози правдодеания его ради стыдяхуся его. И всяко недобро творимое о промыслератном извещаше князю и, паки зело скорбя, лицемерствоваше. И уже начят князь и ношью посылати его досматривати стражбы и никогда солга воеводе ни в чем.

О немее и глухе пане, како обличитого Мартыяша измену

По нем же и другой пан предадеся, нем сый и глух, его же паны Мартыашем же нарицаху. И той Мартыаш зело яростен и силен бе и послужи в дому Пресвятыя Троица, яко же истиннии христиане. Толико же знаменит бе в Поляках и во изменницах, яко и храбрии не смеюще на нь наступати. Неции же, именем его страшаще, прогоняху нечистивых, и пешь коннаго не бояшеся. Глухоты же ради своя на боех вертящеся и обзираася, дабы не убиенну быти откуду. На приступех же никто же поспешен таков явися камением метати, яко же сей немко; аще ли же оружием когда бияся, то жилы рук его скорчевяхуся и едва разводящася, и не могий в руку своею держати ничто же. Се же дивно беаше, яко нем сый и глух, но како разуме о велицем богоносном отце нашем Сер-

гии: приходяще бо к церкви Пресвятыя Троица и не дерзаа входить в святую церковь, но против гробу чудотворца едину половину двери отворяя и воздеваа руце и немуга вельми с плачем, и ударяшеся о помост пред церковию. Неведомо, по явлению или от смерти бегаа предася, или просто случаем, един се Господь весть. Той же Мартыашь немко вместо глагола рукама розводя и немуга, указуя персты о вещи какой, или о деле творимом, или человека, или животно сказуа, персты же начертаа. И близ бе воевод, и все разумеваху воеводы указание его в немовании.

Сима же двема Литвяком случися быти на обеде у слуги Пимена Тененева; и по обеде начаша играти тонцы¹; во играннии же том отскочи той немко пан от Мартыаша и нача зубы скрежетати нань и плюваше к нему. Той же Литвяк, очима на нь недобре позрев, и искочи скоро вон. Прилучшии же ся ту не разумеша между има бывшего. Немко же скоро побежа ко князю Григорию Борисовичю и прискочив слезен² и ударися чрез обычай пред ним и начертаа рукама взяти того пана повелеваа. Князь же истяза вины на нь, он же по кулаку кулаком биаше и хватая рукама стены келейныя и на церкви и на службы монастырьския и на стены градския указуа и начертая на воздух всему взметнутым быти; и воеводам указуя посеченым быти и всем во обители сожженным быти. Сиа же князь разуме от него, и Мартыаша сохраняшася поимаша и многими муками и огнем едва доведашася.

И поведа той окаанный Мартыашь всю измену свою. Хотя бо злодей у пушек иззавити затравы³, а порох прижещи; и еще сказа, яко и нощию с паны под стену приходящими часто беседоваше, единым словом разум тем подавая и на стрелах грамоты тем низпуская. В ночь же ту окаанный хотяше Поляков на стену немногих впустити с ними же пакость содеяти наряду и зелию, а прочим присрочил к приступу готовым быти. Но всецедрый Господь Бог наш не нас ради окаанных, но имени своего ради святого и за мо-

---

¹ Водить танки. Танок — хоровод, игровая пляска.

² В слезах.

³ Позабивать запалы.

литв угодников своих Сергия и Никона от такового тайного умышления избави нас. И воспевше тогда вси благодарственные песни всех Защитителю и Господу Богу и Его угодником Сергию и Никону чудотворцем.

Той же пан немко, не вемы что ради, изменил, отиде в Литовския полки; или сего ради, яко обойдоша его на нижнем огороде пешие Руские изменники; он же виде, яко убиенну быти ему от них, замомотовав¹ и шапкою махаа, предася к ним. Они же ограбиша его; беша бо на нем ризы прежепомянутого Мартыяша трубача. И пребысть в станех Литовских неколико дней, паки возвратися к дому чудотворца и паче прежняго ратоваше по христианех на Литву и на изменники Руские.

Глава 41

О СЛУГЕ АНАНИИ СЕЛЕВИНЕ

Охрабри же тогда великий чудотворец Сергей во осаде слугу Ананию Селевина. Егда уже во обители чудотворца храбри и крепции мужие падоша, овии убо острием меча от иноверных, инии же во граде прежереченною ценгою помроша. Той же Анания мужествен бе: 16 языков нарочитых во осад тогда сущий во град приведе, и никто же от сильных Поляков и Руских изменников смеюще наступати на нь, но издалече ловяще из оружия убить; вси бо знааху его и от прочих отлучающесе на того ополчевахуся, и по коне его мнози знающе. Толик бо скор конь той, яко из среды полков Литовских утекаше, и не можаху постигнутьи его. И с вышепомянутым немком во исходех на бранех часто исхождаху. Той бо немко всегда с ним пешь на брань исхождаше, и роту копейных Поляков они же два с луки вспять возвращаху. Александр же Лисовский, некогда виде того Ананию ратующа против себе, и выйде против его, хотя его убить. Анания же борзо ударив конь свой и пострели Лисовского из лука в ви-

---

¹ Замялив, замычав.

сок левой, с ухом прострелив, и опроверже его долу, сам же утече из среды полков казачьих: бе бо из лука горазд, тако же и из самопала. Прилучижеся тому Анании чернь отимати от Поляков в прутии¹, и от двою рот отторгаему уже от дружины его, и бегающе избавитися. Немко же во пнех скрывся и зряше нестроения Анании; имеяше же лук в руку и колчан велик стрел; и изсочив, яко рысь, и стреляюще по Литвяках и бияшеся зле. Литвяки же обратившеся на Немка, и абие Ананиа исторжеся к нему, и вкупе стаща. И многих поранивше самех и бахматов, и отидоша здравы, токмо конь под Ананиею раниша. Поляки же едино советовавше, да убьют коня под Ананьею; вси бо ведяще, яко жива его не взяти. Егда же исхождаше Ананиа на брань, то вси по коне стреляюще. И тако на многих выласках конь его шестию ранен бысть, и в седьмой смерти предан бысть. И начат Ананиа охудатися² на бранех. Потом же Ананию раниша ис пищаля по нозе, по большому персту, и всю плюсну раздробиша; и опухну вся нога его, но еще крепче ратовашеся. И по седми днех по той же нозе по колену ранен бысть. И тако крепкий муж возвратися вспять. И отече нога его до пояса, и по днех малех скончася ко Господу.

О московском стрельце Нехорошке и о Никифоре Шилове

Пришедшу Александру Лисовскому с полком своим на вылазныя люди и ядущу усты меча, яко волку агньцы³, в тех же гонимых Московской стрелец, именем Нехорошко, с ним же Клемянтеевской крестьянин Никифор Шилов. И видевши Лисовскаго вооружена зело броньми, копие же в руку свою имея, и разгарающеся оба сердцем, страшающе же ся люто-сти его. И возревше на храм Пресвятыя Троица, призывающе на помощь великаго Сергия чудотворца, иссочше на ме-

¹ В лозняке.

² Ослабевать.

³ Когда Александр Лисовский с полком своим пошел на вылазных (совершивших вылазку) людей и поедал их устами меча, как волк агн-
нят.

ринех своих: Никифор Шилов уби под Лисовским бахмата, Нехорошко же удари его копием в бедро. Отъяты же бывше от казаков Троицким воинством и от многих противных не-вредими бышя молитвами великаго чудотворца Сергия. Той же Никифор Шилов и Нехорошко ведомы бойцы бешя, на многих выласках объявляющеся, бьющеся крепко.

Глава 42

О ПРИХОДЕ ВО ОБИТЕЛЬ СХОДНИКОВ¹ КАМЕНОСЕЧЦОВ З ГРАМОТЫ ОТ КЕЛАРЯ АВРАМИА

Месяца майа 7 день в четвертом часу ночи пришли в Троицкой Сергиев монастырь сходницы Троицкие каменисечцы Шулешь Шпаников да Гаранька, присланы с Москвы з грамотами от келаря старца Авраамия Палицына. А пишет в грамотах архимариту Иасафу з братьею и государевым воеводам и к воинству и ко всем осадным людем, православному христианству, чтобы попомнили крестное целование, стояли бы против неверных крепко и непоколебимо, жили бы неоплошно, берегли бы ся от Литовских людей накрепко.

Глава 43

О ОСВЕЩЕНИИ ХРАМА НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА И О ОБЛЕГЧЕНИИ МОРА И БОЛЕЗНЕЙ

На память же святого и всехвальнаго апостола и евангелиста Иоанна Богослова, месяца майа в 8 день, архимарит Иасаф и воеводы приговорили в храме Пресвятыя Богородица честнаго Ея Успения в пределе освящати храм во имя иже во святых отца нашего Николы чудотворца, в праздник его, майа в 9 день, еже и сотвориши в славу в Троици славимо-

---

¹ Отходников — ушедших на отхожий промысел.

му Богу. И от того дьне дарова Господь Бог нашъ православнымъ христианомъ милость свою. И мнози болныя начаша от недугъ своихъ оздравлявати, благодаряще Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа; тако же и Всенепорочней Владычице Богородице благодарственныя песни возсылающе и восхваляюще святаго и великого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и великого архиереа чудотворца Николу, и светильникъ великихъ Росийскихъ, Сергия и Никона чудотворцовъ, яко святыхъ ради молитвъ ихъ исцеление бысть болезнемъ злымъ и облегчение. И смертоноsie отъ того же дьне почася въ людехъ преставати; оставшии же ся отъ смертоноsia здравии, по вся дньи исходяще изъ града на брань къ Литовскимъ людямъ, и бяхуся со усердиемъ; и милость Господня помогаа имъ.

Глава 44

О ВТОРОМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ

Месяца маиа в 27 день паки в Сопегиныхъ табарехъ и Лисовского бысть шумъ великъ, играюще во многия игры и до полудни. С полудни же начаша Литовския люди подъезжати подъ градъ, сматряюще стенъ и часто позирающе¹. Тако же начаша готовити места, гдѣ быти пушкамъ ихъ и пищалемъ; и скачюще на бахматехъ, машуще мечи своими на градъ, яко грозяще. Къ вечеру же начаша скакати конные многіе люди, и з знамены по всемъ полямъ Клемяньтеевскимъ. По семъ же и Сопега вышелъ со многими полки вооруженными, и паки скрышася въ табары своя. Оставшее же ся Троицкое воинство, видяще на градъ лукавое позирание, уразумеша лютый советъ ихъ къ пролиту крови и непщевыху быти приступу.

И тако готовящеся на брань, беша бо мали числомъ суще; и готовяху на стенахъ варъ с каломъ, смолу, каменіе и прочее, иже къ тому времени пристрояюще, и подошевной бой очистиша. И егда бысть вечеръ уже, окааннии же Литовскіе люди и Рускіе изменники лукавствующе, хотяще къ стенамъ

---

¹ Оглядывая.

градным приити тайно и ползающе, аки змиа по земли молком¹, везяху приступныя козни: щиты рубленые, и лестницы, и туры, и стенобитныя хитрости. Градстии же людие вси възыдоша на стены, мужеска полу и женска, и, такожде западше, ждаху приступу. И абие с Красныя горы възгремеша из огненово верховаго наряду; и тако воскричавше, все множество Литовских людей и Руских изменников и устремишася на град со всех стран с лестницы, и щиты, и с тарасы, и со иными козньми стенобитными. И заиграша во многия игры, начаша приступати ко граду всеми силами, всякими делы и хитростями: мняху бо окааннии во един час похитити град; ведяще же во граде зело мало людей, и тии суть немощни, и сего ради крепце належаху на град.

Но благодатию Божиею подкрепляемо Троицкое воинство бияхуса с стен градных крепко и мужественно. Литва же тщащеся вскоре на град взыти и придвигнуша щиты на колесех и лестницы многия, и нуждахуса силою приставити и взыти на стены; христолюбивое же воинство и вси людие градстии не дающе им щитов и тарасов придвинуги и лестниц присланивати, бьюще ис подошевново бою изо многих пушек и пищалей, и в окна колюще, и камене мещуще, и вар с калом льюще; и серу, и смолу зажигающе метяху, и известью засыпающе скверныя их очеса; и тако бьющеся чрез всю ночь. Архимарит же Иасаф со всем освященным собором вниде в храм Пресвятыя Троица, молящеся Всещедрому в Троицы славимому Богу и Пречистой Богородици и великим чюдотворцом Сергию и Никону о избавлении града и о помощи над враги. Егда же бысть день, видяще окаании, яко не успеша ничто же, но паче своих множество изгубиша, начаша с стыдом отступати от града. Градстии же людие вскоре отвориша град, овии же, с стен скочивше, учиниша выласку на оставшихся ту Литовских людей у стенобитных хитростей своих; инии же во рвех бродяще и не могуще изыти.

И тако тех многих побили, а живых взяли панов и Руских изменников 30 человек. И повелеша им в жерновы иг-

---

¹ Молчком.

рати¹; и тако работающе на братию и на все Троицкое воинство и до отшествия врагов от града. И милостию Пребезначальная Троица и заступлением Пречистой Богоматере и молитв ради великих чудотворцов Сергия и Никона побишя тогда множество приступных людей, и тарасы их, и щиты, и лестницы, и прочия козни взявше, во град внесоша. Сами же вси здравы отшедше, яко победители над враги показашся.

Глава 45

О ЗАСТУПЛЕНИИ БОЖИИ, КАКО ГОСПОДЬ НЕМОЩНЫХ УКРЕПИ ПРОТИВО СОПОСТАТ

По оскудении же всего чина воинского и еще тою злою болезнию мнози скончевающеся, зряще же остающии, не ведуще, что сотворити или смыслити противу толика множества врагов обстоящих их; и яко воду морскую всюду зрят облиавшуся во округ Сергиева корабля, надеюще же ся на доброго кормьчику, на молитвы чудотворца и разумеша в руку его держимо кормило оставших душ ко спасению.

И к тому, не надеющеся на князя ни на сыны человеческия, в них же бо не бысть спасения, и прочаа. И уже бо простири вземлют оружия, аки весла, и готовятся к великим волнам разсечению и исходят противу храбрых ратоборець растесанию. И разумеша вси чудотворца молитвы и поспех², и уже нази не боятся блещащихся доспех. И хотящеи дом Пресвятыя Троица гордостно низложити осадою, всегда обогряеми кровьюми бегают от немощных низлагаеми подсадою. И ждущей приати различныя муки, в руки своя прияха крепкия луки. И лениви быша к жерновом востающей мельцы, внезапно быша на сопротивных удалые стрельцы. Не часто уже ударяются к стенам носящей на главах шлемы, смерти бо ищущей во очеса тем верзающеся, яко пчелы; к язвам же сынове беззаконнии всегда суть терпки, но зверски низлагаются кормящимися серпы.

---

¹ Молоть в жерновах.

² Поспешение.

Что много глаголю? Толико Бог охрабри оставшихся сидельцов Троицких на противных; не тако бо сопротивнии исперва боящися приходити близ града и ратовати его, егда бысть во граде множество всякого чина воинского и мужей ратоборцев, яко же боящися последних малым числом сущих невежд. И яко же спасе Бог Авраама и Гедееона и град Иерусалим от руку Асириян не силою, ни броньми, ни твердыми стенами, но мышцею своею, тако же и дом Пресвятого Имени своего не крепкими, но немощными, не мудрыми, но простыми, не множайшими, но малейшими. И за гнев мало порази, но за милость много возлюбил, яко же впреди явлено будет¹.

Глава 46

О ТРЕТЬЕМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ И О ОБМАНКЕ НАД ТРОИЦКИМИ СИДЕЛЬЦИ

Ждуще же, иже во осаде сидящей в Троицком Сергиевом монастыре, князя Михайла Васильевича Скопина. И се

---

¹ Эта глава — яркий пример словесного искусства Авраамия Палицына, одного из первых стихотворцев Древней Руси. Картина битвы «Сергиева корабля» с морем супостатов, насыщенная развернутыми метафорами и живыми сравнениями, излагается в шести двестишниках второго абзаца (рифмованные отрывки рассеяны и в других главах «Сказания»):

И разумеша вси чюдотворца молитвы и поспех,
и уже нази не боятся блещущихся доспех.

И хотящей дом Пресвятыя Троица гордостно низложити осадю,
всегда обогрями кровью бегают

от немощных низлагаеми подсадою.

И ждущей прияти различныя муки,
в руки своя прияха крепкия луки.

И лениви быша к жерновом востающей мельцы,
внезапу быша на сопротивных удалые стрельцы.

Не часто уже ударяются к стенам носящей на главах шлемы,
смерти бо ищущей во очеса тем верзающися, яко пчелы;
к язвам же сынове беззаконнии всегда суть терпки,
но зверски низлагаются кормящимися серпы.

известно бысть всем людем, яко собравшися вси вкупе от Тушинскаго ложнаго царика, и от Сопеги ис под Троицы, и из иных градов многие Поляки и Руские изменники и поидоша против князя Михаила и против Немецких людей. Богу же отмщающу кровь раб своих, вопиющих к Нему день и ночь, и тако всеоружных сотре Господь силою своею, и возвене о сем слух во всей Росии. И трезвы и вооружены Поляки на одрех почити возлегают и уже к тому другом своим, Руским изменником ни в чем не верят, и разделенныя дома и имениа оставляют, и плененых жен и девиц вся помешут; и в подарцех тех мнози не принимают, но вси ко брани оружия очищают, готовящися зверски к напитию крови. И оставляют ради задержания князь Михайлову воинству во градах надежных борзобегцов; сами же злейши от всего воинства отлучаются, изыскивающе, кто еще верен им от Руских изменников; и с теми совет укрепляют о сем, что, оставя прочаа грады, взяти Троицкой монастырь. И все пути к царствующему граду тем займутся, но смущающися о том, занеже множество их погибло под Троицким Сергиевым монастырем.

Но что творит вселукавый? Влагает мысль Руским сыновом от ближних градов, и о какове безумии прельстишися и советующе рекоша: «Аще убо стояще пребудем с Поляки вкупе на Москву и на Троицкой монастырь, то поместья наши не будут разорены». О прелести вражиа! Тленнаа имениа соблюдающе, нетленные же душы в вечныя муки отсылающе; богатство храняще, главы же своя не щадяще. И тако совокупльшися з Зборовским полком и с тушинскими Литовскими людьми и с Рускими изменники и от многих градов дворяне и дети боярские. И тако вси приидоша под Троицкой Сергиев монастырь и объявивше множество силы своя избранныя и множеством богатства своего хвалящися, играюще же во многия игры и посылающе ко обители чудотворца Руских людей простую чадь с вестию и научающе глаголати, что Немец и Руских людей побили и воевод поимали. А князь Михаил добил челом¹ на всей воли панской. И зовуще из града на зговор Михайло Салтыков, да Иван Грамотин

---

¹ Просил.

Троицких людей и сказываху, что и Москва уже покорилась, и царь Василей и з бояры у нас же в руках; тако же и дворяне с клятвою лжуще во едину речь с Поляки, и ни в чем же не разньствоваху, глаголюще: «Не мы ли быхом с Федором с Шереметевым? И се вси мы зде. И каа вам надежа на силу Понизовскую? Мы же познавше вечнаго своего государича, и сего ради верно служим ему. Царь же Дмитрей Ивановичь посла нас пред собою. Да еще ли ему не покоритесь, то сам за нами приидет со всеми Польскими и Литовскими людьями, и со князем Михайлом и с Федором Шереметевым и со всеми Рускими людьями. Тогда уже челобитья вашего не примем». И ина многая приежающе блядаху льстяще. Таковыми бо змиинными лестями многие грады прельстивше погубиша.

Милостию же Пресвятыя Троица не токмо умнии, но и простии не внимающе сему никакo же, но единими усты вси отвещеваху: «Господь с нами, и никто же на ны! Добро убо и красно лжете, но никто же иметь вам веры; и на ны же пришли, творите; мы же готови есмы к вам на брань. Аще бы есте сказали нам, что князь Михайло под Тверью бреги поровнял телесы вашими, и птицы и звери насыщаются мертвости вашей, то добре быхом веровали; ныне же, взявше оружиа, пронзем сердца друг другу и растешемся полма и разсечемся на части. И его же во вратех небесных оправдит Господь, той есть творяй и глаголяй правду».

Видевше же злии врази, яко не ишут Троицкие сидельцы живота, но смертнаго пиршества любезно желающе, и тако ко второму дни на приступ строятся. Пан же Зборовской, ругаася и понося Сопеге и Лисовскому и всем паном, глаголя: «Что бездельное ваше стояние под лукошком? Что то лукошко взяти, да ворон передавити? Се убо вы нерадением творите и хотите чернью збитою взяти». И уготовавше же ся сами к приступу, а чернь отослаша от себе, разве казакoв Лисовских; и положивше совет на сонных приити в ту же ночь, как пришел Зборовской от брани со князем Михайлом, и с ним прииде Лев Плещеев, да Федор Грыпунов. Глаголют бо, яко на ту ночь видеша Литовские люди с небе-

се велику звезду спадшу среди монастыря и разсыпашся от нея по всему монастырю огненные искры.

Бысть же сей приступ третий великий июля в 31 день, канон Господних заговен¹. Во обители же чюдотворца тогда здравых отнюдь боле двою сот человека не бяше. В ночь же ту, егда к приступу уготовашся Литовские люди и Русские изменники, тогда на воздухе луны, яко огонь, скакаху, и всю ночь от небесных звезд свет сияше великий, и яко видящися падаху над монастырем и въокруг монастыря. Троицкое же воинство и вси православнии христиане, мужи и жены, бьющися со враги чрез всю ночь беспрестанно, яко и на прежних приступах.

И ино же прежним подобно явление бысть, яко же прежде многим начальником кровопийцам во сне, и тии в суету сонную вмениша. Ныне же на уверение истинно не во сне, но на-яве показася текуща река. Но в то время о сем ни что же во обители чюдотворца уведено бысть, по престатии же ран праведных наказания от Господа и уже в покаянии с клятвами имени Божия истинно свидетельствовася сие.

Поведа Андрей, зовомый Болдырь, атаман казачей, и с сущими под ним казаки; и сии по обычаю своему готовящися к приступу и позападше² около прудов, ждуще времени; и се видят явно, яко течет река велми быстра между ими и монастырем, в волнах же сломленное великое колодие, и выскидие³, и лес мног несет и с корения же несет великое дровие, камень и песок из дна, яко горы велики восходяще. Бога же свидетеля представляя тому, яко видеша два старца сединами украшена, яко снегом, и кличущие с града ко всем, видящим сия, вопиа же гласом великим: «Всем вам бедным так плыти, что о себе не разсудите!» «Нам же друг з другом шепчущым: «Что ся вам видит и слышит, братие?» И вси единогласно друг ко другу глаголахом: «Се не привидение, но яве видим реку грозну текущу и страшно ломлющу дровеса и выскитие и камень мещущу из дна». И сия глаголю-

---

¹ Накануне Успенского поста, в день заговенья.

² Позалегли в укрытия.

³ Бурелом.

ще, на старца же вси зрехом вкупе. Ведуще же вси, яко несть меж нами и монастырем реки и несть древес великих, и на-
чахом вси скорбети глаголюще: «Се знамение всем нам быти побитым». И еще слышахом глас глаголющ многих по граду: «Ложитесь спать, несть убо и не будет ничто же». И мед-
лящим нам в совете, и не видехом реки, и все бысть, аки и прежде. И егда хотехом бежати, и внезапно поидоша со всех стран к приступу; и мы убо, аки связаны и гонимы, идохом к смерти и не удержавшеся с прочими двигнувшеся. И слы-
шахом, з города прежде дважды или всего трижды стрели-
ша, и за измену нашу вражю с сторону нашу много побитых обретшеся, а неведомо, хто их побил. И стремглав вспять неустройно вси мещущеся, от приступа того разбегошася, и к тому прочее на приступы не приложиша приходити. На стене же градстей едину жонку убиша и никого же, кроме ея, не раниша.

Зборовской же избранное воинство оружных людей многих изгуби. Его же слезна зряще, Сопега и Лисовской с своими воинствы подсмеваху: «Что ради не одолел еси лукошку? Исправися еще, толик еси храбр, не посрами нас; разори, шед, лукошко сие, учини славу вечную королевству Польскому. Нам не за обычай приступы; ты премудр, промышлай собою и нами». И их же сия от видевших нас остави Господь на покаяние¹ и на обличение самем себе. Аз же Андрей с ними всегда плакахомся и размышляюще, да не како живых нас пожрет земля. И улучивше время, тай отбегохом.

Глава 47

О ОТЧААНИИ ПОМОЩИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИА И СКОРБЕНИЕ ПОБИВАЕМЫХ У ДРОВ И У ПРОЧИХ ПОТРЕБ

Многу же беду и многу напасть и кровь проливаему всегда зряще, мучащеися во обители чюдотворца, паче же по последнем сем третьем приступе на выласках; и побиваю-

---

¹ И из видевших сие нас Господь оставил на покаяние.

ще множество градских у добытия дров за градом. И ищуются сердца и разумы нетерпеливых; и в неблагодарении уста отверзают и возмущают крепость твердостоятельных, и мнози глаголют стропотнаа и развращенная сицевая: «Се колико время продолжается крови наша, и еще что конец беде сей? Что ложно упование наше о царе Василии? Се день ото дне ждем помощи излучения, но вся суть ложна. Уже бо гради Росийстии вси соблазнишися и вси к вором приступишя, и ни откуду несть нам на помощ ратных воинств; всем бо до себе прииде. И како съвершатся главы наша мечным поядением?»

И мнозем руце от брани престаху; всегда о дровех бои злы бываху. Исходяще бо за обитель дров ради добытия, и во град возвращахуся не бес кровопролития. И купивше кровию сметие и хвастие¹, и тем строяще повседневное ястие; к мученическим подвигом зелне себе возбужающе, и друг друга сим спосуждающе². Иде же сечен бысть молодой хвост, ту разсечен лежаше храбрых возраст; и идеже режем бываше молодой прут, ту растерзаем бываше птицами человеческий труп. И неблагодарен бываше о сем торг: сопротивных бо полк со оружием прискакаше горд. Исходяще же нужницы, да обрящут си веницы, за них же и не хотяще отдаху своя зеницы. Текущим же на лютый сей добыток дров, тогда готовляшися им вечный гроб³.

---

¹ Мусор и хворост.

² Побуждая.

³ Девять двустийший о «скорби побиваемых у дров» — еще один образец рифмовки строк у Авраамия Палицына:

И мнозем руце от брани престаху;
всегда о дровех бои злы бываху.
Исходяще бо за обитель дров ради добытия,
и во град возвращахуся не бес кровопролития.
И купивше кровию сметие и хвастие,
и тем строяще повседневное ястие;
к мученическим подвигом зелне себе возбужающе,
и друг друга сим спосуждающе.
Иде же сечен бысть молодой хвост,
ту разсечен лежаше храбрых возраст;
и идеже режем бываше молодой прут,

Во вратех же убо града всегда входяще и исходящеи сретающе глаголаху сице: «Чим, брате, выменил еси проклятыя дрова сия, другом ли или родителем или своею кровию?» И их же Господь еще закры, тии благодарствоваху, а их же суд постиже, тии зле рыкаху. Отец бо исхождаше, да препитает си жену и чяда, и брат брата и сестры, тако же и чяда родителей своих; и вкупе вношаеми бываху дрова и человеческаа глава. И брашну сострояему злейшею ценою, и всяк, зря на огонь, — «ох-ох!», — глаголаше: «О, отче мой, по что мя роди, да кровь твою изьем и испию?» Матерем же вопиющим: «О, чяде мои! Се не брашно строится, но аз за вами в смерть готовлюся!» Братиа же братию обрыдаху глаголюще: «о, утроба матере наша! Почто не заключи наю, да не изьемы друг друга!» Инии же от жестости вопреки тем глаголаху: «Ни, братие, не скорбите, мы днесь тех поты и кровию напитахомся, завтра же и нашими поты и кровию оставшии напитаются. Несть бо мы тому винни, но судит Всесильный злодеем нашим о сем».

И таковому убо бывающу унынию, от царя же никакo же надеяхуся изручения. И о том скорбяще, что у врагов Божиих сторожи крепки и вести к государю царю учинити немощно о великих прежде реченных приступех и о оскудении во граде воинскими людьми.

Глава 48

О ЯВЛЕНИИ ЧЮДОТВОРЦА СЕРГИА

Дивный же в чудесех великий Сергей паки является пономарю Илинарху, глаголя сице: «Рцы братии и всем ратным

ту растерзаем бываше птицами человеческий труп.
И неблагодарен бываше о сем торг:
сопротивных бо полк со оружием прискакаше горд.
Исходяще же нужницы, да обрящут си веницы,
за них же и не хотяще отдааху своя зеницы.
Текущим же на лютый сей добыток дров,
тогда готовляшеся им вечный гроб.

людem! Почте скорбят, что вести послати к Москве нельзя? Аз послах от себе к Москве в дом Пречистые Богородици и к Московским чудотворцем всем молебное торжество совершити трех учеников своих: Михеа, да Варфоломеа, да Наума, в третьем часу ноши. И воры и Литва видеша их. И пошто слуга не возвестил, еже слыша от врагов, что видеша их; к монастырю бо пришедше о том сказаши сами? Вы же шедше из града глаголите врагом: «Видесте вы старцов, почто не изымаете их? Се будет от них на вас победа, да и на Москве всему граду будет ведомо о них» — еже и бысть.

Видеша бо их в то время на Москве пришедших со множеством хлебов печеных на возилех на Троицкое подворие в Богоявленский монастырь; и невидими быша. О сем убо впреди слово изъявлено будет в 58 главе¹, ныне же сие оставльше и еже во обители чудотворца во осаде сотворшееся да глаголется.

Воеводы же и все воинство, сия слышавше от Илинарха, и начаша испытывати, кто у Литовских людей что слыша. Слуга же Федор Чюдинов исповеда все по ряду сице: «Мне убо на сторожи хранящу повеленное, и подшедше близ сынове вражии, грозяще глаголаху: «Что надеетесь о сем, еже посласте трех мнихов к Москве, не минуша бо сторожу нашу; аще и два утекше, но единого поймахом». Мнози же не имуще о сем веры. И во второй день воевода посла за город дворян и нарочитых от воинства к паном на искус о старцах уведети; и не согласны быша речи от панов глаголющих: «Послали де вы к Москве трех мнихов, под двема лошади кари, а под третьим стреката²; и на сторожу нашу наехали, и сторожи наши их перехватили, и дву казнили, а третьего к царiku послали». Инии же воспрещаху между собою: «Не лжите, — глаголюще, — никого же не поймахом». И таковаа нецни от православных слышавше и смеющиеся им глаголаху: «И хто именем они, их же в вязнех³ держите, и каковы образом? И что вестей сказаши вам?» И ругающиеся они словесы мятя-

---

¹ Правильно — в 55 главе.

² Пегая.

³ Как узников.

хуся. Воеводы же, посоветовавше и просяще общей милости у Живоначальной Троицы, и изшедше на выласку истиннаго ради уведения чюдеси. И взявша языка нарочита шляхтича и возвратишися во град ничим же не вреждены. И в роспросе и у пытки пан сказал: «Поехали де от вас к Москве три мнихи и наехали на нашу сторожу, и они за ними гонишя, да не догнали. Се же паны солгашя, что поймали; истинно вам сказую, яко не поймали ни единого, лише бахматы свои поморили; под старцами же шкапы¹ добре худы, но яко крылаты». О сем же вси радостным сердцем благодарение воздаху Владыце всех Богу и угоднику Его, великому Сергию чюдотворцу. И по времени, егда получишя возможение и о всем о сем к царю Василию писанием возвестиша.

О том же свидетельство

И того же дъни вечер, в он же истинно изыскано и уведено бысть пришествие нетленных гонцов, старец некто в больнице немощен беяше и слыша таковаа глаголемаа о чюдесех великого Сергия чюдотворца и размышляше, лежа на постели своей просто²: «Какие то лошади, и будет ли то истина»? Сиа же ему мыслящу, обратися к стене; и се слышит больницу ту оттворшуся и топот ног идущу. Он же не обратися позрети, занеже мног вход и исход больным тогда в келии той; и мнози беднии от мирских чади ту же живуще. И слышит старец той кличуща его: «Обратися семо, да скажу ти нечто!» Старец же не обратися к нему и рече: «Скажи, брате, что есть; не могу убо превратитися; веси и сам, яко болен есмь». Той же паки рече к нему: «Обратися! Что ленишися?» Старец же отрече: «Не хощу вредитися, поведай просто»; мняше бо старец, яко тоя же келии некто се глаголет ему; тем же и не хотяше зрети на нь. И премолчав предстояй начат поносити ему глаголя: «Что безумствуеши, старче; что непокорив еси? Се ли иночество ти? Или несть у Бога милости, еже подати здравие немощи твоей?» Старец же о поношении размышляше и в себе мысля: «Кто напраснству-

---

¹ Клячи.

² Прямо.

ет¹ ми, кого же аз оскорбих?» И восхоте обратитися; и всею силою двигся, и се на ногу своею здрав ста. И позна чюдотворца по образу написанному на иконе. Глагола же ему великий чюдотворец Сергей: «Что сумнишися? Истинно послах учеников своих». И старец, прост сый, и рече: «И на чем послал еси, государь наш?» Преподобный же отвеща: «Их же конюшей Афонасей Ощерин скудости ради корма трех слепых меринов в надолобы изгна вне монастыря, на тех послах. Повещь же всем о сем: не толико ми гнусно смрад блуда согрешающих мирян, елико же инок небрегущих своего обещания. И под стенами града обители мояе всех врагов пришедших потреблю, нечисто же во обители сей и двоемыслено живущих погублю и со осквернившимися управлю». И се рек, невидим бысть.

Старец же разуме себе здрава и страхом многим одержим, и плакася до утрени о пререковании ко святому. И о себе² прииде в церковь и поведи всем чюдотворца глаголы. И поискавше всюду тех меринов слепых и не обретоша. Или кто виде их, в слух ни у кого же не услышаша. И уверишася истинно по словеси святого Сергия чюдотворца, и воздаша славу вси о сем Господу Богу, Творящему дивная. Сих же ученик святого пришествие не неведомо бысть в царствующем граде Москве. О сем убо, паки глаголю, въпреди слово изъявит в 58 главе³.

Глава 49

О БОЮ СО КНЯЗЕМ МИХАИЛОМ ПОЛЬСКИМ И ЛИТОВСКИМ ЛЮДЕМ И РУСКИМ ИЗМЕННИКОМ

Разрушителю бранем, князю Михаилу, приближшуся х Колязину монастырю, сопротивницы же Польские и Литовские гетманы и с полковники и рохмистры, койждо свои-

---

¹ Негодует.

² Сам.

³ Правильно — в 55 главе.

ми полки: Александр Зборовской, и Сопега, и Лисовской, и Иван Заруцкой, поидоша паки против князь Михаила Васильевича Шуйского Скопина и Немец Переславскую дорогою, месяца июля в 5 день на память преподобного отца Афонасия Афонского и преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца, на обретение честных мощей его, во втором часу ночи. Приидоша же на Волгу под Колязин монастырь в село Колязинское Пирогово. Князь Михайло же Васильевич и со благочестивым Московским воинством и с Яковом Пунтосовым и с Велгорем и со многими Немецкими людьми ополчившися на Волге противу их. И посла князь Михаил воевод Семена Головина, князя Якова Брятинского, Григория Волеува, Давида Жеребцова со многими людьми за Волгу на перевоз к Николе чудотворцу в слободу на речку Жабну под Литовских людей, чтобы за тое речку не перепустити их, — речка бо та топка зело и ржависта. Литовские же увидевше Московских людей, и абие, яко лютыя звери, устремишися на лов. Благодатию же Божиею на том бою многих Польских и Литовских людей побили и поранили; мнози же от них на грязех погрязше погибоша; прочии же в бегство устремишися к болшим людем в село в Пирогово. Воеводы же о сем послаша весть ко князю Михаилу, чтобы вскоре реку перевезся; еже и бысть.

Литовские же гетманы и их полковники всеми полки своими устремишися на Руское воинство. И съступишися обоих полцы, и бысть сеча зла, и сечахуся на многих местех, бьющися чрез весь день; от оружейново стуку и копейного ломания, и от гласов вопля и кричания обоих людей войска, и от трескоты оружия не бе слышати друг друга, что глаголет; и от дымного курения едва бе видети, кто с кем ся бьет. И яко зверие рыкающе, зле сечахуся на многих местех, бьющися чрез весь день.

Солнцу же достизающе на запад, и возопиша вси православнии к Богу со умилением, вопиюще от сердец своих: «Видь, Владыко, кровь раб твоих, неповинно закалаемых; тако же и ты, преподобне отче Макарие, помолися за ны к Богу и помози нам!» И уже близ вечеру сущу, услыша Господь молитвы раб своих; и нападе страх велий на врагов Бо-

жих; и, ужасом великим одержими, в бегство устремишася. И побегоша, друг друга топчуще, гоними гневом Божиим. Руские же полцы гнаша Литовских людей, секуще до Рябова монастыря; и многих Литовских людей побили и поранили, и нарочитых панов многих живых поимали. И с великою победою и одолением возвратишася под Колязин монастырь со мноюю корыстию.

Польские же и Литовския люди и Руские изменники, яко же испод Твери, тако ис-под Колязина монастыря не путыи возвращешеся вспять и конечно хотяще разорити дом Пресвятыя Троица, и люте належаще бранию; оставшии же мали суще числом и друг друга водяще, со враги боряхуся.

Посем же из Сопегиных табар в Троицкой Сергиев монастырь выехал пан Ян, а с ним 4 пахолки¹, да два человеки Руских и сказали, что под Колязиным монастырем князь Михайло Литовских многих людей побил и поимал. Того же дъни воеводы устроили ис Троицкаго Сергиева монастыря выласку на речку Коншуру, на бани Литовские, и многих у бань побили Черкасов и казаков; и бани их сожгли, и шесть человек живых взяли. И языки сказали, что подлинно Литовских людей князь Михаил под Колязиным монастырем побил. О сем же вси людие благодарствоваху Бога. И возрадовашася и благонадежни быша, чающе избавления от Бога, и со враги крепко боряхуся.

Глава 50

О АЛСТИ ПОЛЯКОВ И О ВЗЯТИИ СКОТА ИХ ВО ГРАД

Богоборцы же Польские и Литовские люди, такожде и Руские изменницы, егда поражены быша от Руских людей, паче же от Бога, бегуще из-под Колязина монастыря, плениша многие волости и села и деревни: Ростовской, и Дмитровской, Переславской и Слободской уезд; и множество всякого скота награбиша, и наругающеся градским людем глад-

---

¹ Четверо слуг (польск. pacholek).

ным, иже седяху во осаде во обители чудотворца Сергия, и попущаху великия стада скота по запрудной стороне на Красной горе и на Клементиевском поле; вкупе же и блазняще из града осадных людей на выласку, чтобы отъехать их от града. И того по много время попущающе стада в день и в ночь. Они убо лукави суще, яко лисица и яко хищнии волцы, сатаниным коварством сие умыслиша над гладными сидельцы. Бог же не оставляет раб своих, уповающих на Нь. И совет их тако не совершися.

Месяца же августа в 15 день в самый светлый всемирный праздник Пресвятыя Владычица наша Богородица, честнаго и славнаго Ея Успения, из Сапегиных табар по первому своему злому лукавству, паки попустиша скот свой в то же прежереченное место. Троицкие же сидельцы конные, выехавше из града по-тиху Благовещенским врагом, сторожей Литовских побили, и, залучивше стада их, погнаша ко граду. С пивново же двора изшедше пешие люди, и тако вогнаша скот во град, благодаряще Бога и Пречистую Препоблагословеную Владычицу Богородицу и великих чудотворцов Сергия и Никона, яко здравы отидоша от толика воинства Литовских людей, и ничим же не врежены, толицы мали суще числом. Еще же и о сем дивно есть. И егда скот погнаша к монастырю, тогда той скот сами скоро ко граду потекоша, никамо же обращающиеся и ничим же задержими во град внидоша.

Глава 51

**О ПРИХОДЕ ВО ОБИТЕЛЬ ДАВИДА ЖЕРЕБЦОВА
СО МНОГИМИ ЛЮДЬМИ, И О ПРЕПИТАНИИ РАТНЫХ
МОЛИТВАМИ ЧЮДОТВОРЦА, И О УМНОЖЕНИИ МУКИ
И СУХАРЕЙ И РЖИ, И О БЛАГОДАРЕНИИ АРХИМАРИТА
ИАСАФА, И О НИЩЕЛЮБИИ ЕГО И О ПОБЕГЕ СОПЕГИНЕ
И ЛИСОВСКАГО СО ВСЕМИ ЛЮДЬМИ**

Слышаще же в Троицком Сергиеве монастыре, яко князь Михайло ис Переславля изгна Литву и Руских изменников и мостяща пути трупом нечестивых, даже и до слободы Алек-

сандровские и строящаяся добре пути кровныя изсушити. Архимарит же Иасаф и иноцы и воеводы и прочии сидельцы посылают ко князю Михаилу Васильевичю от дому чудотворца, просяще с моленьми помощи, понеже оставшеи людие изнемогоша. И послан бысть от князя Михаила Давид Жеребцов и с ним 600 мужей избранных воин и триста сим служащих. Молитвами чудотворца проидоша ничем не задержани, ни подзаратаи¹, ни стражьми не уведены быша; и легцы суще всего протекше скоро, неимуще с собою к препитанию никаких потреб, оскорбляются, а не пекутся о препитании мучащихся в бедах, но строят о себе полезнаа. И вземлет Давид все строение на себя. И запасом монастырским памяти счетныя² отъемлет же. За рукою же старца Макариа взял в житницах 20 четей³ ржи да с 200 четей сухарей, да в хлебне муки ржаные 40 четей, да овса 7776 четей. Мельница же конская испорчена тогда, и лесу не бысть и строити ее нечим. Тако же и молоти некому же бе: людие бо трудники вси изомроша; и мелюще токмо на день по три осмины⁴ ржи или овса, пекуще же на день по четыре квашни, в квашни же по 5 четей. Да к тем же хлебом по вся дни емлюще в трапезу сухарей четвертей по девяти, и по десяти, и по 11.

Архимарит же Иасаф, яко же исперва начат, тако же и до сего времени печашеся о бедных и нищих и бе око слепым и нога хрым. Аще и не своима рукама и ногама, но всех всячески упокоевая и без слез немогий взирати на плачущая и скорбя с воздыхающими; и всяк просяй что и тщина руками не отхождаше от него.

Оставшии же иноцы, видяще ратных насилowanie, отца же Иасафа к бедным и нищим попечение, и яко же прежде о том роптаху на нь, такожде и в то время и потом и в лице тому пришедше сваряхуся⁵. Боголюбивая же душа прощения

---

¹ Ни дозорными.

² Записи счетные.

³ Четь — мера сыпучих тел, равная четверти кади (~ 31/2—5 пудов).

⁴ Осмина — мера сыпучих тел, равная половине четверти, одной восьмой кади.

⁵ Бранились.

просяще от всех и тихими словесы наказуя о всем благодарити Господа. И рек: «Лучши нам умерети, неже престати сирот милovati; и не оставит нас великий Сергей голодом истаяти». Зрите вси слышащие, колико скор заступник уповающим на нь великий отец наш Сергей. Убо сей Иасаф прост сый, ни пророк ни знаменосец¹, но уповав верою и не посрамися, яко вдова она, питавшая Фезвитянина, послуша бо того глагола, и не оскудиша малыя пригорщи, и довлеяся в три лета и месяца 6. Во истину бо «праведницы и по смерти живи суть», яко же и днесь пред очию всех содеяся. Мнеша бо тогда иноцы оставшей, еже на едину седмицу дней токмо пищи, протягну же ся время от малых тех останков питания на 80 и 4 дньи, октября от 19 генваря до 12 дньи. В той бо день Сопега и Лисовской от Троицы со всеми людьми с Польскими и Литовскими побежали к Дмитрову.

О помощи чюдотворца в ненадежных выласках

Дивно же се всегда бываше, егда исперва седуша людие во осаде в Троицком Сергиеве монастыре даже и до пришествия Давыда Жеребцова, егда исхождаху на брань к сопослатом. Егда убо устроятся людие и уготовятся с великим опасением, то не всегда на добро бываше исшествие. Аще ли же о чем надежно изыдут, то и пагуба бываше. Похвалное же что содеяся, и то не урядством², но последнею простотою. И дива слышание достойно. Внегда убо узрят противных где стоящих и с простотою храбрствующих или близ стен бесующихся, держими же воеводами, да не погибают напрасно, и не могуще изыти и друг на друга позирающе, сердца растерзахуся. И замышляюще кождо себе нужду и потребу, у представленных над ними испрошахуся: едины травы ради, друзии же воды, инии дров добытия, инии корения ископати, овии же веников нарезать, овии подале отменящеся³ ко кладязю чюдотворца воды исцеления ради почерпсти. Поляки же, радуящеся таковому неустроению, и яко пси на зайцов

¹ Производящий знамения.

² Не устроением.

³ Отвлекаясь.

повсюду напушаху, и зачинающуся кровопролитию на многих местех: не 10 бо или 20, но и пять, и три, и два порознь бродяще смерти искаху. Против же врагов, егда нахождаху на них, вкупе ополчевахуся. И нечестно исходяще честны победители показовахуся. Спасителя же нашего хранением в таковой простоте никъто же никогда погибе, но вси здрави до единого возвращахуся в дом преподобнаго.

Давид же Жеребцов, егда прииде и виде таковую простоту твориму во исходящих на выласки, их же много бесчестив и отслава прочь, не повеле с собою исходити на брань. Надежен же на избранное воинство и к раздражителем добре урядився исходит изведатися; стиснув же ся с сопостаты, и со срамотою одолеваем, вместо же пота победительства слезами облияся, урядный неурядно утече. И помале, еще дыша рвением, исходит мститися. К нему же простцы рекоша на пути: «Мы, государь боярин, преже сего прося у чюдотворца Сергия помощи, малоурядно исхаживали, и за неже не подается нам, но яко овцы исходяхом, пастырь же наш сам нами промышляя и не погуби нас николи же». Давид же, вежди з гневом возводя на пререкующих, и исхождаше ко врагом на бой. Смятию же брани бывши¹, и зрят простцы мужа храбра и мудра нестроение; но по его отречению не смеют помощи тому подати. Видяще же, яко кедры посечены имут быти в дубраве и не дождавшеся своя надежи опустошиться и по обычаю простоты немощнии бранию ударивше, и искищают мудрых от рук лукавых. Гордящеи же ся к тому немощных и бедных не нарицают овец, но львов, и не сирот, но господей, и единотрапезников спосаждают; и помешут Немецкую мудрость и принимают покрываемых от преподобнаго буеть². И в простоте суще забывше бегати, но извыкше врагов славно гоняти.

О приходе Григория Валуева

Месяца генваря в... день, в 4 час нощи прииде из слободы Александровы от князя Михаила Васильевича в Тро-

---

¹ Когда же разгорелась брань.

² Простоту.

ицкой Сергиев монастырь воевода Григорий Валуев, а с ним избранных вой 500 мужей храбрых во оружии. Сии убо приидоша изведатися с Литовскими людьми и с Рускими изменники и войско их сметити. Егда же освитающу дньи и совокупльшеся з Давидом и с Троицкими сидельцы, храбрии же они воины из града исходят храборски и нагле нападают на Польские и Литовские роты. И втопташа их в Сопегины табары и станиця их около табар зажгоша. И милостию Пребезначальныя Троица Литовских людей многих побили и языки поимали. Сопега же и Лисовской со всеми полки своими исшедше противу их, и бысть им бой велик на Клемянтеевском поле, на Келареве пруде и на Волкуше, и на Красной горе.

И много бившеся и мнози от обою страну пивше смертную чашу, множайше же сугубо погипе полку еретическаго; и разыдошася обои. И день той препроводивше во обители чюдотворца, сотворше заповеданное им, паки возвратишася ко князю Михаилу Васильевичю. На Польских же и Литовских людей и Руских изменников тогда страх велик нападе и в недоумении быша, яко же оставшиися по них сказаша.

О побеге гетмана Сопеги и Лисовскаго

И генваря в 12 день гетман Сопега и Лисовской со всеми Польскими и Литовскими людьми и с Рускими изменники побегоша к Дмитрову, никим же гонимы, но десницею Божию; толико же ужасно бежаша, яко и друг друга не ждуще и запасы своя мещуще. И велико богатство мнози по них на путех обретаху, не от худьших вещей, но и от злата и сребра и драгих порт и коней. Инии не могут утечи и возвращающеся вспять и лесы бегающе, приходяху во обитель к чюдотворцу, и милости просяще душам своим и поведаяще, яко «мнози видеша от нас велики зело два полка гоняща нас, даже и до Дмитрова». Чюдиша же ся вси о сем, яко от обители не бяше за ними никакой посылки. Князь Михайлов же приход уже и отчаян, и моление от обители к нему презре.

По отшествии же сынов беззаконных предаваше осмь днней, посылается от обители чюдотворца к царствующему граду к государю старец Макарей Куровской со святою водою, генваря в 20 день. Еще же опасение бяше в дому чюдотворца от врагов, и с людьми считающесе и их же к питанию восхотевше сметити; и еще муки обретше в хлебне четей здесять, такожде и сухарей четей с пятьдесят. Всех же во удивление чюдо сие введе, како от малых сих запасов на толико время простреся до преизобильства; и не токмо же человеком, но и скотом. Вяще бо числа zde реченнаго преизбысть: дающе бо тогда конем на все воинство по 90 четей на день да монастырским и воеводским лошадем по 10 четей на день; и кормим бе весь скот за сто дней от овса того. По разшествии же ратных всех из обители и еще останцы того овса мнози оставяся на потребу великими бедами искушенным от Бога. Егда же князь Михаил, не мало время преминув, прииде из слободы в дом чюдотворца со всем воинством с Рускими людьми и с Немыцы, и все воинство от тех же малых останков довольствовашяся. Такожде и весь скот свой от житниц же чюдотворца питаху довольне. И по отшествии его и всего воинства многим препитание бысть.

Глава 52

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕНО ПРЕПОДОБНЫХ И БОГОНОСНЫХ ОТЕЦ НАШИХ СЕРГИА И НИКОНА О ПРЕДИВНЫХ ЧЮДОТВОРЕНИЯХ ВО ОБИТЕЛИ ИХ И НА ВСЯКОМ МЕСТЕ ВСЕГДА БЫВАЮЩИХ ТВОРЕНИЕ ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ СТАРЦА АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

Иже хотяй исчести вся звезды круга небеснаго и от яера¹ капля дождя изливаема и вскрай моря лежащаго песка исчислити, но невозмогает отнюдь, несть убо се возможно от человек, но токмо единому Богу. Сице же несть возмож-

---

¹ Воздуха.

но исчисти чудес великих светил, дивнаго в чудесех преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия чудотворца и ученика его Никона чудотворца. Колико творит Бог угодники своими предивная и паче всякого слова и умом непостижимая чудеса! Яко же убо солнце простираяй повсюду чудес луча, не токмо в обители их, но и в царствующем граде Москве и во окрестных Росийских странах, везде прослави Бог угодник своих, и всюду протекоша их чудеса и до внешних государств Греческия и Римския державы. Толико убо Бог возлюбил его и прослави, елико невозможно исповедати или писанию предати всегда бываемых чудес. На всяком бо месте в бедах или в скорбех или в юзах в плене же, и в изгнаниих, и в кровопролитиих, и во всяких нужных теснотах и печалех и иже призовет с верою в помощь великого сего отца, той убо посрамлен никако же исходит и чаяния своего не погрешит. Овогда же и прежде прошения святой в печалех предваряет и ищущим его скор помощник обретается. Той убо друг присный Матери Слова Божия, не считая тогда и ныне всех нас питает. Кто же аз окайный и грехи неудобьцелимы нося, да восхошу тма сый за солнцем считати простираемая чудес луча, но о нем же должен есмь вопию непрестанно, моля заступника отчаянным.

О, освященный верше, яко же исхитил еси из рук гордых труды потов твоих, тако и мене исхити всеокааннаго из гортани змиевы, к тебе бо прибегаем поновившему чудеса Евфимия великаго и Феодосия, даждь ми слово безсловесная дела творящему, научи мя тебе похвалити, служащаго прежде вечному Слову словом вся Составльшему! Благословен Господь Бог нашъ, действуяй тобою дивная и неизреченная! Благословено тело твое, преподобне Сергие, уверяющее мертвым воскресение! Хвално и благословено имя Господне, давый тя зрящим в снабдение от греха! Благословен Господь, запинаяй тобою ко греху влекомым и предлагаяй в мысль жива ты всем пред очию зрящих! Благословен Живый прежде бытия всего здания, иже нечислимый 100 000 и тмами тем лет, но Присносущный Сый изволивый создати всяческая, Безначальный и Бесконечный, иже прославит-

ся¹ с прежними великими святыми! Благословени вы Господеви, Сергие и Никоне, сохраниши дом свой от обстояния сатаны! Благословена и Ты, о Дево преблагословенная Марие, иже токмо едино место сие сохранивый² от меча еретическа! Благословена еси, чаше, содержащая в руку Содетеля всех, в ней же раствори Бог вино нашего веселиа, его же напихомся несмешна³, ни превратна во двою естеству божества и человечества несмутно⁴! Блажена еси зеркало премирное, в нем же увиден бысть образ Божий! Блажен еси источник запечатленный, искипевый воду живу, его же разумная невестственная существа желают напиться! Блажена еси сокровище в будущий век всем в вечное восприятие! Блажена Ты, царице, яко раби твои прелетают стены вышнаго Иерусалима! Благословена Ты, Владычице, яко Тебе поклоняются со страхом вся небесныя силы! Блажена утроба твоя, поносившая света светлейша солнца тысящами тысящей и тем тмами! Благословени руце твои, поносившие Спеншаго⁵ море словом! Блажена дверь печати девства твоего, ею же проиде Господь Бог наш един! Благословени очи твои, зрящей трисоставнаго света! Блажени уши твои, слышащей тайны прежде создания всея твари! Благословен ум твой, зряй нынешнюю премеяему тварь и ину созидаему и саму Тя царствующую со Взаемшим пречистую плоть от Тебе! Блажена уста твоя, беседующа ис Тебе Рождышему сына! Благословена ложесна твоя безболезненная, ими же прошед Свет всем нам, и яко же прежде Рожества, тако и в Рожестве и по Рожестве девствующи!

Благословен прошедый из боку твоею совершен человек, Бог сый всяческих! Блажени путие, иже в Тебе, их же премирных разуми не постигнут! Блажена Ты, свитче Бога

---

¹ Прослави тя (исправление по списку 40-х годов XVII в. / БАН, Архангельское собр., № 413. См.: Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII в. / Сост. и ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1987. С. 278).

² Сохранила (исправление по тому же списку).

³ Чистого, без примесей.

⁴ Неслитно.

⁵ Укротившего.

Отца, в Нем же написа слово свое во спасение верным! Благословена красота твоя, ея же Гавриил убоися! Благословен еси, ключю, бездну щедрот искипевый¹, в них же всего мира грехи погрузишися! Блажена еси веро невидимым! Благословена еси, надеже отчаявшимся спасения! Блажена еси, упование ненадеющимся вечных мук избыти! Благословено ходатайство твое непосрамляющее и в день пришествия Христова! Блажено заступление твое, восхищающее осужденных во веки! Благословен зрак твой, воображенный на поклонение нам грешным во спасение! Благословена еси недоумение по достоинству никому же восхвалити Тя! Блаженна еси, служащая небесными силами! Благословена еси, по достоинству восхваленая Богом Отцем! Благословена еси, украшенная Сыном Божиим! Благословена еси сокровенное сокровище всех благих Духом Пресвятым! Благословен глагол твой, реченный преподобному, яко неотступна буду от обители твоея! Блажено речение твое, яко делом совершила еси! Благословена еси, Всесильная, яко непусти поставити мерзость запустения на месте святем! Благословена еси, Богородице, яко твоих ради молитв не узрехом мертва хлеба приносима вместо Жива Тела Христа Бога нашего!

Благословени есте богоноснии отцы, Сергие и Никоне, яко не воспешисядохматы злочестия в болезненных трудах ваших! Блажени есте светила церковная, иже не попустисте еретиком разрушити стен дому вашего святого!

Блажени и вы, скончавшиеся в дому чудотворца и имущей к нему дерзновение! Помяните и нас, да помянет во святых своих молитвах пред Господем! Но, о преподобнии и богоноснии велиции отцы, Сергие и Никоне чудотворцы, сие малое и худое писание вам прикладное приемше, воздежите преподобнии свои руце к Всенепорочней Матери Слова Божия и, вкупе припадше ко Владычице и Богу, долготерпеливно помолитесь о мне грешнем и недостойнем, аки о некоем изверге и о всех, иже с верою к вам прибегающих и сия, еже к нам о великих ваших благодеяниях и о чудотворениях, с любовию прочитающих, яко да подаст нам милость не-

---

¹ Изливший.

достойным милости; и по не малу ослабу получим от вечных мучений; и да восхвалим вкупе убивающему оружием уст своих непокаряющаяся тому языки и да поклонимся Агньцу, Заколенному за нас, Его же кровию измыхомся от грех. Тому слава вовеки! Аминь.

Глава 53

О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ ПОЛЬСКИМ И ЛИТОВСКИМ ЛЮДЕМ

По отбежании ис-под Троицкого Сергиева монастыря гетмана Сапег и Александра Лисовскаго с Польскими и Литовскими людьми и с Рускими изменники, прииде к Живоначальной Троицы в Сергиев монастырь дворянин Семен Языков. И по молебнем пении бывшу ему в келии у келаря Авраамия, и поведа архимариту и келарю глаголя сице: «Преже сих лет, егда бысть еще сия великая обитель во осаде от Польских и Литовских людей, тогда идущу ми, рече, с Литовскими людьми от града Белые в Тушино во время вешнее да со мною игумен Селижаровской Марк Босков. И у игумена полозу санному глубоко обрезающемуся, к сему же начася глаголати со мною идущии Поляки: «Мнихи тяжелы суще и вельми сильны; мы тому самовидцы есмы. Егда стояхом под Троицким муром, мнихи же, выежжающе и пеши выходяще, нас многих побивали и в полон имали и наряду много поимали. Да и то мы видели, и с нами многие панове: един мних ухватил нашу полуторную пицаль и на раму свое возложил, в мур у нас унесе. И се видевшие мы и с нами панове вельми дивившися и страхом одержими бышя. Многа же и ина видения видехом и разумехом, яко мнихом поспешествует сила Божия».

Аз же смиренный слышах сия и прославих Бога, творящаго дивнаа и преславнаа угодники своими. И повелех вписати zde и сие, да незабвена будут чюдеса преподобнаго отца нашего Сергия.

О ГЛАДЕ ВЕЛИЦЕМ ВО ОСАД БЫВШИЙ НА МОСКВЕ,
И О ЖИТОПРОДАВЦЕХ, И О УМНОЖЕНИИ ПОТРЕБ
НА ТРОИЦКОМ ПОДВОРИИ В БОГОЯВЛЕНСКОМ
МОНАСТЫРЕ МОЛИТВАМИ ПРЕПОДОБНЫХ
ОТЕЦ СЕРГИА И НИКОНА

Царствующему граду всеми злыми одержиму бывшу во обстоянии ложнаго царя с Польскими и Литовскими людьми и с Рускими изменники и гладу велику належащу, тогда же и Троицкой Сергиев монастырь во осаде же бысть. Купцы же Московстии во един совет сопोकупльшеся и повсюду от имений своих дающе на закуп, еже бы им и от прочих градов и сел всяко жито изкупити; и сиа собирающе не вскоре продаваху, но ожидающе, дондеже отягчится цена, и сугубо десятиорицею прикуп хотяще восприяти. И немощнии имением всяко до конца оскудеваху; отвне-же люту мечу яростному зельне належащу. Всяко убо богатство к житопродавцем преходит, убозии же от глада зле мучими скончевахуся. Сицевая убо зря, царь Василий стесняется болезнено сердцем и повелевает житопродавцем во едину цену продавати и купити; но никакo о сем небрегше житопродавцы. Державный же покусися не единою градским законом смирити сих. Сего же ради, елико убо в прочих градах и селех закупленаа ими, стаща недвижима и к царьствующему граду не проходима. Царь же и от прочих градов мнев искоренити сих умысл, но никакo же возможе; паче же на горшая обратишася. Мнози же на царя и на святителя вооружаются, глаголюще: «Сий убо глад и меч царева ради несчастья». И ина многая блядословяху.

Но вся советы тщетныя разсыпа Господь Вседержитель сицевым образом. Созвану бывшу всему народу всякого чину в дом Матери слова Божия, и сих святейший патриарх Ермоген много поучая, дабы в любовь и в соединение тех привести и на милосердие превратити, потом же и царь молит всех от вельмож и до простых людей, чтоб на купилищи всенародном продавали всяко жито во едину цену и не

возвышали цены и сильнии имением не закупаи б на много время и не оскудевали маломощных. Они же, в храмину немилосердия вскочыше и двери жестосердия закрепльше, со унынием лицемерным отвещаху: «Ни, царю праведный! Ни, владыко святыи! Все не имамы чрез потребу, но токмо на мало время». Всем же исходящим со отрицанием, и всяк койждо себе щадяще, а не Господа славы Исуса Христа ищуще. Тогда же дав Бог совет святителю и царю и никому же уведавшу смысла их, что ради се бысть. Призывают убо инок Авраамия, келаря Сергиева монастыря, рекше: «Се, Авраамие, зриши, колик народ голодом погибает и неволею прилагаются ко врагом, не имуще потреб осадных. Ты же сотвори повеленное нами: елико убо имаши жит в житницах чудотворцовых, продаждь от сих на купищи всенародном малейшею ценою». Келарь же повеленное царем и патриархом вскоре сотвори и извести повеле двесте мер ржи. И наченше продавати по два рубля четверть по повелению цареву. Житопродавцы же зелье гневахуся и оцепеневаху. Слышано бо бысть им, яко вся запасная сокровища великаго чудотворца распродавати и на долго время прострется обнижение цене и бедам их велик убыток будет. Добрейши же начаша спускати цену и уставишися на мере в дву рублех на долго время. Благодарственныя же хвалы и радостныя песни великому и богоносному чудотворцу Сергию от всех возсылаемы бываху, зане от дому его начяты добродетельныя. И тако молитвами чудотворца облегчися брань, еже от диавола. И иними же потребамы тогда поиспояхуся, но ради неотступнаго врагов обстояния паки начинается злоба. Паки житопродавцы возвысиша цену хлебу злейши перваго. Первым же образом исходит повеление от царя и патриарха ко Авраамию. Старец же неведомаго ради конца беде о сем ужасеся и к царю глаголет: «Да чем, благочестивый царю, препитаются вси сущии с нами в дому чудотворца? А уже ниоткуда помощи надеемся!» Державствующий же отказует: «Аще цена десяторицею возвысится пред нынешним, то аз от сокровищ своих имам тя питати со всеми твоими, токмо не ослушайся». Келарь же, помыслив перваа чюдеса чюдотворца и обещание его к дому своему, и воздохнув, возрев ко об-

разу чюдотворца и прослезився, рек: «О, великое светило, устрой полезная душам нашим и спаси нас, конечно погибающих!» И повеле слугам в куплю извести еще двесте мер от житниц, и по прежнему продавати. И паки бысть радость миру и болезнь житопродавцем.

В житницы же служебник¹ именем Спирия прозвищем Булава, пометая житницу на хлебы братии, видит из стены из щели рожь текущу. И пришед начат обметати рожь в место. Та же ужасеся: уже бо до пяти четей намел в место ржи, а из щели не престаёт текущи. И скоро призвав слугу приставника именем Июду, и глагола ему: «Что се, брате? Аз не престаю сметаа, а из щели рожь течет не престаючи». Шедша же оба, возвестиста келарю о сем. Старец же пришед и виде промысл великого чюдотворца и повеле престати метущим. Тем убо хлебом текущим весь осад изсидеша вси людие в дому Богоявления на подвории чюдотворца Сергия. И не токмо бысть довольно на подвории чюдотворца но и множеству приходящим до преизобильства.

О сем же паки дивно есть. Егда убо оскорбятся служебницы, тогда малее бывает потребных во всех службах; егда же всем требующим и просящим довольно подают, тогда зело преизобильствует благодатию Господнею и молитвами чюдотворца.

Глава 55

О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРЦА НА МОСКВЕ С ХЛЕБЫ

Зело убо належащу гневу на царствующий град Москву, и яростным мечем поядаеми бываху чяда церкви христианския, наипаче же диавол наблюдаа матере сих, хотя ю и саму изтребити. Но в него же оболчена, той сам соблюдаше ю, яко же весть судьбами своими и сохраняя всегда от вод проливаемых змия с небесе спадшаго. Но тому свое соделовати, еже от небес звезды отторгати. Окропленным же кровию Вла-

---

¹ Монастырский крестьянин.

дыки своего Христа и прославленных сущих от Него почитающим, прииде время посещения, а не отриновения. И того ради в недоумении вся колеблются; и иже не утвержени суще или гневом Содетеля зле отторгающесе низпадаху, но сила Его всемогущаа во отчаании конечном немогущим совершается, и на камени основания церкви своя терпящих по Нем стати устрояет.

И сиеца показа на нас Господь во обстоянии царствующаго града. Мнящим мнозем, яко уже предани суть Богом во уста мечю, обаче же показуя наказа нас Господь, смерти же вечней не предаст нас и знамение милости своея твердо показа уповающим на Нь. Во осаде бо матере градовом зрящим мнозем от правоверных, се от врат восточных обычное пришествие во град творит на яздыле¹ старец святолепен, сединою совершенно исполнь и споследующеи по нем на двюнадесять возилу исполнены хлебов печеных. Дивящим же ся человеком и глаголющим: «Кто сий старец и с ним сущи? Како проидоша толика множества вои и твердых стражей како минуша?» И странному делу ведца² извопрашаху: «Рцы, отче, откуда есте»? Той же всем светле глаголет: «От дому Пресвятыя и Живоначальныя Троица вси мы суть». Слезным же источником от всех проливаемым, вопиющим к нему: «И како, господине отче, надежи нашея Содетеля Бога дом Пресвятыя Троица? И что содеваемое у твердых и известных наших заступник богоносных светил Сергия и Никона? Како же сохранены бысте от общих врагов наших, обстоящих воокруг всех нас?» Старец же рече: «За молитв Матери Слова Божия со всеми силами небесными и всех святых молитвами не предаст Господь имени своего в поношение языком. Но токмо, братие, сами не колеблетесь прилоги змиинными да не пожрет вас искони всех ненавидяй».

Всем же провожающим даже до дому чудотворца приезднаго восприемником святых преданий его, и у врат монастыря Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иису-

---

¹ На колеснице.

² Проводника.

са Христа бывшем и собирающимся жителем царствующаго града, хотяше слышати от уст старца и с ним пришедших. Слуги же чудотворца к собирающемуся народу глаголюще: «Что, господие, собрание ваше к монастырю и что гольку многу молвите?»¹ Народ же глагола: «Се старец от дому Святых Живоначальных Троица zde прииде и с ним на двоюнадесят возилех хлебов печеных ввезше к вам, их же мы вси ожидаем, да услышим от них нечто полезно нам». Слуги же к народу глаголюще: «Ни, господие, не блазнитесь, никто никакo же в сий день не прииде zde от дому чудотворца». Народ же крепляшеся, глаголя: «Вси мы вкупе с ними zde до врат шедше и вся по ряду нам известивше, елика от Люторей и от еретик во обители пострадаша, и что посещение чудотворца ко учеником его вся сказаши. Вы же что неправдуете и глаголете, яко никто же не прииде zde? Сквозе бо весь град пред всеми прошедше, вы же отлыгаете». Которающим² же ся во вратех слугам с народом, и абие пришедше от царя Василиа посланнии к келарю старцу Авраамию, з гневом глаголюще: «Что се прежде царю не возвестил еси о сих и не предположил еси их пред царем?» О сем же всяко изыскавшие на подвории чудотворца; и яже не видеша и не слышаша сицевых и не обретше, и по мнозей молве уразумеша, яко посети Бог люди своя. От того же дне начаша излишествовати во всяких службах хлебов и всякого брашна на подвории чудотворца, хваляще и благодаряще богоноснаго отца, зане же молитвы его и промысл о обители его, тако же и о царствующем граде беспрестанно беяху.

Глаголаше же ся во обители чудотворца, яко в то время сие бысть явление старец на Москве с хлебы, в он же день явился преподобный в монастыре понамарю Илинарху, глаголя, яко послах к Москве трех ученик своих; «не неведомо же будет, — рече, — и в царствующем граде пришествие их». О сем же явлении чудотворца ищи в главе 52-й³.

---

¹ И что шуму много подымаете?

² Преподающим.

³ Правильно — в главе 48-й.

О ОСКУДЕНИИ ДЕНЕЖНЫХ КАЗНЫ В ДОМУ
ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ

Подобает нам и о сем вкратце побеседовати и изъяснити, что ради велико бысть оскудение денежной казне во обители чудотворца. Проидохом иже о велицей обители сей многая древняя исписания от благоверного великого князя Дмитрия Ивановича Донского даже и до блаженного великого царя Феодора Ивановича всея Руси. И ни от единого прежних государей обидима бысть обитель сия, дом Пресвятыя и Пребезначальныя Троица и чудотворца Сергия, но паче от своих царских сокровищ вси, снабдяще ю, почитаху. И аще кто от державных и взят что по благословению неких ради потреб нужных, то паки вскоре возвращаху. Овии же и сугубо приносяще взимаемое. И тако молитвами чудотворца и их государей верою, паче же заступлением Матере Слова Божия сияше во всей Росии обитель сия, яко солнце или яко луна посреде звезд. По велицем же царе Феодоре Ивановиче восприемник бывает царства его Борис Феодоровичь, и той велию веру стяжа к дому Пресвятыя Троица. И не вем, что бысть ему: той первее взят ис казны чудотворца займы на ратных людей 15 400 рублей. По Борисе же Божиим попущением грех ради наших восхищает царство его еретик розстрига Григорий Отрепьев. И той по своему злому еретическому нраву взят ис казны чудотворца 30 000 рублей. И того суд Божий вскоре постиже, зле скончася. Потом же царь Василей Иванович Шуйской, и той взят изо обители первее 18 355 рублей, второе же взят у келаря старца Авраамия Палицына во осад на Москве 1000 рублей, паки же третье взят на Москве же во осад 900 рублей. И всего взято бысть ис казны чудотворца Сергия при царе Борисе, и при Ростриге и при царе Василии денег 65 655 рублей. И от того во обители перваа скудость денгам бысть.

Последняя же и конечная скудость сице бысть

По отбежании от Троицкого Сергиева монастыря гетмана Петра Сапеги с Польскими и Литовскими людьми и Александра Лисовского с Рускими изменники и граду отворившуся, во обители же оставшии иноцы и мирстии людие благодарственныя хвалы и песни Богови и чюдотворцом возсылающе. За терпение же свое и великия скорби, бывшиа во осаде от царствующаго чающе велику почеть и жалование восприати. Но не сбыться се: его же чааху, не восприаху; мнози же и своего лишиися и вместо великия почести и даров сами обнажены быша. О сем убо ныне нам слово предлежит.

Царь же Василий, слышав о отбежании Литвы от Троицкого Сергиева монастыря, зело возвеселися сердцем, благодарив Бога; но аще и благочестив сый царь и благоверен, но обаче подстрекаем некими небоящимися Бога, глаголю же Григория Елизарова, Василиа Янова, Томила Луговского, и поползеса¹, яко человек. Не вспомняв суда неумытнаго Судии и не умилися о разорении обители во обстоянии ратных. И что сотвори царь Василий дому чюдотворца? И воздает за благая злая, и напаает вместо меда пелыни²; и забывает помощь и молитвы чюдотворца; и оставшееся, чем строити дом чюдотворца по велицем разорении, та вся расхищает.

Присылает убо во обитель Живоначальные Троицы дьяка Семейку Самсонова. Архимарит же Иасаф з братьею вину пришествия его уведевше и ужасошася; и воздаанию сему зазревше, и абие посылает к державному молебное писание и восписует о сем х келарю старцу Авраамю, тогда ему бывшу на Москве у Богоявления. Авраамий же вскоре входит к царю, многи слезы о сем пред ним пролия, возражая его от толика совета; и полагает пред ним грамоту писание архимарита Иасафа. По сем молит и воспоминает ему о оскудении денежных казны, и колико взято бысть, яко же преди писася; по сем же показуа ему писание о разорении обители во об-

---

¹ Поскользнулся (впал в грех).

² Полыни.

стояние ратных, яко от подкопов и от слухов и от пушечного бою башни и стены градныя разседошяся, а в выных местех мало и не падошя; и строения во обители службы и келии брацкиа бес покрова бышя, и многие келии и службы в монастыре погорели; и купно реши: внутрь обители и вне мельницы и всякия службы растаешяся и раскопаны; и волости и села со всем людским сонмом огнем и мечем потреблены бышя; и яко во всех монастырских селех на завод остася ржи всеяно только 5 четей. Царь же въздыханьми и плачевным образом показуяся зело сетуя¹, делом же не тако.

И паки восписует во обитель к Семейке Самсонову. Семейка же по повелению державнаго достальных осадных

---

¹ Далее до конца главы в списках Пи и П [т. е. в сборниках Императорской Публичной библиотеки Погодинского древлехранилища № 1503 (Пи) и № 1509 (П). — Ред.] текст сильно отличается от текста рукописей М (сб. № 299 Румянцевского музея) и С (сб. № 627 Казанской Духовной Академии, из библиотеки Соловецкого монастыря. — Ред.) и читается так: и воздая благодарныя песни Всещедрому Богу и Того Рождшей христианской нашей заступницы (заступнице — П) и великому чудотворцу Сергию; еще и просяще избавы ради христианския оставшися казны на раздачу Немецким ратным людем, понеже убо царская великая сокровища тогда зело оскудеша. На долзе бо царствующий град во осаде бысть и тмочислении людие, не токмо ратоборники но и (и нет в П) спроста реши всякого возраста и чина людие питаеми бываху от царских сокровищ, зане не пощаде державный не токмо казны своея златыя и серебряныя и бисера многоценнаго, но и свои царские (царския — П) багряницы, златом и каменiem испещренныя, вся разсыпав, отдаде воинников (воинником — П) и простецем; ни мало о сем не поболѣ, но помышляше еже от погибели избавити христианство, еже бысть, и отбещевает (обещевает — П) по отшествию иноплеменных вся та сугубо возвратити в дом Божий и великому чудотворца Сергия. И советом благим, и не нуждею подстрекателей паки восписается (восписает — П) во обитель к Семейке Самсонову. Семейка же по повелению державнаго и по благословению архимарита взят и последнюю казну издавна старое сокровище дачи государей великих князей и царей и бояляр и прочих христолюбц: сосуды златыя и серебряныя позлащены, иже велицей цене достойны; оставляет же во обители от сосудов серебряных малая некая худейшая. И от сего до конца оскуде казна во обители чудотворца. И такового ради терпения и святых Святый Господь и самый останок в велик плод возрасте благодеяния, якоже конец о нем являет.

сидельцов повеле всех грабити неповинно: не токмо мирскую чадь и вдов, но и иноков и священных чин и останцы монастырский и до последнего плата, ими же горкия слезы утираху. Образ же сея лютости и безчеловечия не неведом бысть во всем царствующем граде Москве. По сем же взят последнюю казну, издавна старое сокровище, дачи государей великих князей и царей, и бояр, и прочих христолюбцов, сосуды златые и серебряны позлащены, иже велицей цене достойны. Оставляет же во обители от сосуд серебряных малаа некаа и худейшаа. И от сего до конца оскуде казна во обители чудотворца. И яко же царь Василий небрег святых почитати, того ради и святых святой Господь самого пренебреже, яко же конец о нем являет.

Глава 57

О ПОБЕГЕ ЛОЖНАГО ЦАРЯ ОТ МОСКВЫ

Егда же прибежа под Москву в Тушино Сопега и Лисовской ис-под Троицкаго Сергиева монастыря со всеми Польскими и Литовскими людьми и с Рускими изменники, тогда бысть в Тушине у вора под Москвою смятение и все Поляки вкупе начаяша сещи Руских изменников, кои в Тушине: дворян, и детей боярских, и стрельцов, и казаков, и всякую чернь. О горе беды умышленныя от сопостата диавола на род христианский! Кто изречет тоя лютости, еже бысть от неразсуждения душам погибающим? Самовольне убо безумницы животом две смерти купиша и по делом своим праведное от Бога возмездие приаша. Мнози же прибегше ранены к царствующему граду с кровными слезами, прочим изречения просяще, и не бысть избавляющаго и не бе никто же помогаай! И тако поидоша к Смоленску стояти и по инем градом воевати. Вор же, нарицающийся царевич Дмитрий, прежде сего смятения за два месяца утече в Колугу с еретицею, с преждебывшею разстригиною женою, с Маринкою с Юрьевою, дочерью пана Сендамирского, и со инеми многими воры. И в Колуге от холопей боярских прият бысть, и

паки, яко царю, служат ему. И паки зачинается кровь христианская лютейши литися. Того бо ради окаанный утече, понеже неции от казаков тай возвестиша ему, яко Поляки ждуще князя Михаила и тогда хотяху его отдати в царствующий град. Богу же попускающе вора нас за грехи казнити, еще же и на покаяние нас грешных приводя; паче же и того злодея и иже с ним. Не хошет бо никому же погибнути, но всем спастися и в разум истинный приити. Но злоба состаревшаася конечно приходит во исление. Того ради злейши мечь Господень поощряется на ны, яже последи объявлено будет.

Глава 58

О КНЯЗЬ МИХАЙЛОВЕ ПРИХОДЕ К МОСКВЕ И О СМЕРТИ ЕГО

Неувяжемый уд в человецех, бесящийся язык, многих от сердец лукавых подвижется и клеветою подходят в тайных думех самодержца, яко «вся земля Росийскаа почитают князя Михаила паче тебе, великий царю; еще же и скипетроносца хотят его видети». Храбрый же той муж от многих молим беяше, дабы шел изгубити пути нечестивых и дабы не престал отгоняти волки от стада Христова. Он же царя, яко Исаак послушаше отца своего Авраама, и приходит целовати лице, о нем же мног труд и борьбы подъят. С ним же победители похвалами увязуются и от всего града царствующаго Москвы, яко Давид со юноши, паче Саула прославляется. Грех же ради наших по двою месяцу пришествиа его к Москве, мало поболев, той страшный¹ юноша ко Господу отиде. Но не вемы убо, како рещи: Божий ли суд на нь постиже, или злых человек умышление совершися. Един Создавый нас се вестъ. Но убо о таковем знаменитом человеце проплака вся земля неутешно, и горькаго того рыдания немощно изглаголати днесь; но колико познаваем, сиа о том и сплетаем.

---

¹ Внушивший (царю Василию Шуйскому) страх.

Достойнии убо похвалы в Еллинех Ектор и Ахил¹, но не видеша на себе пушаема стреляния силы. Древле убо смерть в бранех на мериле совершашеся; и аще исполинскою крепостию въскоре многим бываше, но едином ударением нигде же не слышася, еже бы полк народа в мгновении ока погиб. Ныне же и горы основания и стены градовныя, яко прах развеваает. Тогда убо сила соблюдаше и храбрость многих, ныне же и ум тоя беды постигнути не может. И с таковыми убо смертями боряйся муж зайде под землю!

О, беды сея! Паки возвращаются львы, паки волки рыщут, паки Христово стадо распущено бывает, паки овцы растерзаются! О, горе, горе нам, живущим на земли! Сверженный бо от небес непрестанно гонит нас по сказанию Сына Громова², ведый, яко мало время имать пребыти.

Глава 59

О ПРИХОДЕ К МОСКВЕ ГЕТМАНА ПАНА ЖЕЛКОВСКОГО И О БОЮ СО КНЯЗЕМ ДМИТРИЕМ ШУЙСКИМ О ПРИХОДЕ ПАКИ К МОСКВЕ ЛОЖНАГО ЦАРЯ

И паки сынами еретическими, яко водою, обливается царствующий град, и изнеможе всяка крепость православных. И царев убо брат, князь Дмитрий Иванович Шуйской, изыде со множеством вои, но со срамом возвратися, понеже вои ненавидаху его гордости его ради, и не любезен бяше во очию их. И со едину страну царствующаго града Поляки множественны числом стояху, з другую же злый враг прииде ис Колуги, нарицающийся царевичь Дмитрий. И той тако же пакость деяше христианом. Еще же и по призванию царя Василиа Крымские Татарове приидоша на защищение граду, и тии в царствующий град внутрь не вни-

---

¹ Автор сравнивает князя Михаила Скопина-Шуйского с Гектором и Ахиллом — героями древнегреческой эпической поэмы «Илиада».

² Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (см. Откр. 12, 12).

доша, но со враги за стенами вкупе ратоваху и христиан убо погубляюще. На царе же Василии за то дары великия взявше и от всея земля плену, яко скот в Крымское державство согнаша. Сие же растерзаему царствующему граду бывающе, и уже не умеюще что сотворити, и начаша лукавыя лисицы изменники совещатися: овии с Поляки, дабы королевича Владислава возвести на Росию державствующим, инии же ложному царевичю Тушинскому, иже от Колуги пришедшу, и тому хотяще служити. И бе кровь вне и внутрь, и мнози закалаеми бяху неповинно. Воинствующих же чин конечно изнеможе всяческими нужи; злейши же всего — бесконны сташа.

Глава 60

О ОМАНКЕ НАД МОСКВИЧИ АЖЕ-ХРИСТОВЫХ ПРАВИТЕЛЬ

Бывшии же правители у ложного царя неправ совет изьявляют защитником царствующаго града Москвы: «Вы убо оставте своего царя, — глаголюще Василиа, — и мы такожде отставим своего и изберем вкупе всею землею царя и станем обще на Литву». И уверяхуся страшными клятвами, еже неложно сиевому делу быти. И таков слух изыде в весь народ, и вси радостны быша, дабы кровь христианскаа утолити. И собрася весь царствующий град, и низводят от царьских полат царя Василиа в лето 7118 (1610 г.). И совершишиа свое желание заводчики, Северских градов жителіе. На утріе же Москвичи изыдоша на поле к Даниловскому монастырю, еже бы клятвеное слово совершити, и тем не Христова же чяда, но антихристова с смехом отказаша: «Вы убо праведно сотвористе, неправеднаго царя изринувше; и служите царю нашему истинному, прямому вашему». Святейший же отец отцем Ермоген патриарх молит весь народ, дабы паки возвести царя. Его же словес мудрых никто же не послуша, но вси уклонишася и вкупе непотребни быша.

О ПОСТРИЖЕНИИ ЦАРЯ ВАСИЛИА

В лето 7118 (1610 г.), июля в 19 день Рязанец дворянин Захарей Ляпунов да князь Петр Засекин с своими советники царя Василиа силою постригоша в чернеческий чин. Обещание же за царя отщещеваше князь Василей Туренин; и предаша под начало в Чюдов монастырь. И потом вскоре и царицу его Марию постригоша силою же и отдаша в Ывановской монастырь; а братию его, князя Дмитрея да князя Ивана Ивановичов Шуйских отдаша за приставов. Поляки же паки о градоемстве промысляху, тако же и лже-Христ Тушинской и Колуской. Мнози же хотяще тому лже-Христу служити, и измены многи начяша бывати. И изволиша людие се: «Лучши убо государичю служити, нежели от холопей своих побитым быти и в вечной работе у них мучитися». Еще же и заступления вси чаяху Поляков на воров. И положиша совет, еже быти царем Владиславу королевичю.

Патриарх же Ермоген паки начат плакаться пред всем народом, дабы не посылали с таким молением к Польским людем, но молили бы Господа Бога, чтобы Господь Бог воздвиг царя. Вси же людие о сем посмеяшся. Патриарх же велиим гласом возопи пред всеми: «Помните, о православнии христиане, что Карул¹ в Велицем Риме содея!» И вси заткнувшие уши чюствєнныя и разумныя, и разыдошся. И вскоре с Поляки совет положиша, еже быти царем Владиславу королевичю.

О крестном целовании у москвичь с поляки

Гетман же Желковской целовал крыж² королевского дущею, что королю сына своего Владислава дати на Московское государство, и быти ему в христианской вере Греческаго закона; а креститися было ему, к Москве идучи, в Можайске от Ермогена патриарха и от всего освященного собору.

¹ Карл Великий (742–814).

² Крест (польск. krzyz).

А доколе королевичь будет на Москве, и гетману Желковскому со всеми людьми отити в Можаяск, а изо всех городов Руские земли вывести вон всех Поляков и Литву. А королю отити от Смоленска прочь со всеми людьми в Польшу.

Тако же и всею землею Росийскою целовали крест Господень, что Владиславу Жигимонтовичю служить прямо во всем.

С вором же вси сущии, сиа увидевши, и отидоша паки в Колугу. За ними же Поляки не погнаша, но оставиша их, да разоряют христианство. Патриарх же зело плакася, видя таково нестроение.

Глава 62

О ПОСЛЕХ

В лето 7119-го (1610 г.) сентября в 9 день избравше всею Росийскою землею в послы пресвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, да князя Василиа Васильевича Голицына, да князя Данила Ивановича Мезецкого, и думных дворян и дьяков; приидоша же послы под Смоленск в табары х королю Польскому и Литовскому Жигимонту октября в 7 день.

Того же месяца в 19 день пред королем Польским и Литовским Жигимонтом ставше послы царствующаго града Москвы, моляще короля, дабы дал сына своего на государство Московское. И по малех днех еще четирижды быша послы, советующе з сенатари и з гетманы. И на четвертом сходе сказали сенатари и гетманы, что пожаловал король, сына своего Владислава хочет дати, еже быти ему на Московском государстве царем. Медлящим же послом сицевыя ради вины под Смоленском всю осень и зиму, и не бе к Москве праваго ответа: будет ли или не будет королевичь на государство Московское. По четвертом бо сходе посольском с Москвы от Московских бояр х королю с повинною гонец прибежа, дворянин Иван Безобразов, понеже бояре, отпустивше по-

слов под Смоленск и не дождавшись от них грамот, и вскоре все воинство Польское и Литовское пустиша в город. Се же содеяша зло сами себе волею и неволею: волею бо, яко мнози королю доброхотствующе, неволею, яко мнози к вору Колужскому¹ начаша прямити² и зсылатися.

Начальник же Польского воинства гетман Желковской повеле с царя Василья Ивановича Шуйского платье сняти и отвести в плен х королю Жигимонту, Польскому и Литовскому; тако же и братию его, князя Дмитрея с княгинею и князя Ивана Шуйских послаша х королю. Послы же такового зла дела не уведеша. Патриарх же Ермоген много о сем плакася и много бесчестия прият от изменников и от Поляков. Потом же Поляки все державство Московское начаша правити и везде своя воеводы и судиа начаша поставляти, и всяка крепость града Москвы за их стражыми бысть; и наряд пушечной и пищальной весь отъемше и внесше внутрь града Кремля и Китая. И по всем градом Росийским посылаху своя угодники.

И того ради посольство х королю Польскому бездельно бысть, и в бесчестии быша посланнии от Московского государства; их же начаша до конца оскорбляти и голодом томити. Сам же король беспрестанно промышляя, како бы град Смоленск взяти. Послом же повеле отказать, что не будет королевичь на государство Московское. Сенатари же и гетманы рекоша послом: «Вы одне, послы, токмо бездельничаете, а Московское государство все королю хочет служить и прямити во всем». И показываху челобитные за руками, кто что у короля просит. И того ради послы до конца отчаяшся и не ведуще, что сотворити. Неции же от них и к царствующему граду возвратишся. Гетман же Желковской и с Поляки начат казну царьскаго дому грабити: ово себе с Поляки, ово же х королю под Смоленск посылаа. Та же и наряд хотяше с Москвы под Смоленск послати. По всей же Руской земли начат посылати дани великия и оброки имати.

---

¹ Ажедимитрию II.

² Верно служить.

И кто ту беду изглаголет, каковы быша правежи¹ по всем градом православным христианом? Но и о сем Поляки не утешися, но паки оружием препоясуются и повсюду ратным обычаем насилуют.

Глава 63

О СМЕРТИ ВОРА КОЛУСКОГО

Аже-Христ же, нарицаая Дмитрием царевичем, живый в Колуге; и той тако же православным христианом пакость деяше. И некогда князь Петр Урусов сын Нагайской по своему злому обычаю мечем погуби вышепомянутого Касимовского царя. Вору же Тушинскому той враг христианский зело любим беяше, тако же и Нагайской не Петр, но диавол любим же беяше. И оскорбе вор о царе Касимовском: поту-жи сатана по бесе; повеле того князя Петра ввергнути в темницу. Ведый же князь Петр, яко лукавый той аже-Христ зело имению желатель и серебру служай всегда, и подвиже многих лукавых же волков лютаго льва обольстити многими дарми. И тако по трех дньех ис темницы изведеса и много тому врагу похвал предложив. И по дньех неколкох умоли его изыти тешитися и смотрити поля Татарскаго на зайцы. И на том игралищи в поле пред Колугою устреми того врага до смерти, сам же убежа с Татары. И остася сука со единым щенятем. К ней же припряжеса законом сатанинским поляк Иван Заруцкой, показуая, яко служа сей и тому выблядку.

Сие же дозде: не убо о нем повесть скажется.

Глава 64

О СОБРАНИИ ВОИСКА В РОССИИ

Рязанские же земли жителие, дворяне и дети боярские и всякие воинские люди, видяще толико насильство Поля-

---

¹ Насильственные поборы.

ков, в них же начальствуя тогда на Рязани воевода Прокопий Петрович Ляпунов, и сослався с Володимерцы, и с Ярославцы, и с Костромичи, и с Нижегородцы, и з государством Казаньским, и с Польскими городами и со всеми Татари. Потом же и того врага Заруцкого увещаша многими дарами и посланьми. С ним же многие казаки и Северские города изволением Божиим обратишяся. И тако изо всех градов Литву начяша изганяти.

Глава 65

СКАЗАНИЕ ВКРАТЦЕ О РАЗОРЕНИИ ЦАРЬСТВУЮЩАГО ГРАДА МОСКВЫ

Кто не восплачется и не возрыдает и теплых слез источник не изливает, аще есть и каменосердечен и жестосерд, о велицем сем царствующем граде, иже прежде бысть велик и превысок, непобедим же и прекрасен, и всем прелюбезен во очию зрящим его? И благочестивыми и великими царьми царствуем и обладаем бе. И не токмо крепкими и высокими стенами, но и многими крепкими оружиеносцы и храбрыми ратоборцы и премудрыми мужи огражден сый. Паче же святыми церквами и многоцелебными мощми святых цвеляше, и молитвами их от вся Содержащаго укрепляем, растяше и возвышашеся и от многих государств поклоняем; богатством же и славою и многонародным множеством и превеликим пространством, не токмо в России, но и во многих ближних и далних государствах прославляем и удивляем бысть царствующий сей град Москва, паче же реку Новый Рим. И како толик предивен бысть, во един час падеся, огнем и мечем потреблен бысть. И збысться на нас слово премудраго Соломона реченное: «Злодеяние и беззаконие опровержет престолы сильных». Во истину благий совет. Правда же и любовь все созидает и воедино совокупляет, неправда же и созданная вся и созидаемая разоряет и сокрушает.

Видим убо, колика древняя великая царства неправды ради и беззакония падошяся злым падением. Глаголю же

Содома, и Вавилона великаго, и Ниневии великии, и Трою предивную; и Ерусалим град святой несохранения ради закона Господня пленен бысть. Последнее же, увы, и конечно пленение бысть, понеже распяша Господа славы и не покаа-
шяся. По сем же великий царствующий Константин град, не беззаконна ли ради и неправды пленен бысть? Окрест же Росии знаемаа нами царства Татарскаа великаа падоша и в запустении быша. Сие бысть и над царствующим градом Московю за премножество беззаконий наших.

Но сия убо по пленении своем не возмогут встати; царствующий же град не тако. Аще и за беззакония наша и тмочисленныя грехи мало показа¹ нас Господь, за милость же свою много возлюби и помилова. Егда убо беззакония ради своего смирихомся и восколебахомся, яко пьянии, и приближихомся и до врат смертных и возопихом ко Господу, и услыша нас и от бед наших избави нас. Во-истинну близ есть всем призывающим его истинною и раскаяся по множеству милости своея и порази вспять пленующих нас врагов наших. Но о сем убо впреди изъявлено будет. Начнем же ныне, о нем же нам слово предлежит.

В царствующем граде Москве преждевременно они Аютори, беззаконнии Поляки и Литва и Немцы и отступники и предатели христианской вере Михайло Салтыков, да Федор Ондронов со всеми своими советники, видевше, яко многиа Росийския грады познаша их лукавство и злую прелесть и преступление в крестном целовании и приставов их по всем градом и по селом множество побиенных, и воевода их князь Иван Куракин с Поляки и с Рускими изменники к Москве прибежал, разбит от Ивана Васильевича Волинсково с товарищи, и непшующе вскоре от Рязани и от Володимеря и от Казани и от инех градов многово Росийского воинства, и по своему лукавому нраву умыслиша злое коварство над царствующим градом Московю.

Того же лета 7119-го (1611 г.), марта в 19 день на Страстной недели во вторник, Михайло Салтыков и Польские воеводы Гасевской да Струс со всеми Поляки и с Немцы начаша

---

¹ Наказал.

сеци в царствующем граде Москве всех православных христиан. И прежде убо Китай-град затвориши. И ту много множество побиши православных и торги вся разграбиши. По сем же в большом в Белом-граде и в деревяном вся жилища человеческаа огнем попалиши, и всяк возраст и всяко здание царствующаго града Москвы, — увы! — огню и мечу предаши. И град деревяной весь сожгоши. Церкви же и монастыри и всяку святыню оскверниши и попраши. Новаго же исповедника, святейшаго Ермогена патриарха Московского и всея Руси безчестне с престола изринуши и в месте нужне затвориши, в нем же и преставися новый исповедник, скончав течения своего подвиг.

Сие же гневобистрое наказание от Бога бысть нам за премногия и тмочисленные грехи наша, понеже Господь многожды наказуя и отвращаа нас от злоб наших и не послушахом, ниже отвратихомся от путей наших лукавых, но в путь Каинов ходихом и в след волхва Валама.

Того же дни, на Страстной недели во вторник, в Троицкой Сергиев монастырь прибежал с Москвы сын боярской Яков Алеханов и сказал архимариту Дионисию¹ и келарю старцу Аврамию и всей братии злоубийственную и страшную весть, еже сотворися над царствующим градом Москвою. Архимарит же и келарь и вси сущии во обители, слышавше сиа, зело сердца своими востенавше и источники слез многи излиавше и руце свои воздеюще ко Всемогущему Творцу и Содетелю, со слезами молящеся и глаголюще: «Заступниче и Защитниче наш, Господи, призри на ны и избави нас от уст кровоядливых сих Лютор, и не предай же достояния своего в руки врагом нашим!» Также же ко Всенепорочней Владычице Матери Слова Божия и к великим чюдотворцом Сергию и Никону со слезами притекше, заступления и помощи просяще.

Того же дни отпустили наспех к Москве на помощь Ондreja Федоровича Палицына, а с ним слуг 50 человек, князя Василья Туменсково с товарищи, да дву сотников стрельцких, Рахманина Базлова да Томила Яганова, а с ними

---

¹ Архимандрит Дионисий (Зобниновский, 1570(1571?)–1633).

стрельцов двесте человек. А в Переславль Залеской посла-
ша слугу Олексея Острецова с товарищи о помощи к вое-
водам к Ивану Волинскому, да ко князю Федору Волконско-
му и к дворяном и детем боярским и ко всяким служивым
людем. По сем же розослаша грамоты во вся грады Росий-
ския державы к бояром и воеводам, пишуще к ним о много-
плачевном конечном разорении Московскаго государства,
моляще их от различных Божественных Писаний и поведаю-
ще им в писаниих своих, како во многих градах и в селех
от Литовских людей бывшую конечную погибель и разоре-
ние и святым Божиим церквам осквернение и чудотворным
святым образом и многоцелебным мощем святых поруга-
ние, иноком же многолетным и инокиням добродетельным,
паче же реку невестам Христовым, обругание и оскверне-
ние. Не пощадеша бо окаании Лютори они, ниже усрами-
лися престаревшихся многолетних седин. От старец даже
и до ссуших млеко младенец всякого возраста и всяк народ
общий христианский и множество безчисленное во градах
и в селех христианския работныя чади не вси ли от них без
милости пострадаша и горькими и лютыми смертями скон-
чашся и в плен разведены быша? Ныне же окаании царь-
ствующему граду седьмерицею сугубейши того сотвориша
зло. Паки же воспоминающе тем от писания прежде бывших
храбрых мужей за православие скончавшихся: како подвиза-
шся и пострадаша о вере и за отечество даже до смерти; и
колицех даров от Бога сподобишся приати; от человек же и
по смерти колицеми честьми тогда почтошся и ныне почи-
таеми. И им бы такожде возложить упование на Всесильнаго
в Троицы Славимаго Бога и на Пречистую Матерь Слова Бо-
жия и на великих светил во всей велицей Росии просиавших,
поспешити немедленно к царствующему граду на богомер-
ских Польских и Литовских людей и на Руских изменников
ко отмщению крови христианския; и постояти бы за благо-
честие крепко и мужественно и добыти комуждо себе вечное
имя и похвалы достойно. «Всякому» — глаголюще, — «делу
едино время надлежит. Аще ныне о правде не постражем,
потом всяко бес пользы и без возданиа умрети же имамы.

Во-истинну милостив есть Владыка и человеколюбив. Вопль и молитву раб своих услышит и отвратит праведный свой гнев и избавит нас от належаща лютыя смерти и Латынско-го порабощения. Токмо сами мужайтесь о Бозе и крепитесь. И аще Господь с нами, то кто на ны?» Многа же и ина от Божественных Писаний пишуще к ним со многим молением о поспешении на иноплеменных.

Сицевым же грамотам от обители Живоначальная Троица во вся Росийския грады достигающим, и слуху сему во ушеса всех распространяющуся, и милостию Пребезначальная Троица по всем градом вси бояре и воеводы и все христолюбивое воинство и всенародное множество православных христиан помалу разгорающеся о Бозе духом ратным. И вскоре сославшеся, сподвигошася от всех градов, со всеми своими воинствы поидоша к царствующему граду на отмщение крови христианския.

Бояре и воеводы

От Колуги боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, а с ним дворяне и дети боярские и стрелцы, и казаки, и всякие служивые люди многих розных городов.

От Переславля Залесского воевода Иван Васильевич Воынской да князь Федор Волконской, а с ними дворяне, и дети боярские многих розных городов и стрелцы и казаки и всякие служивые люди.

От Коломны думной дворянин и воевода Прокофей Петрович Ляпунов, а с ним дворяне и дети боярские и многие атаманы и казаки и всякие служивые люди.

От Тулы Иван Заруцкой, а с ним дворяне и дети боярские многих городов и многие атаманы и казаки и севрюки¹ и всякие служивые люди.

От Володимеря Иван Просовецкой з дворяны и з детми боярскими и с черкасы и с казаки, со многими людьми.

---

¹ Севрюки — служилые люди из Новгорода-Северской земли, несшие сторожевую службу.

И от иных многих городов всякие служивые люди вси приидоша под царствующий град Москву и вкупе снемшеся, и бысть многочисленное воинство.

Польские же и Литовские люди и Руские изменники изыдоша противу их, и бысть им бой велик; от обою страну пиша мнози смертную чашу. И Божиею милостию одолеша еретиком православнии и многих Поляков и Немец побили и во град потоптали и Белово каменово города от Москвы реки взяли круглую башню и Яузские и Покровские, и Фроловские и Устретенские и Петровские и Тверские ворота. И вниде все христоименитое воинство в каменой в Большой город, а Польских и Литовских людей осадили в Китае городе и в Кремле, а Немец осадили в Новом в Девиче монастыре.

Во обители же Живоначальная Троица архимарит Дионисей и келарь старец Аврамей со всем освященным собором и со всею братиею по вся дньи совершающе молебнаа, моляще Всещедрого, в Троицы славимаго Бога, и Матерь Слова Божия и великих чудотворцов Сергия и Никона о помощи и о укреплении на врага всего христолюбиваго воинства и освятивше воду, и со святыми водами тогда приежджал под Москву к бояром и воеводам и ко всему воинству старец Аврамей Палицын. И пришед паки укрепляя от Божественых Писаний все христолюбивое воинство.

По сем же архимарит и келарь по совету бояр и воевод писали в Казань по прежеписанному к пресвященному Ефрему, митрополиту Казанскому и Свиязскому, и к бояром и воеводам и ко всему воинству Казанского государства и в Нижней Новѣград и во все Понизовные города и в Поморие о великом разорении Московскаго государства и о собрании под Москвою христолюбиваго воинства. И им бы такожде быти в соединении и стати обще на отмщение крови христианския и приити в сход под царствующий град Москву. Казаньскаго же государства и всех Понизовных и Поморских городов бояре и воеводы и всякие служивые люди и все народное множество всех чинов, тако же и прежде бывшия под Смоленском у Польскаго короля Жигимонта дворяне и дети боярские и всякие служивые люди, Смольяне и Новго-

родцы и иных многих Украинских городов, и сии вси, слышавше о разорении Московского государства и собравшеся под царствующий град, вси приидоша; и шедшеся, вскоре взявша Новой Девич монастырь да Большово Белово города взяли Алексеевскую башню и Водяные и Черторские и Арбацкие ворота и Никицкие, а за Москву рекою против ворот острошки поставили и сотвориша Польским и Литовским людем велику тесноту.

Глава 66

О УБИЕНИИ ВОЕВОДЫ ПРОКОПИЯ ЛЯПУНОВА

Искони же ненавидяй добра человеческому роду враг диавол, виде в соединении православных христиан, зависитию растерзается и обрете сосуд на се готов устроен, глаголю же Ивана Заруцкого и единомысленных ему казаков, с ним пришедших; и взусти¹ его на убийство думного дворянина и воеводы Прокофья Петровича Ляпунова. И исполнився ярости и зависти мужества его ради и разума; зело бо той Прокопей ревнуя о православии, ненавидя же до конца хищения и неправды, бывшего тогда в казачьи воинстве. И призвавше его в съезд, возложивше на нь измену и вставше, убиша его.

По несправедном же оном убийстве Прокопиеве бысть во всем воинстве мятежь велик и скорбь всем православным христианом. Врагом же Поляком и Руским изменником бысть радость велика. Казаки же начаша в воинстве велико насилие творити, по дорогам грабити и побивати дворян и детей боярских; потом же начаша и села и деревни грабити и крестьян мучити и побивати. И такового ради от них утеснения мнози разыдошася ис-под царствующаго града. Литовской же гетман Сапега тогда стоя под градом Переславлем Залесским, слыша о убийстве Прокопиеве и нестроение велико усмотрив в воинстве православных, и прииде вскоре на

---

¹ Подстрекнул.

помощь Поляком со множеством воинства и з запасы. И от Олексеевской башни и до Тверских ворот Большово Белово города взяли и в Замосковье острошки все высекли и запасы в город провезли. Разыдоша бо ся тогда вси насилия ради казаков, а толко остались под Москвою боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, да Иван Заруцкой, да Ондрей Просовецкой с казаки своими. И тем стали Литовские люди силены.

Глава 67

О ГЕТМАНЕ ХОТКЕЕВИЧЕ

По сем же прииде ис Польши гетман Хоткеевич со многими Польскими и Литовскими людьми и стал в Красном селе и боярина князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого с товарищи осадили. И бысть в Руском воинстве скудость и глад велик, и свинцу и зелью пищальному недоставшу, и великою скорбию стеньяющеся.

Боярин же, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, с товарищи и со всеми атаманы писали в Троицкой Сергиев монастырь со многим молением о свинцу и о зелии. И паки моляще, чтобы писали грамоты о помощи на Польских и Литовских людей.

Архимарит же и келарь сотвориша собор, созвавше бояр и дворян и дьяков, прилучившихся тогда в монастыре Троицком от разорения Московскаго государства. И советовавшие, паки написаша грамоты со многим молением ко всему христолюбивому воинству о помощи на иноплеменных и разослаша во вся грады Росийския державы и для збору ратных людей из Троицкого Сергиева монастыря в Ярославль и во все Замосковные и Поморские города отпустили боярина князя Ондрея Петровича Куракина, да дьяка Михайла Данилова, а с ними дворян и детей боярских в Володимерь и во все Понизовные города отпустили стольника Василья Ивановича Бутурлина, да диака Сыдавново Васильева. А под Москву к боярину и воеводе ко князю Дмитрею Ти-

мофеевичю Трубецкому с товарищи и ко всему воинству послали пеших Троицких слуг и служебников с свинцом и з зелием и укрепляюще все воинство писании благонадежным быти и ждати помощи вскоре. Свинцу же и зелиа много посылающе им всегда. И бысть в монастыре скудость зелию. Келарь же, ис полуторных и из верховых и ис полковых пищалей заряды выняв, к ним посла.

Грамотам же от обители Живоначальная Троица дошедшим во вся грады Росийския державы, и паки начаша быти во единомыслии. Паче же в Нижнем Новеграде крепче яшяся за се писание и множество народа внимающе сему по многи дни. Во един же от дньий сшедшися единодушно и глаголаше койждо к ближнему своему, яко уне¹ есть нам умрети, нежели предати на поругание Пречистые Богородицы образа Владимирские и честных и многоцелебных мощей Петра и Алексея и Ионы и прочих Московских чудотворцов и православные христианские веры в поругании видети. И избравше всему воинству начальника, стольника и воеводу князя Дмитрея Михайловича Пожарского, к нему же избравше для земские казны збору ис посадских людей Козму Минина. И тако совет их и начинание благо и дело бысть. Слух же о сем протече по всей Росии и собравшяся от всех градов дворяне и дети боярские и всякие служивые люди в Нижней Новгород к стольнику и воеводе ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому. Он же комуждо по достоянию дааше им денежное жалование и кормы и трапезами учреждаше их и во оружии готовы ко брани устрояше их. И вси, иже от воинственного чина, и нищии обогатися и бышя конны и вооружены, и паки бысть многое воинство.

Гетман же Хоткеевич, услышав многое собрание Росийского воинства, отиде от Москвы к Волоку к Ламскому. Из Ростова же полковник их Каменской к нему же прииде на сход. И от Москвы и до Ярославля путь очистися. А от князя Дмитрея Михайловича передовые люди от Нижнево в Ярославль и на Кострому приидошя.

---

¹ Лучше.

О новом ложном цари

В то же время в 120-м году (1612 г.) научением диаволим, иже непрестанно воюя род христианский, проявися паки во Пскове вор и назвася царем Дмитрием. Сему же вражью совету бысть единомысленик Иван Плещеев с товарищи. И по казачью злоумышленому заводу затеяли в полках под Москвою крестное целование и всех дворян и детей боярских и Московских жилцов привели к крестному целованью, целующе животворящий крест тому вору Псковскому, нарицающе его царем Дмитрием; и вси сплетшеся низводи ми к велику греху неволею. В велицей же Лавре Живоначальныя Троица архимарит и келарь со всею братиею непоколебими пребывая и грамоту, присланную за воровскою лже-Христовою рукою оплевавши. Того же ради и многие грады к злому совету тому не присташи и от того греха соблюдошася; вору креста не целовали.

И слыша под Москвою боярин и воевода, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой с товарищи, что у Троицы в Сергиеве монастыре пребывая вси отнюдь непоколебими, врагу и вору Псковскому креста не целовали, а прямят истинно Московскому государству, и вскоре в Сергиев монастырь прислал дворян Михайла да Никиту Остафьевичев Пушкиных, моля о сем, чтобы писали от обители к стольнику и воеводе ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому о немедленном шествии под царствующий град Москву, и все бы воинство было в соединении. А под Москвою всем воинским людям теснота и глад и скорбь велика; и пришествия гетмана Хоткеевича к Москве паки вскоре чающе со многими Польскими и Литовскими людьми и з запасы.

Архимарит же и келарь вскоре отпустили в Ярославль ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому и ко всему воинству соборных старцов Макарья Куровскаго да Илариона Бровцына со многомолебным писанием, поведаяще им вся содеваемая под Москвою. Князь Дмитрий же писание от обители в презрение положи, пребысть в Ярославле много время. Архимарит же Дионисей и келарь старец Аврамей паки посылают к нему соборново старца Серапио-

на Воейкова да старца Офонася Ощерина, много моляще его вскоре приити к Москве и помощь учинити, ово пишу-ще к нему с молением, ино же и з запрещением, понеже наченьшем дело добро и о том нерадяще и мняще сладкое горко, и горкое сладко и сладость мнящем вседневное насыщение. И прочаа от Божественных Писаний довольно писавше и к сему прирекше: аще прежде вашего пришествия к Москве гетман Хоткеевичь приидет со множеством войска и з запасы, то уже всеу труд ваш будет и тыще ваше собрание.

Князь Дмитрий же Михайловичь, старцов ко обители отпустив, сам же медленно и косно о шествии промышляше, некои ради междоусобных смутных словес в Ярославле стояще и войско учрежающе, под Москвою же вси от глаза изнемогающе. Враг же Хоткеевичь виде междоусобие в Руском воинстве, тщив сый и готов на пролитие крови христианския, скоро к шествию пути устремляется. Но Господь гордых пути препинает и нестройно бывает шествие его.

Видев же сие действо диаволе, Троицкой келарь Аврамей, и между воевод вражду и яко того ради православному христианству бывает конечная погибель, и советовавшие со архимаритом Дионисием и з соборными старцы, и певше молебная, взем благословение от архимарита и от братии, пути емлется, поиде в Ярославль июня в 28 день; о сем моляся Богу, да труд пути его не бесплоден будет. И пришедшу ему во град Ярославль, и виде мятежников, и ласкателей и трапезолюбителей, а не боголюбцов, и воздвижущих гнев и свар между воевод и во всем воинстве. Сия вся разсмотрив, старец и князя Дмитрея и Козму Минина и все воинство поучив от Божественных Писаний и много молив их поспешити под царствующий град и к тому таковым мятежником не внимати. Князь Дмитрий же Михайловичь и Козьма Минин и все воинство, послушавше моления старца, и посла прежде себя к Москве воевод, брата своего, князя Дмитрея Петровича Пожарского Лопату да Михаила Дмитриевича Самсонова, а с ними отпустиша дворян, и детей боярских, и стрельцов, и казаков, и всяких воинских людей множество. Воевода же князь Дмитрий Петровичь с товарищи, пришед к Москве, стал у Тверских ворот, а Иван Заруцкой, исполнен

сый зависти, со единомышленными своими и заслав полку своего множество казаков, да убьют воеводу князя Дмитрея Петровича и войско его разбьют. И много бившеся, тружающеся все, ничто же успешя, но со срамом итьидоша.

Потом же и сам князь Дмитрей Михайлович и Козьма Минин поидоша под царствующий град со всем воинством. И слышавше во граде Пскове о сем вси людие и с прежереченным Иваном Плещеевым советовавше; потом же и казаки от прелести обратися: вора, иже назвася царем Дмитрием, поймавше к Москве приведоша. А Иван Заруцкой, стоя под Москвою с казаки своими, мятяше всем воинством и всеми православными христианы, грабяще и насилующе; и слыша, яко князь Дмитрей Михайлович идет под Москву, и весь лукавый совет его разорися и бысть ни во что же. К сему же уведев, яко мнози и от его полку от прелести обращахуся ко истине и отторжеся от благаго совету, нощию бегу емлется со единомысленными своими. И пришед во град Коломну к Маринке к Юрьеве дочери Сandomирсково, котораа была у вора в Тушине, и назва сына ея царевичем, не по мнозех же дньех и оттоле побежа, поем с собою и прежде реченную Марину и сына ея.

Но на предписаннаа возвратимся. Егда прииде князь Дмитрей Михайлович к Троицы в Сергиев монастырь с достальными¹ людьми августа в 14 день и восхоте стояти во обители, а боярин и воевода князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой пишет непрестанно из-под Москвы в Троицкой Сергиев монастырь к архимариту и келарю и к соборным старцом, что ис-под Москвы казаки все для великие скудости хотят ити прочь, а к Литовским людям в Москву идет Хоткеевич на проход² со многими людьми з запасы, и Дмитрею бы Михайловичю к Москве поспешити и Литовских бы людей в Москву не пропустити. И архимарит Деонисей и келарь старец Аврамей много о сем моляху князя Дмитрея и все войско, в них же бысть много разньствия и нестроение велико: ови хотяху под Москву итти, инии же не

---

¹ Остальными.

² Напролом.

хотяху, глаголюще: «Князя Дмитрея манят под Москву казаки, хотят его убить, как и Прокофья Ляпунова убиша». Келарь же много прещаше им и князю Дмитрею глаголаше: «Помни, княже господине, слово в Евангелии реченное: «Не убойтесь от убивающих тело, души же коснуться не могущих». Но аще что и случит ти ся и постражеши, то мученик будеши Господеви». Многа же и ина глагола ему от Божественых Писаний, яко умилитися ему. И оставив вся своа размышления и страх ни во что же вменив, но все упование возложив на Всесильнаго в Троицы славимаго Бога и на великих чудотворцов Сергия и Никона, и певше молебнаа, поиде из обители Живоначальная Троица со всеми людьми под царствующий град Москву, августа в 18. Поемлет с собою и келаря старца Авраама. Пришедшу же князю Дмитрею Михайловичю под Москву и ста у Арбатских ворот, и Литовским людем во граде конечную тесноту учинили.

Глава 68

О ВТОРОМ ПРИХОДЕ ПОД МОСКВУ ГЕТМАНА ХОТКЕЕВИЧА

Не по мнозех же днех прииде гетман Хоткеевичь со многими Польскими и Литовскими людьми и з запасы. И того дъни бысть бой под Новым под Девичим монастырем с полки князя Дмитрея Михайловича Пожарсково. И сперва Литовские конные роты Руских людей потеснили, потом же многими пешими людьми приходили на станы приступом и билися с утра и до вечера. И паки Господь Бог милость показа, Литовских людей от станов отбили и за реку за Москву прогнали. А которые Литовские люди выходили из града очищати Водяных ворот, и тех людей побили и знамяна поимали. А боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой со всеми своими полки тогда стоял за Москвою рекою у Пречистые Богородицы Донские. В нощи же той от гетмана проидоша во град шестьсот человек гайдуков а наутрее вышедше из града за Москвою рекою у стратотерпца Хри-

стова Георгия острог взяли и знамя свое на церкви поставили. Зверообразный же гетман Хоткевичь прииде от реки Сетуни со всеми своими полки ко Пречистые Донские. Рустии же полцы ополчишяся противу ему. Стрельцы же и казаки вси сташия по рву, сия же быша в третий день по приходе гетманове. Светающу понеделнику, начаша полцы сходиться: бе бо от обою стран множество безчислено людей. Окаяннии же Лютори, Польские и Литовские люди, нагле зверообразным рвением наступишя на Московское воинство. Божиим же попущением грех ради наших Рустии полцы вдашя плещи свои, на бегство устремишяся; тако же и пешие вси, ров покинувшя, побегошя и острог у святого Климента покинули; из града же вышедше, Литовские люди в том острошки сели и знамяна на церкви поставили; и запасы многие в тот острог ввезошя, яко никому же им возбраняющу. Но егда уже изнемогши силе нашей, но конечно еще неотчаавшемся и ко Спасителю своему и Творцу душевнии и телеснии очи возведше, от всея душа возопивше, помощи на сопротивных просяще, тогда Всемогий вскоре показа крепкую свою и непобедимую силу: казаки убо, которые от Климента святого из острошку выбегли, и озревшися на острог святого Климента, видешя на церкви Литовские знамяна и запасов много, во острог вшедших, зело умилишяся и воздохнувшя и прослезившяся к Богу, — мало бо их числом, — и тако возвращшяся и устремишяся единодушно ко острогу приступом; и, взявше его, Литовских людей всех острию меча предашя и запасы их поимашя. Прочие же Литовские люди устрашишяся зело и вспять возвратишяся: овии во град Москву, инии же к гетману своему; казаки же гоняще и побивающе их, яко и самим им удивляющимся силе Божии; позавидев же диавол славе Божии, яко змий мечтаяся, вложи мысль лукаву тем казаком, иже Литовских людей побивающе. Первее убо они удивляющяся помощи Божии, благодаряще Бога, яко немнозем им и толико избивающе противных; та же размышляюще, видеша множество стоящих и неспомогающих им, и исполнишяся гнева и горести, возвращахуся в станы своя, укоряюще дворян, яко многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нари-

цающе и извет¹ дающе, яко к тому им ко врагом на брань не исходити николи же. И сиа видеша врази, яко отступиша от них казаки, велико дерзновение приаша и поставиша обоз свой у церкви святых великомученицы Христовы Екатерины и ров наполниша пешими людьми и за рвом станы себе доспеша и запасы своя ввезше поставиша. Видев же сиа бываемаа злаа, стольник и воевода, князь Дмитрий Михайлович Пожарской, и Козма Минин, и в недоумении быша. И послаша князя Дмитрея Петровича Лопату к Троицкому келарю, старцу Аврамию, зовуще его в полки к себе. Бе бо тогда старец с прочими молебнаа совершающе пред образом Святых Живоначальных Троица и Пречистых Богородица и великих чудотворцов Сергия и Никона, молящеся о побеждении на враги на месте, идеже был обыденный² храм во имя святого пророка Илии. Келарь же, слышав, скоро поиде в полки и виде князя Дмитрея и Козму Минина и многих дворян плачущихся; и умолиша старца, послаша его со многими дворяны в станы казачьи, моляще их, чтобы их врагом не подали и, взем Бога в помощь, скоро и немедленно шли противу их и з запасы бы их в город не пропустити. Сиа же, слышав келарь, такоже слез наполнился и призвав Бога и великих чудотворцов молитвы, и, яко забыв старость, скоро поиде х казаком, к острошку Климента святого; и виде ту Литовских людей множество побитых и казаков со оружием стоящих, и много молив их со слезами. И первое похвальнаа им сие изрече, яко от них начася дело доброе, ставших крепко за истинную православную христианскую веру, и раны многи приемлюще и глад и наготу терпяще и прославше во многих дальних государьствах своею храбростью и мужеством. «Ныне-ли, братие, — рече, — вся та добраа начатиа едином временем погубити хотите?» Многа же и ина изрече им, утешаа их и понужая итти на противных. Они же, слышавше от келаря сиа, зело умилилися и молиша его, дабы ехал к прочим казаком в жилища их и их наказал³ и умолил изыти на противных, сами же

---

¹ Обещание.

² Построенный в течение одного дня.

³ Дал наказ, наставил.

обещавающеся, хотяху вси умерети, а не победивше врагов своих никакже не возвратитися. Келарь же, паче укрепляя их, и дерзати повелевает и звати ясак чюдотворца Сергия. «И узрите, — рече, — славу Божию». Егда же прииде старец близ Москвы реки, против церкви святого великомученика Христова Никиты, у реки же множество казаков идяху в станы своя и медляще прехода ради реки. Келарь же много молив и тех со многими слезами, яко и прежде.

Слышавше сия, все многочисленное воинство казаков, внезапно умилившись, внидоша в страх Божий, вси скоро устремишася ко врагом на бой, не дошедше станов своих, яко ни единому не останется от них; друг друга понужающе, глаголаху: «Поскорим, братие, пострадати за имя Божие и за православную истинную христианскую веру». Прочии же казаки, стояще за рекою у церкви святого великомученика Христова Никиты, видеша, яко братия их вскоре возвратишася на бой, и, недождавшись келаря, противу ему грядяху чрез реку: ови бродяху¹, инии же по лавам² идуще. Келарь же и тех умолив и много поучив от Божественных Писаний; они же с радостию скоро поидоша на бой, Бога в помощь призывающе и чюдотворца Сергия, единогласно кличуще ясаком: «Сергиев, Сергиев!» И егда прииде келарь в станы казачьи, и ту обрете их множество: овых пьющих, а иных играющих. Келарь же сих множае перваго поучив, казаки же выидоша из станов своих и повелеша звонити и кличуще ясаком: «Сергиев, Сергиев!» И поидоша вси на бой.

О взятии обоза и о победе на литовских людей

Приспевшим же всем казаком к обозу у великомученицы Христовы Екатерины, и бысть бой велик зело и преужасен; сурово и жестоко нападаша казаки на войско Литовское: ови убо боси, инии же нази, токмо оружие имуще в руках своих и побивающе их немилостивно. И обоз у Литовских

---

¹ Переходили вброд.

² По мосткам.

людей розорвали, и запасы поимали, и в остроге Литовских людей всех побии. Тогда бо от множества вопля и кричания обою страну не бе слышати и пищааго стуку, но токмо огонь и дым восходящ; от дыму же темну облаку нашедшу и покрывшу войско все; инии же, пришедше ко рву и Литовских людей из рву всех выгнаша. На них же приспевшим воеводам со множеством конных, и бысть врагом велика погибель и станы их в разграбление взявша, прочаа же в воздух дымом разлаиша. Гетман же их Хоткеевичь, видя своих избранных множество побииенных от воинства православных, убояся, пометав вся своя, побеже. Православнии же, гнавшие по них, многих избиша, возвратишася с великою победою, взявше вся запасы их и оружия, и вся имена сих побравше, во своя станы внесоша. А гетман со оставшимися роты ста на Воробьеве горе. Келарь же по победе прииде ко князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому. И тако благодаряще Бога и великое заступление Пречистыя Его Богоматере и молитвы великих святителей Московских Петра и Алексея и Ионы и великого чудотворца Сергия и прочих святых, и поидоша ко образу Святыя Живоначальныя Троица и Пресвятыя и Пречистыя Богородица и великих чудотворцов Сергия и Никона, идеже прежде молебнаа совершаху, и с ними множество дворян и детей боярских и всех чинов множество народа; и певше молебнаа, благодаряще Бога, и разыдошася радующеся.

Во граде же Москве, в Китае и в Кремле, Литву и Немец и Руских изменников крепче осадиша и велику им тесноту сотвориша. И бысть у них глад велик и мор на люди от глада, и ядяху мертвечину: собаки, кошки, мыши и всяку нечистоту, потом же и плоти человеческия начаша ясти, друг друга побивающе, гладу же у них велику бывшу. Боярин же князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да князь Дмитрий Михайлович Пожарской с товарищи и все воинство паки о градомстве крепче промышляюще.

Паки же диавол возмущение велие в воинстве сотвори: вси казаки востающе на дворян и на детей боярских полку князя Дмитрея Михайловича Пожарского, называюще их

многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе; и хотяху разытися от Московского государства, инии же хотяху дворян побити и имена их разграбити. И бысть в них велико нестроение. Сиа слышавше во обители чюдотворца Сергия, архимарит и келарь и старцы соборные сотвориша собор: бе бо тогда, в казне чюдотворцове скудость деньгам велиа бысть, и не ведуще, что казаком послати и какову почесть воздати и о том у них упросити, чтобы ис-под Московского государства неотомстивше врагом крови христианския не разошлись. И умысливше сие, послаша к ним церковнаа сокровища: ризы, и стихари, и патрахели сажены¹ в закладе в тысени рублех не на долго время, да к ним же писали со многим молением от Божественных Писаний, чтобы подвиг страдания своего совершили, от Московского государства не расходилися и прочая. Они же, приимше писание и прочетше его пред всем войском, слышавше же похвальныя глаголы о службе их и о терпении, и придоша в разум и в страх Божий и паки возвращают присланныя к ним ризы в дом Живоначальныя Троица, и дву атаманов з грамотами ко архимариту и к келарю и ко всей братии, что им по прошению их вся исполнити. Аще и тмочисленныя беды и скорби приидут, то вся терпети, а не взявше Москвы и врагом крови христианския неотмстивше неотити.

Глава 69

О ЯВЛЕНИИ СЕРГИЯ ЧЮДОТВОРЦА НА МОСКВЕ ВО ОСАДЕ ГАЛАСУНСКОМУ АРХИЕПИСКОПУ АРСЕНИЮ

Не подобает и сего молчанию предати. Молю же вас прилежно послушати, без всякого сомнения, вне всякия суетныя молвы себе сотворше. Приклоните ушеса ваши и услышите о предивных чюдесех великого отца нашего и чюдотворца Сергия, паче же о новосотворшемся чюдеси в царствующем граде Москве.

---

¹ Епитрахили, усаженные жемчугом и самоцветами.

Тогда убо Галасунскому архиепископу Арсению бывшу во осаде в Кремле со окаанными Поляки и с Немцы и всеми потребами обнищавшу, — весь бо дом его Поляки и Немцы разграбиша и вся имена его и запасы поймаша, — архиепископу же, голодом умирающе и уже живота отчаавшуся и отходную ему проговорившу, лежащу же ему в келии со едином старцом, келейником своим, является ему великий в чюдесех Сергие; пришед х келии тихо, молитву сотвори.

Архиепископ же от зельных немощи едва отвеща: «Аминь».

И абие входит в келию его преподобный Сергий, и свет велий в келии возсия, и глагола ему святой: «Арсение! Се убо Господь Бог, молитв ради Всенепорочныя Владычица Богородица и великих ради святителей Петра и Алексея и Ионы и всех святых, — да и аз грешный с ними же ходатай бых, — завтра град Китай предает в руце христианом и врагов ваших вскоре всех низложит и из града извергнет». Архиепископ же Арсений, очи свои возвед, и ясно видит близ одра его стояща великого чудотворца Сергия; и познав¹ его и едва встав на ногу свою, поклонися ему. Он же невидим бысть от очию его. И свет он великий, явльшийся в келии его, разыдеся. Архиепископ же, в себе быв, ощути, себе от болезни здрава и благодарив Бога до утра.

Завтра же 121-го году (1612 г.), октября в 22 день на память иже во святых отца нашего Аверкия, епископа Иерапольскаго, по словеси святого Сергия чудотворца, воеводы град Китай приступом взяли и много в нем Литвы и Немец побили, оставших же в Кремль вогнали. И обретоша много тщанов² и наполов³ плоти человеческия солены и под стропами⁴ много трупы человеческого; и седоша в Китае христолюбивое воинство, врагом же большую тесноту сотвориша. Еретицы же до конца изнемогоша, но, ждуще изречения, крепляхуся.

---

¹ Узнав.

² Чанов.

³ Кадок.

⁴ Под кровлями (на чердаках).

О ВЗЯТИИ ПОЛЯКОВ И ЛИТВЫ И НЕМЕЦ
ВО ГРАДЕ КРЕМАЕ

Во граде же Кремле во осаде Поляки и Литва и Немцы и Руские изменники гладом зело стесняеми, люте умирающе. Польской же гетман Струс и Федор Ондронов со всеми паны и с Немцы и с Рускими изменники, видяще свою конечную погибель и пред очима смерть, превознесенную свою выю преклоняют и непокоривое сердце покоряют и сокрушают: по вся дни присылают к бояром и воеводам и ко всему христолюбивому воинству с повинованием, живота себе и милости просяще, и себе повинных творят и о смирении молятся, и град Кремль в руце их предают. И прежде отпустили из града боярина князя Федора Ивановича Мстисловского с товарищи, и дворян, и Московских гостей и торговых людей, иже прежде у них быша в неволи, потом же и сами вси предашяся.

Егда же предашяся вси Поляки и Литва, и Немцы и град Кремль отворишя, в день же недельный сшедшимся архимаритам и игуменом и всему освященному чину и всему христолюбивому воинству, и всему множеству православных христиан, боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого полку снисдошася в церковь Пречистыя Богородица Казанские за Покровскими вороты, а стольника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского снисдошася в церковь святого Иоанна Милостиваго на Арбате. И взявше честныя кресты и чудотворныя иконы, поидоша во град Китай, койждо своими враты, последующим им всему множеству воинства и всем народом Московского государства, благодарственныя и победныя песни Господеву воздааху. И сшедшеся вси вкупе на место Лобное, молебнаа совершающе, в них же бысть первый Троицкой архимарит Деонисей. Из града же изыде во сретение на Лобное место Галасуньской архиепископ Арсений со всем освященным собором,

носяще чудотворную икону Пречистые Богородицы Владимирскую и честныя кресты и прочаа божественныя иконы. Егда видешя пречестную и чудотворную икону Пречистыя Богородица Владимирскую бояре и воеводы и все воинство и вси православнии христиане, ея же не надехуся николи же видети, слез источницы испущаху и, припадающе, обლობызаху, умильно вопиюще: «О Всенепорочнаа Мати всех Владыки Христа Бога нашего! Аще не бы Ты умолила за ны грешныя, кто бы град сей свободил от обдержания Люторска и Латинска? И твоим, Госпоже, ходатайством вси от работы свободихомся и сподобихомся видети честнаго и пречистаго твоего зрака чудотворную икону, и царствующий град паки восприяхом молитвами твоими».

И по молебнем пении поидоша во град Кремль в бесчисленном множестве народа. И бе воистинну плача и умиления достойно видение. Что бо безумиа сего безумнейши, еже сотвориша окаании они Лютори с треклятыми и богомерзѣскими отступники и прелэгатаи¹, с Рускими изменники? Видяху бо святыя Божиа церкви осквернены и обруганы и скверных мотыл² всяких наполнены. Святыя же и покланяемая образы Владыки Христа и Пречистыя Его Богоматере и всех святых разсечены и очеса извертаемы и престола Божиа осквернены и ободраны и всяку святыню до конца разорену и обругану злым поруганием и множество трупу человека разсечены от человекоядец оных в сосудех лежащих; и несть возможно толиких бед изрещи, иже сотвориша окаании они Лютори в царствующем граде Москве грех ради наших. Но убо по Божественному Писанию святаа не оскверняются николиже, аще и от нечестивых обладаемы православных градове непостижимыми судьбами Божиими, яко же и древний Иерусалим. Колико оскверняем бе храм святаа святых от многих царей Июдейских идол внесением и жертвами идольскими оскверняем, но обаче божественнаа благодать и пророческое дарование и чудесем явление не оскуде николи же; и храм великий Воскресение Господне в

---

¹ И предателями.

² Нечистот.

том же граде Иерусалиме колико лет Срацины обладаем, но никакo же отступи от него Господня благодать.

Сиа же оставим: не убо нам о сем слово предлежит. Внидоша же все воинство и вси православнии народы всех чинов во град Кремль во мнозе радости и в веселии, исповедающеся Господеви. И вшедшу во святую великую церковь Пречистые Богородицы, честнаго и славнаго Ея Успения, всему освященному собору со множеством безчислено народа и совершивше божественую литургию, и тако разошедся койждо восвоя, славяще и благодаряще в Троицы славимаго Бога, Ему же слава во веки. Аминь.

Глава 71

О ИЗБРАНИИ БЛАГОВЕРНАГО И БЛАГОРОДНАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА ВСЕА РУСИИ САМОДЕРЖЬ- ЦА НА МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И НАД ПРОЧИМИ ГОСУДАРСТВАМИ РОСИЙСКИА ДЕРЖАВЫ И О ПОСТЕ И О МОЛИТВЕ ВСЕХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН

Егда Господь сокруши главы прегордых змиев Поляков и Латин и христоненавистных Руских изменников, в царствующем и превеличем граде Москве власть же тогда предержаху всеа Росийския державы бояре и воеводы и прочии, иже от царьского синклита суще и, Богу спомогающе, поелику возможно им, воеводствоваху, судяще и обладающе, яко же лепо бе, поновляюще же и строяще в царском дому и во всем царствующем граде вся опроверженаа и разсеченаа. Храмы же святые, осквернены от окаанных Лютор, повелеша паки украшати комуждо по силе своей и освящати святым священством и всяко безленостно и тщательно строяще во всей Росии. Ажи же ласкатели, иже и прежде от врага научившиися, и злу начинатели, тии и тогда мятуще в воинстве и свар велик творяще, шепчюще неправеднаа во ушеса державствующих. И сего ради не бысть совета блага между воевод, но вражда и мятежь. Казацкого же чина во-

иньство многочислено тогда бысть и в прелесть велику горше прежняго впадоша, вдавшися блуду, питию и зерни, и пропивше и проигравше вся своя имена, насилующе многим в воинстве паче же православному христианству. И исходяще из царствующаго града во вся грады и села и деревни, и на путех грабяще и мучаще немилостивно сугубейши перваго десятирицю. И кто может изглаголати тоя беды, тогда сотворишиася от них? Ни един бо от неверных сотвори толика зла, еже они творяху православным христианом, различно мучаще.

И бысть во всей Росии мятежь велик и нестроение злейши перваго; боляре же и воеводы, не ведуще, что сотворити, зане множество их зело и в самовластии блудяху, но положивше все свое упование на Содержащаго всяческаа Всесильнаго в Троице славимаго Бога и собраша вся митрополиты и архиепископы и епископы, архимариты и игумены и весь освященный собор и все народное множество православных христиан; и заповедавше первее в царствующем граде Москве, посем послаша во вся грады Росийския державы от всего освященнаго собора, да постятся три дни вси православнии христиане и да молят Прещедраго и Многомилостиваго Владыку и Бога и Пречистую Его Матерь о устроении всея Руския земли, и дал бы Господь Бог царя и государя всея Руси и над прочими государьствы Росийския державы и устроил бы полезнаа всему православному христианству.

По всей же Росии вси православнии христиане моляхуся Богу о сем, прилежно постящися три дни, не ядуще, ни пиюще с женами и з детьми и с сущими млеко младенцы. О колика благодать Господня и колико суть к нам милосердие Его и неизреченнаа милость! Егда в скорбех наших от всея душа возопихом к Нему, тогда Господь Бог умилился над Московским государьством и призре милостию на весь христианьский род Росийския державы, иже и всегда близъ есть всем, призывающим Его истинною. И услыша молитву и воздыхание убогих раб своих и, яко некое дарование духовно, в совет подаст рабом своим. И сперва убо начаша помышляти о благоверном и богохранимом сем го-

сударе; и глаголюще койждо к ближнему своему, яко достойно во истинну быти царем и государем всея Руси братаничу¹ блаженнаго и великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Росии, сыну Феодора Никитича Романова, благочестивому и благородному великому государю Михаилу. Господь же той совет их благий и в дело произведе. И прежде убо написавше о избрании царьском великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца койждо своего чину писание, таже приходят в Богоявленской монастырь на подворье Святыя Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря к келарю старцу Авраамию Палицыну многие дворяне и дети боярские и гости многих розных городов, и атаманы и казаки, и открывают ему совет свой и благое изволение. Принесоша же и писания своя о избрании царьском и молят его, да шед возвестит о сем державствующим тогда бояром и воеводам. Старец же о сем возрадовася и много похвалив благий совет их и от радости многих слез исполнився; и вскоре шед, возвещает всему освященному собору, и бояром, и воеводам, и царьскому синьклиту. Они же, слышавше, благодариха Бога о преславном начинании.

Заутра же снисходяся митрополиты и архиепископы и епископы и весь освященный собор и бояре и воеводы и весь царьский синьклит и, советовавше, избраша царем государем на все Московское государство благовернаго и благороднаго великого государя Михаила Федоровича и о избрании его царьском тако же написаша. Потом же посылают на Лобное место Рязанского архиепископа Феодорита, да Троицкого келаря старца Авраамия, да Новово Спасского монастыря архимарита Иосифа, да боярина Василья Петровича Морозова. И послаша их на Лобное место к вопрошению всего воинства и всего народа о избрании царьском. Сбрану же тогда к Лобному месту всему сонму Московского государства бесчисленно множество народа всех чинов, дивно же тогда сотворися. Неведущим народом, чесо ради собра-

---

¹ Племяннику (сыну брата). Феодор Никитич Романов приходился двоюродным братом царю Феодору Иоанновичу.

ни, и еще прежде вопрошения во всем народе, яко от единех уст вси возопиша: «Михаила Феодоровича да будет царь и государь Московскому государству и всеа Руския державы». Божиим изволением и умолением всего освященного собору и от всего царьского синьклиту и всего воинства и от всенароднаго множества всех чинов и всех православных христиан избран бысть на Московское государство царем и государем благоверный и благородный, Богом избранный и Богом помазанный великий государь Михаил Феодорович, братаничъ блаженнаго великого царя государя Феодора Ивановича всеа Руси в лето 7120-го (1612 г.).

Но и сие всем известно бысть, яко не от человек, но во истину от Бога избран великий сей царь и государь. Егда убо писанными о избрании его царском утверждающеся и, койждо чин себе написавше, снесоша же во общее свидетельство, и не обретеса ни в едином словеси разньства, но, яко во едино собравшеся, написаша. От Колуги же и от Северских градов о избрании царя государя Михаила Федоровича всеа Руси принесено бысть писание к Москве в тоже время Колуским гостем Смирным Судовщиковым с товарищи, и тако же не разньствоваху ни в едином словеси. Сие же бысть по смотрению единого Всесильнаго Бога.

Глава 72

О ПОСЛАНИИ К ГОСУДАРЮ Х КОСТРОМЕ С МОЛЕНИЕМ И О НАРЕЧЕНИИ ЦАРЬСКОМ

По исторгнутии изю уст змиевых у Поляков и Латин царствующаго града Москвы благоверному и благородному государю Михаилу Феодоровичю пребывающу на Костроме, с ним же и мати его, благовернаа государыня инока Марфа Ивановна, в царствующем же граде Москве сотвориша собор и от освященного собору избравше пресвященнаго архиепископа Рязаньскаго Феодорита, да Чюдова монастыря архимарита Авраама, да Троицкаго Сергиева монастыря келаря старца Авраама Палицына, да Новово Спасскова

монастыря архимарита Иосифа; от царьского же синьклита избравше боярина Федора Ивановича Шереметева, а с ним окольничие и стольники, дворяне и дети боярские, и атаманы и казаки и всех чинов множество людей и отпустиша их х Костроме со образом Преподобноу Владычица нашея Богородица и Приснодевы Мариа, Юже написал Петр митрополит и со образом великих чюдотворцов Петра и Алексея и Ионы бити челом благоверной государыни иноке Марфе Ивановне и сыну ея, благоверному и благородному государю Михаилу Феодоровичю, чтобы благовернаа великаа государыня инока Марфа Ивановна благословила сына своего благороднаго государя Михаила Феодоровича царем государем на Московское государство. И тако шествию пути емяются и достизают преименитаго града Костромы, и недошедше града за едино поприще, селище Новоселки именуемо, из града же приидоша к ним градодержатели со множеством народа.

Заутра же архиепископ Феодорит со всем освященным собором облекоуся в ризы, а боярин Федор Ивановичь и вси пришедшии с ним, учредивше чины по достоянию и взявше честный крест и вышепомянутый чюдотворный образ Пресвятыя Богородица и прочаа святаы иконы, поидоша ко обители Святыя Живоначальныя Троица в Ипацкой¹ монастырь. И егда приидоша на устье реки Костромы, весь же церьковный чин града того облекоуся во священныя ризы и взявше честныя кресты и чюдотворныя иконы, изыдоша из града со множеством народа, с женами и з детьми, и поидоша вкупе в той же Ипацкой монастырь.

Благоверный же и благородный государь Михаил Феодоровичь, Богом избранный царь и государь, и мати его благовернаа государыня инока Марфа Ивановна изыдоша во сретение за святаы ворота; и взявше благословение от архиерея и знаменовавшеся к честным иконам, и тако поидоша со архиепископом и со освященным собором и с царьским синклитом в церковь Святыя Живоначальныя Троица. Вшедшим же в церковь, архиепископ же Феодорит принесе

---

¹ Ипатьевский.

пред государыню и пред государя многомолѣбное писание от всего освященнаго собора и от бояр и от всего воинства и от христоименитаго народа Росийския державы, чтобы государыня пожаловала, благословила сына своего Михаила Федоровича царем и государем на Московское государство и над прочими государствами Росийския державы; тако же бы и благоверный великий государь Михаил Феодорович милость показал, прошения их пожаловал, не презрел. Благоверная же государыня инока Марфа Ивановна ни слышати того не восхоте. Архиепископ же Феодорит со освященным собором и боярин Федор Иванович и весь царьский синклит со многими слезами моляще государыню на многи часы. Государыня же на милость не положила. От очию же ея источицы слез изливахуся.

Видев же архиепископ и иже с ним, яко не успеха ни что же и толик труд подъяша, желаемого же не получиша, и взял на руке свои чудотворную икону образ Пресвятыя Богородица, Юже написал Петр митрополит, а Троицкой келарь старец Аврамей взял образ великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы, и принесоша пред государыню. И рече архиепископ и келарь Аврамей: «Видь, благоверная великая государыня Марфа Ивановна и благоверный и благородный великий государь Михаил Феодорович, видь, что ради шествова с нами толик путь пречестная и чудотворная сия икона Богоматере и величии святителие! И аще на милость не положили есте, но сего ради чудотворнаго образа всех Царицы Богоматере и великих ради святителей не мозите преслушати, но сотворите повеленное вам от Бога: во истинну бо от Бога избранни есте; и не прогневайте всех Владыку и Бога».

Тогда благоверная государыня инока Марфа Ивановна многи слезы пред образом Пречистые излиа и возьмет благороднаго сына своего, благовернаго и благочестиваго великаго государя Михаила Феодоровича, пред всеми со слезами рече: «Се Тебе, о Богомати, Пресвятаа Богородице, и в твои пречистей руке, Владычице, чадо свое предаю и, яко же хощеши, устроиши ему полезная, и всему православному христианству». Многа же и ина пред образом со многими сле-

зами государыня изрече и тако дарова царем и государем на Московское государство благоверного и благородного сына своего великого государя Михаила Феодоровича. Все же ту сущии возрадовахся радостию великою зело; такоже и множество народа з женами и з детьми от великия радости многи слезы испущаху. И в той час возложиша на государя пречестный и животворящий крест, и жезл царьский приим в руку свою и седе на стуле царском и наречен бысть Богом избранный благоверный великий государь царь и великий князь Михаил Феодоровичъ, всея Руси самодержец, в церкви Пресвятыя Живоначальныя Троица в Ыпацком монастыре в лето 7121-го (1613 г.), марта в 14. И совершивше святую литургию и молебны о царском его многолетнем здравии, исходит же от церкви Святыя Живоначальныя Троица Богом дарованный государь и самодержец, нося в руку свою царьский жезл, почитаем от всего царьского синклита и от всего воинства и от множества народа всех чинов.

И пребыв на Костроме немноги дни, и поиде благоверный великий государь царь и великий князь Михаил Феодоровичъ всея Руси и с матерью своею, благоверною государынею, великою старицею Марфою Ивановной и со всем его царским синклитом и с воинствы к царствующему граду.

Во граде же Ярославле тогда съехашся на поклонение государю от всех градов многое множество дворян и детей боярских и гостей и торговых всяких людей, сретающе государя со кресты и с честными иконами. Исхождаху же во сретение з женами и з детьми своими, радостно поклоняхуся государю. В Ярославле же пребысть неколико дней, а в Ростове и в Переславле Залеском немного пребысть, обходяще честныя монастыри, знаменающиеся к чудотворным иконам и ко многоцелебным мощем святых.

И прииде в великую Лавру преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия чудотворца. Архимарит же Деонисей и священники облекошся во вся священныя ризы и келарь старец Аврамей со всею братиею стретили государыню и государя с честным крестом за святыми вороты, и вшедше в церковь Святыя Живоначальныя Троица и совершивше

молебное пение о царском его многолетном здравии. Благоверный же великий государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея Руси и благоверная великая государыня инока Марфа Ивановна, знаменовавшеся ко образу Святыя Живоначальныя Троица и у цельбоносных мощей великих чудотворцов Сергия и Никона и седмицу дней во обители препочивше и братию довольно учреди, поиде из обители со множеством воинства на царский свой престол.

И егда бысть за 30 поприщ от царствующаго града в селе в Братошине, от Московского же государства, от всего освященного собору и от бояр стретили государя с здоровьем пресвященный митрополит Ростовский Кирил, да боярин князь Иван Михайлович Воротынской, а с ним околничие и столники и дворяне, и всех чинов многие люди и атаманы и казаки. Оттоле даже и до царствующаго града непрестанно вси людие от всех чинов с челобитьем и с хлебы с радостию сретающе государя. Егда же достигшу близ царствующаго града Москвы, пресвященный же архиепископ Суздальский Герасим, да пресвященный архиепископ Галасуньской Арсений со освященным собором и вси князи и бояре и воеводы со всеми чинми и с воинством и вси народи Московского государства изыдоша во сретение государю во мнозе радости и в веселии со кресты и с честными иконами честно и похвалы достойно и умиления исполнено сретение творяще. Множество же бесчислено народа з женами и з детьми радостныя слезы от очию, яко реки, испущаху, и руце горе воздеюще, хвалу и благодарение Господеви воздааху. Вшедшу же государю в царствующий град в бесчисленном множестве народа, и вшед в великую соборную церковь Пресвятыя Владычица наша Богородица и Приснодевы Мариа, честнаго и славнаго Ея Успения, и знаменовавсѹ к честным иконам и к цельбоносным мощем великих святителей Петра и Ионы, и по молебнем пении исходит в церковь святаго архистратига Михаила, идеже лежат сродницы его, прежепочившия государи цари и великие князи Владимерския и Московския и всея Руси. Потом же поиде в пречестный храм Пресвятыя Владычица наша Богородица, честнаго и слав-

наго Ея Благовещения, и молебная пения совершивше, и возведен бысть в царский его дом в лето 7121 (1613 г.).

Мати же его, благовернаа великаа государыня инока Марфа Ивановна изволи пребывати в велицей Лавре Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа в Девиче монастыре. Бысть же тогда в царствующем граде Москве радость велика, яко от великия скорби утешение приаша.

Глава 73

О ВОЗВЕДЕНИИ НА ВЫСОЧАЙШИЙ ПРЕСТОЛ ЦАРСКИЙ ВСЕЯ РОСИЙСКИЯ ДЕРЖАВЫ БЛАГОВЕРНАГО И БЛАГОРОДНАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА ВСЕЯ РУСИИ САМОДЕРЖЦА

Возведен же бысть благородный благоверный от Бога избранный и Богом дарованный великий князь Михаил Феодорович всея Руси самодержец на великий и превысочайший царский его престол Московского государства и многих государств Росийския державы во вселенстей велицей церкви Пресвятыя Владычица наша Богородица и Приснодевы Мариа, честнаго и славнаго Ея Успения; венчан бысть рукою пресвященнаго Кир¹ Ефрема, Божию милостию митрополита Казаньскаго и Свиязскаго, в лето 7121-е (1613 г.).

И седе Богом дарованный благоверный и благородный, прежде рождения его от Бога избранный и из чрева материя помазанный великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всея великия Росиа самодержец на своем на царском столе Московского государства, восприим скипетр Росийския державы многих государств.

Молю же вы, да не позазрите ми, яко рех прежде рождения его избран от Бога и от чрева материя помазанный вели-

---

¹ Кир — титул при имени высших духовных лиц (греч. *kyrios* — господин).

кий сей нашъ государь царь и великий князь Михаилъ Феодоровичъ всея Руси самодержецъ. Аще пророцы и вси святии предихотящаа быти вещаютъ истинно, то коль паче Творецъ и Владыка Господь Богъ нашъ прежде бытиа нашего вся вѣсть и несоделаннаа наша видѣша очи Его. Не туне царь Борисъ зело не любяше, негодуя, и тяжце насилываше двумъ родомъ. Не любяше рода князей Шуйскихъ, злейши же того не любяше рода сихъ Никитичевъ Романовыхъ и гоняше, яко Исавъ Иякова, и Саулъ Давида, и яко Светополкъ Бориса и Глеба. Глаголютъ бо, яко зело любяше Борисъ во время свое волхвы и звездочетцы, и тии, усмотривше, сказаша ему, яко отъ рода Никитичевъ Романовыхъ востати имать скипетродержецъ Російскому государству. Не дивно же о семъ, аще прорекоша волхвы они: даетъ бо ся и волхвующимъ предибудущаа вещати истинно, яко же древле Валаму о Израили, и Сивилле о крестѣ, и Платону о воплощении Господни, или оному волхву, иже прорече о Светославе, сыне великаго князя Игоря, и прочимъ древнимъ волхвамъ. — Чтѣи да разумеетъ. — Царь же Борисъ сицеваа слыша отъ волхв, убояся и умысли лукавое, яко да потребитъ родъ сий. Вознепщева бо, яко вскоре хочетъ збытися или некимъ хищениемъ или коварствомъ восхищено будетъ царство его. Но не тако, Богъ убо творитъ, яко же хочетъ: его же возлюби и помилова, того и помаза и царя и государя намъ, рабомъ своимъ, дарова его.

Мы же, отцы и братіе, раби его и богомольцы, аще и благоговейне недоумеемъ, но, елико возможно нашей силѣ, молимъ Всещедрого въ Троицы славимаго Бога о многолетнемъ царскомъ здравіи благовернаго и христолюбиваго отъ Бога избраннаго, и Богомъ дарованнаго, и Богомъ возлюбленнаго и превознесеннаго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца, да подастъ ему Господь Богъ здравіе, душевное и телесное, и укрепитъ его и семя его на царскомъ престоле всея Російския державы во веки и престолъ его недвижимъ устроитъ, и врагомъ страшна сотворитъ; и царство его мирно и немятежно соблюдетъ, и да покоритъ Господь подъ нозѣ его всякаго врага и сопостата, и да прославится паче всехъ царей имя его, и падутъ предъ нимъ вси врази его и вси государства Бесерменскіе и Латынь-

ские со страхом да послужат ему. Да подаст ему Господь к воиньскому чину храбрьское строение и ко всему православному христианьству царьское его многоразумное милостивное призрение, повинным же пощада и долготерпение. А нам бы, рабом его, изливались милосердия его неоскудные реки, яко да царьскою его державою и зелным попечением и милостивным призрением ко всей Богом дарованней державе его во многолетном царьском его здравии прочее время проживем в мире глубоце в тишине и безмятежи во вся дньи живота нашего и прославим в Троицы славимаго Бога, Отца и Сына и Святаго Духа, яко Тому подобает всяка слава, честь и покланяние во веки. Аминь.

Глава 74

СКАЗАНИЕ О ПРИХОДЕ ПОД ЦАРЬСТВУЮЩИЙ ГРАД МОСКВУ ИС ПОЛЬШИ КОРОЛЕВА СЫНА ЖИКГИМОНТОВА ВЛАДИСЛАВА СО МНОЖЕСТВОМ ВОИНЫСТВА, С ПОЛЬСКИМИ И ЛИТОВСКИМИ ЛЮДЬ- МИ, И С НЕМЦЫ, И С ЧЕРКАСЫ, И С РУСКИМИ ИЗМЕННИКИ И С ЫНЫМИ МНОГИМИ

Иже искони ненавидяй добра христианьскому роду враг и сопостат нашъ диавол, и еще недоволен бе льстивый, насыщаася крови христианьския. Оле¹ совету злому на православную веру! О, горе и беда велика! Змий, сверженный от небес, паки зле вооружается на церковь Господню, растерзати ю хотяше и чада ея пожрети, породившихся от нея святым крещением. Зри умышление окааннаго сего, како не почиет, нагле воюя род нашъ попущением Божиим грех ради наших. Иже древле давый совет лукавому Навходносору и прегордому Антиоху на святой град Иерусалим, во еже разорити его и потребити от земля имя Господне, и Июдея со Иудею вооружи на Царя славы и Господа нашего Исуса Христа,

---

¹ Оле — междометие, соответствует междометию «о».

тойже и ныне вооружается на ны и подходит паки лъстивне и облобызает любовластиа и златолюбия прелестию и гордостью падше велехвальных крестопреступников, Польского короля Жихгимонта, купно же с ним и сына его Владислава со всеми их вельможи и вооружает крепце на Московское государство. Король же и иже с ним, вскоре лукавому совету последствуют, делу емлются. Посылает вышепомянутого сына своего Владислава на превеликое Московское государство со множеством воинства Польских и Литовских людей и иных многих орд.

Королевичъ же Владислав повелением отца своего, поем с собою многое воинство, прииде во град Смоленск, и ту собравшася х нему многие воры казаки, изменники Московского государства. Оттуду же дойде и до царствующаго града Москвы, многиа крови христьянския изливаа. Царствующему же граду зла ничто же учинити не возмогоша, но паче своих людей множество под стенами града Москвы положиша.

Владислав же посла полковника своего, пана Чаплинского со многими Черкасы, к городу Переславлю Залескому, яко да пленит его. Пан же Чаплинской, идый от Переславля с Черкасы, и стал в слободе Александрове и умысля с вои своими окрасти изгоном дом Пресвятыя Живоначальныя Троица Сергиев монастырь. И лета 7127-го (1618 г.), сентября в 24 день, в ночи прииде к Троицкому монастырю в служни и в стрелецкие слободы. Тогда же за городом быша многие люди: ови на сторожах, а иные во град не внидоша, не чающе прихода его. И сии с ними бой велик учиниша, тако же и из града на помощь изыдоша к ним и Чаплинского из слобод выбили. Чаплинской же, шед с воинством своим за пруды, повеле село Клементеево и иные запрудные слободы вся огню предати; и поиде под царствующий град Москву в сход х королевичю. От королевича же паки послан бывает той же полковник Чаплинской с воинствы в Троицкую вотчину, в село в Вохну; и ту той враг Чаплинской от Троицких слуг убиен бысть.

Королевичъ же Владислав и иже с ним исполнишася ярости о убиении его и от царствующаго града Моск-

вы прииде нощию к Троицкому Сергиеву монастырю. Келарь же Аврамей и воеводы: Семен Иванович Жеребцов, да Яков Оксентеевич Дашков досталяные слободы и монастырские службы повелеша все выжечь: да не будет под монастырем врагом пристанища. Королевич же сие виде, ста в селе Троицком в Туракове, за три поприща от града и восхоте нощию ко граду приступ учинити. В день же неделный начаша в Троицком монастыре благовестити ко всенощному. Выходцы же о сем в монастыре поведаша, яко тогда нападе на них страх велик и ужас. Королевич же и все радные паны, яко обезумишися, со всеми воинскими людьми вседошя на кони своя и, яко нечто чающе на себе, стояще и до света вооружены на конех. Заутра же королевич посла вся полки своя под монастырь, да объявятся градским людем. Божиею же милостию молитв ради великого чудотворца Сергия тогда из наряду з города многих людей побили. Поведаша же королевичю многие панове. «Мы, — глаголюще, — о великий наш государь, стояли под сим муром, под Троицким монастырем, мало не два года с Литовским гетманом с Петром Сапегою и многих людей потеряли, а монастыря взять не умели». Королевич же Владислав по совету всех радных панов и всего войска из сельца Туракова отиде в Троицкое же село Сватково, семь поприщ от града, и по многи дни ищуще уловити обитель чудотворца Сергия и по вся нощи приежжающе близ монастыря, ожидающе времени, чтобы над монастырем какой промысл учинити. Канцлер же Лев Сапега, аки доброхотствуя дому чудотворца, лицемерствуя запрети всему воинству, Троицких сел и деревень жечи не велел и крестьян не побивати и в полон не имати. Видев же Премилостивый и Всещедрый Бог наш лукавое их лицемерство, яко дом чудотворца Сергия лукавым умышлением хотят восхитити, и спусти на них мраз лют и глад велик. Салдаты же их и Немцы и многие воинские люди, аки скот, бродяще по выжженным деревням пища ради и согретия, но нигде же не обретаху; по лесом же кормов и дров ради ходяще, тии и с коньми мнози измерзаху. И видешя, яко весь лукавый совет их не збытсся, и месяца

ноября в 9 день той же канцлер Лев Сапега прислал в Троицкой Сергиев монастырь с возничим своим Шимком местной образ великого чудотворца Николы Можайского, да Симанова монастыря старца Иону Трегубова, а сказал возница ево Шимка, что «тот образ взял немчин, съехав з дороги, а старца взяли на дороги не доходя села Клементиева, и Лев тот образ и старца послал к вам». На завтрее же того дъни Лев Сапега прислал в монастырь дву крестьян монастырских, Ромашка да Илейку деревни Селкова, а в грамоте писал х келарю Аврамью и к воеводам, что подъезчики их взяли двух крестьянинов, чаа их лазутчиков. «И мы де тех дву крестьян к вам послали и въпередь своим воинским людем заказали, сел ваших жечь и крестьян побивать и в полон имати не велели. А вам бы наших воинских людей побивати и в полон имати не велети».

И месяца ноября в 15 день Лев Сапега и радные паны с посланником своим писали в монастырь х келарю и воеводам, что бы посланников их пропустить к Москве к государевым царевым и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси к великим послам Федору Ивановичю Шереметеву с товарищи для мирново поставления. — А будет де вы наших посланников без государева указу пропустить не смеете, и вам бы к государевым послом Федору Ивановичю Шереметеву с товарищи нашъ посольской лист послати не замотчав¹.

Глава 75

ЧЮДО ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГИЯ ЧЮДОТВОРЦА О ИСЦЕЛЕВШЕМ НЕМОМ

Не престану, повести пишуще, ниже умоляю о чудесех поведати преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия чудотворца, да не получю аз части лениваго раба, скрывша-

---

¹ Не замедлив.

го талант, и не буду подобен оному чернцу, сохранившему пречестную главу великого Предтечи, еже бы не славиться о ней имени Господню. Но аще и ленив есмь и непотребен, но подобает ми всяко одати вам добрым торжнником по глаголющей истинне; и ясне поведаю вам, благочестивии и истиннии делателие винограда Христова. Молю же вы, приклонивше ушеса ваша, прилежно послушати о новосотворшемся чюдеси пред очима нашими и всех, иже во обители сей тогда прилучившихся. Сотвори бо ся сие чудо не в древних летех, ни в далних странах, но в велицей Лавре преподобнаго отца нашего Сергия и во 127-м году (1619 г.), во обстояние королевича Владислава со всеми воинствы его. Тогда убо ему стоящу со всеми своими об едину полунощную страну монастыря по Переславской дороге в Троицком селе Сваткове, з другую же страну к царствующему граду путь отворися съезда ради посольских дел и отрада бысть во осаде запасам травным к препитанию скота. Сему же чюдеси сказание сиево.

Ноября в 18 день прииде х келарю, старцу Аврамы, и ко всему собору Троицкой стрелец Тимофей именем, прозванием Коркин, привел с собою человека и поведа о нем сице, яко той человек живет полчетверта года¹ в слободах под Троицким монастырем, а был нем и у рук персты скорчены, ныне же дарова ему Бог здравие и язык. Да вопросят его, како исцеле. Человек же он поведа пред келарем и пред братиею: «Аз, — рече, — рождением Тверскаго уезда, архиепископля села Борщова, сын священника Михаила, имя мое Василей. И судом Божиим в том селе громом убило в одной избе девять человек до смерти, а ево десятово убило под щокою у горла, и от того почал быти нем, и у рук персты скорчились. И жил в том селе Борщове полтора года, а зде под манастырем пребываю четвертой год. А прибегал больши всех к тому стрельцу Тимофею Коркину. И ныне в королевичев приход под Троицкой монастырь велено имати всем осадным людем сено, с ними же и аз послан бых,

---

¹ Три с половиной года.

от того стрельца Тимофея». «Мразу же тогда люту бывшу, азъ же, — рече, — нищетою одержим, и одеяния несть к согретию, но рубищи одеян поидох. Мнози же с нами идущи и в теплых одеждах озябаху, от лютой мразы помроша. Аз же тако же стесняем от мразы зело, и уже руки и ноги и лицо измерзло, и възвалихся на пути мертв. Христолюбивии же, подъемше мя, возложиша на сено мертв. Еще же во мне дыханию бывшу, и во уме токмо призвах, глаголя: «Великий чюдотворец Сергей, помилуй мя! Аз тебе отпою молебен». «Егда, — рече, — аз сице помыслих, тогда прииде ко мне милость его, яко некая теплота; и бых весь тепл, и руки и ноги горячи, и персти рук моих раскорчились; и с воза снидох, но нем еще пребых; сено же с прочими привез к тому Тимофею здрав. Тогда же прииде на меня сон и уснух мало и паки пробудихся, начах просити пить. Тогда бо разверзся язык мой и проглаголах первее. Тогда же вси людие внидоша во удивление, яко нем бых и проглаголах, и руки мои быша здравы». «Аз же, — рече, — от простоты своя забых, еже обещахся, два дъни пребых, радуясь и славя Бога и чюдотворца Сергия. А еже отпети молебен, в небрежение положих, и в третью ночь явился мне великий в чудесех Николае и, понося моему безумию, глаголя: «Вскую, человеце, презрел молитвы и милость к себе великого чюдотворца Сергия; и еже обещахся и не сотворил еси? Но, шед скоро, сотвори обещание свое и поведай в монастыре келарю и всей братии, да повелят отпети молебен великому чюдотворцу Сергию».

Мы же слышахом сия и удивихомся о величии Божии, како прослави и ныне прославляет угодника своего; и повелехом пети молебны з звоном, прославляюще заступника своего, великого в чудесех, преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия. И благоверному государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичю всея Руси о сем чуде си писали. Вси же людие в дому чюдотворца во осаде, слышаще сия, зело возрадовашся и благонадежны быша, яко не отступает преподобный, снабдя обитель свою, и чающе избавления молитвами его.

О ПРИХОДЕ В МОНАСТЫРЬ ПОСЛОМ МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВА И О ВОСПРИАТИИ МИРА
С КОРОЛЕВСКИМИ ПОСЛЫ

И ноября в 19 день государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца великие послы, боярин Федор Иванович Шереметев, боярин князь Данило Иванович Мезецкой, околничей Ортемей Васильевич Измайлов, дьяки Иван Болотников, Матфей Сомов, а с ними столники и стряпчие и дворяне Московские и выбор разных городов придоша в Троицкой Сергиев монастырь. И ноября в «...» день учредивше воинство по достоянию, и учиниша съезд с королевскими послы в Троицкой деревни Девулине, отстоящу два поприща от обители чудотворца. А келарь Аврамей отпустил с послы Радонежского городка священника Симеона с честным и животворящим крестом, златом, и бисером, и камением драгим украшен, яко и иноверным удивитися украшению животворящаго креста, и с налоем украшенным и блюдом серебряным. Но того дъни не бысть ничто же благо, ни полезно: искони бо от врага гордостью надмени Поляцы и Литва, глаголюще тщетная.

И паки второе съезд учиниша в той же деревни Девулине. Королевские же послы вельми ожесточишя паче прежняго, и отверзше незатвореннаа уста своя, яко псы брешуще; а роты у них многие приправлены и заведены на лесу около поля того Девулина. И тогда с великою бранию разъехашяся.

Во обители же иноцы и мирстии о сем страхом одержими и притекше в церковь Святыя Живоначальныя Троица, к целбоносному гробу преподобнаго отца нашего Сергия, милости от Бога и от чудотворца помощи и заступления просяще, да подаст мир и устроит полезная рабом своим. Послы же сотвориша празднество особое Сергию чудотворцу и со многими слезами просяще от него помощи. По двои же дню королевские послы паки присылают в монастырь

гонца своего к государевым послом съезда учинити о добром деле и мир устроить между обоих государств.

Послы же, Федор Иванович Шереметев с товарищи и с воинством, боящися от них клятвопреступления и измены: лукави бо суще и не тверди в веру Поляцы и Литва.

И декабря в 1 день, помолившися Святей Живоначальной Троице и призвавше в помощь великого чудотворца, преподобного отца нашего Сергия, и певше молебен и знаменовавшеся вси честным и животворящим крестом и покротившися святою водою и учредившися по достоянию, но не тако, яко же прежде, но з боязнию, боящися подсады, и учиниша паки с королевскими послы третей съезда на том же месте. Вскоре же тогда предваряет милость Господня молитв ради преподобного отца Сергия: сами королевские послы со многою честью и кротостию пред государевыми послы начаша о миру глаголати и некротцыи кротцы быша и волцы яко агнцы явишися.

И милостию Святыя Пребезначальныя и Неразделимыя Троица и заступлением Пречистыя Матере Слова Божия и молитв ради преподобных и богоносных отец наших Сергия и Никона и всех святых, иже в велицей России просиавших, и благоверного великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца счастьем ево государевы великие послы, боярин Федор Иванович Шереметев, боярин князь Данило Иванович Мезецкой, окольничей Ортемей Васильевич Измайлов и дьяки Иван Болотников, Матфей Сомов с королевскими послы, со князем Адамом Новодворским, и бискупом¹ Каменецким Костянтином, и канцлером Львом Сопегою с товарищи учиниша мир между государств, Московским и Польским на 14 лет. И утвердившися в мирном поставлении разъехавшися с великою любовию и радостью, яко обоим государствам дарова Господь безмятежие и тишину.

Послы же, пришедше во обитель чудотворца Сергия, Федор Иванович Шереметев с товарищи и со избранным

---

¹ Епископом.

воинством и келарь старец Авраамий з братьею и воеводы осадные и вси сущии во обители исполнишяся радости и повелеша пети молебен з звоном; и весь народ, притичуще к церкви Триипостаснаго Божества з женами и з детьми, молящеся о многолетном здравии Богом избраннаго благовернаго великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца и прославляюще великого в чудесех преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергия и ученика его Никона чудотворца; и от радости многи источники слез от очию излиашя, яко неначаемо дарова Бог всей земли Русей немятежное пребывание и покой и тишину всему православному христианству.

О, отцы и братие! Толико видяще наказание Господне грех ради наших, превеликое же к нам милости Господня излияние, яко от толиких великих зол покры нас Господь и не предал нас в руце злым еретиком, ниже попусти мерзости запустения стати на месте святем его, како же не удивимся о величии милости Его! От колика нечислимаго множества во всей Росии избиенных православных христиан от язык иноверных и в междоусобии, и колико голодом и мразом, огнем и мечем потреблени быша и прочими нужными¹ смертми помрошя православнии нам в наказание, яко да покаемся и внидем в страх Божий и престанем от злоб своих.

Ныне же, отцы и братие, койждо нас да соблюдем себе от всякого действия диаволя и пребудем в любви; отринем блуд и возлюбим чистоту, пьянство отверзем и пост да восприимем, гордость отринем, смирение стяжим, от лихоимения отвратимся, милостыню и нищелюбие койждо нас да покажем; и вкупе обще слово речем по пророку: «Уклонимся от всякаго зла и сотворим благое», да zde восприимем от Бога милость и во благоденствии и в тишине проживем; и в будущий век отпущение грехом подаст нам, и в страшное Его пришествие Христово милость получим, яко Тому подобает всяка слава, честь и поклонание со Отцем и со Святым Духом во веки. Аминь.

---

¹ Насильственными, жестокими.

**О ПОСТАВЛЕНИИ ХРАМА
ВО ИМЯ ВЕЛИКОГО ЧЮДОТВОРЦА СЕРГИЯ
В ТРОИЦКОЙ ДЕРЕВНЕ ДЕВУЛИНЕ**

Келарь же Аврамей по обещанию своему, еже обещася к преподобному, и советовавше со архимаритом Дионисием и с соборными старцы и с протчими; и тако по повелению самодержьца в той деревне Деулине поставляют храм во имя преподобнаго отца нашего Сергия Радонежскаго в славу Всемогушаго и Пребезначальнаго Триипостаснаго Божества и Пречистые и Преблагословенныя Владычицы наша Богородицы Матери Слова Божия и преподобным и богоносным отцем нашим Сергию и Никону чудотворцом в честь и в похвалу. Освещен же бысть храм во имя великого чудотворца Сергия по благословиению великого господина святейшаго Филарета, патриарха Московского и всеа Руси, архимаритом Дионисием с освященным собором в лето 7128-го (1619 г.), декабря в 1 день.

Последова же ся и исправися книга сия, глаголемая история вкратце, в дому Пресвятыя и Живоначальной Троицы и великих чудотворцов Сергия и Никона изложением и труды помощию Божию, елико мощно, тоя же пречистыя и великия обители келарем многогрешным иноком Авраamiем Палицыным в лето 7128-го (1620 г.), яко да незабвенна будут благодарения Бога нашего и заступление Пречистые Богоматери и помощь и заступления и чудотворения многая преподобных отец наших Сергия и Никона молитвами их.

Вы же, о избрании о Христе по предуведению Божию, пречестныя и великия Лавры отцы и братия священствующии и иноцы и вси согласующиися и соединяющиися православию всякого чина христоименитии людие, сию книгу прочитающе примите, яко же хотите, и убо спасения вашего путь изобретайте, ко Господу же и Богу и святым Его избранным хвалу воздавайте; мене же недостойного и ненака-

занного¹ не возненавидите, ни поносите, но паче яко праведницы милостию покажите² и обличите, готов есмь прияти, нежели грешника, елеом главу мою мастяща. Вем убо во истину, яко сия предлежащая вещь требоваше кратких словес, множества же разума. Аз же изложих, елико возмогах, умалением си смысла, ибо и училища николи же видех, понеже глаголемо есть: «Аще веления Божия человецы умолчат, камене вопити понудится». Обаче сицевая искусных понужает показати образ лутшаго, ненаказанных же влечет ко учению и от зол возражению, нерадивых же и самомнимых ничто же пользует, яко же и аз, — увь!

И ныне, братие, отверзем умныя зеницы сердца своего и искусно разумеем, чесо ради быша нам вся сия наказания от Бога; и, елико можем, обаче просим со смиренномудрием Отдающего всем благая, да и нас помилует и подаст нам, яко же хотим, безмятежие и тишину во вся дньи наша. И вкупе прославим Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Ему же подобает всяка слава, честь и покланяние со Святым Духом, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

---

¹ Непросвещенного.

² Объясните.

СОДЕРЖАНИЕ

Кузьмин А.Г.

НАЧАЛО СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Правление Бориса Годунова	5
Начало внешней интервенции. Первый самозванец	14
Правление Дмитрия Самозванца (1605—1606 гг.)	31
Воцарение Василия Шуйского и его правление	49
Крестьянская война под предводительством И.И. Болотникова	56
Ажедмитрий II и его место в продолжающейся Смуте	72

Волков В.А.

КОНЕЦ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Военные действия Московского государства в период Смутного времени (1604—1610 гг.)	103
Москва в плену. Организация земских освободительных ополчений (1610—1611 гг.)	128
Освобождение Москвы и воссоздание русской государственности (1612—1618 гг.)	160

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>Авраамий Палицын. Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и литвы и о бывших потом в России мятежах . . . . .</i>	177
---	-----

Научно-популярное издание

**Волков Владимир Алексеевич
Кузьмин Аполлон Григорьевич**

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Редактор *В. Манягин*
Художник *Б. Протопопов*
Компьютерная верстка *А. Кувшинников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-izdat@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 25.09.2012. Формат 84х108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 2 500 экз. Заказ 2959.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-4438-0245-9

9 785443 802459

